

ЕВГЕНИЙ КРАСНИЦКИЙ

ОТРОК

Внук сотника

Annotation

Что произойдет, если в далеком прошлом окажется не десантник-спецназовец, способный пачками повергать супостатов голыми руками, не химик-физик-инженер, готовый пришпорить технический прогресс на страх врагам и на радость себе любимому, а обычный в общем-то человек, имеющий «за душой» только знание теории управления да достаточно богатый жизненный опыт? Что будет, если он окажется в теле не князя, не богатыря, а подростка из припятской лесной глухомани? А может быть, существуют вещи более важные и даже спасительные, чем мордобойная квалификация или умение получать нитроглицерин из подручных средств в полевых условиях? Вдруг, несмотря на разницу в девять веков, люди будут все теми же людьми, что и современники, и базовые ценности – любовь, честность, совесть, семейные узы, патриотизм (да простят меня «общечеловеки»!) – останутся все теми же?

Евгений Красницкий

Отрок. Внук сотника

Пролог

1999 год. Санкт-Петербург.

Тюрьма «Кресты»

Палата в тюремной больнице

– На зоне вам, Михаил Андреевич, не выжить. Скорее всего, вы туда даже не доедете. Убийства своих «братки» не прощают.

– Я защищался!

– В этом вы не смогли убедить даже суд, а уж приятелям убиенного на это и вовсе наплевать. Вы приговорены, и приговор будет приведен в исполнение. Можете не сомневаться.

– Спасибо, доктор. Умеете утешить и внушить оптимизм.

– Перестаньте ёрничать! Вы в который раз попали в тюремную больницу? Первый? Это вам еще повезло, что в больницу. Могли сразу в морг. А в «Крестах» причина смерти одна – острая сердечная недостаточность. То, что эта недостаточность вызвана несовместимыми с жизнью травмами – излишние, никому не интересные подробности. Сердце, кстати сказать, у вас не в самом лучшем состоянии. Второго раза, я думаю, не будет. Так что...

– Так что – что?

– Вы обратили внимание на то, что мы вас очень тщательно обследовали? Вопросов не возникло?

– Обратил. Не просто тщательно – нестандартно, насколько я смог разобраться. И на то, что вы собираетесь сделать мне какое-то предложение – тоже обратил. Положение у меня – сами только что обрисовали, так что не тяните. Что от меня требуется: предоставить организм для испытания нового лекарства, стать донором органов для трансплантации? И что я буду с этого иметь?

– Нет, ничего из перечисленного мне от вас не нужно. Предложение мое будет, как вы изволили выразиться, нестандартным.

– Да не тяните вы... как, кстати, вас зовут?

– Максим Леонидович. А иметь вы, в случае согласия, будете много, для вашего нынешнего положения – очень много. Почти все.

– А если откажусь?

– Сегодня же вернетесь в камеру, и... повторно сделать вам это предложение я уже, сами понимаете, не смогу.

– Н-да-а... покоцают меня пацаны...

– Перестаньте! Я же знаю, что вы не уголовник. Дело, по которому вас взяли под стражу, закрыто за отсутствием в ваших действиях состава преступления. Если бы вы, уже в «Крестах», не превысили меру необходимой самообороны, то были бы сейчас на свободе. По правде сказать, за убийство этого подонка не судить, а награждать надо бы...

– Вы это прокурору расскажите.

– Да прекратите вы, в конце концов! Я с вами, как с серьезным человеком, разговариваю, а вы как...

– Вот именно – серьезным! Мое личное дело вы, конечно же, читали и знаете, что по диплому я – специалист в области управления. К тому же – не мальчик, всякое бывало. Поэтому прекрасно вижу: вам, Максим Леонидович, нужен не любой клиент этого богоспасаемого заведения, а почему-то именно я. Так что, положение у нас одинаковое: ты – мне, я – тебе. И не надо набивать цену. Говорите, что от меня нужно и что вы можете за это предложить, а я подумаю.

– Странно, Михаил Андреевич, у нас как-то разговор складывается. Вы в безвыходном положении, должны бы радоваться, что...

– Вот и порадуйте меня, а не ходите, как кот вокруг сметаны.

– М-да, даже не представлял, что все окажется так сложно. Видите ли, Михаил Андреевич, та информация, которую я собираюсь вам дать... Она предполагает определенные отношения, вернее, настрой... Доверительность, что ли. А вы сразу настроились так негативно...

– Не беспокойтесь. Я – управленец, могу объективно воспринимать информацию независимо от настроения. А если нахамил – извините. У меня в последнее время круг общения был – сами понимаете.

– Ну, хорошо. Что вы скажете, если я сообщу вам о существовании некоего аналога машины времени?

– Не бойтесь, психом не посчитаю. Нужен испытатель для первого полета? Что получу, если вернусь живым?

– «Полет», как вы выразились, будет в один конец. Мы переносим не тело, а только сознание. И «полет» – не первый.

– Тогда – в чем смысл?

– Вы «вселяетесь» в новое молодое тело, и у вас впереди целая жизнь – лет пятьдесят. Учитывая, что вам сейчас сорок восемь, и до следующего дня рождения вы вряд ли... Извините. В общем, вы получаете еще одну жизнь, но в двенадцатом веке.

– Доктор, если вам нужно нормальное сотрудничество, прекратите пудрить мне мозги. За девятьсот лет Земля вместе с Солнечной системой пролетела огромное расстояние. Вам придется двигать меня не только во времени, но и в пространстве, не говоря уже о прочем...

– Я же сказал: один раз это уже получилось. Вы мне не верите?

– Но, хотя бы в общих чертах, хоть «на пальцах» можете объяснить?

– Только так и могу, я же не специалист. Представьте себе информационное поле Вселенной... Оно существует с момента ее возникновения и будет существовать до ее конца. Вернее, не так. Оно существует все время. Одновременно и в прошлом и в будущем – всегда. Наши физики каким-то образом в этом разобрались, но я – медик, так что, за объяснениями – не ко мне.

Наши личности или, если хотите, информационные матрицы – это кластеры общего информационного поля. В момент смерти этот кластер не исчезает, а интегрируется в общее поле или растворяется в нем. Не знаю. И физики не знают, нам этот процесс отследить не удалось.

– Ага, еще один аргумент в пользу существования бессмертной души! К лику святых быть причисленным не планируете?

– Да прекратите же! У нас, между прочим, не так уж много времени!

– Пардон, доктор, продолжайте, пожалуйста.

– Так вот: некоторые кластеры или личные информационные матрицы, называйте, как хотите, резонансны относительно друг друга. Обнаружить пару таких взаимосвязанных кластеров очень трудно, вы

– четвертый случай. С первыми двумя ничего не получилось. Потом один раз перенос удался. Теперь вот вы.

– Аналогия ясна: приемник и передатчик, настроенные на одну частоту, передающая среда – информационное поле Вселенной. Что останется от меня после передачи?

– Оболочка без признаков мысли и сознания. Овощ.

– А что станет с приемником?

– Замена личности. Он станет вами.

– А не наоборот?

– Во всяком случае, ваш предшественник свою личность сохранил, подал весточку и даже начал выполнение задания.

– Значит, все-таки задание. А «эффекта бабочки» не боитесь?

– Нет, воздействие, которое может оказать один человек, даже будь он великим императором, настолько несопоставимо по масштабам со всей Вселенной как объектом воздействия... исчезающе малая величина.

– Ну не скажите! Насчет всей Вселенной не знаю, но для Земли... Устроить, например, ядерную зиму или какую-нибудь кошмарную эпидемию... да мало ли что можно...

– В двенадцатом веке? И где же вы возьмете ядерную бомбу?

– Намек понял. И что же за задание? Убить кого-нибудь или, наоборот, спасти?

– Зачем? «Эффект бабочки» не работает, во всяком случае, на такой «дистанции», я же объяснил. Все гораздо проще, приземленнее, если хотите, меркантильнее. Стыдно даже говорить, но жизнь сейчас такая...

– Кого-то ограбить, зарыть клад в условленном месте, а вы здесь откопаете? Не смешно, доктор.

– Тем не менее. Только грабить не нужно. Знаете, сколько стоят сейчас иконы или книги дотатарской Руси?

– Вы серьезно? И ради этого...

– Слушайте, вы! Управленец, мать вашу! Вы что – вчера родились? Нас выселяют из здания, персонал лабораторий разбежался, потому что не получает зарплаты, электричество отключили, я – доктор медицинских наук, профессор – халтуру в коммерческой шараге... Дальше продолжать?

– Понимаю, простите, Максим Леонидович. Как же вы в таких условиях меня «запускать» собираетесь? Без электричества...

– В подвале института есть генератор, недавно достали две бочки солярки. Запустим.

– Когда?

– Сегодня ночью спутник-ретранслятор будет в нужной нам позиции.

– Как сегодня? Нужно же подготовиться, хотя бы обстановку на месте изучить, я же не историк, языка не знаю, да и вообще...

– Адаптироваться вам будет легко – вы «вселитесь» в тело младенца или совсем маленького ребенка. Кого удивит, что ребенок ничего не знает и плохо говорит? Пока подрастаете, во всем разберетесь, времени будет предостаточно. А подготавливать вас некому. Наш специалист – археолог – на свое несчастье раскопал что-то ценное. Бандиты решили, что им это пригодится...

– Убили?

– Нет, но из больницы выйдет, в лучшем случае, через месяц. А сможет ли работать... Вот так!

– Ну, хорошо... В кого хоть вселяться-то буду?

– Где-то у меня тут записано. Вот! Мужчина, дата смерти – 1171 год, дата рождения неизвестна. Возраст на момент смерти – 55–60 лет. Очень неплохо по тем временам. Ничем, кстати, не болел. Погиб, скорее всего, в бою. Судя по всему, принадлежал к военной знати, вероятно, был боярином. Похоронен недалеко от реки Припять.

– Это в Чернобыльской зоне?

– Да, но вас-то это не коснется.

– Я не о том. Как раскопали-то?

– Не знаю, как-то не приходило в голову спросить.

– Мы отвлеклись. Что еще известно? Как звали-то, хоть?

– Раб божий Михаил. Но Сан Саныч – наш историк – сказал, что это ничего не значит. Всего лишь – крестильное имя, а на самом деле всю жизнь мог проходить каким-нибудь Ярославом, Всеволодом или вообще – Жирятой.

– Еще что-нибудь?

– Нет, это – все.

– Неужели ни в каких документах не упоминался?

– Сан Саныч сказал бы.

– А мой предшественник? Вы сказали: начал выполнение задания, а потом?

– Неизвестно. Погиб, передумал, утратил возможности. Но свое дело сделал, Это благодаря его посылочке мы можем отправить вас. Так что вы уж постарайтесь там... Если будет возможность, пишите отчеты почаще. Нам ведь надо понять: что там с человеком происходит. Может быть, со временем внедренная личность отторгается или еще что-нибудь. Поймите, ценна любая информация.

– И не только информация...

– Да, долги бы по зарплате вернуть... Знаете что? Я, конечно обещать не могу, но есть один вариант, вернее, гипотеза. Если нам удастся продолжить работу, не исключено, что в момент смерти носителя, мы сможем вернуть ваше сознание назад – сюда.

– Дополнительный стимул? Не беспокойтесь, отработаю честно и так. Что присылать-то?

– Вот, ознакомьтесь. Здесь список... э-э желаемого, способы консервации, места захоронения, метки, которые надо оставить.

– Да как же я это запомню? Здесь листов двадцать.

– Вы пока только ознакомьтесь, потом я сделаю так, что запомните навсегда.

– Я не гипнабелен.

– Это у других вы гипнозу не поддавались, а у меня... В этом-то я как раз специалист.

– Стойте! Куда вы? У меня еще куча вопросов. Вот ведь, сразу и не сообразить...

– Извините, пора. Я пошел заказывать машину.

– И что, вам позволят меня вот так просто вывезти?

– Почему бы и нет? По документам вы, уважаемый, уже почти сутки как покойник. Я ведь вас на труповозке повезу.

* * *

Европа. Первая четверть XII века

Давайте, любезный читатель, вначале договоримся о том, что такое Средневековье, с чего оно началось и чем закончилось. Не так давно автор имел бестактность задать этот вопрос группе учеников выпускного класса средней общеобразовательной школы, чем, совершенно непреднамеренно, поверг их в тягостное раздумье, никаким членораздельным ответом не завершившееся.

Уж если абсолютно свеженькие претенденты на свидетельство о среднем образовании затруднились с ответом на мой вопрос, то обладателям документа, некогда гордо именовавшегося «аттестатом зрелости», надеюсь, не покажется обидным, если автор им кое-что напомним.

Средневековье пришло на смену Античности, родившись в V веке нашей эры, сразу после мучительной кончины Римской империи. Концом же периода Средневековья принято считать век XVII, а точнее время побед буржуазных революций в Англии и Голландии.

Если, любезный читатель, скучные римские цифры мало что вам говорят, то обратимся к более наглядной иллюстрации. В Санкт-Петербурге, в Русском музее, имеется картина Карла Брюллова «Последний день Помпеи». На ней, в самом центре полотна, художник поместил аллегорические изображения гибнущей Античности и нарождающегося Средневековья. Античность олицетворяется уносимой взбесившимися конями разбитой колесницы, а Средневековье – младенцем, из этой колесницы выпавшим. При падении, кстати сказать, он нисколько не пострадал и даже не плачет.

Если же по музеям вам ходить недосуг, то припомните, пожалуйста, шевалье д'Артаньяна, если не книжного, то хотя бы киношного. Как известно, в романе «Двадцать лет спустя» как раз и описываются времена буржуазной революции в Англии. Так что, в книге «Три мушкетера» господин д'Артаньян пребывает еще в Средневековье, а в книге «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя» – уже нет. Вот тебе, бабушка, и се ля ви!

* * *

В том тексте, любезный читатель, который автор имеет честь вам предложить, речь сначала пойдет о двадцатых годах XII века – самой, что ни на есть, середине Средневековья. Что же это было за время?

Прошло около шестидесяти лет с тех пор, как Вильгельм Завоеватель завоевал Британские острова (не целиком, конечно, но лиха беда начало!). На рубеже века Первый крестовый поход успешно завершился взятием Иерусалима и созданием Иерусалимского королевства.

До рождения Чингисхана остается еще лет сорок, а до появления на свет Ричарда Львиное Сердце – примерно тридцать. Однако и без этих знаменитостей скучать не приходится – колоритных личностей хватает и без них.

Например, правил в описываемые времена в Англии король Генрих I, обессмертивший себя фразой: «Необразованный король подобен коронованной заднице!» Мысль, по тем временам, свежая, поскольку даже благородное сословие было практически сплошь неграмотным. Был Генрих I младшим сыном Вильгельма Завоевателя, но другие наследники тем или иным способом перешли в мир иной, некоторые – при весьма сомнительных обстоятельствах.

Внутренними разборками Генрих I не ограничился, а сиганул обратно через Ла-Манш во Францию и чередой войн, убийств, заключенных и нарушенных договоров оттяпал у Франции большую часть западного побережья: Нормандию, Мэн и Бретань.

Прославился Генрих I и подвигами на ином поприще. Законных детей у него было всего двое, зато внебрачных – целых двадцать пять! Имелись, возможно, и еще, но алименты в те времена платить было не принято, а потому документации не сохранилось.

Противостоял Генриху I французский король Людовик VI Толстый. Воспитанный в монастыре, Людовик VI ничем, кроме телосложения, своего английского коллегу не превосходил – ни на военном поприще, ни на дипломатическом, ни на любовном, а потому отбить западные провинции Франции так и не смог.

А в Испании тогда правила женщина! Обстоятельство по тем временам уникальное. Уррака Кастильская, королева Кастилии и Леона. Большая часть Испании, правда, была захвачена арабами, Португалии не существовало вообще, а то небольшое, что оставалось, представляло собой сборище карликовых королевств, но Кастилия и Леон были самыми крупными из них. Сеньора Уррака не только правила двумя королевствами, но и дважды, под угрозой отлучения от церкви, расторгала браки – как-то у нее все время получалось выходить замуж за кого не положено. Умерла сия достойная дама в возрасте сорока пяти лет, рожая третьего внебрачного ребенка от графа де Лара.

Неприятности сеньоры Урраки с католической церковью выглядят, по правде сказать, сущими пустяками по сравнению с тем, какие проблемы имел ее современник, император Священной Римской империи германской нации Генрих V. Если Урраку только пугали отлучением от церкви, то Генриха V отлучали аж четыре раза!

Первый раз Генриха V отлучил папа Пасхалий II, потом – архиепископы Кёльнский и Майнцский дуэтом, в третий раз – папа Геласий II, в четвертый – папа Каликст II. Из-за всех этих заморочек Генриху V пришлось дважды смотаться в Италию, отчего римские папы, отлучавшие его от церкви, поимели кучу неприятностей. Пасхалия II Генрих сначала взял в плен, потом вообще изгнал из Рима, а папе Геласию II удалось смыться во Францию самому. Папа Каликст II, видимо, решив не испытывать судьбу и как-нибудь договориться, отлучение императора Генриха отменил и заключил с ним договор, известный под названием Вормского конкордата. Договор для церкви был невыгоден, но зато папа Каликст II хоть в Риме мог после этого спокойно сидеть, не опасаясь внепланового визита раба Божьего Генриха № 5.

Вообще Генрих V, будучи зятем уже помянутого нами английского короля Генриха I, по части вооруженных конфликтов тестю несколько не уступал. Свою карьеру он начал с бунта против собственного папаши, а потом с кем только не воевал: с поляками, богемцами, саксонцами, вестфальцами – всех и не перечислишь.

Так Генрих V и жил. Побеждал и бывал неоднократно бит, заключал и нарушал договоры, давал обещания и иногда даже выполнял их. На все это требовалось столько времени и сил, что умер Генрих V бездетным. По этой статье он явно проиграл любвеобильному тестю.

* * *

Чуть восточнее, в эти же самые времена, в Чехии с истинно славянским самозабвением резались между собой, выясняя, кому из них сидеть на пражском престоле, четыре сына короля Вратислава: Брячислав, Боривой, Владислав и Собеслав. Мало того что, что первая четверть XII века в Чехии и без того изобиловала смутами и междоусобицами, так еще приходилось отбиваться и от германцев, уже тогда считавших Чехию имперским леном.

Чуть севернее происходило примерно то же самое. Полабские славяне – лютичи, бодричи и лужбичи

– то хлестались между собой, то отбивались от германцев, настырно, но с переменным успехом, пытавшихся овладеть землями восточнее Лабы, которую они уже переименовали в Эльбу. Успехи были действительно очень и очень переменными, поэтому ни одного немецкого порта на Балтике не было, Поморье еще не стало Померанией, а Берложье – Берлином. То есть печально знаменитый «Дранг нах Остен» вроде бы как и начался, но получалось пока неважно.

Королем бодричей в те времена был некто Кнут Лавард, женатый на русской княжне. Мода жениться на киевских княжнах, заведенная европейскими монархами сто лет назад, при Ярославе Мудром, еще не прошла.

Женился на русской княжне и король Венгрии Коломан – хромой, лысый и шепелявый параноик, вырезавший, во избежание династических проблем, почти поголовно всю свою родню. Венгрия тогда была огромной, по европейским понятиям, страной – гораздо больше, чем сейчас, а под боком у нее притулилось маленькое даже не королевство и не герцогство, а маркграфство Австрия.

Правил Австрийским маркграфством Леопольд III. Правил настолько мудро и, говоря современным языком, профессионально, что сумел заложить фундамент государства, по прошествии веков ставшего огромной Австро-Венгерской империей. Потомки, надо признать, его старания оценили по достоинству, и сейчас Леопольд III считается святым покровителем Австрии, а день его памяти является официальным праздником.

Еще одним монархом, женатым на русской, был в те времена польский король Болеслав III Кривоустый. Железной рукой подавив междоусобицы и смуты, пленив и ослепив родного брата Збигнева, Болеслав хищно поглядывал на земли полабских славян, пытался вмешиваться в дела Киевской Руси и удачно воевал с германцами и чехами.

Однако и ему самому крепко портили кровь периодическими набегами пруссы – пока еще натуральные, а не германские переселенцы и насильственно онемеченные остатки местного населения. Кёнигсберга (ныне Калининград), по понятным причинам, в Пруссии еще не было.

Не было также ни Мемеля (ныне Клайпеда), ни Риги. Литвы, как государства, тоже еще не было – до рождения его основателя князя Миндовга оставалось более ста лет. У датчан до Прибалтики руки еще не дошли, а потому на месте нынешнего Таллина еще не появилась датская крепость Ревель. Датчане пока занимались тем, что пытались прибрать к рукам весь скандинавский полуостров.

А на юге блистала пока еще незаметно дряхлеющая Византийская империя. Константинополь – самый крупный город в Европе (население – аж двести тысяч человек!), солиды – самая ходовая европейская золотая монета, а храм святой Софии – самое величественное здание на европейском континенте. Но на императорском троне уже начали сменять друг друга самозванцы, границы терзали турки, арабы, половцы и вообще все, кому не лень; армия все больше пополнялась за счет иностранных наемников, так что блеск и величие империи поддерживались уже не столько силой и авторитетом, сколько интригами и золотом.

* * *

Такой вот примерно была Европа в первой четверти XII века, а поскольку карты в те времена рисовались вверх ногами – юг сверху, север снизу, то Святая Киевская Русь взирала на все это безобразие не справа, как сейчас, а слева. Однако подавляющее большинство населения европейского континента об этом, в силу безграмотности, и не подозревало, а остальным было наплевать – имелись заботы и поважнее.

Правил в те времена на Руси великий князь киевский Владимир Всеволодович Мономах. Тот самый, чьей шапкой несколько веков спустя венчались на царство русские государи. Был он человеком весьма незаурядным: удачливым полководцем, талантливым публицистом и общественным деятелем, блестящим

демагогом, беззастенчивым фальсификатором, жестоким и беспринципным политиком.

До того, как стать великим киевским князем, Мономах успел покняжить в Ростове, Смоленске, Чернигове и Переяславле. Удачно воевал с поляками, литвинами, ятвягами, половцами, византийцами... Господи, с кем он только не воевал! Был активным участником, а иногда инициатором всех современных ему княжеских съездов. Бомбардировал общественное мнение обличительными сочинениями, написанными на основе тщательно собранного компромата. Гноил в подземных тюрьмах полоцких князей и новгородских бояр. Отбивал набеги половцев и сам приводил, когда это было нужно ему, половцев на Русь. Не пожалев собственную пятнадцатилетнюю дочь Евфимию, выдал ее замуж за чокнутого урода Коломана Венгерского, а когда тот выгнал беременную Евфимию, приревновав неизвестно к кому, молча утерся, хотя в других случаях бывал скор на возмездие и беспощаден.

Был Мономах чрезвычайно родовит – внук византийского императора по женской линии, женат на Гите Уэссекской, принцессе Английской. Однако на великий киевский стол сел лишь в возрасте шестидесяти лет, да и то незаконно – другие внуки Ярослава Мудрого имели больше прав, но Мономах сумел договориться с киевским боярством. Для создания прецедента, оправдывавшего его противозаконное призвание в Киев, он отредактировал летопись «Повесть временных лет», вставив туда эпизод с призванием на Русь варяга Рюрика. Это Мономаху мы обязаны выражением: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами^[1]».

* * *

Двенадцатилетнее Великое княжение Владимира Мономаха стало последним периодом подъема Киевской Руси. Почти прекратились княжеские усобицы, присмирели крепко побитые соседи, Русь сделала последнюю попытку стать действительно единой Державой. Умер Мономах в возрасте 72 лет, оставив после себя многочисленное потомство. От двух браков у него было восемь сыновей и четыре дочери.

* * *

Что еще сказать про начало XII века? Земля людям того времени представлялась необъятно огромной, хотя край у нее вроде бы где-то имелся. Про чудесные страны Востока Марко Поло международной общественности еще не поведал, потому что пока не родился, а про Америку международная общественность не знала, потому что викинги, открывшие сто двадцать лет назад Новый Свет, эту самую общественность не удосужились проинформировать.

Была Земля, разумеется, плоской и стояла то на трех китах, то на трех слонах, то вообще черт знает на чем – в зависимости от господствующей идеологии. А с идеологией этой самой тоже всё было не слава богу.

Католики уже откололись от Греческой церкви. Поначалу поспорили вроде бы о малом: исходит ли Дух Святой от Бога-отца и от Бога-сына, или же только от Бога-отца? Дальше-больше: разругались вконец – до взаимных обвинений в ереси, богохульстве и даже до проклятия оппонентов. Правда, до исправления чужих заблуждений огнем и мечом дело пока не дошло, но все еще впереди.

Мусульмане тоже разошлись во мнениях вплоть до раскола на суннитов и шиитов, но по другому вопросу: стоит ли правоверным руководствоваться предписаниями одного только Корана, или столь же важное значение имеют и религиозные предания – сунны?

Как впоследствии метко заметил баснописец Крылов: «Кто прав из них, кто виноват – судить не нам. Да только воз и ныне там».

Так и жили в XII веке. Границы государств были зыбкими, подвижными и непривычными на современный взгляд, рыцари еще не носили блестящих доспехов – обходились кольчугами или кожаными

куртками, обшитыми железными бляхами – и шлемов с пышными плюмажами, даже похожие на ведро шлемы еще не вошли в моду; стекол в окнах не было, «удобства», в лучшем случае, во дворе, даже валенки еще не изобрели! Живи, как говорится, и радуйся.

Часть 1

Глава 1

Декабрь 1124 года. Междуречье Горыни и Случи. Село Ратное

Казалось бы, дорога ровная, накатанная, кобыла молодая, сильная, сани почти пустые – должны бы уйти, но волки догоняли. Не очень быстро, но упорно и неумолимо. Рыжуха своим лошадиным умом и сама прекрасно понимала, чем может закончиться эта гонка, поэтому мать не нахлестывала ее, а только повторяла как заведенная:

– Ну, милая, выноси, ну, милая, давай...

Если сначала, когда волки только появились, она произносила это совсем негромко, то сейчас уже кричала в полный голос, словно от громкости ее крика зависела скорость саней. Мишка все пытался пересчитать преследователей, но постоянно сбивался – то на четвертом, то на пятом. Рядом с санями пластался в беге Чиф. Молодой пес вовсе не трусил и не собирался бросать хозяев, спасая свою собачью шкуру. Один на один он вполне способен был выйти против матерого волка, и результат схватки не предсказал бы никто, но кидаться одному против...

«Да сколько же их? Раз, два, три, четыре... семь! Вроде бы днем нападать не должны, совсем осатанели с голодухи, что ли? Должны, не должны, а вот напали и все тут! Блин! Догоняют, не уйдем. Семь штук, а у меня восемь выстрелов, мазать нельзя. Есть еще нож, топор и... Чиф. Хотя бы одного он на себя возьмет. Все равно, мазать нельзя».

– Миня! Стреляй! – крикнула, обернувшись к сыну, мать.

– Рано, мам, далеко еще!

Мишка упер самострел в задок саней и надавил ногой на рычаг. Сидя взводить оружие было неудобно, но вставать в несущихся санях, подпрыгивающих на каждом ухабе, он не решался. Наконец стопор щелкнул, и Мишка полез в сумку за болтом, забыв снять с руки рукавицу. Ругнулся про себя, освободил руку и снова полез в сумку.

Пока он возился, один из волков, почему-то не самый крупный, заметно вырвался вперед. Мишка упер приклад в плечо и попытался прицелиться, ожидая, когда попадется хотя бы небольшой ровный участок дороги и сани перестанут подпрыгивать.

Приклад... Не было еще тогда прикладов – обычно при стрельбе самострел зажимали под мышкой. Да и вообще в XII веке самострел (арбалет, как называют это оружие на Западе) был редчайшей вещью. А уж в руках тринадцатилетнего паренька... Только вот и пареньков таких на Руси тоже днем с огнем не сыщешь. Кто еще может похвастаться, что живет уже вторую жизнь, а в первой прожил, вернее, проживет девятьсот лет спустя сорок восемь полноценных лет? Но сейчас эта вторая жизнь может запросто закончиться, в сущности, толком и не начавшись.

Сани наконец пошли ровно, давая возможность прицелиться. Мишка нажал на спуск... Есть! Передний хищник кувырнулся через голову и остался лежать на дороге. Стая хором взвыла и, кажется, даже прибавила ходу!

«Почему? Должны же остановиться и начать рвать упавшего? Неужели волчья свадьба, и я

грохнул волчицу? Ну, теперь действительно – приехали! Будут гнать, пока всех не перебьем... или они нас».

Мишка торопливо нажал ногой на рычаг, но вместо того, чтобы взвести самострел, поехал на заднице к середине саней – прямо матери под ноги. От неожиданного толчка под коленки у той подогнулись ноги, и она всем весом осела Мишке на плечи, даже в спине что-то хрустнуло, и некоторое время, показавшееся Мишке вечностью, мать и сын барахтались, пытаясь придать своим телам нормальное положение.

Буквально физически ощущая, как уходят драгоценные мгновения, Мишка наконец смог поднять голову и взглянуть на дорогу. Волки приблизились еще больше. Теперь впереди неся самый крупный волчара, и Мишке показалось, что гонится тот уже не просто за санями, а именно за ним – убийцей волчицы.

Чтобы снова не поехать, Мишка просунул левую ногу под поперечную жердь, а правой все-таки взвел тугой рычаг. Болт словно сам прыгнул на направляющие, Мишка нажал на спуск, и в этот самый момент сани тряхнуло на очередном ухабе. Болт взрыл снег перед передними лапами волка.

Снова возня с рычагом, тягостное ожидание перерыва в тряске... Выстрел! Болт вошел прямо в оскаленную пасть переднего зверя.

«Пять болтов в сумке, их – тоже пять. Нельзя мазать!!!»

Скрип рычага, щелчок стопора, пауза, выстрел... Есть! Снова повторение всего цикла, выстрел практически в упор... Есть! Опять скрип рычага... Слева сплетаются в клубок серое и черно-рыжее тела – Чиф принял бой... Болт... Наложить болт Мишка не успел, ближайший к саням зверь прыгнул на него, целясь клыками в горло. Машинально прикрывшись самострелом, Мишка от толчка непроизвольно нажал на спуск, и освобожденная тетива, словно саблей, рубанула по попавшей под нее волчьей лапе. Мишка из всех сил ударил волка зажатым в правой руке болтом. Наконечник вошел в шею, прямо в глаза брызнула волчья кровь.

Больше ничего он сделать уже не успел, слишком быстро все произошло: прыжок в сани еще одного зверя, отчаянный крик матери, взмах топора в ее руке, и сумасшедший прыжок саней на ухабе.

Внезапно почувствовав, что остался в санях один, Мишка, размазывая по лицу кровь, протер глаза и огляделся. Волков не увидел, Рыжуха по-прежнему неслась галопом, мать... Матери не было! Не было в санях – за намотанные на левую руку вожжи Рыжуха волокла ее по дороге.

Разрывая лошади рот, Мишка изо всех сил тянул на себя вожжи, пока не заставил Рыжуху сначала перейти на шаг, а потом и вовсе остановиться.

– Мама! Мама! Слышишь? Мама, очнись!

– Мишаня, – мать открыла глаза, – у тебя кровь...

– Это – волчья. Мама, ты как? Болит что-нибудь?

– Это ничего, сынок, пройдет, помоги подняться. Сам-то цел?

«Господи, на ней, наверное, живого места нет, а она обо мне. Надо ее в сани поднять как-то. Волков не видно, неужели отбились?»

Напрягая все невеликие силы тринадцатилетнего тела, Мишка помог матери приподняться и перевалиться в сани.

– Мишаня, волков не видишь?

– Нет, живых не вижу, только побитые лежат.

– Я топор обронила, сходи, поищи, Рыжуха назад не пойдет.

– И я самострел потерял тоже, и Чиф еще...

– Вот и сходи.

Топор обнаружился не очень-то и далеко, рядом с окровавленным трупом волка с перерубленным хребтом. Рядом, пытаясь отползти, возился еще один зверь, правая передняя лапа, перебитая тетивой, безжизненно болталась, из пробитой наконечником болта шеи хлестала кровь. Тут же валялся и самострел.

Мишка подобрал топор и, хотя ясно было видно, что волк – не жилец, мстительно хрястнул его обухом по голове. С топором и самострелом вернулся к саням. Мать лежала, закрыв глаза, лицо было бледным.

– Мам, ты как? Плохо тебе?

– Уже легче, – мать приоткрыла глаза. – Рыжуха отдышится немного, и поедем.

– Мам, мне бы болты собрать... И Чифа поглядеть, вдруг живой? Может, еще и волков заберем? Зимний мех хороший.

– Как же ты их соберешь? – мать говорила хотя и слабым голосом, но вполне отчетливо. – Мы же версты две проскакали. Попробуй Рыжуху под уздцы взять, если пойдет с тобой на волчий запах, тогда соберем, если нет – ничего не поделаешь.

– А может, не надо? Тебе, наверно, к лекарке нужно...

– Легче мне, легче, – мать с Мишкиной помощью села в санях. – А вон и Чиф, смотри!

Весь перемазанный своей и чужой кровью, с располосованным волчьими клыками плечом, Чиф, прихрамывая, рысил по дороге, скалясь и порывая на попадавшие по пути волчьи трупы. Добравшись до хозяев, Чиф забрался в сани и улегся у матери под боком. Тут-то и стало понятно, как крепко ему досталось – обычно таких вольностей он себе не позволял, да и в сани он именно залез, а не запрыгнул, как сделала бы это на его месте любая здоровая собака.

«Какое, на хрен, собиране болтов и трофеев – двое тяжелых, а до дому не меньше часа пилить. Но болтов жалко до слез – с каждым как с ребенком намаялся, пока до кондиции довел. Опять же шкуры. Малышне теплую одежку пошить. Что ж делать-то?»

Мать, видимо, почувствовав его колебания, снова предложила:

– Попробуй Рыжуху под уздцы повести, ее все равно после такой скачки вываживать надо, и снег не давай ей глотать – застудится.

Мишка заставил лошадь развернуть сани и повел ее по дороге назад. Как только они приблизились к первому волчьему трупу, Рыжуха было запрямылась: начала храпеть и вырываться, но тут из саней раздалось грозное рычание, и кобыла сразу же присмирела. Чиф – золото, а не пес – «въехал» в ситуацию, даже пребывая в весьма плачевном состоянии, и быстро напомнил лошади ее позицию в дворовой «табели о рангах».

* * *

Как это у него получалось, понять Мишка не мог, но примерно с год назад, как только Чиф превратился из щенка в молодого кобелька весьма приличных размеров, он быстро и, как показала практика, очень доходчиво объяснил всем обитателям подворья, не относящимся к виду гомо сапиенс, что подчиняться ему следует беспрекословно. Сделал он это очень умело, не нанося серьезных травм и не задавив даже самого маленького цыпленка, и с тех пор поддерживал дисциплину в рядах «скотского

контингента» что называется, железной рукой, хотя рук-то у него как раз и не было. В общем, имя свое Чиф оправдывал стопроцентно.

Только две группы проживавшей на подворье живности ему своей воле подчинить не удалось. Первая – безмозглая демократия насекомых. Эти, напрочь пренебрегая субординацией, кусали диктатора так же, как и всех остальных. Вторая – диверсионные отряды грызунов. Попавшихся ему крыс и мышей Чиф давил беспощадно, но настоящие специалисты по антитеррору – кошки – в двенадцатом веке на Руси еще были чрезвычайной редкостью.

А два года назад... Мишка шел по улице по каким-то своим делам и, проходя мимо распахнутых ворот подворья старосты Аристарха Семеныча, услышал сначала отчаянный щенячий писк, затем энергичное ругательство, произнесенное голосом хозяина дома, а потом и увидел, как староста пинком ноги вышвыривает за ворота черно-рыжий комочек. Щенок шлепнулся на утопанный снег и замер без движения и звука. Перед мордочкой на снегу расплылось маленькое кровавое пятнышко.

Какая сила кинула Мишку на колени перед щенком и заставила, осторожно подняв его, сунуть за пазуху? Мишка потом долго над этим размышлял, но к однозначному выводу так и не пришел.

– Дядька Аристарх! Можно я заберу его?

– Да провалитесь вы оба, глаза б мои вас не видели!

Не был староста ни злым, ни вспыльчивым, наоборот, считался человеком спокойным и рассудительным. Видимо, так уж случай распорядился: скверное настроение или какая-то неприятность, да еще щенок не вовремя под ноги сунулся, да все это на глазах у мальчика...

В общем, все остались при своих интересах: староста душу отвел, щенок обрел доброго хозяина, а Мишка задаром заполучил пса таких статей, что в иных обстоятельствах за него пришлось бы отдать трех-четыре овец, да, может, и еще чего-нибудь в придачу.

Щенка, тогда еще безымянного, он притащил к Юльке – дочке лекарки. В уплату за лечение он предложил ей единственную имевшуюся у него более или менее ценную вещь – пряслице. Каменное колечко, которое женщины надевают для утяжеления на веретено. Нашел он его еще летом в речном песке. Дома пряслице оказалось без надобности и долго валялось на полке в кладовке.

Пряслице Юлька не взяла, но щенка, хотя было ей всего десять лет, выходила, заодно дав Мишке несколько ценных советов по воспитанию пса. А об оплате высказалась очень неопределенно: после, мол, сочтемся, при случае. Зная язвительный Юлькин характер, Мишка потом долго терзался дурными предчувствиями в ожидании этого самого «случая», но по прошествии времени все как-то забылось само собой.

* * *

И вот прошло два года...

Каждую волчью тушу, втаскиваемую Мишкой в сани, Чиф встречал грозным рыком. То ли выражал свои эмоции, то ли предупреждал Рыжуху о необходимости соблюдать сдержанность. Волки, хотя и тощие, для тринадцатилетнего мальчишки были грузом почти неподъемным. Мишка сначала закидывал в сани задние ноги, потом переваливал все остальное. Каждый раз, вернувшись к саням, спрашивал мать о самочувствии, не столько вникая в смысл ответа, сколько слушая голос. Мать отвечала негромко, но внятно, и Мишка, повозившись с тушей очередного волка, направлял сани дальше.

Насчет двух верст мать ошиблась, в ситуации смертельной опасности людям почти всегда кажется, что все длилось очень долго: секунды превращаются в минуты, минуты – в десятки минут или даже часы. Волчьи тела оказались разбросанными на расстоянии всего полукилометра по меркам XX века. Один болт

Мишка так и не нашел – тот самый, которым он бил волка, как ножом. Но искать его не осталось уже ни сил, ни желания. Снова развернув сани на сто восемьдесят градусов, Мишка погнал Рыжуху в сторону села.

* * *

Домик лекарки, тетки Настены, стоял на отшибе, за пределами защищающего село тына. В низине возле реки, окруженный деревьями, с дороги он был совершенно незаметен. Не заезжая в село, Мишка погнал сани по снежной целине, нещадно нахлестывая Рыжуху вожжами – мать в последние минут пятнадцать перестала откликаться на его вопросы, и жалеть кобылу Мишка не стал.

На его крик из дверей сначала высунулась Юлька, но, быстро поняв, что дело серьезное, юркнула обратно. Почти сразу же, накидывая на плечи теплый платок, из дома вышла Настена, следом за ней – опять Юлька.

– Что с ней? – Настена склонилась над матерью, положив ей на лоб ладонь.

– За нами волки гнались, – принялся объяснять Мишка, – она из саней выпала и на вожжах по дороге волоклась...

– Давно в беспамятстве? – прервала его лекарка.

– Нет, подъезжали уже.

– Тошнило ее, на что-нибудь жаловалась?

– Нет.

– Ну-ка, помогите мне, несем в дом.

Помощи от двух детишек в процессе переноски из саней в дом взрослой женщины было немного. Но Настена справилась – не впервой больных да раненых ворочать.

Мишку почти сразу же выставили обратно на улицу, и он, не зная, оставаться или уезжать, присел было в сани, потом спохватился и принялся растирать куском дерюги вспотевшую Рыжуху.

* * *

Лекарка Настена...

Версии ее появления в селе, которые довелось в разное время и от разных людей слышать Мишке, отличались друг от друга в деталях, но, в общем, сводились к одному.

Однажды жителям села довелось отражать неожиданный наскок половцев. Собственно, половцы уже уходили назад в степи, но возвращаться тем же путем, которым пришли – через Галицкую и Волынскую земли – они почему-то не захотели и, переправившись через Горынь, двинулись по землям Турово-Пинского княжества. Добычи и пленных они тащили с собой много, поэтому, наткнувшись на организованный отпор, связываться не стали и начали поспешно отходить. Однако, когда добычу и полон у них попытались отбить (согласно некоторым версиям, частично и отбили), огрызнулись очень крепко.

Из сотни сельчан, ходивших на половцев, чуть ли не половина вернулись домой в окровавленных повязках. Кто сидя в седле, а кто и лежа в телегах или на носилках, подвешенных между двумя конями. Степняки – лучники отменные и прекрасно умеют бить в цель на полном скаку.

Тогда-то и появилась в селе старуха-лекарка с маленькой внучкой. Ходила от дома к дому, спрашивала, есть ли раненые, перевязывала, давала лекарства, даже вроде бы оперировала, извлекая глубоко засевшие наконечники половецких стрел.

Если предлагали плату за лечение, с достоинством принимала, если не предлагали, даже и не намекала. Когда предложили переночевать, объяснила, что лучше бы ей ночевать в доме одного из

тяжелораненых, ночью, мол, ему может стать хуже. На следующий день родственники раненых уже сами начали зазывать лекарку к себе – очень уж наглядной оказалась ее высокая квалификация.

Осталась она в селе и на третий день, и на четвертый – работы хватало. И никому даже в голову не пришло поинтересоваться, какой она веры. Только день на пятый или шестой этим вопросом озаботился сельский священник. Лучше бы он этого не делал. Старуха оказалась язычницей! В полном соответствии со своими служебными обязанностями и, надо надеяться, искренними убеждениями, святой отец вознамерился лекарку из села изгнать.

Что сказали ему по этому поводу мужи ратнинские во время кратких переговоров в узком проходе между сараями, история для потомков не сохранила. Протокол переговоров, надо полагать, не велся. Однако, по словам очевидцев, по окончании дискуссии вид священник имел несколько растрепанный, а походку – неуверенную. Тем не менее, некоего компромисса высокие договаривающиеся стороны, по-видимому, достигли.

Святой отец с тех пор очень натурально делал вид, что ни о какой лекарке знать не знает, а целая артель добровольцев за несколько дней поставила для лекарки дом, правда, за пределами тына, ограждающего село. Дом, что называется, сдали под ключ: с мебелью и полным набором домашней утвари, собранным вскладчину.

С тех пор так и повелось. После сбора урожая скидывались и обеспечивали лекарку хлебом и крупами на целый год, после ежегодной облавной охоты – выделяли долю мяса и шкур.

Когда старуха умерла, место ее заступила уже повзрослевшая к тому времени внучка, которую звали Настенкой. Жила она одна, и откуда у нее взялась дочка Юлька, никто так и не узнал. Разумеется, процесс производства потомства для подавляющего большинства жителей села секретом не являлся, но вот кем был Юлькин отец... Самые дотошные кумушки, в конце концов, вынуждены были отступить, так и не разрешив эту загадку.

И еще одно обстоятельство, связанное с появлением Юльки на свет, достаточно долго занимало умы сельчан своей неординарностью. Однажды Настена с грудным ребенком на руках заглянула в церковь и поинтересовалась у священника: христианское ли имя Юлия? Получив утвердительный ответ, она высказала пожелание, чтобы ее дочку окрестили именно этим именем. Слава богу, священник был уже новый – отец Михаил – человек умный и, как позже убедился Мишка, очень для своего времени образованный.

Презрев язычество матери, он сам нашел для новорожденной крестных мать и отца, оповестил о радостном событии всех, кто попался под руку (а те – всех остальных), и провел на следующий день обряд крещения в битком набитой церкви. Нарек он новорожденную Иулианией, но иначе как Юлькой девочку никто не называл. На крестинах гуляло все село – лекарку, за редким исключением, любили и уважали все.

* * *

– И меня выгнала!

Мишка даже вздрогнул от неожиданного появления пышущей возмущением Юльки.

– Говорит – не мое дело. А как я учиться буду, если до больных не допускают?

– А ты Чифа посмотри, вон он под рогожкой лежит, – предложил Мишка.

– Ага! Так и буду всю жизнь скотину пользоваться? А люди, что, не болеют? Мала еще! – Юлька явно передразнивала мать. – Как будто я не вижу, что она беременная!

«Беременная? Кто, мать? Отца уже почти четыре года, как убили. Ничего себе! С кем же это она?»

И эта свиристелка теперь всем растреплет!»

– Потому и мала, – буркнул Мишка, – была б большая, не трепалась бы. Чтоб людей лечить, надо язык за зубами держать уметь!

– Ой, Минька! Я никому... Я нечаянно... – Юлька наконец поняла, что ляпнула лишнее. – Давай я Чифа посмотрю. Ой, бедный, как его! Минь, его в тепло надо, плечо зашить... Давай к тебе поедem, твою маму все равно на ночь здесь оставить придется. Минь, поехали, а?

– Ладно, поехали, – согласился Мишка.

– Сейчас, я только возьму кое-что.

Бедной Рыжухе снова пришлось тащить сани по снежной целине – тропинка, шедшая от дома лекарки к тыну была меньше полушага шириной, да и вела она не к воротам, а к узкому лазу – только-только человеку протиснуться.

– Минь, это ты их всех пострелял? – Юлька с некоторой робостью разглядывала оскаленные пасти мертвых волков.

– Нет, одного мать – топором, еще одного – Чиф. Вон того, у которого горло разорвано.

«Разорвано» – это еще мягко сказано, горло отсутствовало вообще, почти до самого позвоночника. Можно было подумать, что волк попался на зуб не псу, а крокодилу. Если, конечно, удастся представить себе крокодила, промышляющего волчатиной на зимней дороге в районе будущей границы между Украиной и Белоруссией.

– Эту шкуру тебе отдам, – пообещал Мишка, – за то, что Чифа тогда выходила, и еще одну, если сейчас вылечишь. Шубу себе сошьешь. Вернее, мать сошьет, она лучшая портниха в округе.

– Да не нужны мне твои шкуры, я и так...

– Это опасно... ну, с матерью?

– Да не знаю я! То есть все хорошо будет, ты не бойся, летом тетка Евдоха, тоже беременная, с сеновала упала и плод скинула, так мать ее в три дня на ноги подняла. Только ребеночка уже не будет...

– Вот и про Евдоху растрепала, – укорил Мишка, – про кого еще поведает?

– Да не скажу я никому, Минька!

– Не обещай, у тебя язык своей жизнью живет – отдельно от тебя!

– Да что мне, землю есть, что ли?

– Землю не надо, а если хочешь людей лечить, научись владеть собой.

«Что вы несете, сэр Майкл? Тринадцатилетний пацан так не разговаривает. Еще про клятву Гиппократы расскажите, про врачебную тайну, про моральную ответственность...»

Ситуацию надо было срочно исправлять, и Мишка, имитируя внезапную вспышку ярости, схватил Юльку за плечи, притянул к себе и, глядя прямо в глаза, прошипел:

– Кому про мать растреплешь – убью!

– Минька... – переход был слишком неожиданным, и Юлька на какое-то время растерялась, но не тот был у девчонки характер. Пихнув Мишку так, что он чуть не вывалился из саней, рявкнула тоном, снайперски точно имитирующим тон рассерженной взрослой женщины:

– Прочь руки! Бешеный!

Кличку «Бешеный» Мишка заработал совсем недавно, причем из-за той же Юльки. Как-то, шлепая по ноябрьской грязи в поисках залетевшего неизвестно куда самострельного болта, он вдруг услышал крики: «Ведьма, ведьма!» – и, обернувшись на голоса, увидел своего вечного неприятеля и соперника по мальчишеским разборкам – Ероху. На тропинке, ведущей к дому лекарки Настены, Ероха с двумя приятелями окружили Юльку, брызгали в нее водой из ближайшей лужи, обзывали ведьмой и вообще развлекались на всю катушку. Юлька, обычно в обиду себя не дававшая, сейчас оказалась в очень невыгодном положении, поскольку обеими руками прижимала к себе здоровенный глиняный горшок с чем-то, что она очень боялась расплескать.

Переть одному против троих, разумеется, чревато... Но грызла досада из-за потерянного болта, и представилась возможность сорвать на ком-то злость. Было жалко Юльку – очень уж она берегла горшок – наверное, с лекарственным настоем или отваром. Но главное, надоело быть мальцом и вести себя соответственно этому статусу. Такое настроение на него иногда наплывало, и сдерживаться было очень трудно.

Подойдя к развлекающейся троице, Мишка очень спокойно и негромко сказал:

– Ну-ка, идите отсюда. Быстро.

– Чего? – Ероха даже обрадовался новому развлечению: поединки с Мишкой один на один у них обычно заканчивались вничью, но сейчас-то было один к трем. – Защитник пришел! Жених, что ли?

– Если не уйдете, буду бить.

– Чего?

– Ты слышал, повторять не буду.

Замах у Ерохи был великолепным: энергичный, широкий, тело, вслед за рукой, разворачивалось почти на девяносто градусов, накапливая силу для сокрушительного удара кулака. Один был у этого замаха недостаток – под него легко поднырнуть, а потом дать парню, продолжавшему разворачиваться по инерции, в ухо. Мишка так и сделал. В полном соответствии с законами механики, физиологии и прочих хитрых наук, Ероха на ногах не удержался, и холодная грязная вода осенней лужи приняла его тело в свои гостеприимные объятия. Приняла и сомкнулась над упавшим – лужа оказалась глубокой.

Мишка этого, правда, не видел: он уже бил ногой в туловище (куда именно – неважно) Ерохиного приятеля Фильку. Лужа приняла Филимона столь же радушно, как и его предшественника. Третий Юлькин обидчик – Борька-Мешок – был толст, неуклюж и труслив, однако в коллективной драке опасен своим любимым приемом – с разбега сбить противника с ног тяжестью своего тела. Тот же номер он решил выдать и сейчас. Мишка уже приготовился уклониться от его туши, благо по инерции Мешок должен был влететь в ту же лужу, что и Ероха с Филькой, однако трус он и есть трус. Борька попытался остановиться, поскользнулся и с маху уселся на землю. Грязь смачно чавкнула под его объемистым задом, и сражаться стало не с кем.

На этом можно было бы и заканчивать, однако Мишка еще не отвел душу, а потому, изобразив людоедский оскал и подражая, насколько получалось, рычанию Чифа, медленно двинулся на Борьку. Тот засучил ногами, пытаясь, не вставая на ноги, отодвинуться от Мишки, и даже тихонько заскулил от страха.

Все, им можно было больше не заниматься, тем более, что Ероха уже выбирался из лужи, а следом за ним, держась за живот, выползал и Филька. Насквозь мокрые, грязные, полностью деморализованные – делать с ними можно все, что заблагорассудится. Однако продолжения не последовало. Весь спектакль испортил Мешок.

– Бешеный! – вдруг завопил он тонким голосом. – Минька взбесился, сейчас кусаться будет! – и, совершенно непостижимым образом стартовав из сидячего положения, бросился бежать.

– Бешеный! – подхватили дуэтом Ероха и Филька, устремляясь вслед за Мешком, и Мишка с Юлькой остались наедине. Намечавшееся шоу сорвалось, едва начавшись. Так хотелось еще пару раз вмазать Ерохе, а потом заставить всех троих просить у Юльки прощения. Увы, труппа покинула подмостки очень шустро, забыв попрощаться.

Кличка «Бешеный» прилипла, а в горшке, как выяснилось, была обыкновенная вода, а вовсе никакого не лекарство...

* * *

То, что Юлька обозвала его кличкой, которую Мишка заработал, ее же и защищая, показалось обидным и несправедливым.

– Бешеный, говоришь? А сюда глянь! – Мишка кивнул на волчьи трупы в санях. – Не был бы бешеным, может, и не отбились бы! Не был бы бешеным, может, и мать не довез бы! А ты языком своим поганым...

– Минь, прости меня, – неожиданно мягко проговорила Юлька. – Ты голодный, уставший, за мать испугался... поехали домой... Я Чифа полечу. Ему плохо совсем, посмотри.

«Профессионал от бога! Мгновенно разряжает обстановку, переключает внимание, предлагает действие, от которого нельзя отказаться. Если голодному человеку напомнить о голоде, а уставшему об усталости, то они почувствуют голод или усталость еще острее. Это заставляет отвлечься на внутренние ощущения. Потом – напоминание о беспокойстве за мать. Это переключает внимание с объекта агрессии на объект заботы. И, наконец, фиксация на конкретной проблеме, требующей немедленных действий. Заставляет перевести взгляд с себя на объект, нуждающийся в неотложной помощи. В данном случае – на Чифа. Все – агрессия ушла, как вода в песок! И ведь ни в каких мединститутах не училась. Ребенок же еще, а как работает!»

Вообще-то, конечно, все женщины интуитивно владеют этим искусством, в той или иной степени. Но нынешние врачеватели, поднимающие тяжелораненых и больных без антибиотиков, обезболивающих и противошоковых препаратов, где-то процентов на пятьдесят делают это не за счет отваров и настоев, а с помощью изощренной психотерапии. Голос-то какой: ласковый, обволакивающий. Я у нее такого и не слышал никогда... Ну, и ладно, пусть считает, что сработало. Уверенность в своих силах в лекарском деле – половина успеха».

– Да едем, едем уже.

Несколько баб у колодца дружно уставились на груду волчьих тел в проезжающих мимо них санях.

– Михайла! Это где ж ты так поохотился?

«Ого! Уже не Минька, а Михайла. Явный прогресс, любят бабы удачливых!»

– Не я охотился, – отозвался Мишка, – на меня охотились, да не вышло!

– А мать-то где? Ты же с ней уезжал.

«Все видят, все про всех знают. Деревня, блин!»

– У лекарки, зашиблась она.

* * *

Чифу действительно было плохо. В дом его пришлось вносить на руках. Все вокруг сразу же наполнилось охами и ахами старших сестер, Анны и Марии, но Юлька и здесь, проявляя подлинный

профессионализм, быстро заняла всех делом: кому – греть воду, кому – искать чистые тряпки для перевязки, кому – просто не мешаться под ногами (это – малышне). Сразу же, между делом, объяснила, что с матерью все будет хорошо – просто зашиблась, когда из саней выпала, но ничего, слава богу, не сломала.

Тут все было в порядке, если в такой ситуации вообще может быть какой-то порядок, поэтому Мишка вернулся во двор и принялся распрягать Рыжуху.

Стукая деревяшкой, заменявшей ему нижнюю треть правой ноги, на крыльцо выбрался дед Корней.

– Где напоролись-то, Михайла? – поинтересовался он, разглядывая Мишкину добычу.

– Да уже почти подъезжали.

– И сколько их?

– Семь.

– Всех ты пострелял?

– Нет, одного мать – топором, еще одного – Чиф.

Дед молча потоптался на крыльце с таким видом, словно хотел что-то спросить, но никак не мог сформулировать вопрос должным образом. Для бывшего сотника латной конницы такое поведение было очень уж нехарактерным, и Мишка невольно напрягся, ожидая, когда дед наконец заговорит.

– Кхе... – дед, кажется, все же подобрал нужную формулировку. – Что лекарка сказала?

– Что зашиблась, но ничего не сломано.

– Больше ничего не говорила?

– Нет, а что еще-то? – о беременности матери Мишка не собирался и заикаться. – Вон, Юльку отпустила, значит, помощница не нужна. Наверное, не так уж и страшно.

– Юльку, говоришь, отпустила? – не отставал дед. – Сама, или Юлька отпросилась пса лечить?

– Не знаю, деда, без меня разговор был.

– А мать на что жаловалась? Где болело?

– Ни на что не жаловалось, наоборот, говорила, что полегчало, а потом сознание потеряла.

– Кхе... Ни на что не жаловалась... А Юльку выставила...

«Неужели знает? И как свекр должен относиться к беременности невестки, уже больше трех лет как вдовой? Нравы ЗДЕСЬ достаточно свободные. Досвадебная беременность не грех, а как бы и достоинство – свидетельство физического здоровья и плодовитости. Церковь, само собой, порицает, но здесь, если надо, на церковь кладут с прибором – не Испания, чай. Да и там инквизиция появится только лет через триста, наверно...»

Блин, куда меня понесло? Испания, инквизиция... Если дед знает или догадывается, то... что? Не знаю, даже представить себе не могу его реакции. Но в селе не знают, это точно. Иначе давно бы судачили. Значит, не с кем-то местным. На ярмарку в этом году не ездили из-за эпидемии, купцы осенью по той же причине не приезжали. Нет, похоже, все-таки, кто-то свой, но конспирацию соблюли.

Юлька, будем надеяться, не протреплется, Настена, разумеется, будет молчать, дед, если знает – тоже. С этой стороны опасаться вроде бы нечего, только бы Настена мать откачала. А Юлька – Чифа».

– О чем задумался, Михайла-стрелок? – снова подал голос дед.

– Да я, деда, Юльке две шкуры пообещал. За лечение. И сказал, что мать ей шубу сошьет. Видал, в чем она ходит?

– Верно сказал, и сделал сегодня все верно. Хвалю!

«Опаньки! Вполне серьезно хвалит! Подобная дедова похвала дорогого стоит. Тем более, в таком деле, как стрелковый бой и спасение раненых. Как-никак, дед – сотник латной конницы. Если бы не в ополчении, а в княжеской дружине – должность боярская».

* * *

Да, дед был, еще совсем недавно, сотником кованной рати – главной ударной силы княжеского войска. Село Ратное носило такое название не зря. Около ста лет назад, повелением князя Ярослава Мудрого, сюда в глубинку, на границу бывших древлянских и дреговических земель, определили на жительство сотню княжеских воинов с семьями.

Князя Ярослава Киевского не зря прозвали «Мудрым». Этим мероприятием он убивал сразу нескольких зайцев. Во-первых, в припятской глухомани, где с большим трудом приживалось христианство, появлялось сразу более полутысячи православных, никакими родственными узами с местными язычниками не связанных. Во-вторых, недалеко от границы с Волынью появлялся достаточно сильный гарнизон, не просто несущий службу, а вынужденный защищать свои дома и семьи. В-третьих, киевская власть закреплялась на землях, до того принадлежавших ей, по большей части, чисто формально. До таких отдаленных мест руки у Киева по-настоящему не доходили. Можно назвать еще и в-четвертых, и в-пятых, и так далее. Мудр был Ярослав Киевский – не отнимешь.

С тех пор, по первому призыву князя киевского, а позже туровского, все способные носить оружие жители Ратного нацепляли на себя воинское железо и садились в седла. И во главе их почти десять лет стоял дед – Корней Агеич из рода Петра Лисовина – десятника четвертого десятка той, присланной сюда Ярославом Мудрым, сотни.

Так что дед если и не считался первым лицом в местной иерархии, то делил первенство со старостой. И должность его являлась вовсе не «шишкой на ровном месте». Село Ратное было богато и многолюдно, потому что по жалованной грамоте не платило никаких податей, рассчитываясь с князем за землю и привилегии воинской службой. Да и землю эту никто не мерил, как, впрочем, лесные, рыбные, бортные и прочие угодья, которыми пользовались жители Ратного. Пользовались по праву сильного, поскольку отвоевали эти угодья с оружием в руках у местных, поощряемых на сопротивление языческими волхвами.

Так и жила семья в почете и достатке, пока не наступила в ее жизни, как и в жизни многих других семей, черная полоса.

Началось все с небольшой, в общем-то, неприятности – сбежал холоп. Вернее, сначала одного холопа у деда выкупили. Приехали родственники с Волыни, привезли выкуп, поторговались, как водится, но решилось все полюбовно. Ну, как было такое дело не обмыть? Обмывали в течение нескольких дней, тщательно, со знанием дела, с хождением в гости и приемом гостей, поскольку точно такие же мероприятия проходили еще в нескольких семьях: последний поход за реку Горынь – в земли Владимиро-Волынского княжества – оказался удачным.

Пили меды, пели песни, клялись друг другу в любви «до гроба». Причем формулировка эта для клявшихся пустой формальностью не была. Первый же набег волынцев на Турово-Пинское княжество (или наоборот) каким-то количеством гробов непременно завершился бы, причем, с обеих сторон.

Когда гулянка наконец завершилась, похмелье, кроме всех обычных в таком деле неприятностей, ознаменовалось и еще одной. Все волынские пленники, за которых не привезли выкуп, видимо,

сговорившись, дали деру. Среди них оказался и один дедовский, по имени Ерема. Мало того, что сам сбежал и коня со двора свел, так еще и соседскую девку, то ли по любви, то ли еще как с собой прихватил.

Искали беглецов недолго – меньше двух дней. Во-первых, с похмелья. Во-вторых, дел полно, некогда по лесам шляться. В-третьих, в каком-то заболоченном лесу, куда вроде бы уходили следы, нарвались на совершенно непонятно чью засаду. Потеряли несколько человек ранеными (слава богу, все выжили) и сочли за благо возвращаться по домам.

Кто ж знал, что это только первый звонок? На следующий год грянула эпидемия. Дед разом схоронил жену, незамужнюю дочь, новорожденного внука и еще несколько дальних родственников. Вымерли подчистую и семь холопских семей, которых дед поселил на выселках, планируя, видимо, завести собственную деревню и заделаться-таки настоящим боярином.

А потом была роковая сеча на Палицком поле. Княжеские воеводы вчистую прозевали фланговый удар вражеской конницы. Дедова сотня как раз на том фланге и стояла. Быть бы ей растоптанной и посеченной, но дед каким-то чудом сумел развернуть, перестроить, разогнать в галоп свою и часть соседней сотни. Половцы, составлявшие большую часть атакующих, вместо того, чтобы врубиться в незащищенный фланг, напоролись на встречную атаку сомкнутого строя кованной рати – самое страшное оружие в руках полководцев Средневековья. Лобового столкновения с латной конницей степняки не выдерживали никогда. Дед спас не только свою сотню, но и все княжеское войско. Но...

Через несколько дней к воротам дедова подворья привел телегу его сын Лавр. В телеге лежал труп Лаврова брата-близнеца Фрола – отца Мишки, а рядом с ним мечущийся в бреду дед, со страшным рубленным шрамом через левую половину лица и отнятой лекарем ниже колена правой ногой.

* * *

Деда лекарка Настена выходила. Правда, остался он инвалидом. Дело было даже не в ноге – в конце концов, через некоторое время дед научился ходить на деревянной, и даже без палки. Большую беду его организму принес удар половецкого клинка в лицо. При любой попытке взглянуться в отдаленный предмет или при сильном физическом напряжении у деда начинала трястись голова, мутнело в глазах, и дело запросто могло закончиться обмороком. С такой болячкой муж – не работник и, тем более, не воин.

Но судьбе, видимо, показалось мало тех испытаний, которые она вывалила на Анну-старшую – мать Мишки, невестку деда. Мало, оказывается остаться вдовой с пятью детьми и свекром-инвалидом на руках. Вскоре после смерти мужа, с непонятной даже для Настены болезнью слег старший из сыновей – Михайла.

Кто ж мог знать, что это вовсе не болезнь, а вселение в тело ребенка личности взрослого мужчины из XX века? Мишка пролежал пластом почти три недели, а потом ему, как младенцу, пришлось заново учиться ходить, говорить, узнавать родственников. Как и было обещано, проблем с адаптацией не возникло. Что возьмешь с мальчика, пережившего тяжелейшую болезнь?

Так они и сидели целыми днями на завалинке возле нагретой солнцем стены: маленький и большой, а на самом деле – почти ровесники, оба начинающие новую жизнь.

Один – потерявший почти все и готовящийся доживать век калекой-нахлебником, другой – получивший в подарок пятьдесят лет второй жизни после того, как почти распрощался с первой.

Один – атлетического сложения матерый муж, с проглядывающими сквозь густую седину русыми волосами и коротко стриженной бородой, еще не выцветшими от возраста синими глазами и рубленным шрамом, почти вертикально идущим через левую бровь, щеку и скрывающимся в бороде.

Второй – белоголовый тонкошей мальчишка, унаследовавший от матери зеленые глаза, а от отца – раздвоенный ямочкой упрямый подбородок.

Было тогда Мишке десять лет, а Михаилу Андреевичу Ратникову, перенесенному почти на девятьсот лет назад, – сорок восемь. И был внук старше деда почти на два года.

* * *

А сейчас Мишке уже тринадцать, и дед – профессиональный военный, чином ну никак не ниже майора – вполне серьезно выносит ему благодарность за правильные действия в ситуации, которая запросто могла закончиться кровавыми ошметками и пустыми санями, стоящими посреди заснеженной лесной дороги...

Позади негромко скрипнула калитка, и Мишка, обернувшись, увидел входящего во двор дядьку Лавра.

– Что с Аней, батя? – не скрывая беспокойства, Лавр задал деду вопрос через весь двор – от самой калитки.

– Из саней выпала, зашиблась, – голос у деда был, как минимум, неласков. Так и слышалось в нем: «Шел бы ты отсюда, и без тебя тошно».

Лавр, нерешительно потоптавшись, произнес каким-то робким, совершенно ему не свойственным тоном:

– Сходить... Проведать...

– Незачем! – отрубил дед «железным» голосом. – Сейчас Анька-младшая сбегает, узнает, что нужно.

– Ну, и я бы с ней...

– Незачем!

«Чего это дед на него вызверился? Неужели?.. Вот те на! Хотя, родной брат-близнец, живем, считай одной семьей, только в разных домах... Ох и влип ты, дядька Лаврик!»

Отцов брат еще потоптался, явно не находя в себе сил уйти, тоскливо обвел вокруг себя взглядом и зацепился за груды волчьих туш в санях.

– Ты настрелял?

– Одного мать топором, еще одного Чиф... – в который раз завел Мишка.

– А остальных-то ты?

– Я.

– Из своей игрушки?

– Угу.

– Смотри-ка, полезная вещь оказалась! – удивился Лавр. – Может, мне и своим оглодам такие же сделать, а? Давно уже просят, кстати.

– Незачем! – деда словно заклинило на одном и том же слове. – Незачем убойную вещь детям в руки давать! Еще друг друга перестреляют!

– Михаила же никого не перестрелял, – попытался спорить Лавр, – а еще «Бешеным» кличут.

– Михаила – другой разговор. Он и старше на год, и... – Деду откровенно не хватало аргументации, но соглашаться с сыном, на которого он был не на шутку сердит, не хотелось. Лавр, прекрасно зная отцовский нрав, снова обратился к Мишке:

– Сколько, выходит, твоих?

- Пятеро.
- А сколько раз стрелял?
- Один раз промазал, остальные попал.
- Издалека стрелял?
- Первого – шагов с сорока, остальных ближе.
- Зачем же так близко подпускал?
- Сани трясло, и заряжать сидя трудно.
- Сидя заряжать... А если рычаг наоборот сделать, чтобы рукой на себя тянуть?

Дядька Лавр был кузнецом и талантливым конструктором-самоучкой. За разговором о любимых железках он мог забыть о чем угодно. Сейчас, однако, он лишь имитировал интерес, используя разговор как повод для того, чтобы не уходить.

– Не вытяну, – отверг предложение Лавра Мишка. – Я же ногой всем весом давлю, а если рукой, то тогда мне сила нужна, чтоб на одной руке подтягиваться. Я так не могу, только на двух.

- А рычаг подлинней сделать?
- Тогда он длинней самострела выйдет, потяну, а он в живот упрется. Нет, не получится.

– Может, тогда за два раза взводить? Сначала на промежуточный стопор поставить, а потом до конца взвести? Нет, сложно получается и ненадежно... В общем, подумать надо. Ты тоже подумай, и еще насчет болтов...

Лавр не договорил, увидев, что на крыльцо выскочила Анна-младшая с узелком в руке.

– Деда, я к тетке Настене, – прощепетала Мишкина старшая сестра и, спрыгнув с крыльца, направилась к воротам.

Дядька Лавр сунулся было за Анькой.

– Лавруха! Назад! – строго приказал дед.

Анька на ходу обернулась, сочувственно глянула на Лавра.

– Я быстро. Вернусь, все расскажу.

«Да что они, все в курсе, что ли? Один я дурак-дураком? А чего вы хотели, сэр Майкл? Вам же тринадцать лет. Сами, между прочим, с женской половины дома слинять мечтали. Вот и не суйтесь не в свои дела. Прекрасно, будьте уверены, без вас обойдутся. Лучше пользуйтесь случаем: взрослые вашей игрушкой заинтересовались. Какую-то пользу в ней увидели».

- Дядька Лавр, ты чего про болты сказать хотел?
- А? Какие болты?
- Ну, ты сказал насчет болтов подумать, а что подумать – не сказал.
- Насчет болтов... – Ох, не до болтов было Лавру Корнеичу, и вообще ни до чего...
- Лавруха! – прикрикнул на сына дед. – Заикнулся – договаривай!
- Да видишь какое дело, батя, ...болты ...их много нужно, если еще и моим мальчикам...
- Да не тани ты!
- Да я вот посмотрел: Михайла их клеит из плашек, это – правильно, а потом ножом обстругивает...

Ну, в общем, у него, самое лучшее, один из пяти в дело идет, остальные он портит. Вот я и думаю: может, какую приспособу придумать, чтобы и быстро, и все одинаковые, и без изъяна.

– Так я придумал уже, – обрадовался Мишка, – только сам сделать не могу.

– Во! Приходи завтра ко мне в кузницу, расскажешь, вместе подумаем.

Лавр закруглил разговор и снова сунулся к калитке, видимо, собираясь нагнать Анну-младшую, но дед пресек его попытку в корне:

– Лавруха! Помоги-ка волков в сарай перетаскать. Мальцу неподъемно, как в сани-то еще втащил... Волков обдерёте, в дом идите, вместе Аньку подождём. Заодно и задумку свою объяснишь, Михайла.

* * *

В доме как раз заканчивали устранять следы Юлькиных медицинских манипуляций. Чиф, перевязанный в нескольких местах, уже лежал на половичке у печки, Машка смывала со стола кровь и выстриженную вокруг ран шерсть, а Юлька наставительным тоном объясняла ей, что кормить пса не надо, да он и сам есть не станет, а поить, наоборот, надо побольше, но каждый раз в миску с водой надо добавлять ложку отвара вот из этого горшочка.

– Ты бы, девонька, оставалась у нас ночевать, – предложил Юльке дед, – наша-то хозяйка, наверное, твою постель заняла.

– Спасибо, Корней Агеич, у нас место для больных есть, не первый раз.

– Ну, все равно, Анну дождись, вдруг еще чего из дому понадобится, так ты и захватишь. Михайла, давай рассказывай: чего ты там надумал?

– Рисовать надо, деда.

– Бери уголек и вот прямо на столе и рисуй, Марья потом еще раз протрет, после пса-то.

Мишка набросал схематическое изображение токарного станка с ножным приводом для работы по дереву. Насколько правильно вышло, он не представлял – сам видел такой станок только по телевизору. Правда, еще в пятидесятые годы у его бабки была швейная машинка с таким же приводом. Он даже однажды по малолетству подсунул под приводной ремень палец. Больно было, аж искры из глаз. Потому, наверное, и запомнил.

– Вот здесь ногой качаешь туда-сюда, раскручиваешь большое колесо, – принялся он пояснять свой чертеж. – На нем ремень, от него маленькое колесо наверху крутится. Вот здесь полочка, к ней резец прижимаешь, чтоб твердо стоял. Заготовка крутится, а резец с нее лишнее состругивает. А еще к маленькому колесу можно на одной оси точильный камень посадить. Тогда все, что хочешь, точить можно. Ногой крутишь, а обе руки свободны.

– А насколько маленькое колесо быстрее большого крутиться будет? – Лавр почти мгновенно понял принцип работы ножного привода и уже что-то прикидывал про себя.

– Насколько большое колесо больше маленького, настолько и быстрее. Если вдвое, то вдвое быстрее, если втрое, то – втрое.

– Это почему же?

– Ремень-то общий. Сколько ремня через одно колесо проходит, столько и через второе. Но второе-то меньше, значит, чтобы столько же ремня пропустить, ему быстрее крутиться нужно.

– Хитро́... А что? Может и получится. Приходи завтра с утра в кузницу...

– Завтра с утра, – вмешался дед, – он поедет туда, куда сегодня не доехал. Сено с лесных полян

вывозить надо, а то снегу наметет – не пролезешь.

– Ну ладно, я тогда своим мальчикам объясню, – не стал перечить отцу Лавр. – Если сделают, будет им по самострелу.

– Не спеши, Лавруха! Пока вы мне не объясните, для чего нужно, чтоб у трех пацанов в руках убойное оружие оказалось, и как сделать так, чтобы они с ним беды не натворили, до тех пор я тебе самострелы делать не позволяю! Понял меня?

– Понял, батюшка, но Михаила сегодня сам спасся и мать от смерти спас. Это разве не причина?

– Такой случай может еще много лет не повториться, а огольцы с самострелами по селу каждый день таскаться станут. Ты мне причину найди, которая от случая не зависит. Такую причину, которая каждый день – причина. Тогда соглашусь! А этот станок, как ты сказал? Ножной? Так его пусть делают. Ты сам подумай: сколько круглых вещей в хозяйстве нужно? И себе наделаем и другим, если пожелают и заплатят. Вот это – причина на каждый день. Такую причину и для самострелов придумайте. И не забудьте еще: как сделать так, чтобы случайно беды не вышло. Болт вылетит – не поймаешь!

В этот вечер Мишка заснул далеко не сразу, хотя вымотался за день и физически, и духовно: перебирал в уме различные аргументы, способные убедить деда дать согласие на изготовление еще двух самострелов для своих двоюродных братьев – близнецов Кузьмы и Демьяна.

«Вот задал старый задачку! Объясни ему, зачем детям оружие, и дай гарантии, что они никого не подстрелят. Этож дети! Да пошли они все, в конце концов, хотят самострелы получить, пусть сами головы и ломают! И так уже достали: «Дай стрельнуть да дай стрельнуть». Вот обзаведутся своими, тогда отвяжутся. Но это – аргумент для меня, а не для деда. Чего ж он хочет-то? А может, специально поставил невыполнимые условия? Не придумаем ничего, и проблемы не будет. Ладно, хватит мозги мозолить. Если решение у дедовой задачи есть – завтра всплывет: подсознание за ночь все варианты переберет, и что-нибудь да отыщется. Надо только не мешать ему, то есть спать. Ну и будем спать. Интересно, о чем это Анька с мужиками шепталась, когда от Настены пришла?..»

* * *

Утром ничего путного не всплыло. Сидя в санях рядом с Анной-младшей, Мишка снова попробовал было поразмышлять над дедовой задачей, но думалось как-то лениво.

– Что там с матерью? Чего ты вчера с дедом шепталась?

– Да хорошо все, сегодня она еще у тетки Настены побудет, а завтра сани подгоним и домой перевезем. Ушиблась она сильно... спиной.

«Ну да, так ты мне правду и сказала. Дитем меня считаешь, хотя самой только весной пятнадцать стукнет. Ну как же? «Что вы, мужчины, в этом понимаете? Тем более – дети»... Понимаем, Аннушка, может быть, и побольше вашего, только виду показывать нельзя. Эх, доля мальчишечья! А ведь сколько стариков мечтает молодость вернуть. Вот, вернул – и что? Любая девчонка с куриными мозгами тебя за недоумка держит.

Да будет вам, сэр Майкл, бога гневить. Парились бы сейчас на зоне или, что более вероятно, в могиле лежали бы. А молодость – недостаток, который обязательно проходит со временем, простите великодушно за банальность».

– Минь, а волки на вас где напали, здесь? – робко поинтересовалась Анька-младшая.

– Нет, дальше немного, скоро подъедем, – пробурчал в ответ Мишка.

– А ты как думаешь, ты вчера всю стаю перебил, или еще остались?

– Если остались, сегодня добьем. Или они нас.

– Дурак!

– Какой есть.

Анька обиженно надулась, и какое-то время брат с сестрой ехали молча. Наконец показалось место вчерашнего побоища.

– Вот это место. Вон оттуда они выскочили, а вот здесь – видишь кровь на снегу? – мы с ними воевали.

– Минь, давай побыстрее поедem.

– Пожалей Рыжуху-то, вчера набегалась.

– Ты самострел-то держи под рукой... На всякий случай, – Анька принялась опасливо озираться по сторонам.

– Да перестань ты трястись! – попытался образумить сестру Мишка. – Отпустили бы нас, если б опасность была? А? В одном месте двух стай не бывает, а одиночка на людей не нападет. Скоро замуж идти, а простых вещей не знаешь!

– Все равно, боязно как-то...

– Тогда песни пой. Глядишь и полегчает.

– Да ну тебя!

Когда подъехали к тому месту, где надо было сворачивать в лес, Мишка заметил на снегу следы лосиного стада, ведущие в сторону поляны со стогами. Остановив Рыжуху, он вылез из саней и взвел самострел.

– Минь, волки?

– Нет.

– А чего ж ты самострел... – Анька заметно побледнела и снова принялась испуганно оглядываться.

– Не бабье дело, – не смог удержаться от колкости Мишка, – сиди спокойно и главное – тихо.

Мишка, стараясь не производить шума, начал по дуге обходить поляну со стогами так, чтобы несильный ветерок стал дуть ему прямо в лицо, относя и запахи и звуки в сторону от поляны. Подобравшись поближе, он разглядел, что заготовленным для домашней скотины сеном нахально угощается небольшое – в пять голов – стадо лосей.

Лоси вели себя достаточно беспечно, лишь вожак – здоровенный сохатый с роскошными рогами – время от времени прекращал жевать и принюхивался. Мишку он учуять не мог, но и запаха, исходящего со стороны оставленных саней, видимо, тоже не ощущал, потому что, втянув несколько раз ноздрями воздух, снова возвращался к прерванному занятию.

Мишка, поочередно замирая за каждым попадавшимся на пути деревом, подобрался-таки на дистанцию верного выстрела. Красавец вожак стоял неудобно, а вот уступающая ему в размерах лосиха как раз подставляла левый бок.

Мишка прицелился ей под лопатку и нажал спуск. С громким топотом стадо рвануло к деревьям. Все пятеро, включая и выбранную мишенью лосиху.

«Блин! Промазал! Нет, должен был попасть. Теперь набегаяешься за подранком, и бросать обидно. Посмотрим на след, если крови мало, то и возиться не стоит».

Крови на снегу и вправду оказалось мало, но не вследствие промаха, а потому, что лосиха, сделав

всего несколько прыжков, упала, не добежав даже до первых деревьев. Выстрел оказался убийным.

– Анька-а-а! Анька! Гони сюда! Анька! Не бойся! Все хорошо!

Через несколько минут на поляну выехали сани.

– Ой, Минька, это ты ее?

– Да нет, сама зарезалась от жизни бесприютной: ни дома, ни огорода, да еще муж – пьяница горький. Вот и надумала.

– Ну и трепло же ты! И в кого такой?

– В старшую сестру Анну. Дай-ка топор и сани вплотную поставь.

Обратно добирались долго. Лосиха была тяжеленная, и, чтобы не переутомлять Рыжуху, Мишка и Анна-младшая шли рядом с санями пешком. На ходу думалось хорошо.

«Дед явно считает, что поставил невыполнимые условия. Для близнецов и для дядьки Лавра – да, невыполнимые, а для меня? Что мы знаем о преодолении сопротивления нововведениям? Сначала попробуем выяснить, в чем причины сопротивления? Во-первых, дед, как и всякий хороший лучник, относится к самострелу, мягко говоря, скептически. Бесполезная игрушка, хотя и опасная, но не более. Во-вторых, он, надо сказать, вполне резонно, опасается давать детям в руки оружие. Однако существует такая штука, как теория внедрения, придуманная в семидесятых годах XX века, специально для преодоления сопротивления инновациям.

В соответствии с этой теорией все участники процесса должны быть разделены на три группы: рядовой состав, средний уровень и высший уровень – руководство. Условия успешного внедрения следующие. Рядовой состав не должен опасаться ухудшения своего положения в результате внедрения новинки. Средний уровень должен быть уверен в том, что от внедрения он получит какую-нибудь пользу. Либо материальную выгоду, либо повышение статуса. Высшему уровню, то есть руководству, требуется прежде всего моральное удовлетворение, поскольку считается, что материальные и статусные проблемы на этом уровне уже решены. В подавляющем большинстве случаев такое моральное удовлетворение дает лесть: «только под вашим мудрым руководством», «ни у кого больше ничего подобного нет», «нам будут подражать конкуренты» и т. д. Это – в теории.

Попробуем приложить теорию к имеющейся ситуации. Рядовыми будем считать тех, кто к вопросу не имеет отношения: родственников, соседей и т. п. Основания для опасений у них есть: дурной малец может стрелкнуть куда угодно, а самострел, как бы к нему ни относились опытные лучники, оружие убийное. Значит, первой задачей будем считать снятие этих опасений.

За средний уровень примем меня, близнецов и, пожалуй, их отца – дядьку Лавра. Я, в случае чего, буду иметь три выстрела вместо одного и становлюсь как бы командиром стрелкового звена. Старшим стрелком, так сказать. Налицо и материальная выгода, и статусный рост. Близнецы получают возжеланные самострелы – выгода материальная. Дядька Лавр получает благодарность сыновей и, в перспективе, заказы на изготовление самострелов, если они приобретут популярность.

Теперь высший уровень – дед Корней. Какое моральное удовлетворение он может получить? Вернее, не так: какое моральное удовлетворение ему требуется? Он – отставной военный не самого маленького чина – сотник латной конницы. В привычных мне терминах – майор бронетанковых войск. Со службы «уволен» по ранению. Такие мужики вообще-то с удовольствием занимаются обучением новобранцев. Тем более, что все годные к тому мужчины в селе – военные, наподобие казаков в Российской империи. Но самострел-то он полезным в военном деле не считает!

Стоп! Что-то он такое рассказывал про прежние времена, когда местные язычники еще не

смирились с нашим появлением здесь и ратники даже на работу в поле ходили с оружием. Вроде бы тогда существовала так называемая «Младшая стража» – подростки, которые дежурили на наблюдательных пунктах, ходили в дозоры... Предложить деду возродить старую традицию? А что? Может и получится. Ну, а военная дисциплина поможет снять опасения по поводу детской дури с оружием. Скажем, не позволять близнецам постоянно бесконтрольно таскаться с самострелами, а только по делу и под присмотром.

Кстати, а не ввести ли в обиход название «стрелец»? Стрелком можно и лучника называть, а стрелец – арбалетчик. Когда еще огнестрельное оружие изобретут и стрелецкие полки появятся? Можно пока попользоваться термином. И звание «старший стрелец» славянский слух не режет, не то что капрал или ефрейтор.

Или не стоит? Сначала надо согласие деда получить, а термины никуда не денутся – в свое время сами найдутся.

Подводим итог. Опасения по поводу безопасности сняты. Выгода для среднего уровня определена. Есть, кстати, и еще выгода для всей семьи – три лишних стрелка на ежегодной облавной охоте. И, наконец, моральное удовлетворение для высшего руководства, тоже, будем считать, вычислено правильно – старики традиции любят. Ну-с, сэр Майкл, посмотрим, как сработает управленческая теория за восемьсот с лишним лет до ее создания!»

* * *

Подъезжая к селу, Мишка попытался представить себе реакцию баб у колодца. В том, что там обязательно кто-нибудь будет, сомневаться не приходилось.

«Вот ведь угораздило вырыть колодец почти возле самых ворот. Есть ведь еще несколько по всему селу, но толпятся всегда именно возле этого. Любой вход-выход, въезд-выезд – на глазах у женсовета».

Сегодня повезло особенно – в тусовке оказался кто-то из тех, кто наблюдал его вчерашнее возвращение.

– Михайла! А эта тоже на тебя охотилась? Когда ж ты сено-то привезешь? Все мясо да мясо.

«Блин! Знают даже, зачем ездил. Ну что за наказание каждый день тут фейсконтроль проходить?!»

Дед как будто сговорился с бабами, задудел в ту же дуду:

– Да когда ж ты сено-то привезешь? Я тебя зачем посылал? То волки, то лоси, чего завтра ждать? Жар-птицу? А еще хотите новых самострелов наделать, так тогда и вообще никакой работы не станет – одна стрельба!

– Жар-птицу не обещаю, – бодренько отозвался Мишка, – но причину привез.

– Что привез? – не понял дед.

– Ты вчера говорил, чтоб причину нашли: для чего еще два самострела делать?

– А! Ну и для чего?

– Сколько мы стрелков на облавную охоту выставаем? Одного? А если еще близнецы с самострелами да я, сколько выйдет? Четыре. Значит, и доля в мясе и шкурах другая.

– Не-а, Михайла, не угадал! – дед отрицательно помотал головой. – Эта причина один раз в году бывает, а я говорил – на каждый день! За свежатинку, конечно, спасибо, а сено все равно возить надо.

Только гляди, половца подстреленного не привези. От него ни шкуры, ни мяса. Ну, разве что убьешь не до смерти, а Юльке подаришь для ученья. Помрет – не жалко.

– Есть и вторая причина, деда!

– Ну-ну, – дед благосклонно покивал, – излагай.

– Ты вот все говоришь, что молодняк надо тщательнее к воинскому делу приучать. И не только владению оружием учить, но и порядок соблюдать, и приказам подчиняться, и всем заодно действовать, а не каждый по себе. Так?

– Говорил, не отказываюсь.

– А еще ты рассказывал, что поначалу, пока местных не приструнили, жили каждый день, как на войне. Даже в поле работать с оружием ходили. И тогда, ты говорил, мальчишки помогали. На страже стояли, в дозоры ходили. Даже название было – «Младшая стража». Так?

– Ну-ну, дальше давай, – дед, кажется, понял, к чему клонит внук, и заинтересовался.

– Так вот, почему бы нам старые порядки не возродить? – принялся ковать железо, пока горячо, Мишка. – Для начала ты нас троих поучишь: как на страже стоять, как засады устраивать и все такое прочее – что сам считаешь нужным. А чтоб не таскались целый день с самострелами, держать их у нас в оружейной кладовке. Выдавать только на время учебы, а потом забирать. Получится с нами троими, тогда можно и других ребятишек на учебу поставить, и Младшую стражу возродить. И для дела польза, и знания твои втуне пропадать не будут.

Дед помолчал, поскреб в бороде и неожиданно улыбнулся.

– Уел, поганец! Уел. Кхе! Быть по сему! Дозволяю! Но глядите у меня: учить буду по всей строгости! Кхе! А за сеном завтра все равно поедешь!

* * *

К глубокому разочарованию членов «женсовета», Мишка на следующий день привез из леса именно сено. И еще через день – тоже. И целую неделю подряд возил, пока не переправил в село все стога с лесной поляны.

А мать от лекарки перевез дядька Лавр. Несмотря на ее слабые протесты, поднял на руки, как ребенка, вынул из саней и внес в дом. Дед, не то действительно сердитый, не то, скрывая за злостью какие-то другие эмоции, нараздавал «всем сестрам по серьгам»: обозвал сына косоруким, хотя тот нес Анну-старшую, как величайшую драгоценность, шуганул младших двойняшек Сеньку и Ельку, заставил Марью – вторую старшую сестру Мишки – заново перестилать постель...

Мишка с Анной-младшей, чтоб не попасть под раздачу, торопливо запрягли Рыжуху и укатали со двора. Мишка, «на автомате» управляя санями, вспоминал, каким было выражение лица у Лавра, когда он нес мать через двор. Специально, наверное, не подъехал к самому крыльцу, чтобы подольше поддержать ее на руках. Не отрываясь, смотрел только на нее, и наплевать ему было на то, что на них пялится все семейство. Если б мог, нес бы так и нес, версту, две, три... Увы, таких обширных подворий не бывает.

«Вот были бы мы язычниками... Был вроде бы когда-то такой обычай: брать за себя жену погибшего брата, растить его детей, как своих. Сколько ни талдычь о таинстве брака, целесообразность старого порядка так просто не отбросишь. А когда еще такая любовь...

Да и не только в любви дело. Невозможно вот так прийти и сказать людям: раньше вы жили неправильно, а потому будете теперь жить так, как мы вам укажем. Кому-то новый порядок действительно придется по душе, кто-то костью ляжет, сопротивляясь нововведению. А

большинство, если деться некуда, вроде бы и подчинится, но на самом деле начнет коллективным разумом и практикой многочисленных проб и ошибок изобретать некий симбиоз старого и нового. Те же князья, вроде бы поголовно крещеные, христианство насаждают, если надо, огнем и мечом, а имена – сплошь языческие: Всеволод, Ярослав, Игорь... Что ж простым-то людям? В окрестные селения попам без княжеских дружинников лучше и не соваться, да и у нас тоже, хоть и церковь есть, и христианами все считаемся... Велесову бороду во время жатвы из последних на поле колосьев заплетают, обереги на одной веревочке с православным крестом носят, а уж вышивки на одежде да узоры на утвари – сплошь языческие. Да и праздники: и Купала, и Велик Медвежий день и Макошина неделя... Коммунисты тоже все эти масленицы, троицы, рождество (аж две штуки) и прочее вытравить не смогли. Впрочем, как и демократы Первое мая, Восьмое марта, День Победы. Не так-то это все просто».

Анька, долго ехавшая молча, вдруг томно вздохнула и выдала романтическим голосом:

– А какой дядька Лавр сильный! Пока Машка постель перестилала, все время маму так на руках и держал...

– Так он кузнец. Конечно, сильный! – прикинулся пеньком Мишка.

– Глупый ты еще, Минька...

«Совершенно с вами согласен, многоуважаемая Анна Фроловна. Постичь извивы женской логики в девичьем исполнении не должен быть способен по определению: вследствие малолетства и изначальной ущербности мужского сознания. От комментариев, следовательно, воздерживаюсь, а то, что ты готова сама на любой скорости из саней сигануть, лишь бы потом тебя так же вот на руках носили, мне, конечно же, и в голову не приходит. Коза ты, блин, недоенная!»

– Н-но! Милая! – понукнул Мишка Рыжуху и засвистел по-разбойничьи.

* * *

– Ну, Михайла, расскажи нам, в чем стрелок из самострела слабей лучника, а в чем – сильней? А вы слушайте, потом повторить заставлю. – Дед грозно окинул взглядом первых «слушателей стрелковых курсов» Кузьму и Демьяна. – Прежде чем обращению с оружием учиться, надо точно знать, что это оружие может, а чего – нет. Только тогда, когда узнаете его возможности, сможете понять, как обратить себе на пользу его сильные стороны и не пострадать от слабых.

Дед и вправду взялся за воинское обучение ребят с энтузиазмом и очень серьезно, не пренебрегая, в том числе, и теорией. Впрочем, тактики применения самострелов он, похоже, не знал, поэтому не всегда было понятно: то ли дед экзаменует Мишку, то ли сам пытается получить новые для себя знания. Мишка, естественно, тоже имел о тактике арбалетчиков весьма смутное представление, но выход из этого затруднения нашел. Просто-напросто представил себе, что во время срочной службы в Советской армии был вооружен не автоматом АКМ, а самострелом, со всеми соответствующими поправками. Пока вроде бы получалось.

– Стрелок слабее лучника, – начал Мишка, – потому что стреляет медленно. Пока я самострел перезаряжу, лучник десяток стрел выпустить успеет. Еще – стрела из лука летит дальше самострельного болта. Поэтому стрелку с лучником в открытую биться бесполезно. Лучник его к себе на дальность убойного выстрела просто не подпустит.

Но есть у самострела и преимущества. Первое: лучник может стрелять, только стоя во весь рост или с колена, а из самострела можно, как захочешь: стоя, сидя, даже лежа. Поэтому лучник весь открыт, а я могу спрятаться. Лук, готовый к бою, не спрячешь, а взведенный самострел можно скрыть под одеждой, спрятать за спину или вообще положить на землю, например в траву. Это преимущество стрелка –

скрытность.

Второе: лучник должен быть сильным человеком. Дальность выстрела зависит от того, как сильно он тетиву натянет. И еще: он может устать, или быть ранен, или еще что-то. Самострел же стреляет всегда одинаково: устал стрелок или ранен – не важно. Лишь бы смог рычаг повернуть, а дальше самострел все сам сделает. И силы особой не нужно – из самострела может стрелять и ребенок, и женщина. В этом тоже преимущество самострела – легкость в обращении.

Третье: от мальчишки или женщины ждут чего угодно, но не выстрела, пробивающего доспех за десятки шагов, значит, еще преимущество – неожиданность.

Четвертое: лучник учится своему искусству всю жизнь, но все люди разные, поэтому у одних получается лучше, у других хуже. Стрелку можно обучить за несколько недель, и все обученные будут стрелять примерно одинаково. Значит, командир точно знает, когда давать команду стрелять и чего от выстрела можно ждать. Это преимущество можно назвать предсказуемостью.

Пятое: лук зависит от погоды. В дождь тетива из жил может размокнуть и ослабнуть, да и сам лук сырости не любит. У самострела тетива может быть тоже из жил, а может быть и из проволоки, и тогда ей дождь не страшен. Это преимущество, вместе с тем, что из самострела может выстрелить и уставший, и раненый, можно назвать надежностью.

Шестое: лучнику, кроме лука и стрел, нужно еще другое снаряжение: саадак для лука, колчан для стрел, кольцо на палец правой руки, щиток на левую руку. Еще нужна подходящая одежда, которая не будет мешать стрелять. Стрелку ничего этого не нужно. Это преимущество можно назвать простотой.

Простота – это вообще главное достоинство самострела. Это только кажется, что лук прост. Хороший лук состоит из многих частей и делается мастером очень долго. Тут и дерево, и кость, и жилы, и железо, и кожа, и, бывает, береста. А еще клей, всякие пропитки, лак. Каждая часть очень тщательно подбирается и подгоняется к другим. Поэтому хороший лук дорог. По сравнению со сложным луком, который выходит из рук искусного мастера, самострел прост. Обучиться стрелять из него проще, чем из лука. Пользоваться им могут простые люди, а не только воины, упражняющиеся каждый день. Стрелять можно из любого положения, и все это – тоже простота.

Если перечислить все преимущества самострела, сразу станет ясно, для чего он лучше всего подходит. Слушайте: простота, легкость в обращении, надежность, неожиданность, скрытность, предсказуемость. Если все это сложить вместе, то получается, что самострел – оружие слабого человека против сильного, оружие мирного человека против воина, оружие обороны, а не нападения. Значит, пользоваться им нужно из засады, из-за прикрытия, с подготовленного заранее места, чтобы сразу после выстрела можно было спрятаться или отступить. Поэтому, взяв в руки самострел, не воображайте себя витезями, которые сейчас прямо пойдут и всех победят. Лучше не надо никуда с ним ходить. Самый хороший результат получится, когда вы на знакомом и привычном месте, а противник о вас и не подозревает. Тогда первый выстрел за вами, и он должен быть неожиданным и точным, потому, что второго вам, скорее всего, сделать не дадут.

– Кхе! – дед был явно доволен. – Поняли? Вижу, что главного все-таки не поняли.

– Поняли, деда, поняли, чего ж тут не понять? – замолотили языками близнецы. – Минька все хорошо рассказал.

– А если поняли, то скажите: почему учебу мы начнем, не держа самострелов в руках?

Близнецы озадаченно замолкли, обернулись к Мишке. Обернулись, кстати, зря – Мишка и сам не мог уловить направления дедовой мысли. Рассказывая о преимуществах самострела, он специально свел все к тому, что это оружие обороны, оружие мирных людей. Воинский пыл Кузьки и Дёмки надо было охлаждать

с самого начала обучения. Но дед, очевидно, решил в этом вопросе пойти еще дальше. Только вот – куда?

– Что молчите? На Михайлу не оглядывайтесь, своей головой думайте. Ну, не додумались? А Михайла все, что нужно вам сказал. Ну-ка вспоминайте: стрелять надо из укрытия, с подготовленного места, и второго выстрела вам сделать не дадут. Поэтому начнем с того, что будем учиться выбирать подходящее место и правильно определять расстояние до цели. Вон там Михайла с утра воткнул ветки в снег. Видите?

– Видим!

– Сколько шагов до ближней?

– Сто! Нет, меньше! Нет, больше.

– Хорошо, – дед усмехнулся в усы, – тогда вопрос полегче: до какой из трех – сто шагов?

– До средней! Нет, до ближней!

– Все неверно. Ни до какой. Теперь посмотрите вон туда, – дед указал рукой близнецам за спину. – Там четыре ветки, и воткнуты они через каждые двадцать пять шагов. Значит до второй – пятьдесят шагов, до третьей – семьдесят пять, до четвертой – сто. Запоминайте, как это выглядит. Запомнили? А теперь снова смотрите на те три, которые я вам сначала показал. Сколько до ближней?

– Меньше ста!

– Верно, а к чему ближе – к сотне или к семидесяти пяти?

Близнецы заоглядывались, сравнивая расстояния.

– Вроде бы к семидесяти пяти.

– Тоже верно. До ближайшей ветки восемьдесят шагов. А сейчас, первый урок вам: во все стороны от тына отмеряйте по сто шагов и через каждые двадцать пять шагов втыкайте вешки. Во все стороны, это не значит, что только в четыре: на север, юг, запад и восток. Между ближними к тыну вешками тоже должно быть по двадцать пять шагов. В общем, работы вам троим на целый день. Когда снег сойдет, вместо вешек принесете камни и намажете их белилами со стороны села. Снаружи посмотреть – камень как камень, а из-за тына – метка для стрелков. Все поняли?

– Да!

– Идите, работайте.

Вроде бы все было нормально, но сомнения по поводу эффективности учебы у Мишки все равно оставались. Во-первых, дед сам из самострела никогда не стрелял. Был он раньше, до ранения, очень неплохим, как говорили, лучником, поэтому Мишка опасался, что и учить он их будет как лучников. Во-вторых, было совершенно невозможно представить себе, как дед, неспособный из-за ранения вглядываться в отдаленные предметы, собирается оценивать результаты стрельбы, маскировки, правильность оценки стрелками расстояния и так далее.

К вечеру, после того, как все село было окружено четырьмя concentрическими кругами воткнутых в снег вешек, Мишка приплелся домой голодный уставший и мокрый. Дед критически оглядел его, начал было высказываться на тему: «тяжело в учебе – легко в походе», но, поняв, что от внука сегодня уже толку не будет, прервался, не закончив фразы.

– Ладно, Михайла, сейчас тебя хоть на веревку вешай, как белье. Хотел тебя сегодня расспросить, да уж отложим до завтра.

– О чем расспросить-то, деда?

– О том, как ты из самострела стрелять учился. Чему другому я вас и сам обучить могу, а этому –

придется тебе. Если сможешь это сделать толково, братья тебя за командира сами собой признают. Но мне это тоже знать надо, да и подскажу, может, чего полезное. Так что думай пока, а завтра поговорим.

«Как же я стрелять учился? Ну, появился у меня самострел... нет, пожалуй, все началось раньше – тогда, когда мы с дедом пастухами заделались...»

Глава 2

За полтора года до описываемых событий. Лето 1123 года. Село Ратное и его окрестности

Деятельная натура деда Корнея требовала обязательно заняться какой-то работой. Тем более, что благосостояние семьи после его ранения и гибели сына резко пошатнулось. Делать что-то, что требовало силы или долгой ходьбы, дед не мог. Значит, ни пахать, ни косить, ни заниматься другими подобными работами. Главный свой приработок в мирное время – бортничество – деду тоже пришлось забросить: в его состоянии нахаживать многие версты по лесу и лазать по деревьям к дуплам диких пчел было совершенно невозможно. Разумеется, семья совсем уж в нищету не впала: какой-то жирок за прежние времена накопили. К тому же в селе, где подавляющее большинство мужчин составляли военные профессионалы, умели поддержать увечных воинов. Плюс, все понимали, что Корней Агеич тогда, пострадав сам и потеряв сына, спас множество жизней, но дед, еще недавно бывший чуть ли не первым лицом, заботой сельчан откровенно тяготился. К тому же могучий организм не старого еще мужа постепенно преодолевал последствия ранения – меньше мучили головные боли и головокружения, перестала трястись голова. Со зрением, правда, остались проблемы, и дед, всматриваясь вдаль, зажимивал левый глаз, словно прицеливаясь.

И тут-то как раз и выпал случай. Село богатое, соответственно и стадо, которое надо пасти, большое – несколько сотен голов. Траву на небольших лесных пастбищах оно выедало быстро, и скотину часто приходилось перегонять с места на место. Вот хозяева, покалякав между собой да со старостой, решили стадо разделить. Понадобились новые пастухи.

В седле дед держался уверенно, с кнутом обращаться умел прекрасно, а для наблюдения за дальним краем пастбища ему в помощники, в качестве еще одной пары глаз, приставили Мишку. Вторым пастухом стал Немой. Был он каким-то дедовым дальним родственником, что, впрочем, для существующей более ста лет общины редкостью не являлось – за сто лет чуть ли не все село вперекрест переженилось и породнилось. Однако связывало Немого с дедом не только родство, но и общая судьба.

Свой жуткий шрам на лице дед заработал, спасая Немого, когда тот, получив два тяжелых ранения, повалился на шею коня и начал медленно сползать набок. Дед Немого прикрыл, даже срубил половца, норовившего добить раненого, но от удара второго степняка не уберется – упал с разрубленным лицом, а ногу ему уже потом кони стоптали.

Немой же благодаря деду выжил. Впрочем, до того дня говорить он вполне умел. Звали его Лют, в крещении Андрей, и был он парнем медвежьей силы, молчаливым и угрюмым: редкий односельчанин мог похвастаться, что видел, как Андрей улыбается. Из той сечи на Палицком поле он, так же как и дед, вышел калекой. Половецкая сабля начисто снесла ему три пальца и половину ладони на левой руке, а наконецник копья пробил горло, навсегда лишив голоса. В довершение всех бед, через несколько месяцев после ранения Немой лишился единственного близкого человека – матери.

Деда Корнея после всего случившегося он почитал как отца родного, и как-то так незаметно получилось, что стал Немой еще одним членом его семьи. Вплоть до того, что, забросив собственное опустевшее подворье, переселился жить в пристройку в дедовой усадьбе, в которой когда-то, в благополучные времена, обитала холопская семья. Никто и не удивился, что когда дед подался в пастухи, Андрей последовал за ним.

Четвертым в их компании стал, конечно же, Чиф. Пушистым черно-рыжим шариком он катался по всему пастбищу, каким-то чудом умудряясь не попасть под копыта или на рога, но почти каждый день

вляпываясь в свежие коровьи лепешки, с соответствующими последствиями для экстерьера и аромата.

Вот эта-то компания и послужила толчком для пробуждения в теле мальчишки из села Ратного личности Михаила Андреевича Ратникова из города Санкт-Петербурга.

В тот день – самый обыкновенный, ничем в череде других таких же дней не выделяющийся, дед в положенное время развел костерок и принялся кашеварить. Так уж почему-то получилось, что соль оказалась у Мишки, а что-то еще – то ли сало, то ли лук – у Немого. Дед подозвал обоих к себе, они протянули, не слезая с коней, требуемые продукты, и тут появился Чиф. По обыкновению благоухающий навозом и несущий в зубах не то крысу, не то еще какого-то мелкого зверька, вероятно, предназначенного стать его долей в общий котел.

«Трое в лодке, не считая собаки. Ирландское рагу».

Мысль ударила, словно электрический разряд. И вовсе не похож был Чиф на фокстерьера Монморанси из книги английского писателя, но почти дословное воспроизведение ситуации, описанной Джеромом Клапкой Джеромом, стало, тем не менее, ростком, из которого начало стремительно вырастать дерево воспоминаний.

«Я, Ратников Михаил Андреевич, проживающий: Санкт-Петербург, улица... Мама моя! Получилось! Я живой, я молод, я свободен! Впереди целая жизнь...»

– Михайла, ты чего? Андрюха, лови его, падает!

Очнулся Мишка уже на земле, от того, что Немой плескал ему на лицо воду, а Чиф ее тут же слизывал. Все-таки эмоциональный всплеск оказался очень мощным, и детский организм благоразумно отключил сознание, ставшее на какой-то момент настоящим вулканом страстей, как бы банально это определение не звучало.

Дед, сначала решивший, что вернулась непонятная внукова болезнь, потом пересмотревший диагноз в сторону «солнцем голову напекло», заставил Мишку часа два пролежать в тенечке, а по пути домой все время поглядывал, не собирается ли внучек снова скovyрнуться с конской спины на грешную землю.

Двухчасовое лежание в тенечке действительно помогло: эмоции кое-как удалось пригасить, но мысли... Мысли с этого дня стали одолевать «новорожденного» постоянно. Так и появилась привычка к внутренним монологам или диалогам с язвительным собеседником, иронично обращающимся к Мишке «сэр Майкл».

Впрочем, поначалу впадать в особую задумчивость новое тело не давало. Детский организм требовал движения, крика, впечатлений – всего того, что так раздражает порой взрослых в детском поведении, но что совершенно необходимо для нормального развития. Зачастую Мишка легко побеждал Михаила Андреевича Ратникова, и тот на некоторое время как бы засыпал. Но зато, когда выпадала спокойная минутка, мысли, отнюдь не детские, начинали литься, захватывая сознание безраздельно.

Максим Леонидович оказался прав: адаптация удалась стопроцентно. Дом был действительно родным домом, мать – матерью, язык двенадцатого века – родным языком, привычным и понятным. Даже быт, коренным образом отличный и менее комфортный, не порождал никаких проблем.

Временной зазор между «вселением» и «осознанием» сыграл роль своеобразного психологического демпфера. Не будь его, еще неизвестно, как бы принял человек XX века необходимость есть вместо картошки репу, пользоваться вместо (пардон) туалетной бумаги мхом и мыть голову печной золой. А так Мишку несколько не удивляло и не шокировало то, что сарафаном называется мужская верхняя одежда, что женщины используют для стирки куриный помет, что спать приходится вповалку на полатах, что в жаркую погоду мужчины, пренебрегая штанами, щеголяют в одних долгополых льняных рубашках.

Оказалось, что не является предосудительным называть вслух своими именами мужские и женские гениталии (они еще не стали ругательными), слова «змей» и «гад» поменялись местами (змей – ругательство, а гад – обобщенное именование пресмыкающихся и земноводных), слово «дядька» обозначает не родственника, а наставника или просто нестарого, но уважаемого человека.

Любой взрослый (вовсе даже и не родственник) запросто может отпустить пацану подзатыльник или пинок (за провинность или просто так – чтоб под ногами не вертелся), и это не считается непедагогичным. А за серьезный проступок могут (вздоргните, господа гуманисты!) выпороть и плетью.

Чуть ли не половина домов в Ратном не имела печных труб и топилась по-черному. Несколько же совсем старых домов имели земляные полы и, входя в них, приходилось не подниматься на крыльцо, а спускаться на три-четыре ступеньки вниз, так как эти дома, по старинному обычаю, были почти на треть заглублены в землю. Окошки в домах служили скорее для вентиляции, чем для освещения, и либо затягивались бычьим пузырем, либо просто задвигались дощечкой.

Но за время между вселением и осознанием Мишка ко всему этому и еще очень, очень многому привык. Всё было знакомым, понятным, своим, родным.

После некоторых размышлений пришлось признать, что взаимопроникновение двух личностей началось гораздо раньше «пробуждения». Иначе с чего бы Мишка, ни слова не знавший по-английски, да и не подозревавший о существовании такого языка, назвал щенка Чифом? Кстати, когда кто-то поинтересовался, что это за кличка такая странная, Мишка быстренько нашелся с ответом: специально так назвал, чтобы можно было при нужде и шепотом позвать, собаки, мол, лучше людей слышат.

Первые несколько дней после «пробуждения» были наполнены чистой светлой радостью какого-то биологического, что ли, уровня. Слишком приятным стал контраст между накопившим целую коллекцию болячек и недомоганий организмом почти пятидесятилетнего мужчины и телом двенадцатилетнего подростка, выросшего на свежем воздухе, в практически идеальной экологической обстановке и на естественной пище, не содержавшей даже намека на нитраты, вкусовые добавки или модифицированные гены.

Однако жизнь очень быстро и беспощадно развеяла эйфорию, весьма наглядно продемонстрировав, что и с этим прекрасным телом не все в порядке. Орудием для разрушения иллюзий судьба избрала Мишкиного ровесника Ероху.

* * *

Ероха...

Уже потом, по прошествии некоторого времени, Мишка узнал, что в основе Ерохиного отношения к нему лежало не только традиционное в подростковой среде издевательское отношение к более слабому. Все было несколько сложнее. После ранения сотника Корнея на его место общим решением избрали отца Ерохи – десятника первого десятка Данила, бывшего у деда постоянным помощником. Избрать-то избрали, да только для княжеских воевод это избрание равным счетом ничего не значило. В первом же походе ратнинской сотне назначили командира со стороны – незнакомого боярина. Прокомандовал тот не долго – через несколько дней после его назначения сотня попала под обстрел на переправе.

Новый сотник был убит первой же стрелой. Тут бы Даниле и проявить себя: отдать несколько разумных команд, броском к вражескому берегу вывести сотню из-под обстрела, порубить или разогнать лучников, которых прошляпил передовой дозор – глядишь, и стал бы сотником, уже официально. Но он, привыкший за долгие годы быть за дедовой спиной, сначала растерялся, потерял драгоценные секунды, пытаясь не дать свалиться в воду уже мертвому боярину, а потом под ним убили коня, и ему стало уже не до командования.

От сотни вообще в тот день могли остаться рожки да ножки. Лучники били с невысокого берегового обрыва, находившегося чуть выше по течению, брод был узким, а стрелы летели не столько в людей, сколько в коней, которых быстро начала охватывать паника. Положение спас десятник девятого десятка Лука Говорун. Так уж повелось, что в двух последних десятках всегда собирались лучшие лучники сотни. Оба этих десятка еще не вошли в воду и так удачно ответили своими стрелами на выстрелы с того берега, что вражеским лучникам пришлось попятиться от берегового обрыва.

Лука Говорун тут же заорал, чтобы ратники шли вперед и укрылись под вражеским берегом. Те, кто услышал и послушался его – выжили. Но для многих было уже поздно. Примерно у трети всадников перепуганные кони шарахнулись в сторону с узкого брода и сразу же попали на глубокое место. Те, кого кони все-таки вынесли, спаслись, но большинство утонуло – ратник в полном вооружении слишком тяжел не только для того, чтобы выплыть самостоятельно, но даже и для того, чтобы его мог удержать на поверхности конь. Во всяком случае, не у каждого коня хватит на это силы, особенно если всадник запаниковал и не помогает животному, а, наоборот, мешает.

В результате из ста четырех человек выжили шестьдесят семь. Таких потерь за один раз у ратнинской сотни не случалось за все время ее существования. Особую же наглядность некомпетентность Данилы приобретала на фоне недавней сечи на Палицком поле, где убитыми сотня потеряла всего шестерых. Даниле, само собой, пришлось распрощаться не только с командованием сотней, но и с десятничеством, тем более, что из его десятка выжило всего трое, включая и самого Данилу.

Каким-то образом обида за отцовскую неудачу проецировалась у Ерохи на Мишку. Возможно, сыграли свою роль слышимые то тут, то там разговоры о том, что «вот Корней Агеич уж такого бы не допустил», возможно, Ероха знал о долголетнем ожидании его отцом «повышения по службе», вместе с ним пережил сначала радость долгожданного избрания, а потом крах карьеры, возможно, еще что-то... Факт оставался фактом: прохода Мишке Ероха не давал. Вселение в Мишкино тело нового «жильца» ровным счетом ничего в этом не изменило. «Новый» Мишка убедился в этом менее чем через неделю после осознания этого вселения.

Как-то вечером, когда стадо уже пригнали с пастбища, Ероха с несколькими приятелями загородил проход одиноко идущему по переулку Мишке.

– Эй ты, недоносок! Ты почему не кланяешься?

Паника, охватившая мальчика, мгновенно задвинула сознание взрослого человека куда-то в дальний угол. Мишка растерянно остановился.

– Ты моих коров пасешь, значит – мой холоп. Должен кланяться!

Ероха схватил Мишку за волосы и начал пригибать его к земле, пытаясь поставить на колени. Физически он был сильнее Мишки, причем, изрядно сильнее. И ростом повыше и телом помассивнее.

* * *

Тогда, пережив несколько унижительных минут, Мишке удалось вырваться и сбежать, но теперь совершенно обыкновенный случай мальчишеских разборок заставил его серьезно задуматься сразу на две темы. Первая – его физическая немощь по сравнению с ровесниками. Вторая – его социальный статус. Ни то, ни другое ни в малейшей степени не соответствовало исходным данным: принадлежность к военной знати, возможно, к боярству.

«Могла быть ошибка? Вроде бы нет: имя совпадает – раб Божий Михаил. Или что-то пошло не так? Дед ведь около самого боярства покрутился, если б не ранение, мог и выслужиться. Но сейчас-то он пастух. Значит, делать военную карьеру самому? Такому задохлику – слабее всех сверстников?»

Положим, Суворов тоже не богатырь был, даже наоборот. Но он был графом. В полк записан с младенчества и служить начинал сразу с офицерского чина, если не ошибаюсь.^[2]

Я же никакой не граф и даже не пастух, так – подпасок. Служить, конечно же, начну рядовым, и с моими физическими данными накроюсь медным тазом в первом же бою. Блин, физподготовкой заняться, что ли? Интересно, как? В армии служил в полку связи, стреляли-то раз в полгода, а про что-нибудь вроде рукопашного боя даже и речь не шла. Ни боксом, ни борьбой не занимался. Всяких там дзюдо, каратэ и в помине еще не было. Ходил несколько лет в яхт-клуб, так здесь, в припятских лесах, все эти шкоты, фалы, шпангоуты – ни пришей, ни пристегни. Но делать-то что-то надо!

А чем, собственно, вы, сэр Майкл, от пацана Мишки из села Ратного отличаетесь? Какое преимущество вам дают прожитые ТАМ годы? Вы не супермен десантник-спецназовец, чтобы голыми руками крушить супостатов. Вы не химик, чтобы порох или еще что-то такое же полезное «изобрести». Вы не инженер, чтобы начать двигать технический прогресс двенадцатого века семимильными шагами, вы даже не реконструктор, худо-бедно владеющий холодным оружием и знающий хоть какие-то основы средневековой воинской подготовки.

Все эти «не» можно перечислять до бесконечности. А что вы, сэр, не «не»? Теория управления? Прекрасно! Социология? Замечательно! А кому они тут на хрен нужны? А вот мне самому как раз и нужны! Если не знаешь, с чего ходить – ходи с бубей! Если не знаешь, что делать – садись и анализируй ситуацию. Все как всегда, независимо от века, в котором ты живешь. Итак, поехали! Цель, которую необходимо достигнуть, задачи, которые нужно решить для достижения цели, структура, которая будет эти задачи решать, кадры, которые в этой структуре будут работать, ресурсы, которые кадры могут использовать... Ну, и так далее.

Цель. Помереть боярином. Прекрасная цель, а главное – легко достижимая. Вешаешь на грудь табличку с надписью «боярин», ложишься и помираешь. Только вот обещание, данное Максиму Леонидовичу, таким макаром не выполнишь, а мужик, между прочим, тебе новую жизнь подарил. Ждет, надеется. Ну, хорошо... Цель – стать боярином. Уже лучше, но как? На родственные связи рассчитывать не приходится, самому пробиться – проблематично. И все. Если при формулировке цели не обрисовывается круг задач, то формулировка неправильная. Недаром говорится: указать правильный путь – сделать полдела.

Пошли на третий заход. Общее направление остается – стать боярином. Однако будем считать это отдаленной перспективой. Каково главное препятствие по ее достижению? Неблагоприятные стартовые условия. Следовательно, ближайшая цель – изменить стартовые условия. Чем они меня не устраивают?

Первое – физическая немощь. Быть слабее всех сверстников мне нельзя да и просто стыдно.

Второе – социальный статус. Из пастухов в бояре – путь длинный, и успех на этом пути маловероятен.

Третье – одиночество. У Ерохи – команда. Пусть не очень сплоченная, пусть – небольшая, но она есть. Чем-то он к себе мальчишек привлекает. Если так пойдет и дальше, то ко времени настоящей ратной службы у него будет десяток или около того своих ребят. Если повезет и выживет, да еще хватит ума, то через несколько лет может стать десятником. Вот и начало карьеры.

Итак, нарисовались три задачи: физическое развитие, нахождение способа восстановления благосостояния семьи, формирование своей команды.

Теперь структуры, которые эти задачи будут решать. Нет у меня никаких структур, кроме собственной семьи. Пока нет. Создам свою команду – появится еще одна.

Кадры. Опять же семья. Потом, если получится, команда.

Ресурсы. Прежде всего, ресурсы семьи. Вот с этим нужно поподробнее. Чем мои родичи располагают? Дядька Лавр – кузнец, изобретатель-самоучка. Мать – портниха, знаменитая не только в своем селе, но и в ближайшей округе. Редко, но бывает, приезжают из соседних деревень, просят что-то сшить. Дед – отставной военный и отставной бортник. Немой – просто очень сильный и очень преданный деду человек. Говорят, в бою страшен. Был. Какой теперь – не знаю. Сестры Анна и Мария. Двойняшки, старше меня почти на два года. Младшие – тоже двойняшки. Сенька – брат и Елька – сестра. Младше меня на четыре с лишним года.

Это – все, чем я располагаю. С этим и будем работать. Не просто жить, а работать. Каждый день, каждый час. Все время помня о цели, к достижению которой надо стремиться. Тогда случай обязательно выпадет. Кто-то из великих, кажется Пастер, сказал: «Случай благоприятствует подготовленным». Вот и надо быть готовым. Если все мысли, все дела направлены на одну цель, рано или поздно получится, не может не получиться!

Подводим предварительный итог. Цель – изменение стартовых условий. Задачи по ее достижению: физическое развитие, восстановление материального благополучия семьи, создание своей команды. Структуры – семья. Ресурсы – возможности семьи и собственная голова (знания, жизненный опыт).

Вроде бы все верно. Теперь – технологии и планирование, то есть ответы на вопросы: как и в какие сроки?

Физическое развитие. Как? Вспоминай все, что про это знаешь. Знаешь ты много, пусть и теоретически. Знают также дед и Немой. Дед не только сам учился, но и наверняка учил других. Немой – не знаю. Обучение военному делу здесь невозможно без физического развития. Таскать на себе груды железа и железом же размахивать – дело не для слабаков. Значит, так и решаем: просим деда или Немого (или обоих сразу) потихонечку учить меня военному делу. Добавляем к этому то, что удастся вспомнить и применить из знаний прошлой жизни.

В какие сроки? Время у меня есть. Года два. Так и решаем: к четырнадцати годам равных мне по силе ровесников быть не должно.

Восстановление материального благополучия семьи. Как? Пастухом оставаться нельзя. Да и вообще, семью надо выводить из бедности. Рецепт тот же – вспоминай все, что знаешь. Что-нибудь обязательно должно прийти в голову.

В какие сроки? Это задача постоянная: наращивать материальное благополучие можно до бесконечности. Если говорить о сроках, то о сроках нахождения хотя бы одного способа или первого шага. Ну, скажем, месяц. На пастбище голова свободна, а ты не единожды убеждался: если упорно обдумывать проблему, решение можно найти почти всегда. Плюс к этому – целенаправленный сбор информации. Она, родимая, лишней никогда не бывает.

Создание своей команды. Как? Для начала – стать для кого-то (предпочтительно для сверстников) нужным и интересным. Чтобы к тебе тянулись. Потом сделать так, чтобы ощутили пользу от членства в команде. Потом... Про «потом» говорить рано. Ясно только одно: без хотя бы частичного решения первых двух задач нельзя реализовать третью.

В какие сроки? О сроках пока не будем. Все зависит от успеха в решении первых двух задач.

Итак, как говорил незабвенный Никита Сергеевич Хрущев: «Цели определены, задачи поставлены, за работу, товарищи!»

Начал Мишка прямо на следующий день. Отъехав на другой конец пастбища, так, чтобы Немой и дед не заметили, нашел подходящую ветку и попробовал подтянуться на руках. Вышло где-то два с половиной раза. Полноценно – один. Отжимания на руках от земли тоже не порадовали – что-то около четырех раз.

«Все ясно с вами, сэр! Извольте в течение месяца делать по одному подходу к «снаряду» каждый час. Потом посмотрим на результаты. А сейчас поехали собирать информацию».

– Деда, а почему про Андрея говорят, что он в бою страшен?

– Да потому, что и вправду страшен, – чувствовалось, что деду, разомлевшему на солнышке, не очень хотелось общаться, но Мишка решил проявить настойчивость.

– А чем страшен? Деда, ну расскажи! Ну что тебе, жалко?

– Вот пристал, репей. У него и спроси. Кхе! Он тебе и расскажет – заслушаешься!

– Деда, я же не как бабы у колодца – для сплетен, я – для дела.

– Это для какого ж дела?

– Ну, если он такой воин хороший, то, может, меня чему-нибудь научит?

– А с чего ты взял, что он хороший воин? – дед потихоньку все-таки начал втягиваться в разговор.

– Ты же сам сказал, что он в бою страшен.

– Страшен – не значит хороший. Вон у нурманов есть воины, берсерками называются, в бою в бешенство впадают. На них тоже смотреть страшно: рычит, как зверь, изо рта пена лезет, край щита зубами грызет. А Пимен – десятник одному такому как врезал снизу сапогом по щиту, так этому берсерку окантовка в рот до самых ушей въехала. Сразу страшным быть перестал. Прилег на травку и о чем-то своем, нурманском, задумался. Тихий стал, ласковый. Так и помер в благодати, сердешный.

– А Андрей?

– Андрей – другое дело. Во-первых, сила у него непомерная. Ты не смотри, что он не самый высокий и не самый широкий в плечах, хотя и не худосочный. Сила не всегда снаружи заметна. Меч его видел? Таким только двумя руками ворочать, а Андрюха им одной рукой, как прутиком, помахивает. А во-вторых, на лицо его глядел? Всегда спокоен, ни радости, ни злости – ничего. А в бою вообще затвердевает, как у идола деревянного на капище. И вот это действительно страшно. Ни с каким берсерком не сравнишь. Смотрит на тебя и вроде не видит, а как мечом махнет – смерть! Не дай Бог в бою ему в лицо посмотреть, даже своим жутко бывает, хотя и привыкли, а уж врагу... Случалось, наскочит на него какой молодец, глянет в лицо и оторопееет: застынет – ни рукой, ни ногой не пошевелить. Андрюха, правда, таких не убивал, плашмя глушил.

– Так он хороший воин?

– Очень хороший, и научить может многому, но учиться у него трудно.

– Потому, что не говорит, словами объяснить не может?

– Нет.

– А почему?

– А вот попроси его тебя поучить, сам увидишь.

– Деда, попроси его ты, он тебя послушает, а если я попрошу, может и не захотеть. Вон он как раз едет.

– Ладно. Андрюха! Вот Михайла просит его воинскому делу поучить. Возьмешься?

Немой лишь слегка повернул голову на дедов голос. Услышав вопрос, коротко кивнул и поехал дальше, как будто ничего и не было.

– Деда, чего он?

– Согласился.

– А когда учить будет?

– Не знаю. Ни когда учить станет, ни чему учить. Я тебя предупреждал: учиться у него трудно. Но если уж сам напросился – терпи.

Вечером Немой долго рылся в оружейной кладовой – коллекция оружия у деда за годы войн и походов накопилась изрядная. Да и от прадеда немало осталось. Немой гремел железом, хлопал крышками сундуков, наконец вышел, держа в руках небольшой, как раз Мишке по руке, кинжал и подкольчужную рукавицу из толстой кожи. Поманив к себе Мишку, он отдал ему рукавицу, а кинжал подкинул в воздух так, что тот сделал полный оборот и, словно сам по своей воле, лег рукояткой Немому в ладонь. Вопросительно посмотрев – понятно ли – повторил тот же фокус несколько раз и протянул кинжал Мишке.

Несколько дней Мишка в любой удобный момент только тем и занимался, что подкидывал и ловил кинжал. Кожаная рукавица спасла его от множества травм, но дважды он порезался достаточно сильно. Стоило только ослабить внимание, и оружие начинало жить собственной жизнью.

Кожаная рукавица пришла в негодность после нескольких дней занятий, и это был единственный результат – ничему путному Мишка не научился. Немой, казалось, совершенно не интересовался успехами ученика, даже тогда, когда Мишка упражнялся у него на глазах. Ни разу не попытался дать совет или исправить какую-нибудь ошибку.

Мишка попытался обдумать ситуацию, и результат размышлений оказался просто шокирующим: его развели как лоха, причем не только Немой на пару с дедом, но и собственный организм.

«Блин, я что, не знал, как учатся жонглировать? Да, сам не пробовал, но ведь ясно же, что начинать с остро отточенного оружия не станет ни один здравомыслящий человек! А рукавица эта дурацкая? Она же только помеха! Учиться, насколько я понимаю, надо начинать с какого-то безопасного предмета и нарабатывать рефлексы свободными руками, которые ничего не сковывает и не лишает чувствительности. Немой же все сделал с точностью до наоборот!»

А сам-то Немой умеет? Что он мне показал? Только то, как подкидывать и ловить нож одной правой рукой. Дед сказал, что он очень хороший воин, с чего бы вдруг? Тридцать лет, рядовой ратник, очень сильный физически и, если верить деду, способный напугать своей рожей кого-то особо впечатлительного. И где здесь воинское искусство? На Палицком поле его вообще нашинковали бы как капусту, если бы не дед.

Но я-то почему так дешево купился? Понятно, если бы я и в самом деле был двенадцатилетним пацаном. Взрослый дядька учит обращаться с боевым оружием – уписаться от счастья. Что произошло? Немой! Все дело в Немом! Неподвижное лицо, минимум объяснений, некая загадочность, навеянная дедовым враньем – просто какой-то гуру, сэнсэй и шаолиньский монах в одном флаконе! Насмотрелся ТАМ еще всякой мурсы по телевизору и спроецировал это на нынешнюю действительность. Получилось: пацан в восторге, а взрослый и не чешется, потому, что сам себе замазал глаза голливудскими штампами.

Да, сэр, за пацаном-то, оказывается, нужен глаз да глаз. Его вроде бы и нет, а на самом деле он вами управляет не меньше, чем вы им.

А дед зачем врал? Вообще-то, по большому счету, он и не врал – Немой, по сравнению со мной, действительно великий воин. Дед от меня просто отвязался: хочешь учиться – вот тебе учитель. А Андрюха от великого ума сразу боевой кинжал мальцу вручил, а чтоб дите не зарезалось ненароком, присовокупил рукавицу. Блин, даже не смешно, самому перед собой неудобно. На кого умилился? Немой – обычный деревенский парень, не лапотник, конечно – ратники по укладу и социальному положению, пожалуй, ближе к казачеству, но гуру? М-да, позвольте вам заметить, сэр Майкл, развели вас как узбека на одесском Привозе».

Весь следующий день Мишка потратил на то, чтобы изготовить деревянную копию кинжала, строго соблюдая соответствие веса, балансировки и длины. Получилось далеко не сразу, но зато тренировки начали давать ощутимый результат. «Сдавать зачет» Мишка решил только тогда, когда не просто научился уверенно ловить подброшенный кинжал, но и разучил несколько трюков, втайне рассчитывая удивить Немого. Тот совершенно невозмутимо просмотрел весь «цирковой номер» с бросками из-под колена, из-за спины, жонглирование прямым и обратным хватом, а потом указал пальцем на Мишкину лошадь.

Пришлось начинать все заново, но не стоя на земле, а сидя верхом. Сначала на лошади, идущей шагом, а потом и на рысях. Каждый раз, когда кинжал не удавалось поймать, приходилось слезать на землю, а потом снова забираться в седло.

В первый день конных упражнений, Мишка умаялся так, что ближе к вечеру, в очередной раз подобрав оружие с земли, просто не смог забраться на лошадь.

«Да он же меня не просто обращению с кинжалом учит, я же попутно научусь конем одной рукой управлять, в седло единым махом залетать, да и мышцы накачаю не хуже, чем на турнике. Ну дает Андрюха! А я его тупой деревенщиной посчитал. Он же мне первую задачу – улучшение физической формы – реализует, как будто знает, что я сам для себя решил».

Как выяснилось, планы Немого простирались намного дальше, чем мог вообразить себе Мишка. После отчета ученика об освоении очередного приема, он, как и прежде, не проявляя никаких эмоций, просто переложил кинжал из правой Мишкиной руки в левую, и мучения пошли по новому кругу.

Однажды, уже в середине лета, когда кинжал не просто упал на землю, а воткнулся почти вертикально, Мишка попытался подобрать его прямо с седла, благо его лошадевка была малоросла. На первом заходе он промахнулся, не дотянувшись до рукояти. На втором чуть не сверзился вниз головой. Потом опять промахнулся. Получилось только с четвертого раза. После этого скаканья с лошади на землю и обратно прекратились, правда, и кинжал стал падать гораздо реже.

Мишка был чрезвычайно доволен собой, но однажды Немой протянул ему второй кинжал – точно такой же, как первый.

«Он что, циркача из меня сделать решил? А лошадью как править? Нет, я, конечно знаю, что можно управлять ногами, но лошадь-то этого не знает! Это ж придется еще и дрессировщиком стать!»

К тому времени, когда зарядили дожди и на деревьях начали желтеть листья, Мишка запросто мог наняться артистом в бродячий цирк. Он жонглировал тремя кинжалами на полном скаку, втыкал их в землю, а потом собирал, свешиваясь с седла, мог, подкинув и дав сделать несколько оборотов, поймать кинжал не рукой, а ножнами. Лошадь слушалась его беспрекословно без всяких поводьев, а на конскую спину он взлетал, едва положив на нее на одну ладонь.

Немой, посмотрев на всю эту вольтижировку, впервые за все время не дал нового задания, а вечером привел Мишку к деду и знаком потребовал показать результаты учебы ему. Дед прокомментировал

увиденное совершенно неожиданной фразой:

– Кхе! На празднике покажешь, девки млеть будут!

После этого Немой, отобрав у Мишки один кинжал, всадил его в ствол дерева, стоявшего примерно в десятке шагов и отвернулся, потеряв к ученику всякий интерес. Мишка даже не сразу понял, что это – новое задание. Похоже, наконец началась боевая учеба: метание ножа в цель – это уже не игрушки.

Не бросил Мишка и упражнения на «спортивных снарядах». Благо в лесу, рядом с пастбищем, всегда можно найти подходящую ветку. К концу лета он легко перекрывал все нормативы, отравлявшие ему жизнь во время службы в Советской армии: все эти «выходы силой», «подъемы переворотом», подтягивания, отжимания на кулаках и прочее.

* * *

Выполнение первой задачи – физического развития – можно было признать продвигающимся успешно. Ероху он ростом за лето не догнал, но разница ощутимо сократилась. В силе тоже не догнал, а вот в ловкости и скорости превзошел. Один на один он против Ерохи теперь выйти не боялся, хотя явной победы ни разу не одержал. Расходились по большей части вничью, если не вмешивался никто из Ерохиных приятелей.

Впрочем, и эту проблему удалось если не решить, то значительно снизить ее остроту. Всех, кто вмешивался в его разборки с Ерохой, Мишка потом отлавливал поодиночке и лупил настолько крепко, насколько удавалось. Если победа оказывалась несомненной, Мишка не ленился объяснить поверженному противнику смысл поговорки «Двое в драку, третий – в... одно неприличное место». В подавляющем большинстве случаев нравоучение своей цели достигало.

В конце концов, и довольно быстро, Ероха утратил интерес к издевательствам над Мишкой – удовольствия становилось все меньше, а неприятностей все больше, но Мишка Ероху в качестве теста на уровень физического развития на заметку взял: тот день, когда он сможет недвусмысленно и неоспоримо одолеть Ероху, он решил считать окончанием первого этапа выполнения поставленной перед собой задачи.

С решением второй задачи – подъема уровня благосостояния семьи – поначалу получались сплошные обломы, причем винить в этом Мишке пришлось самого себя, прежде всего, за непредусмотрительность. К первому краху его привели чисто теоретические рассуждения о том, что литовкой косить намного удобнее и производительнее, чем корячиться, согнувшись в три погибели, с горбушей или жать серпом. Его доводы никого не убедили, а доказать свою правоту экспериментально Мишка не мог по двум совершенно убойным причинам. Во-первых, негде было взять косу-литовку, во-вторых, сам он ее в руках ни разу в прошлой жизни не держал, хотя неоднократно видел, как это делают другие. Даже не по телевизору, а в натуре, что, впрочем, делу никак не поспособствовало. Так что с мыслями о налаживании производства и продажи прогрессивного сельхозинструмента пришлось распрощаться.

Второй провал ознаменовался звонким подзатыльником вкупе с краткой, но энергичной рекомендацией заткнуться и не лезть не в свое дело. Огреб это все Мишка в качестве гонорара за проект продажи излишков оружия и покупки на эти деньги холопов. Самое обидное заключалось в том, что ни о какой конструктивной критике предложения не было и речи, дед его даже не дослушал. Ввиду столь радикальной реакции аудитории, казалось бы на вполне разумный и реальный бизнес-план, о возможности заняться ростовщичеством Мишка не решился даже заикаться.

Суровая проза жизни вынудила сделать поправку на специфику восприятия аудитории и заткнуться надолго, поэтому в отпущенный самому себе месячный срок уложиться не удалось. Более того, склонность президента фирмы «Дед Корней и родственники» к методам физического давления на оппонента, его

консерватизм, доходящий до прямо-таки вопиющего ретроградства, и отсутствие у «младшего партнера» возможности подкрепить свои теоретические послылки натурным экспериментом, вынуждали Мишку впредь изыскивать не только актуальную в имеющихся обстоятельствах идею, но и способы «продать» ее таким образом, чтобы предложение не было отвергнуто, что называется, с порога.

Решение пришло в середине лета, и толчком для его появления опять послужил зрительный образ. Сельская жизнь на развлечения не богата, поэтому когда однажды вечером обычные шумы, сопровождающие жизнь села, перекрыл отчаянный женский визг, а потом к нему одновременно добавились громкий детский крик, собачий скулеж и смачные фольклорные обороты в мужском исполнении – это хоровое выступление не могло не вызвать любопытства соседей. Ко всему прочему, через некоторое время к голосам добавился еще и запах дыма. К пожарам жители Ратного, по понятным причинам, относились очень серьезно, а потому уже через несколько минут и во дворе, над которым поднимался довольно жидкий дымок, и возле него, было не протолкнуться.

Тревога, впрочем, очень быстро сменилась весельем, и собравшаяся толпа, обретя внеплановое развлечение вместо необходимости производить пожаротушение с сопутствующими ему мероприятиями, расходиться не торопилась. Мишка, вместе с другими ребятами шмыгавший в толпе, вскоре уловил юмор ситуации. Оказывается, в поленнице дров, сложенной в несколько рядов под навесом, поселились осы. Хозяйка, вытаскивая полешки, постепенно добралась до того места, где жили воинственные насекомые, и потревожила их. Осы, скопом поднявшиеся по тревоге, «дали прикурить» всем находящимся поблизости так, что крики были слышны почти во всем селе. Хозяин дома, у которого уже заплывал волдырем правый глаз, а правое же ухо цвело, как райское яблочко, по-быстрому соорудил факел из бересты и ответно «дал прикурить» осам, сгоряча чуть не устроив пожар.

– Вот ведь пакость какая, – услышал Мишка чей-то голос в толпе. – Нет чтоб пчелы поселились, брали бы мед прямо у себя во дворе...

Мишка представил, как хозяин в сетке и с дымокурором лезет в дрова за медом и...

«Опаньки! Дед же был бортником! Ну не может он в лес ходить и по деревьям лазать. Так можно же дерево с пчелиным дуплом срубить, и притащить куда-нибудь, где с ним удобно работать. Да не одно дерево, а несколько – сколько выйдет. Получится пасека. Мед и воск ЗДЕСЬ товары весьма ходовые, даже являются предметом экспорта, если не ошибаюсь. В Новгороде – точно идут на экспорт, а здесь? Неважно, главное, дед займется привычным и прибыльным делом, а пчеловод – не пастух, совсем другой статус. И доход совсем другой.

Теперь весь вопрос в том, как идею «продать». Просто так дед может опять не дослушать, а по второму разу к нему и вообще не подступишься. Спокойствие, сэр, только спокойствие! Вы кто? Управленец или прачка? Управлять можно двумя способами: принуждением и манипуляцией. В вашем распоряжении имеется только второй. Что такое манипуляция? Попросту говоря, создание условий, когда управляемому кажется, будто он действует по собственной воле или в собственных интересах. Вот и попробуем подвести деда к нужным выводам так, чтобы он этого не заметил. Вперед, сэр Майкл, вас ждут великие дела!»

– Деда, а зачем перед бортью колоду на ремне вешают? – начал Мишка разговор издалека.

– Чтоб висела, – ответ отличался железной логикой и лапидарностью, но Мишка уже знал, что если все делать аккуратно, деда можно-таки разговорить.

– А зачем висела?

– Для спросу.

– А Демка говорил – медведей пугать.

– Самого бы его там подвесить, вот бы медведи напугались.

– Ну правда, деда, зачем колоду вешают? Она же тяжеленная, охота возиться. Не впустую же силы тратят?

Дед поскреб в бороде и с сомнением поглядел на внука, явно размышляя: прогнать или пообщаться?

– Кхе, вот ты, Михайла, что делаешь, когда тебе что-то мешает? – дед, похоже, остановился на втором варианте.

– Убираю.

– Вот и медведь лезет на дерево к дуплу, а колода мешает. Он ее – лапой в сторону, а она качнется на ремне и обратно. Он ее опять – лапой, а она еще сильнее качнется – да по башке ему. Он осерчает да еще сильнее, а она тоже – еще сильнее. А тут еще пчелы на шум вылетят и давай жалить.

– И что?

– А то! Медведь взбеленится да как хватит ее изо всех сил, а колода отлетит в сторону – да обратно. Бывает, так вцепит косолапому, что тот и с дерева сверзится. Почешет ушибленное место, плюнет и скажет: «Ну его, этот мед! Пойду я лучше Михайлу, Корнеева внука, съем!»

– А меня-то за что?

– А ты – как та колода: тебя отпихнешь, а ты снова лезешь.

Дед явно намеревался заканчивать разговор, надо было предпринимать срочные меры.

– Деда, ты же много знаешь, а я мало. Хочешь, чтоб я дурнем вырос?

– А на что тебе про борти знать?

– Ты же был бортником, и я стану, когда вырасту.

– Сначала вырасти...

– Деда, а дерево с дуплом – трухлявое?

– Бывает и трухлявое.

– А может упасть?

– Может и упасть.

– А куда пчелы деваются, если дерево упадет?

– Никуда. Если дождь дупло не заливает – так и живут. Но недолго.

– Почему недолго?

– Потому, что дупло низко, и всякий охотник до меда достать может, на дерево-то лезть не надо.

– А если дерево обратно поставить?

Дед наконец утратил безразличный вид: то ли начал сердиться, то ли, наоборот, заинтересовался беседой.

– Да что ты дурь всякую спрашиваешь? Кому надо дерево обратно ставить?

– Бортнику. Если пчелы передохнут или улетят – ему же убыток.

– И где ж ты такого богатыря видел, который упавшее дерево поднять да на место воткнуть может?

– А зачем все дерево? Можно только кусок с дуплом. И лезть высоко не понадобится. А еще можно этот кусок поближе к дому отнести, чтоб далеко за медом не ходить.

– Ага! И пчел научить, чтобы мед не к себе носили, а тебе прямо в рот.

– Хорошо бы, да не выйдет.

– А ты попробуй. Вдруг выйдет?

– Я бы другое попробовал...

– Что ж другое-то?

– Смотри, деда.

Мишка взял заранее подготовленную веточку.

– Вот дерево с бортью.

Кончик ножа покрутился в середине ветки, создавая имитацию дупла.

– Вот оно упало и лежит. Прихожу я ночью, когда все пчелы дома. Закрываю дупло.

Мишка облизнул березовый листик и заклеил им дырочку.

– Потом отрубая верх и низ.

Два движения ножа, верх и низ ветки упали на землю.

– Беру тот кусок, где дупло с пчелами и уношу туда, куда мне надо. Там рою яму и вставляю дерево, чтоб не падало.

Мишка воткнул обрезок ветки в землю.

– Перед утром открываю дупло и пчелы летят собирать мед. Дупло над землей невысоко, чтоб мне удобно было, а чтоб никто не лазал, вокруг забор ставлю. Потом еще одно дерево приношу, потом еще. Только где столько упавших деревьев с бортями взять, я еще не придумал.

– А-я-яй! Как же ты так? – дед сочувственно покачал головой. – Все придумал: и про яму, и про забор, только вот самого главного – где упавшие деревья... – Бывший сотник вдруг резко замолк и уставился невидящим взглядом куда-то в пространство. После недолгого размышления Корней Агеич просветлел ликом и совершенно не сердитым голосом шуганул от себя внука: – А ну-ка, иди отсюда, совсем своей трепотней извел... Иди-иди – делом займись!

«Тихо! Чапай думать будет! Поздравляю, сэр Майкл, клиент заглотнул блесну до самого кишечника. Считайте, что вам аплодирует все прогрессивное человечество во главе с Вселенским Патриархом... Как зовут – не припомню, но он не обидится».

Мишка уселся на свою лошадку и поехал вокруг стада, периодически оглядываясь на деда. Тот сидел возле потухшего костерка, крутил в руке Мишкину палочку и, кажется, что-то бормотал себе под нос. Через некоторое время Мишка услышал дедов крик:

– Андрюха! Андрюха, подъезжай-ка сюда, разговор есть!

Разговор продолжался недолго, дед что-то объяснял, бурно жестикулируя, а Немой сидел рядом на корточках и изредка кивал. Потом дед взобрался на лошадь и порысил в сторону села. Похоже, совещание окончилось, и дед отправился раздавать ценные указания и готовить операцию под кодовым названием «Борть». Автор проекта, совершенно не по-детски, удовлетворенно хмыкнул и отправился выгонять из кустов надумавшую прогуляться в лес буренку.

* * *

На пастбище дед не вернулся – прислал вместо себя близнецов дядьки Лавра – Кузьку и Демку. Ночью ни дед, ни Немой дома не ночевали и, как рассказали на следующий день близнецы, их отец – тоже. Немой появился в селе только на рассвете, когда надо было выгонять стадо на пастбище, а прибыв на место, сразу же завалился под кустом спать. Операция «Борть» началась!

Дед не появлялся дома двое суток – наблюдал за тем, как пчелы ведут себя на новом месте. Машка носила ему еду куда-то на другой берег реки, а потом красочно живописала изнывающему от любопытства семейству, как тот не отрываясь пялится на врытую в землю здоровенную колоду и что-то бормочет себе под нос. В головы женской половины семьи начало закрадываться подозрение, что старый не то повредился в уме, не то, впад в язычество, воздвиг деревянного идола, не то одно и другое сразу.

Потом все трое – дед, Немой и Лавр – вообще перестали ночевать дома, шастали по дедовым угольям, которые он так никому и не передал, валили деревья с бортями и возили колоды на основанную дедом пасеку. Операция «Борть» приняла полномасштабный размах. Дед перестал быть пастухом, что и требовалось, в соответствии с разработанным Мишкой планом. Дамскому контингенту в весьма нелицеприятных выражениях была разъяснена вся ошибочность и беспочвенность их подозрений, а также указано на гениальность главы семьи, для бабьего ума, само собой разумеется, непостижимую.

То, что на будущее лето ни Мишке, ни Немому пастушить уже не придется, ни малейших сомнений не вызывало, и это с исходными положениями плана совпадало также. Вторая задача – подъем материального благополучия семьи и повышение социального статуса – начала выполняться!

* * *

С третьей задачей – созданием своей команды – все пошло совсем не так, как Мишка предполагал. Общение со сверстниками не получалось, поскольку целыми днями Мишка пропадал на пастбище. Так, собственно, и планировалось, а потому никакого беспокойства не вызывало, основные усилия в этом направлении Мишка предполагал приложить по окончании пастбищного сезона. Но вот дед переехал на пасеку, а на его место заступили близнецы, и Мишка в очередной раз убедился в справедливости одного из постулатов теории управления: разрешение очередной проблемы, пусть даже и вполне успешное, порождает целое семейство новых проблем, которые тоже надо разрешать, причем не как-нибудь, а в направлении выработанной «генеральной линии».

В первый же день, увидев Мишкины упражнения с кинжалом, они прицепились с расспросами, но получив ответ в стиле деда Корнея – рекомендацию обращаться к Немому, вроде бы отстали, однако через несколько дней заявили на пастбище с ножами.

Тренировки они, глядя на Мишку, сразу же начали верхом, и в результате Кузька засадил себе нож в ногу, хорошо хоть – неглубоко, обошлось одной лишь перевязкой, и тащить мальчика к лекарке не понадобилось. Это происшествие все-таки вынудило Мишку вмешаться. Он попытался разъяснить близнецам, что начинать надо не с этого, показал деревянные кинжалы, дал несколько советов, основанных на собственном опыте и... понял, что влип.

Близнецы быстренько обстругали первые попавшиеся деревяшки и начисто забыли про исполнение пастушеских обязанностей. В одиночку Мишка справиться со стадом не мог, постоянно следить за близнецами и заставлять их трудиться – тоже. Каждый день он со страхом ожидал, что приходящие на дневную дойку женщины заметят непорядок и пожалуются на нерадивость пастухов.

«Ну-с, сэр, у вас есть два пути. Ничего не делать, немного подождать, и проблема рассосется сама собой – бесплодность усилий в сочетании с критикой порождает мощнейшую демотивацию. Братишки помучаются-помучаются, послушают мои издевательские комментарии и плюнут на упражнения. Вам это надо, сэр?»

Есть и второй путь, но придется вспомнить азы управления персоналом. Достаточно сильная мотивация заставит близнецов и без всякого понукания справляться с двойной нагрузкой – обязанностями пастухов и интенсивными упражнениями. Что требуется для формирования такой мотивации? Грамотный руководитель, в компетентности которого нет сомнений. Это, будем считать, имеется. Цель. Ну, близнецы ее сами определили – научиться обращаться с кинжалами так, как я. Четкая постановка задач, условий их исполнения. Это сформулируем. Еще – признание; между прочим, один из самых сильных стимулов. Это совсем не трудно – несколько поощрительных замечаний, полезные советы, изображение моей заинтересованности в их успехе. Ну и, наконец, положительный результат. Будет, сомневаться не приходится. Морока, конечно, а потому, сэр, все тот же сакраментальный вопрос: вам это надо?

В первом варианте меньше мороки, но отношения с близнецами, мягко говоря, не улучшатся. Во втором варианте головной боли предостаточно, но это может стать первым шагом к созданию своей команды. Один из основных критериев оценки в теории управления – «целесообразно-нецелесообразно». Целесообразен, несомненно, второй вариант, значит, работаем, сэр».

– Вот что, соколы ясные! – Мишка мрачно оглядел братьев. – Ничего у вас с этими деревяшками не выйдет! Ими только в заднице ковырять в безлунную ночь.

– Почему в безлунную? – тут же поинтересовался Кузька. Из двух братьев-близнецов он был более шустрым, безалаберным и, как слышал Мишка, более восприимчивым к обучению. Вот и сейчас Демка молчал, а Кузьке почему-то понадобилось знать, почему именно в безлунную ночь надо предаваться столь странному занятию.

– Чтобы не увидел никто и со смеху не помер, – просветил Мишка Кузьму и продолжил: – Сделаю вам такие, как надо, и научу всему, что умею сам, но при одном условии. Мы здесь для того, чтобы стадо в порядке содержать. А если хотите еще и упражняться, извольте приспособиться так, чтоб дело не страдало! Не выполните моего условия – никакой учебы! Понятно?

– Понятно! – дуэтом отозвались близнецы.

– Согласны?

– Согласны!

– Порядок будет такой, – Мишка воткнул в землю палку, – смотрите сюда. Когда мы пригоняем стадо на пастбище, тень падает так, – он положил еще одну палку на землю. – Когда бабы приходят на дневную дойку, тень падает так, – на землю легла еще одна палка. – Все время, пока тень проходит отсюда досюда, делим на три части, вот так, – еще двумя палками Мишка разделил получившийся сектор на три равные доли. – Первым упражняется Кузьма, вторым – Демьян, потом я. В это время вы занимаетесь стадом и следите за дорогой. Как только покажутся бабы, предупреждаете меня. Никто не должен видеть, как мы отвлекаемся от работы. После дойки опять делим время на три части. Понятно?

– Понятно!

– Согласны?

– Согласны!

– А теперь – самое трудное. За временем следит тот, кто упражняется, у остальных дел и без того достаточно. Тот, кто задержится дольше положенного – так, что тень уйдет за палку, на следующий день занятия пропускает. То же самое и если кто-то из вас не будет справляться с работой. О согласии не спрашиваю – будет так, как я сказал!

Мишка, уловив вдруг, что близнецы смотрят не на него, а куда-то ему за спину, обернулся и увидел

Немого, внимательно слушающего разговор. Поймав Мишкин взгляд, Немой даже не кивнул, а лишь слегка прикрыл глаза в знак одобрения. Это была первая похвала за два месяца учебы!

«Интересно... Вы заметили, сэр, что досточтимый Эндрю, эсквайр, впервые похвалил вас, но не за успехи в учебе, а за то, что вы нахально взяли на себя роль лидера в команде из трех человек? Он ведь видел, что ваши кузены сачкуют, но не вмешивался. Почему? Ждал, когда вы найдете выход самостоятельно?»

И вот еще что. Досточтимый Эндрю, эсквайр, конечно, старше вас на семнадцать лет, ему тридцать. С учетом его очень своеобразного характера, где он набрался такой мудрости? По меньшей мере, две из решаемых вами стратегических задач решаются под его патронажем: физическое развитие и создание команды. Ставлю шиллинг против фартинга, здесь не обошлось без лорда Корнея! А если это так, то какую цель преследует поименованный лорд? Вы ведь, сэр, тоже объект управления, вас куда-то ведут или к чему-то готовят. Куда? К чему? Не кажется ли вам, сэр, что это полезно было бы выяснить? Кажется, блин! Еще как кажется! Значит, будем выяснять!»

Толчок в плечо вывел Мишку из задумчивости. Указательный палец Немого был нацелен на место очередного беспорядка, который надо было устранять. Мишка вскочил в седло и... какой дурак сказал, что жизнь ковбоя полна романтики?

Поразмыслить удалось только вечером.

«Почему, собственно, я решил, что мое будущее волнует только меня одного? Через дедовы руки прошли десятки, если не сотни, новобранцев. Он что, не замечал моей физической немощи? Конечно же, замечал и принял меры – проинструктировал соответствующим образом Немого. Это – раз. Дальше. Сотником он тоже стал не сразу. Какую он при этом школу прошел, я даже представить себе не могу. Но он-то все помнит. Мог он решить воспитывать во мне навыки лидера? Вполне мог. Представился случай, и Немому было дано указание не вмешиваться и посмотреть, как я смогу решить проблему с близнецами самостоятельно. Судя по реакции Немого, первый экзамен я выдержал, остается не подгадывать и дальше.

Что ж, в решении, по меньшей мере, двух задач из трех я могу рассчитывать на поддержку. Тем лучше – легче их решать, не выходя из образа пацана. Пусть старый думает, что я ни о чем не догадываюсь».

Следующие несколько дней Мишка выстругивал для близнецов деревянные кинжалы, потом тренировки пошли уже по методике, которую способен разработать человек XXI века – мало умеющий, зато почти обо всем хоть чего-то, но знающий. Немой не возражал.

* * *

Так у Мишки появилась своя команда, пока только из двух человек, но, даже и такая малочисленная, она добавила хлопот выше крыши. Например, «спортзал» появился именно из-за близнецов.

Организовать его Мишке пришлось не от хорошей жизни. Его вечный противник Ероха доставал Кузьку и Демку не меньше, чем самого Мишку – они ведь тоже были внуками сотника Корнея. От Мишки он постепенно отвязался, поскольку начал чувствительно получать сдачи, и стал отыгрываться на близнецах, бывших на год моложе и, следовательно, слабее. И вот однажды, окруженные пятерыми приятелями Ерохи, и чувствуя, что дело идет к крепкой трепке, близнецы схватились за ножи, благо после летних тренировок на пастбище они с ними никогда не расставались.

Слава богу, именно в этот момент рядом проходила тетка Алена – шестипудовая бабища богатырского роста, никогда не упускавшая случая применить физическое воздействие, что называется,

невзирая на лица. Бывало, и взрослым мужикам от нее доставалось, а уж пацанью... А тут еще в руках у Алены, как на грех, оказалось коромысло, и побоище получилось прямо-таки эпическим.

Пришлось пообещать научить Кузьку и Демку кулачному бою, иначе они либо Ероху, либо кого-нибудь из его компании непременно порезали бы. От прежних благополучных времен, когда на подворье у деда Корнея проживало до тридцати человек сразу, осталось несколько неиспользуемых помещений, пустующих или заваленных всяким хламом. Мишка с помощью близнецов очистил один из таких сарайчиков и превратил его в спортзал.

Установил турник, подвесил мешок с песком, к потолку прикрепил лесенку, по которой можно было передвигаться, перебирая руками перекладины. Названия последнего снаряда Мишка так вспомнить и не смог, но делу это не мешало. На задней стене сарая начертил контур человеческой фигуры – для метания ножей.

Особой его гордостью стал тренажер, скопированный из старого американского кинофильма «Спартак» с Керком Дугласом в главной роли. Это была свободно вращающаяся вокруг вертикальной оси крестовина, к концам поперечной перекладины которой на веревках крепились мешочки с мелким гравием. При ударе по одному из концов поперечины вся конструкция резко проворачивалась и мешочек, размером с кулак, по совершенно непредсказуемой траектории летел в голову или туловище тому, кто нанес удар, приведший тренажер в действие. В кино, правда, вместо мешочка с гравием была показана металлическая гиря на цепи, но столь радикальное средство тренинга Мишка применять просто побоялся.

Раздумывал Мишка и над созданием макивары,^[3] но по зрелом размышлении пришел к выводу, что впечатлений от просмотра фильмов о восточных единоборствах для правильного использования этого снаряда недостаточно, и ограничился обычным боксерским мешком и боксерской грушей.

Уговорить кузенов на занятия оказалось не слишком трудно. Во-первых, их подкупило сообщение, что от висения на руках быстрее прибавляется рост. Об этом Мишка действительно где-то читал. Во-вторых, Кузька, получив при первой же пробе «киношного» тренажера мешочком в ухо, почему-то не огорчился, а преисполнился пламенного энтузиазма. Теперь его любимым делом было лупить по разным концам поперечины и, увернувшись от мешка, бить кулаком в обмотанную рогожей верхнюю часть крестовины, на которой он собственноручно намалевал рожу, уверяя, что это – точный портрет Ерохи.

Мишка тоже азартно избивал мешок, чертом прыгал около крутящейся крестовины, до изнеможения упражнялся на турнике, но сомнения в том, что он учит братьев тому, чему нужно, и так, как нужно, его не оставляли.

Наконец дожили до «светлого денечка» – высочайшего посещения «спортзала» Корнеем Агеичем в сопровождении Немого. Комментируя каждое свое действие универсальным «Кхе!», дед потыкал кулаком в мешок с песком, попробовал, не шатается ли турник, постучал костяшками пальцев по лбу нарисованного на стене контура и впал в задумчивость, разглядывая прикрепленную к потолку лесенку.

В это время Немой со всей дури двинул кулаком по вращающейся крестовине и, получив в ответ по морде, настолько обалдел, что Мишка чуть ли не впервые в жизни узрел на его физиономии хоть какое-то выражение. Дед сразу оживился:

– А ну-ка, Андрюха, вдарь еще!

Немой вдарил. На этот раз мешочек пошел низом и приложил его куда-то в район печени. Немой слегка скособочился и с некоторым уважением поглядел на конструкцию, увенчанную портретом Ерохи, выполненным в сюрреалистической манере.

– Кхе! Ловко придумано! А ну, еще!

На этот раз Немой не сплеховал и, отбив локтем летящий в него снаряд, двинул кулаком по «портрету». В сарае аж гул пошел; живой Ероха наверняка был бы убит наповал.

Дальше занятия продолжились под руководством деда, и Мишка в очередной раз убедился в вопиющем незнании отечественной истории. Несмотря на полное отсутствие на Руси чего-либо, напоминающего монастырь Шаолинь, русские ратники приемами рукопашного боя отнюдь не пренебрегали. То, что преподавал отрокам дед Корней, не было в чистом виде борьбой или боксом. Ближе всего, в Мишкином понимании, это было к греческому панкратиону, разве что дед не позволял кусаться и царапаться.

Впрочем, в настоящем бою, по его словам, можно все: чем супостата приложил, то и хорошо. Действительно, в реальной схватке победу не по очкам засчитывают, выражение «победа или смерть» из пропагандистской фразы превращается в суровую прозу жизни. Или смерти.

Занятия шли всю зиму. После возвращения отроков из школы отца Михаила дед загонял их в сарай и, сидя на лавке у стены, беспощадно командовал упражнениями на снарядах или спаррингами, а когда физическая нагрузка или уровень мордобойности казались ему недостаточными, подключал к делу Немого. Спарринг с Немым для мальчишек заканчивался всегда одинаково: ударом, пробивающим любую защиту, от которого невозможно увернуться. Кузьке, правда, однажды увернуться удалось: Немой просто-напросто не ожидал, что для спасения от его кулака парень треснется головой о стенку сарая так, что потеряет сознание.

После окончания тренировки начиналось самое ужасное: со всеми свежими и не очень гематомами, растяжениями, ушибами, сотрясениями и прочими удовольствиями ребят отправляли на хозяйственные работы. Философия деда Корнея была проста: что бы с тобой ни приключилось, пока ты держишься на ногах, ты дееспособен по полной программе. Боль и недомогания надо уметь преодолевать. Умей собраться после тяжелого удара, умей быстро прийти в себя после потери сознания, умей действовать одной рукой, если вторая тебе не подчиняется – и так далее, и тому подобное. Садизм, да и только.

Но зато весной! Как-то так получилось, что за всю зиму ни Мишке, ни близнецам схлестнуться с Ерохой не пришлось. Впрочем, после тренировок под дедовым руководством и работ по хозяйству братьям было не до гуляния по улицам. Возможно, Ероха, школу не посещавший, решил, что Корнеевы внуки от него прячутся, возможно по какой-то другой причине, но однажды, когда уже начал сходить снег, он с пятью приятелями подстерег их по дороге от церкви к дому.

– Ну что, недоноски? Скоро снова моих коров пасты будете?

Соотношение один к двум давало ему полную уверенность в безнаказанности и в том, что потеха удастся на славу. Мишка испугался. Не того, что их побьют – если это даже и случится, желание развлекаться подобным образом они у Ерохи сумеют отбить надолго. Он испугался того, что близнецы в случае неблагоприятного развития ситуации снова схватятся за ножи. Впрочем, они могли это сделать и с самого начала – чтобы уравнивать шансы. Что ни говори, а научившись метать острое железо, ребята сделались опасными, как скорпионы.

– Спокойно, соколы ясные, работаем, как с деревяшками. Если положим их голыми руками, это уже навсегда, они нас стороной обходить будут, а не мы их. Запомните: за нож хватается только слабак, а мы же не слабаки?

– Их шестеро.

В голосе Демки не было страха, только констатация факта, это Мишку немного приободрило.

– Кузька, Ероху мне отдашь или сам хочешь?

- Сам хочу!
- Демка, Мешок с твоей стороны, как разбежится, бей по ногам.
- Знаю!
- Не ждем, вперед!

Ерохина команда ожидала чего угодно, только не нападения. Первый Мишкин противник так ничего предпринять и не успел, только громко лязгнул зубами, когда кулак врезался ему в подбородок. Чистый нокаут! Второй успел замахнуться, но тут же скорчился от удара ногой в промежность. Мишка оглянулся. Борька-Мешок лежал на животе и как раз подтягивал под себя ноги, чтобы подняться на четвереньки, а Демка молотил, действительно как деревяшку, Пашку, прижатого спиной к забору и, видимо, только поэтому не падавшего на землю.

Кузька – артистическая натура – как всегда, соригинальничал: обхватив Ероху руками и ногами, он повис на своем противнике как клещ и методично бил его головой в лицо. Еще один Ерохин приятель, Филька, не придумал ничего лучше, как попытаться оторвать Кузьку от Ерохи, обхватив его руками за туловище сзади. Получив затылком по носу, он отшатнулся и на какое-то время потерял всякий интерес к происходящему.

Ероха, поняв наконец, что Кузьку ему не отодрать, просто упал вперед, подмяв его под себя. Кузька ударился о землю спиной и затылком, руки его разжались, и Ероха, приподнявшись, уже занес кулак для удара, когда Мишка от всей души врезал ему ногой по ребрам. На этом силовая часть противостояния закончилась, и началось чистое издевательство.

Демка оседлал стоящего на четвереньках толстяка Борьку и, кажется, собирался прокатиться на нем по улице. Кузька, хоть и нетвердо стоя на ногах, пинал корчащегося на земле Ероху, остальные противники лежали, только один Филька стоял посреди всего этого побоища, держась руками за разбитый нос. Мишка уже было собрался врезать и ему, но тут зацепился за что-то периферийным зрением.

Повернув голову, он успел заметить уходящих за угол деда и Немого. На том месте, где они только что находились, стоял соседский малец Прошка, которого несколько раз ловили на том, что он подсматривал за тем, как Мишка с близнецами тренируется. Мишка поманил его рукой, но Прошку явно терзали сомнения.

- Не бойся, не трону, иди сюда!

Прошка еще немного подумал, потом подошел, но было видно, что он готов задать стрекача в любой момент.

- Не бойся, не трону, – еще раз, на всякий случай, повторил Мишка. – Это ты деда с Немым позвал?
- Ага, я сразу догадался, что Ероха с дружками вас тут поджидают, они сами говорили...
- Так догадался или говорили?
- Говорили, ну а я и догадался.
- И дед с Немым с самого начала все видели?
- Нет, они еще раньше подошли, но не показывались.
- Так если раньше подошли, значит, с самого начала видели?
- Ага!
- А что говорили?

- Так он же – немой!
- Ну ладно, дед говорил что-нибудь?
- Ага.
- Что?
- Сначала сказал: «За ножи бы не взялись».
- А потом?
- А потом сказал: «Первыми нападать надо».
- А потом? Да что из тебя все клещами тянуть надо? Говори все сразу: что дед еще сказал?
- «Ядрена Матрена», это когда ты Ероху ногой...
- И все?
- Все. Ой, нет! Он еще сказал: «Пошли, Андрюха».

«Мои поздравления, сэр Майкл! Выпускной экзамен мордобойного колледжа имени лорда Корнея Ратнинского успешно сдан. Экзаменационная комиссия удалилась для написания протокола и заполнения дипломных корочек. Неужели они были так уверены в результате или все-таки рассчитывали вмешаться, если дело обернется скверно? Но как вы, сэр, совпали мыслями с лордом Корнеем! Стратегия, блин».

– Минька, ты его что, убил? – прервал Мишкины размышления Прошка.

– Кого?

– Афоню. Вон лежит и не шевелится, и бледный весь.

– Ну всего-то ты не видишь, только морду.

Мишка взял Афоню за руку, нащупал пульс.

«Живой, слава богу, но крепко я его приложил. Как бы сотрясения мозга не было, надо его как-то в себя приводить».

– Прошка, возьми его шапку, зачерпни воды в канаве.

– Так грязная, нельзя ее пить, мне маманя говорила что...

– Да не пить! На голову вылить, чтоб в себя пришел.

– Ага, сейчас.

Прошка зачерпнул полную шапку и щедро плеснул Афоне в лицо. Весенняя вода была ледяной, парень залупал глазами и замычал что-то нечленораздельное.

«Блин, челюсть, что ли, сломана? Это хреново, челюстно-лицевой хирургии ЗДЕСЬ, кажется, нет. Неприятностей не оберемся. Ну вы и Геракакел, сэр, с одного удара! Пошли дурака Богу молиться, он челюсть сломает, но не себе».

Мишка помог Афоне сесть, и тот выплюнул себе на колени сгусток крови и выбитый зуб.

– Минька, ты шо, ш ума шошел?

– Пока нет, но сейчас сойду и еще тебе добавлю!

– Ошшань, шука! Я ошшу вше шкашу, он чефя...

– Скажи, скажи, он тебе еще добавит. Встать можешь?

– Шаш вштану, ох...

Афоню потряс приступ рвоты. Мишка брезгливо отстранился, огляделся по сторонам. Демка отъехал верхом на Борьке уже довольно далеко. Около забора возился, пытаясь подняться, Пашка. Филька брел по улице, все еще держась за расквашенный нос, ни Ерохи, ни Кузьки не было видно.

«Ероха сбежал! Бросил своих и сбежал, а Кузька за ним погнался! Вот это фортель – Кузька гонится за Ерохой! Мир перевернулся. «Ура! Мы ломим, гнутся шведы!»»

Рядом сидел, держась руками за пах, еще один из Ерохиной компании; как его зовут, Мишка забыл.

– Эй ты, придурок! Тебе, тебе говорю! Хватит за яйца держаться, вставай!

– Ы-ы-ы...

– Вставай, я сказал! Сейчас еще схлопочешь, мало одного раза?

– Ы-ы-ы...

Пришлось подойти и отвесить страдальцу подзатыльник.

– Не нада-а-а!

– Вставай, балбес! Попрыгай, помогает.

Пацан со стонами и оханьем поднялся наконец на ноги.

– Минь, а что, правда помогает? – поинтересовался Прошка.

«Ну до чего же любознательная молодежь пошла. Естествоиспытатель Прохор, тудыть тебя».

– Хочешь попробовать?

– Не, не хочу.

– Ну и не лезь тогда.

Мишка повернулся к предыдущему «собеседнику».

– Ну что, очухался, болезный? Ну-ка, помоги Афоню поднять!

Поставленного вертикально Афоню ощутимо шатало, он что-то шипел, брызгая кровавыми слюнями, но новых приступов рвоты не было, и Мишка решил, что сотрясения мозга, возможно, нет.

– Отведи его домой. Понял?

– Угу.

– Узнаю, что бросил по дороге, вообще все отобью, не только яйца! Понял?

– Угу.

– Если понял, повтори.

– Чего еще повторять-то... Ой, чего дерешься?

– Повтори!

– Отвести домой, если брошу, все отобьешь.

– Умница, сразу бы так. Вперед!

Мишка обернулся к Пашке, как раз поднявшемуся с земли, перебирая руками по забору.

– Пашка! Сам домой дойдешь?

– Гнида! Я тебя еще поймаю, кровью умоешься!

– Зачем ловить? Я здесь.

– Погоди, паскуда, еще встретимся, кишки на плетень мотать буду!

– Встреча уже произошла, получи!

Пашка снова шмякнулся о забор и сполз на землю.

– Еще хочешь?

– Землю жрать будешь, паскуда, на брюхе ползать...

«Вот это характер! Наш человек, такого бы в свою команду...»

– Ладно, уговорил. В любое время и в любом месте, когда захочешь. Только захочешь ли?

– Выть будешь, как пес, ноги мне лизать...

– Демка! Слезай, пошли Кузю искать!

* * *

Так Мишка досрочно решил первую задачу – стать сильнее всех своих сверстников. Физически, возможно, кто-то из них и превосходил его силой, но по боевым качествам Мишка стал первым. Учить сыновей военному делу в Ратном начинали с двенадцати лет, так что формально дед правил не нарушил. Нож оружием не считался, скорее – хозяйственным инструментом, верхом умели, лучше или хуже, ездить все мальчишки, а что касается кулачных боев, то, осуждая их на словах, особенно если случались серьезные травмы, мужская часть населения втихомолку это дело приветствовала – воина надо готовить с детства.

А «спортзал» так и остался. Уже не каждый день, но хотя бы пару раз в неделю дед гонял отроков на тренировки, заставляя поддерживать форму.

Глава 3

Лето 1124 года. Окрестности села Ратное

Как Мишка и предполагал, пасти коров ему больше не пришлось: стоило только сойти снегу, и он, вместе с дедом, перебрался на пасеку, поселившись там в поставленной за зиму избушке, помогая деду в работе и, время от времени, поражая сам себя фантастическим сочетанием вопиющего невежества и совершенно неожиданных теоретических познаний в области пчеловодства.

Так, для него оказалось совершеннейшим сюрпризом то обстоятельство, что пчелы собирают не только нектар, но и цветочную пыльцу. Как сказал дед, эти разноцветные горошинки, с булавоочную головку величиной, пользовались огромным спросом у лекарей, и купцы платили за них серебром, забирая, сколько бы не предложили.

Зато дед не знал, что вылетевший рой можно догнать и, когда он повиснет живым шаром на ветке дерева, стряхнуть в какую-нибудь емкость, например, в берестяной туюсок. Когда Мишка в первый раз принес на пасеку такую добычу, оказалось, что селить новую пчелиную семью некуда. Немедленно Немой и Лавр были мобилизованы на поиски и заготовку дуплистых деревьев, кроме того, дед довел до них строжайшее указание о повышении бдительности и мерах, кои следует предпринять, если кто вдруг углядит вылетевший рой. Мишка же втихаря занялся изготовлением улья, которого, как водится, вживую никогда в жизни не видел, руками не щупал, но устройство которого, главным образом из телепередач, знал. Или думал, что знает.

Вот так, преследуя однажды ещё один пчелиный рой, Мишка зацепил краем глаза что-то чужеродное, неуместное в этом лесу, что-то такое, чего здесь находиться не должно, но пробежал мимо – рой был важнее. На следующий день он попытался повторить свой вчерашний маршрут. Что-то привлекавшее внимание, но не зафиксированное сознанием, не давало покоя, как попавший в обувь камешек. Побродив с полчаса по лесу и уже собираясь повернуть назад, Мишка наконец набрел на это «что-то».

Из травы на него пялился пустыми глазницами человеческий череп в покрытом ржавчиной воинском шлеме. Тут же нашлась и обвисшая на ребрах кольчуга, пояс с серебряными бляхами, но почему-то без меча, только с одним кинжалом, легкое копьецо. Невдалеке белел костями конский скелет в остатках дорогой сбруи, украшенной серебряными бляшками с таким же рисунком, как и на поясе.

На любого нормального человека вид непогребенного покойника производит удручающее впечатление, но главное потрясение Мишка испытал, когда, неосторожно отгибая высокую траву, толкнул шлем. Тот откатился в сторону, и на землю выпала толстая темно-русая коса. Скелет был женским! Сразу стали понятными и отсутствие меча, и несерьезная легкость, и тонкость копья, и... самострел, притороченный вместе с седельными сумками на спине лошадиного скелета.

На шее у покойницы поблескивала золотая цепочка. Преодолевая внутреннее сопротивление, Мишка оттянул ворот кольчуги и вытащил оберег – оправленный в золото острый осколок кремня – «громовая стрела». Все стало еще непонятнее. Громовая стрела – знак бога Перуна, а здешние язычники поклоняются Велесу. Женщина в воинском облачении, явно не бедная, одна, совершенно очевидно, приехавшая издалека. Травм или следов, оставленных оружием, вроде бы не видно, наверное, заблудилась, попала в метель. Снегом занесло так, что хищники не добрались, иначе кости были бы растащены далеко вокруг.

«Вот вам, сэр, одна из трагедий, сюжета которой, вы, скорее всего, не узнаете никогда. Только финал, а он печален. К кому ж ты ехала? Кому сообщить о твоей смерти? Блин, придется изображать

напуганного мальчишку: «Деда! Деда! Там покойник в лесу!»»

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
Тятя! Тятя! Наши сети
Притащили мертвеца!

Может, самому похоронить? Вот ведь как интересно: был бы мужик, даже не задумался бы, а с женщиной хочется поступить как-то... по-джентельменски, что ли. Чтоб лишние глаза не пялились. Нет, все равно придется на пасеку за лопатой идти, дед спросит: зачем? Да и не зарывают своих поклонники Перуна, а сжигают».

Дед, на удивление, отнесся к языческим обычаям весьма лояльно. Вместе с Мишкой устроил погребальный костер, а когда огонь угас, сгреб пепел и все, что не сгорело, в кучку, и велел забросать место кремации землей так, чтобы получился маленький холмик – миниатюрная копия кургана. Может, откупался таким образом – все ценное, кроме «громовой стрелы», он тщательно собрал и унес с собой.

А ценного оказалось много. Кроме шлема и кольчуги, хоть и заржавевших, но стоявших очень и очень недешево, серебряных блях с пояса и сбруи, были еще и массивный золотой перстень с камнем, объемистый кошелек с серебряными монетами, несколько чисто женских вещей из драгоценных металлов: полированное серебряное зеркальце, золотой гребень, золотой браслет, височные кольца, ожерелье из бронзовых бубенчиков...

Мишку же пленил самострел, какими-то сложными ассоциативными связями напомнивший ему армейский АКМ из ТОЙ жизни. За эмоциями потащились прагматические размышления.

В тот день Мишка впервые вспомнил дедовы рассказы о Младшей страже. Возрождение старой традиции – вполне реальный путь к созданию своей многочисленной команды, которая может стать кадровым резервом на всю оставшуюся жизнь. Вспомнить хотя бы тот же комсомол: связи и знакомства, сохранившиеся со времен молодости, продолжали действовать даже тогда, когда уже не стало ни комсомола, ни страны, в которой он был...

«Пожалуй, дело реальное, во всяком случае, пацаны на живое оружие косяком попрут, и дисциплину терпеть станут, и командиром меня признают. Ну а дальше посмотрим; чтоб от такой структуры я ничего понять не смог? Ну уж, дудки!»

Гладко было на бумаге... Взвести самострел Мишка не смог – не хватало сил. Может, и имелось у той женщины какое-то приспособление для натягивания тетивы, но на месте ее смерти ничего подобного не обнаружилось – потеряла, или еще что-то... Пришлось напрягать инженерную мысль, основывающуюся, главным образом, на еще школьных знаниях из области классической механики.

Для начала Мишка попробовал определить силу натяжения тетивы. Закрепив самострел на дереве, повис на тетиве всем своим весом. Ничего не вышло. Потом, соорудив веревочную подвеску, начал добавлять дополнительный груз и, наконец, добился своего: самострел взвелся и встал на стопор. Оказалось, что для этого требуется усилие, примерно в два с половиной раза превышающее вес самого Мишки. Со всей остротой встал вопрос о рычаге. Прикидывая так и сяк, делая деревянные модели, Мишке, в результате почти двухнедельных усилий, удалось создать требуемую конструкцию. По расчетам выходило, что придуманный механизм сможет приводить самострел в боевое положение, если на рычаг, закрепленный сбоку, надавливать ногой.

Теперь все это требовалось как-то воплотить в металле. Без дипломатических переговоров было не обойтись, опять приходилось обращаться к деду. Однако жизнь снова внесла свои коррективы в Мишкины

планы, да еще такие коррективы, что, как говорится, не дай бог!

* * *

Однажды утром на тропинке, ведущей к пасеке, появилась телега, нагруженная домашним скarbом, которую тащили Немой и дядька Лавр. Сзади телегу подталкивали мать и Кузьма с Демьяном. Рядом с телегой шли жена Лавра – тетка Татьяна и Мишкины старшие сестры, держа за руки младших близнецов. То, что в телегу не запрягли лошадь, удивления не вызывало – на пасеке коням лучше не появляться. Пчелы не переносят запаха лошадиного пота, могут зажалить скотину насмерть. Но вот то, что все семейство, собрав вещички, подалось из села, вызывало самые нехорошие предположения.

Впрочем, долго терзаться догадками Мишке с дедом не пришлось, все объяснили лишь два слова, которые даже не сказал, а выдохнул Лавр:

– Моровое поветрие.

Эпидемия! Как объяснил дядька Лавр, в ближайшей деревне, находившейся примерно в половине пешего дневного перехода от Ратного, пластом лежат уже почти все. Весть эту принесли беженцы, которых в село не пустили, да они и сами не очень-то набивались. Сообщили об опасности и пошли дальше.

Было это с неделю назад, а вчера вечером у дедова подворья появилась Юлька, заходить не стала, а крикнула матери с улицы, что в селе появились сразу четверо больных. Дядька Лавр долго раздумывать не стал, за пару часов погрузили все, что можно было увезти на трех имеющихся телегах, забрали скотину и, не дожидаясь утра, отправились на пасеку к деду.

«Юлька... не заходила во двор, покричала издали, значит, уже побывала около больных, боялась заразить. Господи, если Ты и в правду есть, помоги ей, не дай умереть...»

Откуда такие мысли, сэр? Вам всего тринадцать лет! Заткнись, мудак! Мне – пятьдесят с лишним, и я ничем и никому не могу помочь. Даже если бы ТАМ я был врачом, неизвестно, помогли бы мне мои знания или нет, а вот ей действительно еще нет двенадцати, и она, вместе с матерью, будет ходить от одного инфекционного больного к другому и даже не подумает смыться из села, чтоб спастись. И никакой клятвы Гиппократу, никаких наград или привилегий. Делай, что должен, и будет то, что будет. Вот на таких Юльках Держава больше тысячи лет и продержалась, а потом пришли борцы за «общечеловеческие ценности», мать их всех!

Что ж делать-то? Ничего. Просто ждать. Вы ведь, сэр, даже молиться по-настоящему – искренне – не можете, так что учитесь у женщин. Они чуть ли не каждый год своих мужчин на рать провожают. И ждут, ждут, ждут...»

* * *

Жизнь продолжалась. Мужи в три топора за несколько дней поставили поодаль от пасеки сруб, близнецы в поте лица таскали с реки булыжники – сначала для печи, потом для кузнечного горна, Мишку поставили пасти небольшое семейное стадо, и вообще, было такое впечатление, что устраиваются здесь чуть ли не навсегда.

По вечерам за столом разговоры шли исключительно на хозяйственные темы: чем крыть крышу у новой избы, где раздобыть глины для раствора, сколько времени осталось до покоса. Об эпидемии, о возвращении в село, об оставшихся там друзьях и родственниках, словно сговорившись, не произносили ни слова.

Когда в кузнице, устроенной под навесом, запыхтели мехи и застучал молот, совершенно неожиданно для Мишки оказалась востребованной его идея с косой-литовкой. Лавр зазвал Мишку в кузницу и начал расспрашивать о подробностях. Мишка, как мог, отвечал, а на следующий день уже строгал ручку и

благодарил Бога за то, что однажды из чистого любопытства поинтересовался тем, как устроена рогулька (или как там она называется), за которую держится одной рукой косарь.

Экспериментировать тоже пришлось на себе, натирая кровавые мозоли и то загоняя лезвие в землю, то впустую промахивая им в воздухе. Зато когда приноровился и дело пошло, посмотреть на новый способ косьбы собралась вся семья. Получалось и вправду производительнее, чем горбушей или серпом, к тому же, стоя прямо, косить мог и дед, несмотря на деревяшку вместо правой ноги, поэтому через пару дней Мишка уже выступал в роли инструктора. Скажи ему кто-нибудь ТАМ – в прошлой жизни, что он будет учить прирожденных землепашцев косить, Мишка даже за шутку это не посчитал бы, просто решил бы, что имеет дело с психом.

Хорошо ли, плохо ли внедрял он «передовую технологию», правильно или неправильно, но внутрисемейный статус Мишки эта история изменила. Однажды вечером, когда, еле двигаясь от усталости, он приплелся с покоса, дядька Лавр, со словами «а ну, давай-ка, муж честной», повлек его за мужской стол. Мишка даже решил, что это шутка, ему только-только должно было исполниться тринадцать, он все еще жил на женской половине дома...

– Давай, давай! – приободрил его Лавр. – Вместе работали, вместе и есть садимся.

Мать безмолвно добавила четвертую ложку, дед ограничился своим любимым «Кхе!», а Немой, как и всегда, остался совершенно невозмутим.

– Жуй, Минька, – бодро напутствовал племянника Лавр, – да подумай: что бы еще такого полезного придумать. К деду не ходи, а давай сразу ко мне, вместе помудрим.

– Но-но, мудрецы! – Деду такой подход явно не понравился. – Что, думаете, я совсем из ума выжил?

– Ну что ты, батюшка! – сразу пошел на попятный Лавр. – Просто не хочу тебя от дела попусту отвлекать, вдруг не получится ничего. А так мы попробуем, если что выйдет, сразу тебе покажем.

– Попусту, попусту... Да помню я, что он про эту штуку еще в прошлом году толковал! Вот взяли бы да тогда и попробовали, а то опять я во всем виноват!

– Да кто ж про виноватость говорит? Батюшка, мы же со всем уважением...

– Говорить не говорил, но подумал! С уважением они... Михайла, а ты и впрямь еще чего-то выдумал?

«Сказать про самострел? Нет, дед явно ждет чего-нибудь по хозяйству. Вообще-то Лавр прав: деда из дискуссий надо исключать – творческой жилки в нем ни на грош, а консерватизма – выше крыши. А Лавра интересует не столько результат, сколько процесс творчества, хотя и результат – тоже дело важное. Прав был Александр Сергеевич: «Нас мало избранных – счастливых праздных, пренебрегающих презренной пользой». Продам-ка я деду улей, а с Лавром потом займемся».

– Выдумал, деда, для пчел.

– Что – для пчел?

– Домик, я уже и делать начал, но пока не закончил.

– Что ж им, плохо в колодах живется?

– Им-то, наверное, хорошо, но я про тебя думал. Чтобы удобнее было и чтобы деревья из лесу не таскать.

– Тогда давай доедай, и пойдем, покажешь. Где он у тебя?

В принцип устройства улья дед «въехал» почти сразу. Несколько раз вытащил и вставил рамки, снял и поставил крышку, потом выдал резюме:

– Лавруха, вместе с Михайлой, как только докосим на тех полянах, быстро доделываете эту штуку, первую же семью, какая вылетит, селим сюда!

«Наконец-то можно будет день-два провести с дядькой Лавром, без дедова пригляда, и потолковать о... Стоит ли начинать сразу с самострела? Может, сначала лучше заинтересовать дядьку чем-то, что его по-настоящему увлечет? Какую-нибудь механическую штуку, над которой надо покорпеть. Проведем вместе достаточно много времени, совместное творчество всегда сближает. Тогда легче будет уговорить его на модернизацию самострела. Если все сделаю правильно, он просто-напросто воспримет это как еще одну интересную техническую задачу».

Через несколько дней, помогая Лавру доделывать улей, Мишка начал осуществлять свой план соблазнения изобретателя-самоучки.

– Дядька Лавр, я, вообще-то, давеча о другом рассказать хотел, но деду это неинтересно, он не дослушает и запретит. Я конную косилку придумал.

– Конную? Это как же?

Мишка притащил макет, сделанный из щепочек и воска.

– Вот передок от телеги. От того колеса, на котором едем, крутится другое колесо. К нему прикрепляется вот эта штука, вроде как гребень, и он ходит туда-сюда. А второй такой же гребень – неподвижный. Трава попадает между зубьями и срезается.

– Интересно... Сам придумал?

– Да где ж такое увидишь?

– Это ж надо будет как-то сделать, чтоб второе колесо быстро крутилось... Зубья должны плотно прилегать, а то траву только мять будет, а не резать... железа много уйдет, или гребень сделать дубовый, а только зубья железные? Все равно как-то надо, чтобы все одинаковыми получились...

Дядька Лавр забыл все на свете, ушел в иной, недоступный окружающим мир, и в этом своем мире он был по-настоящему счастлив. Мишка даже почувствовал себя лишним, нахально подглядывающим за чем-то интимным.

Дальше дни полетели, как в угаре. Близнецы были безжалостно отправлены пасти скотину, дед ковырялся на пасеке в одиночку, а Мишка с Лавром засели в кузнице. Спорили, ругались, радовались удачным решениям, начисто забыв о разнице в возрасте и каждый раз с удивлением обнаруживая, что день уже закончился и кого-то из младших близнецов присылают за ними уже в третий раз, потому что на столе уже все остыло.

Первое испытание закончилось полным провалом: конструкции просто не хватило прочности, и она развалилась. О чем, о чем, а о сопромате Мишка знал только то, что студенты называют этот предмет «сопромуть». Потом выяснилось, что зубья надо делать из более прочного материала. Единственный металл нужного качества, имеющийся в наличии, был оружейной сталью. Лавр почесал в затылке, поскреб в бороде, высказался в том смысле, что дед его непременно убьет, и вытащил из телеги с железным ломом четыре зазубренных, без рукояток (видимо, трофейных) меча.

Приемку аппарата дед проводил чрезвычайно дотошно. Сначала он пытался идти рядом с косилкой, потом, поняв, что на деревяшке не успевает, уселся верхом, но сверху было плохо видно и он, свешиваясь с седла, доигрался до резкого прилива крови к голове, чуть не потеряв сознание. В конце концов дед уселся на косилку сам, но поминутно соскакивал, то проверяя высоту стерни, остающейся после прохода зубьев, то выясняя, насколько успешно новая техника справляется с разными видами трав.

Часа за два дед вымотался до полной потери сил сам и довел до белого каления всех остальных участников испытаний, включая лошадей. В качестве заключения приемной комиссии Лавру и Мишке был сделан выговор за то, что такая полезная вещь не была ими изготовлена до начала сенокоса. Предложение Мишки попробовать сделать еще и конные грабли положения не спасло, а, наоборот, усугубило. Думать об этом, оказывается, нужно было еще зимой. Окончательно добив окружающих предложением измыслить конную ложку, которая сама бы прыгала в рот, дед удалился к любимым пчелам.

Немой, не вступая в дискуссии, повел лошадей на водопой, а Лавр, не сходя с места, втянул Мишку в обсуждение конструкции конных граблей. Впереди маячила перспектива создания мастерской по изготовлению и ремонту сельхозтехники. А уж в такой-то мастерской наладить производство самострелов... В конце концов, Генри Форд тоже начинал с мастерской по ремонту велосипедов, а чем, собственно, Лавр хуже Генри?

Увы, конные грабли так и остались недоделанными – жена Лавра Татьяна родила ребенка. Раньше срока и мертвого. Мать, сама успешно производшая на свет пятерых, помогала ей, чем могла, вся семья не спала всю ночь, прислушиваясь к стонам роженицы. Дед громко читал молитвы и обещал пожертвовать сельской церкви пуд воска. На результат родов все это никак не повлияло.

Из Лавра словно вынули душу. Целыми днями он сидел в кузнице, бездумно перебирая железки, на обращенные к нему вопросы отвечал односложно или вообще не отвечал. Попытка деда поговорить с ним, начавшаяся с ласковых слов и утешений, постепенно перешла в крик и ругань да так и закончилась. Понять его горе, конечно, было можно: Татьяна родила мертвого младенца уже второй раз, а еще один его ребенок, которому не исполнилось и месяца, умер во время предыдущей эпидемии. Но вот то, что он за два дня так ни разу и не подошел к лежавшей после тяжелых родов жене, Мишку откровенно покорило.

* * *

Историю женитьбы Лавра Мишка, проживая на женской половине дома, слышал не раз и в разнообразных вариантах, различавшихся, впрочем, лишь незначительными подробностями.

Любовь Лавра и Татьяны начиналась почти по Шекспиру: он был христианином, она – язычницей. Он родился в Ратном, она – в языческом городище, прятавшемся в глубине дремучих лесов. Познакомились они на Князьем погосте во время большого торгового. Там Немой (впрочем, немой он тогда еще не был) затеялся бороться с ручным медведем, приведенным скоморохами. Медведю, привыкшему, видимо, исключительно к показушным схваткам, манера борьбы Андрея сразу же не понравилась. Он несколько раз обиженно рявкнул, безуспешно попытался цапнуть соперника когтями задней ноги, а потом, когда от железной хватки Андрея в медвежьем организме что-то хрустнуло, просто-напросто вырвался из безжалостного захвата и пустился наутек.

Так уж получилось, что прямо на пути у перепуганного и разозленного зверя оказалась Татьяна. Быть бы беде, если бы не Лавр, в лучших голливудских традициях выхвативший девушку из-под носа медведя, как киношные герои выхватывают ребенка из-под бампера несущегося грузовика.

С тех пор Лавр периодически начал пропадать из дому на три-четыре дня – до деревни, в которой жила Татьяна, было не близко, даже верхом. Пересудов по этому поводу в селе, разумеется, хватало, но ничего особо необычного ратнинцы в подобной истории, в общем-то, не видели. За сто с лишним лет замкнутая община без притока свежей крови обязательно бы захирела. Невесты из соседних деревень были если не рядовым, то весьма распространенным явлением.

Однако в данном случае имелся один существенный нюанс: из того селения, в котором жила Татьяна, невест в Ратном не было ни одной. Слишком упорно и беспощадно, порой даже не без успеха, сопротивлялись в свое время Татьянины земляки вторжению пришельцев-христиан. Да и сейчас забредать,

особенно в одиночку, в их уголья было небезопасным. Прямо по Шекспиру – Монтекки и Капулетти. Доездили, в конце концов, и Лавр. Однажды, уже ближе к концу зимы, конь привез его домой без сознания, со сплошным синяком вместо лица, сломанными ребрами и следами нескольких ножевых ударов на тулупе. Слава богу, тулуп был из медвежьей шкуры, а удары пришились вскользь, до тела не достали.

На этом, однако, романтическая история не завершилась. Когда у Лаврухи зажили ребра, он втроем с братом Фролом и Андреем, надев под тулупы кольчуги, наведались в Татьянину деревню – на праздник проводов зимы. Шороху они там навели, по всему видать, изрядного, потому что возвратились назад с победным видом, чужими санями, наполненными трофеями, и невестой, начисто обалдевшей от такого способа сватовства и не знавшей, радоваться или плакать.

В общем-то, и этот сюжет был не нов: добывать невест лихими налетами молодым ратникам приходилось не единожды. Даже сельский священник не порицал, ибо невинных дев вырывали из тьмы язычества и приводили в лоно Православной церкви. Технология улаживания скандала тоже была не нова: дед оделся по-праздничному, нагрузился подарками и отправился к родственникам невесты.

Но не тут-то было: назад он вернулся хотя и не битым, но мрачным. Татьяну, оказывается, сочли похищенной демонами и уже справили по ней тризну, как по умершей. Вообще-то, помня о том, какое впечатление производит на людей лицо Андрея, вошедшего в боевой раж – а именно он прикрывал отступление братьев – в разговоры о демоне можно было поверить. Так Татьяна приобрела мужа, но лишилась всей прежней родни.

И вот человек, из-за которого ей пришлось расстаться с отчим домом, разорвать все связи с родными и друзьями, оставил ее в самый тяжкий час ее жизни.

* * *

«Ну и что вы ему скажете, сэр Майкл? Самый умный, да? Двинет он вас так, что костей не соберете, вот и весь результат. А кто ему поможет, если не я? Делай, что должен, и будет то, что будет. Главное, удивить его чем-нибудь, заставить выйти из круга, по которому у него сейчас мысли крутятся. Заставить взглянуть на ситуацию по-иному. Может, получится? Все-таки я его за это время узнал, понял что-то...»

Мишка зашел под навес кузницы, сел рядом с Лавром, помолчал.

– Тебе чего, Михайла?

– Да я вот подумал: дочка у тебя все-таки появилась, – Мишка указал на стоящую неподалеку косилку. – Ты ее из ничего создал, все равно как родил...

– Вот! Ты один только и понимаешь, для них для всех это просто железяка, а мы с тобой в нее душу вложили.

– Обидно, когда тебя не понимают?

– Да и хрен с ними, пусть не понимают! Мы с тобой, Михайла, еще такое придумаем... Птицу железную сделаем и по небу полетим!

– Можно и птицу, кстати – не так уж и трудно.

– Ну?

– Надо только, чтобы на душе легко и светло было. Нам с тобой, когда мы ее придумывали, радостно ведь было?

– Было...

– И еще будет, сегодня жизнь не кончается.

– Что ты про жизнь знаешь...

– А вот и знаю! Когда новую задумку делаешь, ты сам сказал, что светло и радостно. Так?

– Ну, так...

– А если не просто так, а для кого-то, к примеру, подарок придумываешь, делаешь и представляешь, как человек обрадуется. Еще лучше же, правда?

– Тоже правда...

Лавр тяжело вздохнул и достал откуда-то из-за спины сверток, развернул тряпицу, и Мишка увидел у него на ладони дивной работы женское украшение – серебряные височные кольца с подвесками.

– Что ж мне их теперь – самому себе дарить? За дочку...

– За что Андрей деда как отца родного почитает?

– Как за что? Он ему жизнь в сече спас.

– Не просто спас – своей жизнью рисковал и здоровьем поплатился.

– Ну и к чему ты это?

– Девки говорили, я слышал, лекарка тетке Татьяне рожать вообще запретила, сказала, помереть может. А она тебя порадовать хотела, жизнью рискнула...

– Да что ты понимаешь!

– Понимаю, что рискнуть в один миг, сгоряча, это совсем не то, что почти целый год думать, помрешь или не помрешь? Это ж как любить надо, какой свет в душе иметь? Ну, не получилось, так ведь и у деда тогда могло не получиться...

– Мал ты еще о таком рассуждать, вас у Фрола пятеро, могло бы и у меня столько же быть.

– Мы теперь не у Фрола, мы теперь у тебя. Ты же хотел бы, наверно, чтоб с тобой сын над твоими задумками бился, как мы с тобой над косилкой той? Я соврал, наверно, не думала Татьяна: умру, не умру. Она радовалась – подарок тебе готовила. Ты же сам сказал, что это самая большая радость?

– Да откуда ты знать можешь? Сопляк еще совсем...

– Мы же с тобой там душу видим, где она другим не видна, вот и знаю. От возраста это не зависит. Ты-то сам когда душу в железе увидел? Наверно, тоже отроком?

– Меня Кирьян покойный научил. Я к нему в кузницу все бегал, посмотреть. А он однажды возьми и спроси меня: «Ты как узор на этом браслете навел бы?» Ну, я и показал, а он пошел к отцу и предложил меня в ученики взять, сказал, что я красоту понимать могу. Отец сначала ни в какую, а потом согласился. А у Кирьяна сын хоть на кузнеца и выучился, да только самые простые вещи делать может. Сначала обижался на меня, думал, я какой-то секрет скрываю, а потом, видно, понял – не дано.

– Зря, значит, обижался?

– Выходит, зря...

– А ты на тетку Татьяну? Она же для тебя старалась, себя не пожалела... неужели не чувствуешь? Или тоже – не дано?

– Что же ты за малец такой? Попом, наверно, станешь – так в душу залезть... Даже и прогнать тебя язык не поворачивается.

– Это не я, это отец Михаил с тобой через меня говорил, он умеет.

– Значит, правду говорят, что тебя отец Михаил чему-то такому учит?

– Он просто меня думать учит, этому тоже учиться нужно... как ремеслу. И тоже – не всякому дается.

– Вот оно как... А придумки твои? Тоже – он?

– Я же говорю: думать учит. Оттуда и придумки.

– Чудеса... А не врешь?

– А зачем?

– Ну, мало ли... А если правда... Нет, не может быть, ты же дите еще, не мог ты сам... Ну, хорошо, если так, то дай совет. Или не можешь?

– Могу. Пойди к ней. Можешь не говорить ничего, просто посиди рядом, за руку поддержи... А еще лучше, расскажи ей про то время, когда ты ее первый раз увидел, что думал, что чувствовал... А если станет прощения просить...

– Ты ж сам говоришь, что она не виновата ни в чем.

– Я говорю: ЕСЛИ станет. Не давай ей виниться, она жизнью для тебя рисковала.

– А это? – Лавр показал на височные кольца.

– А это – потом, когда оба душой отмякнете, а можешь и совсем не давать, потом случай будет.

– И правда, что ль, сходить? Как же это ты меня так, а? Дите же еще...

– Я же объяснил!

– Ну... я пошел тогда...

– Бог в помощь, дядька Лавр.

«Доволен? Ты хоть понимаешь как рисковал, психотерапевт гребаный? Еще и про отца Михаила наврал. Не стыдно? Нет, не стыдно. Помог двум хорошим людям, а отец Михаил, если и узнает, думаю, одобрит. Он-то ведь обязательно помочь бы попытался. Да и не врал я особенно, просто сказал то, что и он сказал бы. Или близко к этому...»

Мишкины размышления прервал раздавшийся сбоку шорох.

– Мама? Ты что, все слышала?

Мать, ничего не отвечая, молча обняла Мишку и прижала его к себе.

– Мама, не надо плакать, я как лучше хотел... Я что, что-нибудь неправильно?..

– Все правильно, Мишаня, все правильно, ты – молодец, только... не мог отче Михаил такого сказать. Он монах, женщин не знает... Видать, и правда он тебя думать научил, вот только не рано ли?

– Но если я все правильно... почему же рано?

– Потому что даже правильные дела не всегда делать надо.

Только спустя полгода Мишка понял смысл сказанного тогда матерью. Понял, когда увидел, как дядька Лавр нес ее на руках через двор – от саней к крыльцу. Понял, что никому он тогда ничем не помог и что влез со своим дурацким самомнением туда, где ему делать было совершенно нечего. Влез, не подумав, что в очередной раз выходит за пределы роли отрока, играть которую обязан. Играть очень старательно и дисциплинированно именно потому, что жизнь – не игра.

Как простила его за это мать? Размышлять на эту тему было совершенно бесполезно. Ответ на такой вопрос знают только матери. И это совершенно никак не зависит от того, в каком веке они живут.

* * *

После произошедшего жизнь на пасеке вроде бы не изменилась, только в разговорах после долгого «обета молчания», нет-нет да и начали проскакивать темы, касающиеся оставленного села. О том, что огороды, наверно, совсем заглушили сорняки, о том, что скоро жатва, и в поле, хочешь-не хочешь, надо будет выходить. В конце концов, надо было что-то решать с жильем: то ли готовиться зимовать здесь, и тогда готовить избу к зиме, то ли возвращаться в село, но непонятно, можно ли?

Мишка тоже ломал голову вместе со всеми, но придумать смог только способ получения достоверной информации из села.

– Мама! А собаки человеческими болезнями болеют?

– Не знаю, не слыхала о таком.

– Значит, если я Чифа в село пошлю, он не заразится и заразу сюда не принесет?

– Кто ж его знает! А ты что задумал-то?

– Чиф Юльку хорошо знает, если я ему велю, он к ней побежит, а я ему на ошейник грамотку берестяную повешу. В грамотке напишу, что если с собакой зараза может передаться, то пусть Чифа привяжет и сюда не пускает, а если не передается, то пусть напишет: как дела в селе и можно ли нам возвращаться.

– Не знаю... батюшка, что скажешь? Может, и правда пса послать?

– А ежели Юлька твоя уже померла? Чиф покрутится, покрутится и назад прибежит да заразу с собой принесет. Что тогда?

– Можно Чифу на шею что-то яркое привязать, – влезла в разговор Машка. – Ну, хоть платок. А в грамотке Минька пусть напишет, чтобы Юлька, если живая, платок сняла и у себя оставила. Если увидим, что пес с платком вернулся, значит Юлька померла, и дядька Лавр его из лука застрелит. Ай! Мама! Чего Минька дерется?

– Я тебя тогда на твоём же платке и удавлю!

– Михайла! Не трожь сестру! – рыкнул дед. – Я тебе что сказал! А ну, убери руки! А ты думай, что говоришь, курица. Чиф в любое время вернуться может, даже ночью. Что, Лавру так и сидеть день и ночь с луком? И откуда нам знать, с какой стороны он прибежит?

– А что ж делать-то?

– Михайла, отпустишь пса не отсюда, а уйдешь подальше в сторону села. Там его и встретишь, если поймешь, что грамотку твою никто не читал... Если поймешь, что грамотку никто не читал, назад не возвращайся. Возьми харчей побольше, топор, нож, ну и прочее, что для жизни надо, и поживешь в лесу месячишко. Ежели после этого не заболеешь...

– Батюшка, да что ж ты делаешь? – заголосила мать. – Не пущу сына на смерть!

– Молчать, баба! Нашим мужам на смерть ходить – не привыкать! И вовсе не обязательно он помрет!

– Дите ведь еще, ты подумай: один в лесу помирать будет, даже воды подать некому... не пущу!!!

– Лавруха, Андрей, заprite ее и не выпускайте! Что уставились? Думаете, мне легко? Делайте, что сказано!

Лавр даже не пошевелился. Немой спокойно, с невозмутимым, как всегда, видом поднялся с лавки и, обхватив Анну-старшую поперек туловища, потащил к избушке, первоначально поставленной на пасеке.

– Мишаня! Сынок! Не ходи, не слушай старого, он любого сгубит!

– Не трогай мать, урод! – Мишка догнал Немого и вцепился ему в руку. – Отпусти! Отпусти, я сказал!

Немой вроде бы даже и не сильно двинул рукой – отмахнулся, как от мухи, но Мишку словно сбило автомобилем, он отлетел в сторону и покатился по земле.

– Ну, козел, молись! Сам научил!

Рукоятка кинжала привычно легла в руку. В том, что он не промахнется, Мишка был совершенно уверен. В том, что убьет – тоже. И ни малейших колебаний или сомнений... Рука Лавра прервала замах смертельного броска в самый последний момент, Мишка снова полетел на землю, а когда смог подняться, тела Немого и Лавра уже сплелись в схватке.

– Прекратить! Я кому сказал? Лавруха! Прекратить немедленно!

Дед шкандыбал на деревяшке, уже заноса для удара неизвестно где подобранный дрын. Занести-то занес, но так и остановился с поднятой рукой: дорогу к дерущимся загородили Мишка и Чиф. У обоих, обнажая зубы, одинаково приподнята верхняя губа, а у внука в руке еще и поблескивает отточенная сталь.

– Мишаня-а-а!!!

Крик матери раздался почти одновременно с придушенным хрипом Чифа, и тут же правую руку резануло болью – дед фехтовать не разучился, а то, что в руке у него была палка, а не меч – дело десятое. Следующий выпад – тычком в солнечное сплетение – заставил Мишку скорчиться на земле.

Когда он сумел отдышаться и поднять голову, открывшаяся картина красочно иллюстрировала полный и безоговорочный провал бунта против главы семьи. Лавр лежал на земле лицом вниз и, видимо, пребывал в глубоком нокауте. Немой, с окровавленным лицом и в разодранной рубахе, подпирал колом дверь в избушке, из-за которой доносились истерические крики матери. В нескольких шагах от Мишки пластом лежал Чиф, а на крыльце нового дома Машка и Анна-младшая суетились возле лежащей тетки Татьяны. Та, видимо, выбралась из дома на крики и упала, потеряв сознание. Рядом в два горла ревели перепуганные Сенька и Елька.

Долго разглядывать «пейзаж после битвы» Мишке, впрочем, не пришлось. Созерцание прервал крепкий удар палки и голос деда:

– Ты на кого оскалился, щенок?

Новый удар. Третьего Мишка дожидаться не стал – откатился в сторону, палка ударила в землю.

«Щенок, говоришь? Ну, я тебе сейчас покажу цирк на паровой тяге! Щенков ты путных не видел, отставной майор!»

Мишка еще раз перекатился, но уже не куда попало, а осмысленно – в сторону валявшегося на земле кинжала, потом приподнялся на корточки и прыгнул к оружию. Пальцы уже почти коснулись рукояти, когда Немой, не мудрствуя особо, просто наступил ногой на уже пострадавшую от дедовой палки руку. Мишка взвыл от боли, а Немой, ухватив его за шиворот (действительно, как щенка), потащил к деду.

Дед почему-то не стал их дожидаться, а отвернувшись, похромал к крыльцу. Впрочем, намерения его тут же и разъяснились.

– Анька! Плеть из сеней принеси!

«Пороть будет, старый хрен! От Немого не вырвешься, по яйцам ему ногой дать, что ли?»

Мишка попробовал осуществить задуманное, но Немой даже не стал ничего особенного предпринимать, просто встряхнул его так, что лязгнули зубы. Анька, стерва, уже протягивала деду плеть.

– Ну, кобелек, первые зубки прорезались? Андрюха, поставь его на ноги, посмотрим, какой породы у нас песик подрос.

Дед взмахнул плетью... Мишка сосредоточил все силы на том, чтобы не унизиться, закрываясь руками или пытаясь уклониться от удара. Плечо и спину ожгло болью, совсем неподвижным остаться не удалось – вздрогнул, моргнул, но руки удержал и стоять остался прямо. Дед кинул плеть Мишке под ноги.

– Подними и подай!

– Не буду!

– Ну, как хочешь, внучек. Андрюха, подай!

«Больно, блин! Но голос вроде бы не дрогнул. Надо разозлиться, тогда выдержу. Если пнуть деда по здоровой ноге сразу же толкнуть, даже моего веса хватит, потом... Немой ничего не даст сделать... Ох! Едрит твою!»

Плеть свистнула еще раз, потом опять упала под ноги.

– Подними и подай!

– Не буду!

– Андрюха, подай!

Еще удар.

– Подними и подай!

– Не буду!

– Крепкого паренька вырастили... Андрюха, подай!

«Запорет же, старый дурень! В обморок, что ли, брякнуться? Тем более, что и в самом деле, что-то мне как-то...»

– Подними и подай!

– Не бу...

– Все, спекся! – раздался над головой голос деда, звучащий словно сквозь вату. – Но смотри: ни слезинки, и стоял твердо – наша кровь! Неси его в дом. Что? Нет, не выпускать, пусть запертая сидит: из-за нее весь сыр-бор начался, сейчас опять раскудахтается. Анька, там на полке – гусиный жир с травами, помажешь ему спину. И Татьяну, Татьяну приберите, чего вылезла? Андрюха, ты пса не убил, случаем? Нет? Только оглушил? Правильно, молодец. Привяжи его, пока в себя не пришел, еще кидаться начнет. Машка! Ты где? Ага, здесь. Принеси ведро воды, вылей дядьке Лавру на голову, а то что-то долго не встает. Ты ему ничего не сломал, Андрюха? Не знаешь? И то верно, сгоряча и не поймешь... Сам-то рожу умой, как он тебя! Есть силушка, да норов жидковат, не то что Фролушка, покойник, был. Михайла-то в отца пошел – характерный... Ты как думаешь, Андрюха, нож оставлять ему или забрать? Он ведь тебя запросто убить мог, Лавруха помешал... Оставить? А не боишься? Ну и что, что отрок, ты его сам ножи метать выучил, что, плохо учил? Хорошо учил и не боишься? Ну, смотри... Эх, добры молодцы! Устроили веселуху – скоморохи такого не покажут!

* * *

Пришел в себя Мишка только утром следующего дня.

«Однако, это что ж я, всю ночь в отрубе был? Вряд ли, скорее всего, обморок перешел в сон, такое, я слышал, бывает. Блин, но напихали мне вчера от души... Спину жжет, но не очень сильно, голова... с головой тоже непорядок. Пару раз я вчера в нокдауне побывал. Сначала Немой двинул, потом – Лавр. А может и не нокдаун, а нокаут? Что-то смутно некоторые вещи помню, а некоторые вообще... Когда Немой Лавра вырубил? Где дед палку взял? Откуда Чиф появился? Нет, не помню, значит, отключался. Не удивительно, что голова болит. Потом же еще дед несколько раз палкой огрел, но вроде бы не по голове... И еще плетью четыре раза... или пять? Все равно, для пацана – достаточно. До чего же пить хочется. И нет никого, придется вставать».

Решить оказалось легче, чем сделать. Едва он сел на лавке, все вокруг поплыло, к горлу подкатила тошнота, Мишка попробовал для устойчивости ухватиться за край лавки и почувствовал, как правое запястье резануло болью. Поднес руку к глазам: да, похоже, эта часть тела пострадала больше всего. Запястье было туго забинтовано, но пальцы и часть ладони, видимая из-под повязки, распухли и посинели.

«Это ж мне дед палкой врезал, а потом Немой еще ногой наступил, падла!»

Мишка попробовал пошевелить пальцами, слегка двинуть кистью руки. Перелома, кажется, не было, но всяких там гематом, растяжений, ушибов и прочих «удовольствий» наверняка полный набор. Придерживаясь здоровой рукой за стену, добрался до кадки с водой, напился. Не сказать, чтобы здорово полегчало, но переместиться обратно к лавке получилось уже лучше.

Второй раз Мишка проснулся от осторожных прикосновений к спине. Кто-то смазывал ему следы от плети.

– Тише, тише, я уже почти закончила.

Голос был Машкин.

– Я давно так валяюсь?

– Второй день уже, есть хочешь?

От одной мысли о еде сразу затошнило.

– Нет, попить дай.

Машка притащила ковшик с водой.

– Что у меня со спиной?

– Заживает уже и жар спал, а вчера ты совсем плохой был...

– А с головой?

– А что с головой? Болит? На голове ничего не видать. Где болит? Покажи, я холодненького приложу.

– Мать все заперта?

– Ага, дед выпускать не велит.

– А дядька Лавр?

– В кузне лежит, в дом идти не захотел, а у Немого бровь рассечена и ухо распухло. Вы что, позавчера взбесились все?

– А Анька и рада стараться – плетку в клювике принесла...

– Да кто ж знал, что он тебя так полосовать станет? И ты тоже уперся... Повинился бы, поплакал, сделал бы, что дед велел, глядишь, и он отмяк бы.

– Это ты плачь и винись, а у меня дед с Немым этот день еще вспомнят... Я за мать им обоим уши до

жопы стяну.

– Скажи спасибо, что не запороли тебя, ишь, грозитя еще! Да Немой тебя одним пальцем...

– Я не всегда отроком буду, дождусь своего времени!

– Да что ты говоришь такое? Совсем ополоумел? Может, тебя и правда по голове...

– Машка! Что там? – раздался от двери голос деда.

– Очнулся, говорит...

– Что говорит-то?

– Ругается... Не в себе, наверно.

– Если ругается, то как раз в себе. Если может, пусть поднимается, пес без него два дня уже не жрет и не пьет. Кого в село пошлем?

– Аньку пошли, дед! – заорал Мишка. – Она плетку в зубах носить умеет!

– Щенок, ядрена Матрена!

Дед грохнул дверью и застучал деревяшкой по ступеням крыльца.

– Дурак! – напустилась Машка на брата. – Ты его еще больше рассердить хочешь? Ты тут лежишь спокойненько, а он на нас всех злобу срывает.

– Идите вы все в... самые разные места!

– Ну и лежи тут... На сердитых воду возят!

«Вообще-то, навалили мне по заслугам: с ножом на главу семьи... Может и правда, зубки прорезаются? Тринадцать лет, все может быть. Других признаков пока нет, но Немого бы я грохнул, если бы не Лавр? Грохнул бы! Второй раз за оружием потянулся? Потянулся. Интересно: зачем? Что бы я сделать смог? А ведь были же какие-то намерения... наверняка глупость какая-нибудь.

М-да, сэр! И что теперь? Дед – командир со стажем, всяких обламывал, не вы первый. Покориться, просить прощения? А какие еще могут быть варианты? Патриархальный уклад, глава семьи... Формальных изъявлений покорности потребует по полной программе, сам себе потом противен будешь. Не покоряться? Дед найдет способ, через его руки сотни новобранцев прошли, да и взрослых ратников он себе подчинял безоговорочно. Тут, пожалуй, ничего не светит. Что еще подросток может в подобных обстоятельствах?

Помнится, у Горького похожий случай описывался. Тоже дед внука выпорол с перебором. Потом сам пришел, гостинец какой-то принес, кажется. Но там – не наш вариант: скатерть, что ли, внук испортил. Обычная шалость. А я попер против устоев, дед мириться и не подумает.

Ну что ж, сэр, не выходя за рамки образа, остается только одно: сбежать из дома. Вторая половина лета, лес прокормит. Или все же не стоит? А вот хрен вам, а не формальные изъявления покорности! Роль ролью, но и самим собой оставаться тоже как-то надо!»

Мишка поднялся, попробовал сделать несколько шагов, ноги держали твердо... почти. Выглянул наружу, поблизости никого не заметил. Недалеко от крыльца на веревке висели три рубахи: его собственная, Немого и Лавра – похоже, после позавчерашних номеров бабам пришлось приводить в порядок одежду всех троих.

Вернувшись в дом, начал соображать, что нужно взять с собой, и, совершенно неожиданно для себя, обнаружил на лавке мешок со всем необходимым. Рядом лежали его тулупчик и шапка. Под тулупчиком

обнаружился пояс с двумя Мишкиными кинжалами, а под лавкой небольшой – по Мишкиной руке – топор. Значит, дед от своего плана не отказался и приказал все подготовить. Тем лучше!

Мишка собрал все имущество, хотел забрать с полки в сенях горшочек с целебной мазью, но понял, что сам себе спину мазать не сможет, и оставил лекарство на месте. Снова осторожно выглянул во двор. Никого. Дед наверняка около пчел, мать заперта, Лавр в кузнице, сестры... как раз время дойки. Значит, только Немой и малыши. Да, еще тетка Татьяна, но она лежит в доме за занавеской, и Мишка за два дня ее даже не слышал. Младшие, правда, могли увязаться за сестрами – парного молочка попить. Где может быть Немой? Где угодно. Придется рискнуть.

Выскочив из дома, Мишка стянул с веревки и торопливо натянул свою рубаху, холстина неприятно коснулась поротой спины, но вполне терпимо. Дважды полоснув накрест кинжалом рубаху Немого, Мишка подался за дом, чтоб не торчать на открытом месте.

– Чиф-ф-ф, Чиф-ф-ф.

На этот шепот Чиф был приучен откликаться негромко или вообще прибегать молча. Во всяком случае, пес знал, что когда его зовут таким образом, шуметь нельзя. И действительно, откуда-то от поленицы донеслось негромкое поскуливание. Увидев хозяина, пес радостно вскочил, но Мишка тут же припал к земле и двинулся к Чифу ползком. Эта ситуация тоже была неоднократно отрепетирована. Чиф мгновенно насторожился и начал оглядываться и принюхиваться. В свое время Мишке пришлось в голову сделать из пса своего рода «систему дальнего обнаружения», и сейчас затраченные усилия и время могли окупиться сторицей.

Обрезав привязь, Мишка осторожно тронулся в сторону леса. До ближайших деревьев оставалось уже совсем немного, когда Чиф, тихонько рыкнув, повернул голову влево. Оба беглеца припали к земле и, пролежав пару минут неподвижно, увидели Немого, который шагал от леса к пасеке со связкой жердей на плече. Был он достаточно далеко, но Мишка для страховки выждал еще некоторое время, а потом опрометью бросился в лес.

Преследования можно было не опасаться: хороших охотников-следопытов в семье никогда не было, жили другим. Единственный, кто реально мог бы отыскать Мишку в лесу – Чиф – бежал рядом. Через некоторое время беглецы оказались примерно в том месте, откуда Мишка и планировал отправить Чифа в село. Обиды обидами, а долг перед семьей есть долг перед семьей. Если эпидемия продолжается, надо готовиться к зимовке на пасеке и... без хлеба. Выходить в поле невдалеке от Ратного значило почти наверняка подцепить заразу. Если же обстановка улучшилась, надо срочно возвращаться домой – хлеб ждать не будет.

«Признайтесь, сэр, кроме долга вами движет еще и личный интерес: очень хочется узнать о судьбе леди Джулии, не правда ли? Правда, что тут скажешь? Правда. Смешно-с, но одиннадцатилетняя девочка очень наглядно продемонстрировала, чем чувство долга отличается от исполнения служебных обязанностей. В конце XX века я такого что-то не наблюдал.

Полноте, сэр, а солдаты в Чечне? – Они выполняли приказ. Ну ладно, а учительницы, падающие в голодный обморок прямо в классе? Это же не газетные утки, вы сами знаете, что это правда. Там было с кого спросить. Кто развалил Державу, разворовал миллиарды, лизал жопу американцам... Да что говорить! А здесь слепая сила стихии – и одиннадцатилетняя девочка. И ТАМ тоже были такие. Были, не сомневаюсь, но увидел своими глазами я это только ЗДЕСЬ. И, самое главное, поверил, что именно так и надо жить, тоже только ЗДЕСЬ. «Делай, что должен, и будет то, что будет». Оказывается, это не только слова».

Мишка развел костерок, преодолевая тошноту, заставил себя поесть, щедро поделившись с Чифом,

потом принялся выцарапывать на куске бересты буквы.

«Юленька, я очень надеюсь, что ты жива и здорова. Пришли, пожалуйста, весточку с Чифом. Можно ли возвращаться в село? Если нет, то посоветуй, чем помочь тетке Татьяне. Она родила раньше времени мертвого ребенка и уже несколько дней очень плохо. Минька».

«Вот и все послание. Даже это отсылать стыдно: она там рядом со смертью, а ты смылся и еще помощи просишь. А что делать?»

– Чиф, где Юлька? Ищи! Ищи, где Юлька? Юлька, Юлька, ищи, Чиф, ищи!

Пес покрутился на месте, потом нерешительно отбежал на несколько шагов в сторону Ратного и вопросительно оглянулся на хозяина.

– Хорошо, Чиф, хорошо! Ищи Юльку!

Чиф, уяснив наконец, что от него требуется, галопом рванул в сторону села. Теперь оставалось только ждать. Мишка завернулся в тулупчик, привалился к стволу дерева и незаметно для себя задремал.

– Гражданин Ратников Михаил Андреевич! Вам предъявляется обвинение в незаконном хранении холодного оружия и покушении на убийство гражданина Немого Андрея, он же «Лют», он же «Падла», он же «Урод», он же «Козел», инвалида второй группы, проживающего по адресу: Турово-Пинское княжество, село Ратное Туровского района, улица деда Корнея, дом два. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, вам перед предъявлением постановления о взятии под стражу надлежит быть облизанным служебно-розыскной собакой по кличке Чиф...

– Тьфу, Чиф, перестань! Блин! Приснится же такое! Чиф, хватит лизаться, записку принес? Есть! Молодец Чиф, спасибо, собачка. Ай, молодец, ай, хорошо. Да дай ты письмо-то отвязать, псина!

«Возвращаться можно. Уже одиннадцать дней новых больных нет. Татьяну везите осторожно, не растрясите».

Подпись отсутствовала, но все было понятно и так. Не чума, не оспа, не еще какая-нибудь гадость, от которой вымирают целыми городами и волостями. Юлька жива, новые больные не появляются уже больше десяти дней.

Ночью Мишка пробрался на пасеку и повесил берестяную грамотку, полученную от Юльки, на то самое место на веревке, где висела разрезанная им рубаха Немого. Вернувшись на опушку леса ближе к полудню, он увидел нагруженные телеги и суету сборов. Дело сделано, можно начинать карьеру беспризорника.

Глава 4

Лето – осень 1124 года. Лес в окрестностях Ратного – Нинеина весь

«И долго вы собираетесь робинзонить, сэр? Конечно, вас будут искать, но могут ведь и не найти. Тогда придется изображать библейский сюжет «Возвращение блудного сына». Вообще, планы у вас какие-нибудь есть?»

Если нет, то будут.

Садимся и анализируем ситуацию. А она, согласимся, непростая: я защищал мать, с которой грубо обходился Немой, не сам, надо признать, а по приказу деда. Дед был прав, а мать не права, но хватать ее, как мешок, и тащить под домашний арест... В общем, я имел право, а дед своим солдафонством спровоцировал конфликтную ситуацию. За нарушение дисциплины я наказание получил и принял его, надеюсь, достойно. Задание по получению информации из села выполнил. Все, больше я ничего никому не должен.

Тогда в чем цель побега? Не покоряться деду. Не признавать своей вины, не выполнять унижительных процедур формального покаяния. Голые эмоции, блин, не хочу и все! Кстати сказать, в этом мы с пацаном совпадаем, он бы тоже сбежал на чистых эмоциях. Ну а дальше? А дальше мы расходимся – пацан о будущем не подумал бы, а я обязан.

Запасов у меня примерно на месяц, причем все продукты – длительного хранения. Будем считать это неприкосновенным запасом. Кроме того, есть возможность добывать пропитание в лесу: грибы, ягоды, орехи, коренья. Можно ловить рыбу и ставить силки. До поздней осени продержусь. Потом... Потом можно будет поселиться на пасеке – дед-то оттуда съедет! Значит, если сумею накопить запас продуктов, можно остаться и на зиму.

Итак, ресурсами я, можно считать, располагаю. Теперь надо решить: зачем мне все это? То есть – цель. Чего я собираюсь всем этим – побегом, сидением в лесу, зимовкой на пасеке – достигнуть? Дед достаточно быстро ощутит недовольство родни. Дети ЗДЕСЬ не разбрасываются, не то что ТАМ. Да и сам он ко мне равнодушен, связывает со мной какие-то надежды на будущее. Следовательно, одно из последствий моего побега из дому – достаточно сильный моральный дискомфорт для всей родни, и, в первую очередь, для деда. Мать, конечно, жалко, но я и ее в том числе защищаю.

Второе. Рубаху Немого я, конечно, порезал просто со зла, но намек получился достаточно прозрачным: я протестую, в первую очередь, против того, как он обошелся с матерью. По приказу деда, разумеется, но так и должно быть: все сходится на старом. Следовательно, второе последствие – общее понимание того, что ни каяться, ни покоряться я не намерен. Подобное обстоятельство только усилит дискомфорт.

Третье... Да что там перебирать! И так все ясно. На дедово хамство я отвечаю психологическим прессингом. Что могу получить в результате? Как раз то, что мне и нужно – никаких формальных покаяний и унижений. Как там Корней Агееч выразиться изволили? У кобелька зубки прорезаются? Ну вот пусть и смиритесь с этим. И пусть сам ищет приемлемый для всех участников выход из ситуации.

Подводим итог. Цель – заставить деда искать способ закончить дело миром. Задача, которую надо решить для достижения цели – организация психологического прессинга, проще говоря, элементарный шантаж. Технология – выживание вне дома возможно большее количество времени.

Циничная все-таки штука эта теория управления, но что я еще могу противопоставить дедовой

упертости и медвежьей силе Немого? Анализ ситуации закончен, приступаем к практическому исполнению принятого решения. Пункт первый – сочиняем себе жилье на первое время. Пункт второй – плетем вершу: рыбки хочется».

Все оказалось вовсе не так просто, как думалось, но и не так ужасно, как это могло бы представиться городскому жителю XX века. Шалаш, хоть и не с первого раза, удалось сделать достаточно приличным. Рыба в вершу набивалась регулярно, зайцы в силки попадались, хоть и не каждый день. Удалось даже добыть молодого кабанчика. Один из кинжалов, прикрепленный к дубовому древку, превратился во вполне убойное копьё. Им-то Мишка и поразил с дерева кабанчика, правда, потом пришлось часа три просидеть на том же дереве, спасаясь от праведного гнева здоровенного секача, возглавлявшего стадо.

Соль и некоторые другие, полезные в хозяйстве, мелочи Мишка добыл методом вульгарного домушничества: воспользовавшись отсутствием деда, совершил набег на пасеку. Кроме приобретения соли, посуды и прочего, этот налет послужил еще и сигналом: я – живой, ничего со мной не случилось, домой возвращаться не собираюсь, а налаживаю свое хозяйство.

Постепенно вживаясь в быт первобытного охотника, Мишка даже приступил к рытью ловушки на крупного зверя. Загнать в нее, например, лося с помощью Чифа и огня, которого боятся все звери, не представлялось ему чем-то невозможным. Сделать же это было совершенно необходимо, поскольку запасы накапливались достаточно медленно, а осень приближалась неумолимо.

Как и следовало ожидать, в конце концов, погода начала портиться, зарядили дожди, в шалаше стало сыро и холодно, реальной стала опасность порчи запасенных продуктов. Мишка понял, что вместо шалаша надо было сразу строить землянку, но сейчас выбора – либо ловушку доделывать, либо землянку рыть – уже не было. Выроешь землянку – останешься без жратвы, а потом ее все равно придется бросить и перебираться на пасеку. Приходилось терпеть.

Ловушка наконец была закончена, пора было устраивать охоту. Собрав все необходимое, Мишка отправился на поиски лосиного стада, следы которого постоянно попадались ему во время путешествий по ближайшим окрестностям. Стадо нашлось только на второй день, но ветер был неподходящим, да и до ловушки было довольно далеко. Еще два дня Мишка, проклиная все на свете, а особенно то, что не взял с собой достаточно еды, следовал за лосями, выжидая подходящий момент.

Наконец все факторы, которые он мог учесть, сложились во вроде бы благоприятную ситуацию. Ветер дул туда, куда надо, свернуть бегущим животным в одну сторону не позволял овраг с крутыми стенами, а не дать животным повернуть в другую сторону Мишка надеялся сам, с помощью Чифа.

Запалив костер, Мишка дал дровам разгореться, потом набросал поверх дров сырых опавших листьев и еловых лап. Дым повалил вполне исправно, и понесло его в сторону стада. Забежав со стороны, противоположной оврагу, Мишка заорал и принялся размахивать горящим факелом, одновременно науськивая на лосей Чифа. За то, что пес попадет на рога или под копыта, он не беспокоился. Гонять рогатых, пусть не лосей, а коров с быками, Чиф умел чуть ли не с младенчества.

Затея, похоже удалась – стадо двинулось в нужном направлении да так шустро, что Мишка сразу же отстал и бежал, ориентируясь на голос пса. Как сработала ловушка, он, естественно, не увидел, все произошло еще до того, как он добрался до места. А вот сквернейшее качество своей работы сумел понять с первого взгляда. Во-первых, вкопанный в дно ямы заостренный кол не воткнулся лосю в брюхо, как должно было быть по Мишкиным расчетам, а лишь разодрал ему бок. Во-вторых, край ямы обвалился и истекающий кровью зверь прямо на глазах у Мишки, хотя и с трудом, выбрался на поверхность, чуть было не зацепив рогами кидającego на него Чифа.

Бросать подранка нельзя, второй случай мог и не представиться, поэтому Мишка, плохо представляя

себе, что он будет делать со здоровенным лосем своим совершенно несолидным копыцем, все-таки бросился в погоню. Надежда была только на одно: кровью след уходящего зверя залит достаточно обильно, значит, добыча скоро начнет терять силы.

Лай Чифа начал смещаться влево, и Мишка догадался, что раненый зверь пытается сделать круг и вернуться на собственный след. Усталость уже основательно давала себя знать, и он решил срезать угол, сокращая путь. Сначала бежать почти ничего не мешало, но потом Мишка попал в густые заросли молодых елочек, через которые пришлось продираться, раздвигая переплетение еловых лап копыем.

Лай Чифа, почему-то стал доноситься не справа, а спереди. Не успел Мишка подумать о том, что бы это могло значить, как сквозь еловые заросли прямо на него вывалился лось. Мишка машинально выкинул вперед копые, лезвие вошло в грудь зверя, но лось пер, как танк. Мишка почувствовал, что падает, и тут сохатый выкинул перед собой передние копыта – страшное оружие, которым лось способен уложить наповал даже медведя. Это было последнее, что увидел Мишка, падая на землю, а потом – удар в грудь, боль, темнота...

* * *

– Ты, милая, почувствуй, как в нем жизнь бьется... Да, слабо, медленно, но бьется, значит, помочь ему еще можно.

Тихий женский голос звучал где-то рядом, но понять что, собственно, происходит Мишка даже не пытался. Он ничего не видел, ничего не ощущал, только слышал этот тихий, ласковый, исходящий словно бы сразу со всех сторон голос.

– Твоя жизнь бьется сильнее и быстрее, ты это биение потихонечку замедляй, замедляй, так, чтобы с биением его жизни сравнялось. Понимаешь? Но только замедляй, а не ослабляй, тебе сейчас вся твоя сила понадобится. Сравнялась? А теперь самое главное: слейся с ним воедино, чтобы не две жизни одинаково бились, а одна. Нет, не сжимайся, не тужься, растекись как вода, пропитай его всего собой. Вот так, милая, вот так... А теперь тихонечко, осторожненько своей силой подталкивай его жизнь, чтоб сильнее билась. Нет, нет, совсем тихонько, чтоб самой еле заметно было. Слабый он совсем, сразу сильно нельзя, не выдержит...

Голос начал куда-то уплывать, отдаляться...

Сколько прошло времени, прежде чем он снова услышал голоса, Мишка не знал, но теперь ощущения были совсем другими. Он чувствовал, что лежит в тепле, на чем-то мягком, чувствовал, что грудь туго перетянута повязкой и каждый вздох дается с трудом и отдается болью.

– Баба Ниня, он задышал по-другому, и еще что-то... Что-то я чувствую...

– Так и пора бы уже, сколько ж ему в беспмятстве лежать?

– Так он ни глаз не открывает, не двинул ничем...

– Не все сразу, девонька, не все сразу. Но главное ты сделала – он себя ощутил, вернулся в тело, не зря мы с тобой, Людмила, старались.

«Баба Ниня, Людмила... кто это?»

Даже такое короткое удивление оказалось для Мишки непосильным трудом, и он снова погрузился в темноту и тишину.

Следующее пробуждение было уже настоящим. Мишку разбудило сразу множество ощущений, и почти все они были неприятными: свет, проникающий через сомкнутые веки, боль в переломанных ребрах, затекшее от долгой неподвижности тело, жажда. И опять те же голоса.

– Ешь, милая, ешь, слишком много ты сил потратила. Ты уж прости меня, старую, что не помогала, сама видишь – на мне еще шестеро малышей, мне себя для них сохранять нужно.

– Что ты, баба Ниня! За что тебя прощать? Мне тебя благодарить надо за науку, разве я еще где-нибудь такому научилась бы? Мама вот совсем такого не умеет...

– Не может она, хотя способ этот знает, а если сама не может, то и научить неспособна, а просто так рассказывать бесполезно. Не дано ей. А ты можешь. Но особенно новому умению не радуйся, за все платить приходится. Это ты сейчас молодая, свежая, а придет время – поймешь, что таким лечением ты свою жизнь укорачиваешь. Рано или поздно придется тебе решать, раненого поднять или самой жить остаться. Вот и мне пришлось... Не думала, что доживу до такого. Вся деревня... Могла я одного или двоих поднять. Как выбрать: этому – жить, а этому – не жить? Страшно это.

– А внуки твои? Их же шестеро.

– Моих собственных – только двое. Остальные... Детей поднимать легче, чем взрослых. Если б Мишаня твой взрослым был, ты бы сейчас пластом лежала, а я бы тебя с ложечки кормила. Выбрала я этих четверых, потому что сама живой остаться могла. А остальные все... Надеюсь, простят...

– А Велимир?

– Его одного болезнь почему-то не взяла. Он всю деревню на погребальный костер и уложил. Приходил ко мне, просил хотя бы дочке младшей помочь, а я не могла уже... Он в одиночку курган над пеплом насыпал, тризну справил... Пожил какое-то время, мне по хозяйству помогал, но с горем своим все же не справился. Пошел в свой дом и удавился. Как думаешь, если Лаврушу попрошу его с веревки снять и на костер положить, согласится?

– Конечно, согласится! Как в таком деле отказать можно?

– Не побрезгует? Он же христианин, для вас самоубийство – грех страшный.

– Не грех, наверно, он же обезумел от горя. А дядька Лавр тебе не откажет, ты же его племянника спасла.

– Я его только из леса привезла да тебе, как лечить, подсказала, а спасла его ты. Если по правде говорить, у него теперь две матери – ты ему часть своей жизни отдала, как любая мать своему ребенку.

– Ой, баба Ниня, ну что ты говоришь такое? Лечила я его, просто лечила и больше ничего.

– Молодая ты, Людмила, сильная, вот даже и не почувствовала, как жизнью делишься, много ее у тебя еще. Но ты помни, все время помни: если часто так творить будешь, сама не заметишь, как жизнь потратишь. Помрешь совсем молодой.

– Я осторожно...

– Не бывает в этом деле осторожно, если уж взялась за больного или раненого, то уже не остановиться. Послушай меня, девонька, внимательно. Вы, молодые, о смерти не думаете, это у всех одинаково, не только ты такая. Но подумай о другом. Я твоей силы не знаю, ты еще не выросла, а сила будет с тобой расти. Но если станешь ее тратить щедро, то и не вырастешь. Будешь тратить не очень щедро, но все равно с излишком – вырастешь, но детей рожать не сможешь. Так что сама выбирай: либо больным свою силу отдать, либо детям.

– А потом? Ну, когда у меня уже дети будут?

– От него?

– Баба Ниня! При чем тут он? Я просто так спрашиваю, от кого-нибудь... Ну будут же у меня дети

когда-то!

– От кого-нибудь, не знаю, а от него дети хорошие получатся. Вы будто созданы друг для друга, ты потому так легко с ним и сливалась, когда лечила.

– Баба Ниня! Ну чего ты меня сватаешь? Может, я еще лучше найду. Ты лучше дальше рассказывай: что будет, когда у меня свои дети появятся? Сила уйдет? Или, наоборот, прибавится?

– Не знаю, девонька... Я ведь так же, как твоя мать, не все перенять смогла. Вернее, та ведунья, которая меня учила, не всему могла научить. Вот ее учительница сильна была, очень сильна. И не только своей силой. Когда тяжелый больной попадался, она детей своих вокруг себя собирала и общей силой лечила. Говорят, даже могла и чужих людей, когда надо было, к этому привлечь. И тогда такой сильной становилась... Словами это не объяснить. И жила очень долго, я ее еще застала, даже расспросить пыталась... Не вышло ничего. Ты не думай, она не таилась, просто не дано мне это.

– Расскажешь? Может, у меня получится?

– Нет, нельзя объяснить того, чего не понимаешь. А про Мишаню я тебе не зря говорю. Та старая ведунья тоже не все могла. Была одна вещь, которая ей не давалась, хотя ее этому и учили. Кто уж учил – не знаю, но учили, она сама говорила. И дело было не в ней самой, а в том, что мужчину подходящего она найти так и не смогла. Говорила она так: Светлые боги не зря людей на две половины разделили – мужчин и женщин. Женщина может в себе силу собирать, может и отдавать, а управлять ей почти не может. Ты вот Мишане силу просто отдавала, а направить ее, куда следует, не могла, потому так много ее и потратила. Управлять же этой силой может только мужчина, но у него ее почти совсем нет – только чтобы самому жить. Так вот, если сходятся подходящие мужчина и женщина, они вместе очень много могут. Женщина силу дает, а мужчина ее направляет. Может, кстати, и обратно вернуть, и тогда женщина еще сильнее становится, и еще больше силы ему отдает, а он опять ей возвращает, и так много раз. Такая пара может очень многое... И не только лечить, и не только добро творить, но и зло...

– И я с Мишкой?..

– Все может быть... Кто ж знает?

– Ты говорила, она очень долго жила. Это оттого, что у людей силы собирала?

– Да, что-то от тех сил и ей оставалось или сама себе оставляла. Иногда так и говорила: «Я твоего сына или мужа, или еще кого-то, спасу, но ты за это на пять лет постареешь или на десять». Иногда, рассказывали, вообще жизнь на жизнь меняла. А сама все жила и жила.

– Жизнь на жизнь... И соглашались?

– Вот будут у тебя свои дети, тогда поймешь, что можно и на такое согласиться.

– А отчего же она умерла?

– Убили ее. Князь дружинников прислал – варягов, а с ними трех попов греческих... Ну и убили. То ли не смогла защититься, то ли не захотела... От жизни ведь тоже устают. А может, не захотела смотреть, как древние устои рушатся, новая власть приходит, новый бог...

– А как ее звали?

– Яга.

– Пи-и... ть...

– Ой, очнулся! Пить просит!

– Сиди! У тебя руки от слабости дрожат, не сможешь напоить, только обольешь. Я сама.

– Мишаня, ты глаза-то открой, вот оно питье – перед тобой. Все, все, сразу много – нельзя. Я тебя, Мишаня, сейчас спрашивать буду, так ты глазами моргай, говорить тебе пока не надо. Если да – глаза прикрой, если нет – глазами туда-сюда поведи. Ну-ка, попробуй. Голова не кружится? Хорошо, молодец. Теперь вздохни сколько можешь. Где больно, здесь? А здесь? Тело все чувствуешь: ноги, руки? Шевельника пальцами на руках. Теперь на ногах. Совсем хорошо. Повезло тебе: удар вскользь пришелся. Ребра у тебя, конечно сломаны, но хребет цел, и обломками костей нутро не поранено. Людмила, не вставай!

– Я только глянуть...

– Насмотришься еще, даже надоест. Что ж ты натворил, Мишаня? Разве можно у подранка на пути становиться? Счастье твое, что он уже чуть жив был: ударил и сам упал тут же. Потому, наверно, и удар неверным оказался. Повезло. И еще раз повезло – пес у тебя умница. Сюда прибежал и меня к тебе привел. А потом третий раз повезло, когда я его с твоей шапкой домой отослала, он твою подружку лекарку первой нашел. Она тебя, считай, из-за кромки и вернула, я бы не смогла. Везучий ты, Мишаня. Только сколько же можно везение испытывать? Рано или поздно везти перестанет. Ладно, отпей еще пару глотков и спи. Сон – лучше лекарство.

– Так за что же его боги любят, если он им не поклоняется?

– А сами боги себе поклоняются? Требы кладут, молитвы возносят?

– Так он, что... Бог?

– Глупостей-то не болтай! Мальчишка он. Может, немного необычный, но мальчишка. В каждом из нас есть частица бога, потому что мы – их потомки. А в нем, наверно, эта частица чуть побольше, чем у других. Вот и все.

– А может, кто-то из богов с его матерью согрешил? Вот и оберегает свое чадо.

– Нет, не чувствую я в нем ничего такого... Нет. Я бы заметила. Человек он. Смертный человек – сын смертных людей, только... Не знаю, как сказать... Есть в нем что-то такое... Ты, когда его лечила, ничего не заметила?

– Что?

– Нет, ты же первый раз... не с чем сравнивать. Потом, может быть, поймешь.

Голоса снова начали удаляться, становиться невнятными...

«Какую подружку Чиф нашел? Юльку? Но эту же Людмилой зовут. А голос похож...»

Додумать мысль Мишка не успел – уснул.

* * *

– Михайла! Просыпайся! Смотри, кого я тебе привез!

Голос дядьки Лавра вырвал Мишку из сонного покоя.

– Мишаня, сынок...

– Мама!

– Ань, ну что ж ты плачешь-то? Смотри – живой, здоровый!

– Да какой же здоровый? Ты посмотри на него! Мишаня, сынок, я извелась вся, что ж ты наделал? Пропал, ни слуху, ни духу. Потом Чиф твою шапку принес, не знали, что и думать...

– Мама, прости, не мог я иначе. Не хочу я в доме жить, где тебя обижают. Я деду с Немым еще припомню, как они тебя... А жить с ними вместе не буду. Ты не беспокойся, я уже поправляюсь. Баба Ниня

говорит, что скоро вставать смогу.

– Да что ж ты говоришь такое, сынок? Разве ж можно так? Нельзя на родичей зло держать. А батюшка Корней чуть не умер. Ты же не знаешь: мы, когда в село вернулись, почти все заболели, а дед Корней тяжелее всех.

– Как заболели? Юлька же написала, что можно возвращаться!

– Да вот так, заболели. Болезнь, оказывается, не прошла, просто все переболели, но умирали почти одни только старики. А кто выздоровел, тот снова уже не заболел – такая болезнь. Несколько дней человек в жару лежит, кашляет сильно, а потом на поправку идет. Только старики не выдерживали, и Настена не сразу разобралась, как правильно лечить. А когда мы вернулись, она уже все про эту болезнь знала, даже деда выходила, хоть он и старый. Он да еще староста Аристарх Семеныч теперь самые древние у нас, старше никого не осталось.

– И ты болела?

– И я, но не сильно, дней пять всего...

– И малышня?

– И они тоже, но сильнее всех дед Корней. Он до сих пор слаб и кашляет еще. Он в бреду все тебя поминал, все хотел идти искать. А как в себя пришел, сказал, что тебя в лесу не найти, но как холода настанут, ты сам на пасеку придешь, чтоб в тепле быть. Туда и собирался за тобой идти.

– Правильно, я так и хотел сделать, да вот не вышло.

– Ты на него зла не держи, он тебя любит, а что озлился тогда, так от горя. Ему же тебя тоже не хотелось посылать, но нельзя было иначе. А тут я еще... Да и не ожидал он, что ты с ножом на него...

– Правильно он все сделал, Аня, – прервал материны причитания Лавр, – как настоящий муж себя повел. Но сейчас уже все, Михайла: батюшка сам жалеет, что так вышло, а Андрей больше никого пальцем не тронет. Никогда. С ним разговор был суровый. Так ему и сказали: или ты пес Корнеев, тогда на цепи сиди, или ты родич наш, тогда и веди себя, как родич. Он все понял.

– Он тоже болел?

– А по нему не поймешь. Вроде бы походил несколько дней смурной, а потом все время около бати сидел, как с ребенком с ним нянчился. Даже хотел тебя искать идти, еле отговорили – добром бы не кончилось. А потом у бати беспамятство прошло, он про пасеку и сказал. Еще сказал, что ты в лесу не пропадешь, можно не бояться.

– А ты, дядька Лавр?

– А мне болеть некогда было: Татьяна чуть жива да Кузьма с Демьяном...

– А как тетка Таня?

– Поправляется понемногу. Ты все правильно сделал, племяш, если бы мы тогда на пасеке остались, там бы ее и схоронили... Настена сказала, вовремя привезли. Так что ты молодец. Пять дней назад Чиф к Юльке с твоей шапкой прибежал, а на шапке кровь. Я коня заседлал, Юльку за спину и погнал. Чиф сюда нас и привел, только с тобой тогда не поговорить было.

– Так я что, пять дней тут валяюсь? А почему на шапке кровь, у меня же голова цела!

– Лосиная, наверно, но мы же не знали.

– Лавруш, ты подарок-то ему покажи.

– О! Забыл совсем! Я ведь в задумке-то твоей разобрался, хитро ты придумал, красота! На-ка, вот, держи.

Лавр положил на постель самострел. Такой, как Мишка и задумывал: с прикладом, как у автомата, с рычагом для взвода ногой.

– Сильная штука получилась: с полусотни шагов щит и доспех пробивает. Ты поправляйся скорее, я тебя с собой на облавную охоту стрелком возьму. Раньше-то что ж ты мне не показал? Если б он у тебя был, ты бы лося и близко не подпустил, завалил бы издали.

– Если б он у меня раньше был, я бы Немого грохнул!

– Я же говорила, Лавр, нельзя ребенку такое в руки давать!

– А с копьем на лося ребенку можно? Да, малец еще, но вел себя как ратник! И насчет Андрея все, я думаю, правильно понял. Так, Михайла?

– Угу.

– Точно?

– Понял я все, но если он мать хоть пальцем...

– Я его сам кончу, тебя дожидаться не стану! Но он не тронет – тоже все понял.

– Будет вам! Развоевались! – голос матери стал немного пободрее, видимо, Мишкин вид и голос ее слегка успокоили. – Ты бы лучше спасибо дядьке сказал за подарок.

– Да, дядька Лавр, спасибо тебе! А как ты догадался? Я же тебе не показывал.

– А когда вещи собирали, мне твоя самоделка и попалась, долго понять не мог, а потом Демка самострел натянуть попробовал и ничего у него не получилось. Вот тут-то я и понял, что ты задумывал.

– Спасибо, дядька Лавр!

– Мишаня, сынок, поедem домой. Что ж ты у чужих людей, как сирота?

В ответ раздался властный голос пожилой женщины, тот самый, который объяснял то ли Юльке, то ли Людмиле секреты лечения.

– Не дело говоришь, Медвяна! Не чужой он мне стал. Да и не был чужим. Я с вашей старостихой Беляной Веденеевной в родстве состою – наши матери за двоюродными братьями замужем были. А она же и вам родней приходится.

– Прости Ниней Всеславна, не знала я...

«Медвяна... А Юльку Людмилой называла. Ну да, она же язычница, еще и ведунья. Интересно, мне пригрезилось, или она взаправду с бабой Ягой знакома была? Вроде бы я где-то читал, что Яга – более древний персонаж, отголосок культа мертвых, или что-то в этом роде. Ладно, ерунда это все, главное другое. Чего я хотел, того и добился: Немого приструнили, дед больше наезжать не будет. И самострел у меня теперь есть, все как по нотам!»

– И везти его пока рано, – продолжила Ниней, – слабый еще. Да ты, Медвяна, сама посмотри: поговорили немного, а он уже бледный – утомили парня.

* * *

Пришлось Мишке оставаться у бабки Ниней. О том, в чьи руки он попал, Мишка начал догадываться, вспоминая о разговорах, невольно подслушанных во время кратких перерывов в беспамятстве. Правда, верилось в услышанное не очень-то, слишком уж все это напоминало бред. Но то одно событие, то другое

раз за разом подтверждали правдоподобие услышанного.

Старуха несомненно была мощнейшим экстрасенсом. Дело даже не в том, что она погружала Мишку в сон лишь одним прикосновением руки к голове и ласковым приговором: «Спи, Мишаня, спи, сон – лучшее лекарство». Окончательно в мощи ее воздействия на себя Мишка убедился, когда Ниня попросила его рассказать о том, как он очутился один в лесу.

Старуха села рядом с постелью, посмотрела на него ласково, но, вместе с тем, очень внимательно и, выслушав Мишкино: «Да глупость сделал – из дому сбежал», негромко сказала:

– Ничего, Мишаня, ты рассказывай, рассказывай...

И – все. Мишка как будто утонул в ее глазах. Слова сами полились, как вода, без наводящих вопросов, без уточнений. Ни утаить что-либо, ни нечаянно упустить какую-то деталь было совершенно невозможно. При этом Мишка был уверен, что ни в какое гипнотическое состояние не впадал и оставался в ясном сознании. Когда он закончил свой рассказ, то точно знал: рассказал все, добавить нечего. Вернее, добавить нечего к тому, что заинтересовало Ниню – эти моменты Мишка описывал очень подробно, хотя она ни разу ничем не дала понять, что одни события можно лишь упомянуть вскользь, а другие описать с упоминанием малейших мелочей, таких, которые, в принципе, в памяти и удержаться-то не могли.

Собственно, заинтересовали Ниню два момента: найденные в лесу останки женщины, поклонявшейся Перуну, и Мишкино отношение к Юльке. Вот на второй-то теме Мишка чуть не прокололся. Его сравнения отношения людей к императиву «Делай, что должен, и будет то, что будет» ЗДЕСЬ и ТАМ уже готовы были сорваться с языка, но старуху, видимо, больше интересовали личные отношения между подростками, и мимо опасной темы удалось благополучно проскочить.

– Ну что ж, Мишаня, выходит, что не слабость лося тебя спасла, а то, что ты уже падал, когда он копытом ударил, потому он и промахнулся. Если бы удержался ты тогда на ногах, мы бы сейчас с тобой не разговаривали. А на деда зла не держи, ему самому тогда хуже всех было, оттого и злился.

– Я не на деда, я на Немого...

– Ну а на него-то и вовсе зря! Если хозяин на тебя пса натравил, ты на кого злиться будешь? На пса или на хозяина?

– Андрей не пес!

– Человек умеет преданнее любого пса быть! Ты сам подумай: один на всем белом свете, увечный, бессловесный, никем не любимый. У него же и невесты не было, из-за характера его мрачного.

– А дед ему жизнь спас, а потом в своем доме пригрел...

– И это – тоже, – согласилась Ниня. – Он ведь о тебе беспокоился, хотел искать идти. А Медвяну – матушку твою – он осторожно нес, чтоб больно не сделать, вспомни-ка.

– И верно... А я ему рубаху порезал...

– Ну, понял теперь, что зря старался?

– Чего – старался?

– Тебя за стол с мужами посадили, а ты испугался, что когда в село вернетесь, снова на женскую половину отправят. Вот и решил показать всем, что уже не ребенок.

– Да я и не думал об этом!

– Думал, думал. Может, другими словами, может, другие причины находил, но думал.

– Да нет же! Что я – дурак совсем?

– Да, дурак! – голос Нинеи посуровел. – Что есть мужчина, в первую голову? Защитник и кормилец! Кормильцем ты еще долго не станешь. А защищать тебе некого и не от кого. Вот ты и выдумал врага, и решил от него матушку защищать. Все дети во взрослых играют, только ты лишку заигрался!

– Не я один мать защищал! Дядька Лавр тоже...

– А вот это – не твоего ума дело! Мал еще! Да и не известно, кого он больше защитил, а ну-ка – ты успел бы нож метнуть?

«Бабка-то кругом права! Ну что, сэр, опять за пацаном не уследили? Как он вас подставил-то, а? А вообще-то, если честно, пацан здесь не причем, это меня все время тянет из образа выйти, надоело дитем быть, хоть вешайся!»

– Ну, и что надумал?

– И правда: дурак я.

– Значит, поумнел.

– Баба Нинея, а ты и вправду бабу Ягу знала?

– А ты откуда про нее знаешь?

– Да слышал, как ты Юльке рассказывала...

– Ты мне, парень, не ври, меня обмануть трудно, ни у кого не выходит... давно уже не выходит.

– Да я правда слышал, как ты...

– Но ты про Ягу уже знал раньше. Так?

– Так...

– Откуда?

– Слышал где-то... или читал, не помню.

«Блин! Что я несу! Где ЗДЕСЬ об этом прочесть можно?»

– Читал? Это где ж? У попа вашего, что ли? И что ж там написано?

«Спасибо, бабуля! Этой версии и будем придерживаться. Считаем, что исследование по древнеславянской мифологии имеется в библиотеке отца Михаила».

– Написано, что избушка у нее непростая была. Два выхода у нее: один – в мир живых, другой – в мир мертвых. Вернее, дверь-то одна, но избушка может поворачиваться и к миру живых, и к миру мертвых. И сама баба Яга – наполовину живая, наполовину мертвая. И чтобы живому пройти в мир мертвых, надо притвориться мертвым. Потребовать, чтобы она тебя накормила, напоила, в баньке попарила, спать уложила. Ну, вроде бы как ты – свой. Но есть и пить ничего нельзя, только притворяться, что ешь. Тогда она тебя за своего примет и через избушку пропустит.

– Вон ты о чем! – Мишке показалось, что старуха вздохнула с облегчением. – Вот она, благодарность людская: сколько народу вылечила, от смерти спасла, а ее именем теперь... Да, вот так живешь-живешь, и – на тебе.

– О чем ты, баба Нинея?

– Дурак твой поп, и книги у него дурацкие! Не Ягой ее звали.

– А как?

– А вот это ни тебе, ни другим знать не надо. Есть знания, которые до добра не доводят. Может, оно и

к лучшему, что настоящее имя забыли?

– Потому, что «во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь»?

– Верно! Сам придумал?

– Это в тех «дурацких» книгах написано.

– Да? А еще, что там написано?

– Ну-у... Вот еще: «Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после». Ты ведь об этом только что говорила?

– Говорила... А еще помнишь что-нибудь?

– Помню: «Все вещи – в труде; не может человек пересказать всего; не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием».

– А еще?

– Еще? «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас».

– А еще?

«Понравилось? Ну, я тебе сейчас расскажу!»

– Хочешь еще? «И нашел я, что горче смерти женщина, потому что она – сеть, и сердце ее – силки, руки ее – оковы; добрый перед Богом спасется от нее, а грешник уловлен будет ею».

– Хорошо тебя поп учит, и ты – молодец. Хорошо учишься.

– Что ж ты меня хвалишь? Это ж христианские книги.

– А что, Экклезиаст разве христианином был?

«Ой! Мамочки! Она Экклезиаста знает! Или у меня опять бред?»

– Ну так как? Был Экклезиаст христианином?

– Н-нет, тогда еще христианства не было.

– Тогда почему книги – христианские? Все – вранье, все – краденое! И все это нам сюда тащат, а от своего, родного отказываться велят, в грязь втоптывают! Огнем и мечом искореняют! Рабами делают, неважно, что рабами божьими. Рабы – они и есть рабы. А мы – внуки божьи! Забыл или вовсе не знал? Учат вас... Рабами быть вас учат, а вы учитесь, да ума не прибавляется!

– Баба Ниня...

– Молчи! Про женщин он мне рассказал! Я-то все ждала, что ты другое вспомнишь: «И предал я сердце мое тому, чтоб исследовать и испытать мудростью все, что делается под небом: это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нем». Упражнялись! Понял? За сколько веков еще Экклезиаст предупреждал: думайте своей головой. А вы долдоните по заученному, а толку-то...

– Баба Ниня, а у нас свои книги есть?

– Книги? Может, и остались где-то. Были, немного, но были.

– Велесова книга?

– Не слыхала, может, и была...

– А если написать? Ну, вот ты наговоришь, а я запишу.

– А попы сожгут.

– Но можно же тайно, чтоб попы не проведали.

– Можно, конечно... заболталась я с тобой, а дел-то... Лежи, поправляйся.

«Однако, сэр Майкл! Позвольте вам заметить: это и называется фейсом об тейбл да еще с оттягом. И на пацана не сошлешься, сами напоролись. Но кто же мог знать? Бабка-язычница, ведунья-экстрасенс цитирует Ветхий Завет без запинки да еще и экзамен любимому ученику отца Михаила устраивает. Блин, только и остается повторить за принцем Гамлетом:

Есть в мире тьма, Горащий, кой-чего,
Что вашей философии не снилось.

Эту бы Нинею да к нам в девяностые годы, ставила бы общечеловеков в такие позы, что и в «Камасутре» не найдешь. Только вот что-то очень быстро она закруглилась, когда я про подпольную работу да подрывную литературу намекнул...»

– Мисяня!

Возле постели обнаружилась девчужка лет семи-восьми, позади нее топтались двое мальчишек, один примерно того же возраста, другой – совсем малыш.

– Здравствуй, красна девица, тебя как звать?

– Красава, а его Глеб, а его Неждан.

– Ну вот, а я, как раз наоборот – Ждан.

– Не-а, баба велела тебя Мисяней звать!

«Вот те на! Всех родовыми именами кличет, а меня христианским. С чего бы это?»

– Мисяня, расскажи сказку!

– Так вам баба Нинея, наверно, все сказки уже рассказала, она же их больше меня знает.

– А ты расскажи новую!

«Железная логика! Как можно конкурировать со сказочницей, лично знакомой с бабой Ягой? Только придумать что-то новое. Что ж им рассказать? Карлсон и Электроник отпадают сразу же, как персонажи совершенно невообразимые. Буратино? Тоже не подходит – они не знают, что такое кукольный театр».

– Мисяня! Ну расскажи!

– Сейчас, сейчас, Красава, дай только вспомню.

«Незнайку? Нет, не катит: воздушный шар, автомобиль... Блин! Совсем новое не лезет ни в какие ворота, придется идти в глубь веков. Ну, товарищ Пушкин, выручай!»

– У самого синего моря жил старик со своею старухой. Старик ловил неводом рыбу, а старуха пряла пряжу...

Слушали, что называется, затаив дыхание, в очередной раз подтверждая, что классика – всегда классика, понятна всем и во все времена. Единственное, что на всякий случай пришлось подправить, это заменить столбовую дворянку на боярыню. Ну, так смысл этого титула и в XXI веке далеко не все понимают. На бис, с не меньшим успехом пошла история про Машу и трех медведей. Тут, правда, возникли сложности с мебелью. Стулья пришлось поменять на лавки, а кровати... опять на лавки, ничего не поделаешь, уложить медведей вповалку на полати – разрушить сюжет. Зато крыловская ворона, лишившаяся завтрака

вследствие желания стать звездой шоу-бизнеса, ни в каких поправках не нуждалась. Разве что, на языке XII века получилось не в рифму. Но все равно публика была в восторге.

Так дальше и пошло: каждый вечер Мишка отрабатывал функцию передачи «Спокойной ночи, малыши», то и дело замечая в числе слушателей бабку Нинею, и постоянно ожидая вопросов по поводу того, откуда ему известно столько сказок. Слава богу, Ниней этим интересоваться не стала – какой бы обширной библиотека отца Михаила ни была, наличие в ней сочинений Пушкина, Крылова, Андерсена, Перро и прочих прозвучало бы сущей дичью, а соврать старухе, как Мишка уже убедился, было совершенно невозможно.

* * *

Детский организм заращивал раны быстро. Мишка начал вставать, выбираться на улицу. Особой радости, по правде сказать, это не доставляло. Дождливая осень и без того не самое лучшее время для прогулок, а вид мертвой деревни, в одночасье потерявшей практически всех жителей, еще более усугублял тоскливость пейзажа.

Не принес ожидаемой радости и самострел. У него не оказалось никаких прицельных приспособлений, стрелять приходилось по наитию, которое дается только очень долгими тренировками. Мишка лишь с четвертого раза сумел попасть в толстенную сосну, а попав, тут же об этом пожалел – извлечь глубоко засевший в древесину болт, не повредив его, так и не удалось. Болтов было всего три штуки, и так глупо потерять один из них было чертовски обидно.

Сделав выводы из собственной ошибки, Мишка приспособился стрелять в глинистый береговой откос, прикрепляя к нему, в качестве мишеней, опавшие листья. Дело пошло на лад, но тут он потерял второй болт, еще глупее, чем первый. Просто-напросто случайно нажал на спуск, когда самострел был направлен в сторону реки.

В общем, настроение было под стать погоде.

С Нинеей, вроде бы такой ласковой и внимательной, тоже никак не удавалось поговорить на интересующие темы. Она либо вообще уходила от ответа, либо разговор начинал принимать весьма рискованный для Мишки оборот.

– Баба Ниней, а куда вся скотина из села подевалась? И поля все сжаты, и огороды убраны.

– Так вон же: ледник мясом забит, амбар зерном полон, и другого всего запасено – не на один год хватит.

– Но ты же одна не могла все это сделать?

– Свет не без добрых людей.

– Ты меня единственного крестильным именем называешь, а не родовым. Почему?

– А нет его у тебя... Вернее есть, но не такое, как у всех. Я попробовала узнать, да не разобрала.

– Ну что ты, баба Ниней, у моего отца сначала две девочки родились, а он все сына ждал, поэтому, когда я родился, он меня Жданом и назвал.

– Нет, не чувствуешь ты себя Жданом. Ты сам для себя Михайла, а когда в глубь себя заглядываешь, где и есть место родовому имени, ты себя опять Михайлой ощущаешь, только каким-то другим. Не понимаешь?

– Не понимаю, – честно признался Мишка. – Как это? Михайла, но не такой.

– Тебя в честь кого Михаилом крестили?

– В честь Святителя Михаила Митрополита Киевского.

– Он кем был?

– Первым Митрополитом на Руси.

– Да нет, – Ниней досадливо поморщилась, – из какого племени?

– Болгарином был.

– Вот смотри: болгарин – человек чужого племени...

– Но болгары – тоже славяне!

– Не перебивай! Во-первых, болгары – ближние родственники не нам, а булгарам, что далеко отсюда, на реке Каме живут. Они только язык и обычаи переняли, а кровь другая, хоть со славянской и перемешанная. Во-вторых, у них давно уже царство, наподобие греческого, то есть и обычаи они покоржили. В-третьих, у них вера греческая, то есть, они и веру пращуров отринули, что славянских, что булгарских. Что там от истинных славян осталось?

– Но язык-то один?

– Язык у нас и с чехами, и с ляхами один, а ты их своими считаешь?

– Так они латинскую веру приняли! Ну ладно, не только в этом дело. Нет, не считаю.

– А чем болгары лучше? Перебил ты меня... Что ж я хотела-то?.. Да! Михаил! Чужой нам человек принес нам чужую веру. А про то, что у христиан большая часть не своя, а ворованная, я тебе уже говорила. Так вот: сам чужой, веру принес чужую, а мы должны от всей своей прежней жизни отказаться и жить так, как он нам укажет. Да еще не своим умом укажет, а так, как ему из Царьграда велят. А кто не согласен, тех – огнем и мечом. Ты себя таким Михаилом видишь?

– Н-нет, пожалуй, – подобные мысли никогда не приходили Мишке в голову. ТАМ он о таких вещах вообще не задумывался, а ЗДЕСЬ окружавшие его христиане никого огнем-мечом в свою веру не обращали. – Как-то у тебя, баба Ниней, все выходит... Полтора века уже прошло, неужели за это время не погнались бы христиан, если бы их вера в народе не прижилась?

– Да не о том я! Ты себя ощущаешь тем, кто пришел диким людям указывать, как надо жить, а как нет? Славян дикарями считаешь? Ну не всех, так хоть тех, кто крест не принял. Считаешь дикарями?

– Нет, конечно!

– А он считал! По его наущению княжий родич Добрыня приказал Новгород поджечь, когда туда попов не захотели пускать. Так со своими поступают? Вот ты бы мою деревню велел поджечь из-за того, что мы попов к себе не пустили?

– Да что ты говоришь! Нет, конечно!

– Но ты же святому, в честь которого назван, во всем подражать должен?

– Ну уж нет! Никого я жечь не собираюсь...

– Значит, первый Михаил, который на поверхности – не ты. Но есть в тебе еще и другой Михаил, который к вере христианской относится... даже не знаю, как сказать... Проще говоря, не христианин ты, но и в славянских богов тоже не веруешь. Так посторонний человек на чужую брань смотрит, которая его не касается.

– Вот и нет! У меня душа болит и за тех, и за других, потому что и те и другие – свои. И брань эта их только ослабляет!

– Вот этого Михаила я и люблю, его по имени и зову. Понял теперь?

– Понял.

– А я – нет! Откуда ты такой взялся? – выпад Нинеи был неожиданным и стремительным, как бросок змеи. – Не бывает таких детей!

– А ты, Нинея? Ты где училась? – парировал Мишка. – Библию на память знаешь, историю народов и государств ведаешь, дискутируешь, как богослов! Таких образованных княгинь или боярынь днем с огнем не сыщешь, а ты в деревеньке глухой сидишь... Ты-то откуда взялась? Не бывает таких деревенских старух!

– Вот и поговорили, Мишаня. Не бывает таких, как мы. Так, может, нас и нет?

– Ну, если ты сейчас еще и древнегреческих философов помянешь, то я точно поверю, что нас нет и все это мне только кажется.

– А сам-то кого из философов помнишь?

– Ну... Аристотеля, Геродота, Платона... погоди! Ты меня опять проверяешь?

– И много ты деревенских мальчишек видел, которые эти имена в разговорах поминают?

«Господи, не может быть! А почему не может? Максим Леонидович же не говорил, что мой предшественник мужчина!»

– Нинея Всеславна, а вы Максима Леонидовича не забыли еще?

– Кого?

– Ученого из Петербурга.

– Нашел все-таки, чем бабку уесть! – Нинея вовсе не обиделась, а поощрительно улыбнулась. – Не знаю я ученого Максима, не слыхала даже. Из греков, что ли?

«Блин, обидно! А как было бы здорово!»

– Да, из греков. Он-то как раз славян дикарями не считал.

– Ну хоть один такой нашелся, и то хорошо.

– И все же, баба Нинея! Меня-то отец Михаил учит, а тебя кто учил? Ну не Яга же тебе про Аристотеля рассказывала.

– У каждого свой отец Михаил есть... А Яга... Она такое знала, что твоему попу и не снилось. И запомни: мудрость славянскую греки с варягами еще не вытравили. Как знать, может, все еще и по-другому повернется...

А насчет имени своего, ты, мне думается, все понял. Не Ждан ты, а Михайла, только не христианский Михайла, а другой. Но для тебя это – хорошо. Если настоящее имя человека знать, можно ему большой вред причинить, а твоего настоящего имени никто ни узнать, ни понять не сможет. Если уж я не разобралась... Одно слово, везунчик ты, любят тебя Светлые боги.

* * *

Потихоньку Мишка начинал тяготиться пребыванием у Нинеи, да и по дому соскучился сильно, а если уж совсем откровенно, то очень хотелось повидать Юльку. Как-то после всей этой истории Мишкино отношение к ней изменилось. Начиная с восхищения ее мужеством во время эпидемии и кончая сожалением, что она уехала, когда он спал. Не получилось даже ни попрощаться, ни поблагодарить.

Единственной отрадой оставались только вечерние посиделки с малышами. Мишка наконец-то сообразил, какое из литературных произведений XX века можно пересказать им с минимальной

коррекцией – «Волшебник Изумрудного города».

Всего-то и пришлось, что переделать американский штат Канзас в Тридевятое царство да трусливого льва в трусливого медведя. По ходу дела, правда, и летучие обезьяны превратились в летучих собак, но это были уже второстепенные персонажи. Зато с Железным Дровосеком и Страшилой никаких проблем не возникло.

Сказка шла «на ура» в течение нескольких вечеров, а потом плавно перетекла в продолжение: «Филька-плотник и его деревянное воинство».

Ниней явно задумала каким-то образом сохранить деревню, лишившуюся жителей. Мишке, который старался, чем мог, помогать ей по хозяйству, она поручила раз в три дня протапливать печи в опустевших домах. Дрова, запасенные еще прежними хозяевами, подходили к концу, и Мишка все чаще задумывался о том, что Ниней собирается делать зимой. Дров на семнадцать домов, не считая единственного обитаемого, требовалась уйма. Кто их будет заготавливать?

* * *

Ответ на этот вопрос пришел, как ни странно, из Ратного. Однажды в пасмурный октябрьский день у ворот остановилась телега, в которой приехала старостиха Беяна в сопровождении двух холопов. Не позволив холопам распрягать, Беяна велела Мишке указать им деланку, на которой жители Нинейной деревни заготавливали дрова, а сама, расцеловавшись со старинной подружкой, тут же завела разговор о здоровье и жизненных обстоятельствах многочисленных родственников и знакомых.

Торчать с холопами на деланке Мишке было ни к чему, а слушать старушечьи разговоры о том, кто женился, кто помер, у кого кто родился, кто чем болеет и прочее в том же духе, не хотелось совершенно. Зайти на минутку в дом, забрать самострел и уйти тренироваться тоже показалось невежливым, а просто так бродить на улице – глупым. Не зная, чем себя занять, Мишка решил пройтись по дворам и посмотреть, где сколько осталось дров и в порядке ли навесы над поленищами.

У крайнего дома, в котором, по рассказу Ниней повесился хозяин, Мишка неожиданно для себя увидел еще одну телегу. Лошадь не была распряжена, но на морде у нее висела торба с овсом. Похоже, что хозяин телеги не собирался оставаться, а был намерен, сделав какие-то свои дела, отправиться в обратный путь. Тут же пришла мысль напроситься в попутчики до Ратного, но сначала Мишка решил узнать у старостихи, кто это прикатил вместе с ней, да и у Ниней следовало попросить разрешения на возвращение домой.

– Ну что, охотничек, зажили ребра? – встретила его вопросом Беяна. – Впредь наука будет, выпороть бы тебя, чтоб глупостей больше не творил. Ишь, чего удумал – из дому сбежать!

– Пороли уже, как раз перед тем...

– Значит, мало пороли, если в разум не привели!

– Куда уж больше, и так – до беспамятства. Если еще больше, так уж до смерти, а от этого ума не прибавляется.

– Значит, неправильно пороли, порка не для увечья, а для вразумления, а ты, сопляк, язык придержи, когда с тобой старшие говорят! Спросят – ответишь, а пока не спросили, помалкивай.

«Средневековая педагогика во всей красе! Послать бы тебя, кошелка старая... Ладно, изгаляйся, собака лает – караван идет. В гробу я твои поучения видел, в ритуальной обуви белого цвета. Блин, не учуяла бы моего настроения Ниней, мысли она, конечно, не читает, но эмоции улавливает только так. Глаза, что ли, потупить, как почтительному отроку надлежит?»

– Ты чего вернулся? Я тебе велела за холопами присмотреть, а то они без пригляда наваляют.

– Ты велела только дялянку указать...

– А сам сообразить не мог? Ступай назад! Скажешь, чтоб сюда пока не возили, пусть разделявают на месте. Шевелись, шевелись, что столбом встал?

– Я спросить хотел, насчет второй телеги. Может, Ниней Всеславна меня отпустит, так я бы до дому с ними...

– Какой второй телеги? – тут же насторожилась Ниней. – Беляна, ты кого еще привезла?

Ох, как не понравился старостихе вопрос о попутчиках! Мишка только тут и сообразил, что и его Беляна выпроваживала, и Ниней разговорами занимала для того, чтобы никто вторую телегу не заметил.

– Никого я не привозила, он сам увязался.

– Кто увязался?

– Поп. Сказал, что место самоубийства очистить надо, святой водой окропить...

– Да как он смеет?! Ну, выблядок киевский...

Ниней легко, словно двадцатилетняя девушка, вымахнула из-за стола и, не одеваясь, только захватив теплый платок, метнулась из дома.

– Черти тебя принесли, Минька! – напустилась на Мишку Беляна. – Ну что ты за заноза такая... Господи, ведь убьет же или разума лишит.

Старостиха торопливо одевалась, видимо, собираясь как-то вмешаться в конфликт.

– Предупреждала же я его, так нет... все умные, все своим умом, что старый, что малый... Только одни старухи у них дуры, а потом вытаскивай умников с того света...

Дело, похоже, принимало серьезный оборот: о боевых навыках ведуньи можно было только догадываться, но, судя по тому, как перепугалась Беляна... Выбежав со двора, Мишка, сам еще не зная, что будет делать, припустил к дому Велимира.

Отец Михаил как раз вышел со двора самоубийцы, сделал несколько шагов и словно наткнулся на невидимую стену: его, как показалось Мишке, даже слегка пошатнуло. В нескольких шагах перед ним стояла Ниней, но какая Ниней! Старуха исчезла, вместо нее Мишка увидел зрелую женщину, очень сильную и не на шутку разгневанную. Спина распрямилась, посадка головы сделалась гордой, даже надменной, морщины не исчезли совсем, но стали как-то незаметней, сброшенный на плечи платок открыл высокий лоб, глаза... знал Мишка, как можно утонуть в этих глазах.

Только сейчас он понял, что в молодости Ниней была настоящей красавицей. Нет, никаких штампов! Ни роковой дамы в стиле «вамп», в которую в фильмах обычно преображаются старухи-колдуньи, ни обворожительной блондинки-феи Мишка не увидел. Дорогу священнику заступила РУССКАЯ ЖЕНЩИНА, та самая, которая «коня на скаку остановит», да только не схватив за узду, а лишь одним повелительным взглядом. Владычица, заставшая в своих владениях мелкого злодея и снизошедшая до того, чтобы покарать его своей собственной рукой.

Отец же Михаил выглядел плохо. Видимо, и его не миновала болезнь, которой переболели почти все жители Ратного, а он наверняка не отлеживался в постели, а ходил с температурой напутствовать умиравших, исповедовал, причащал святых тайн, потом отпевал, преодолевая собственный недуг. Постарел, ссутулился, появились седые волосы. И путь сюда, скорее всего, дался ему нелегко, не только физически, но и духовно – наверняка представлял себе, с какой силой схлестнется. Но... «Делай то, что

должен, и будет то, что будет».

Нинейя приподняла правую руку и развернула кисть ладонью в сторону отца Михаила; того снова пошатнуло, он схватился рукой за крест и что-то зашептал. Все сразу стало понятно: ни о какой атаке не могло быть и речи – отец Михаил только оборонялся. Нинейя слегка подалась вперед, впериась взглядом в священника, лицо его посерело. Казалось, на нем остались одни глаза, горящие фанатичным огнем, рот приоткрылся, губы перестали шевелиться – теперь он произносил молитвы только мысленно. Сколько времени это длилось, Мишка сказать не смог бы, но в какой-то момент почувствовал, что Нинейя прорывается сквозь барьер священных текстов и вот-вот сомнет волю противника. Но отец Михаил не отступал. Понимал, что проигрывает, уже проиграл, однако готов был умереть, но не сдаться!

– Нинейя!!! Не убивай его!!!

Мишка кричал так, как никогда в жизни. Не голосом – сам не знал чем. И так же, сам не понимая как, внес какую-то дисгармонию в незримую связь, сформировавшуюся между Нинеей и отцом Михаилом. И... все кончилось. Нинейя опустила руку и расслабилась, отец Михаил, словно не замечая никого вокруг, повернулся и поплелся к телеге, шаркая ногами как древний старец.

– Собирайся, он за тобой приехал!

Нинейя обронила слова, шествуя (именно – шествуя) мимо Мишки, и он вдруг почувствовал себя маленьким и жалким, мелко нагавившим Великой Владычице, намеревавшейся свершить справедливую кару. Не теряя величественности осанки, Нинейя пошла к своему дому, не обратив ни малейшего внимания на то, как отшатнулась с ее пути старостиха Беляна.

«Что это было? Я же что-то такое почувствовал. Стоп, ну-ка – все по порядку. Сначала было беспокойство, передавшееся мне от Беляны, потом... потом было удивление от преображения Нинейи и сочувствие отцу Михаилу. Потом... да! Потом было восхищение ими обоими: ее величием и его мужеством! Нет, не мужеством, он явно испугался, но не отступил. Не мужеством – самоотречением! И вот тут-то я и почувствовал... Что? Не знаю, словами не опишешь. Мощнейшее эмоциональное напряжение, восторг. Да, именно – восторг! Восторг, обращенный к ним обоим, и возникшую между ними связь. Это сделало меня третьим элементом образовавшейся системы и позволило вмешаться. Значит, если бы мои эмоции касались только кого-то одного из них, ничего бы не вышло?»

Блин, знаний не хватает катастрофически... Что за связь возникла между Нинеей и отцом Михаилом? Резонансбиополей, что-то еще? Неважно, все равно научного названия этому наверняка нет. Она каким-то образом создала из двух живых систем одну, но под своим контролем, а я, сам не знаю как, подстроился, и меня туда втянуло еще одной подсистемой, третьим элементом.

Но я оказался элементом деструктивным. Почему? Очень просто: раз я стал элементом системы, значит, образовались связи со всеми остальными элементами. Нинейя выстроила систему, в которой она была субъектом, а отец Михаил объектом управления. Проще говоря, она давила, а он сопротивлялся. Она насильственно внедряла в него поток управляющей информации, а он, не будучи способным этот поток пресечь, пытался его заглушить, читая молитвы.

И тут – я, со своим восторгом. Нинейя священником, конечно же, не восхищалась, он Нинеей, разумеется, тоже. А я восхищался обоими – информационные потоки, несущие взаимоисключающую информацию, гасят друг друга, связи разрушаются, система распадается. Вот и все волшебство – никакой мистики!

Интересно, как они это восприняли? Наверно, оба – негативно. Нинее я всю малину, пардон, обосрал, а отца Михаила хоть и вырчил, но колдовством, в его понимании.

М-да, вот и делай после этого добро людям... Ой, что это с ним?»

Отец Михаил не дошел до телеги, ноги у него подкосились, и он сел прямо на землю, сгорбившись и свесив голову. Мишка подбежал, перекинул безвольную руку монаха через плечо и попытался помочь ему встать, но сил не хватило, хотя был отец Михаил тощ и весил наверняка немного.

«Блин! Да когда же я вырасту! Ну не может двенадцатилетний пацан взрослого мужика кантовать, хоть и такого анахорета. А почему двенадцатилетний? Мне же в июне тринадцать исполнилось! Во, дела закрутились, даже не вспомнил!»

Мишка вдруг почувствовал, что ему кто-то помогает, и действительно, под другую руку отца Михаила подсела Беяна Веденеевна. Вдвоем кое-как дотащили квелого священника до телеги, уложили, завернув в тулуп.

– Минька, ты в дом пойдешь или сразу поедешь?

«Ага, мадам, боитесь в одиночку к подружке возвращаться, еще возьмет да превратит под горячую руку в крысу или жабу. Хе-хе, вот они – темные суеверия; атеистическая пропаганда, ау, где ты, родимая? Но вы, мадам, однако, еще та штучка: если меня – так пороть, а как сама нашкодила, так за Миньку прятаться?»

– Пойду, вещи забрать надо, поблагодарить, попрощаться.

– А не боишься? – сама Беяна, не скрываясь, трусила.

– Меня как раз в день именин до беспамятства выпороли, чего мне теперь бояться?

– Прямо в именины? – удивилась старостиха.

– Ага!

– За что ж тебя так?

– Как за что? Для вразумления!

– Да будет тебе, за что все-таки?

– А вот, как сейчас, за слабого вступился. Дураком был, дураком и остался, тогда выпороли, сейчас даже и не знаю, что Ниней придумает?

– Так, может, не пойдешь? – Беяна оглянулась на дом Ниней, словно оттуда могли выстрелить.

– Сразу сгоряча не убила, теперь уже не убьет, а больше я ничего и не боюсь, – бодро заявил Мишка, демонстрируя уверенность, которой вовсе не испытывал.

– Как ты ее остановил-то?

– Самому бы знать!

– Ну что, пойдешь? – Беяна снова оглянулась на жилье ведуньи. – Или подождем, пока остынет?

Тут неожиданно подал голос отец Михаил:

– Не ходи, вертеп дьявольский... душу погубишь...

– Я, отче, в этом вертепе дней двадцать, и – ничего, даже тебе вот помочь сумел.

– Господь помог, но не испытывай терпения Его... Ведьма зла сейчас...

Беяна влезла в разговор голосом сварливой тещи:

– Опомнись, Аника-воин, предупреждала я тебя!

– Гордыня обуяла... думал, справлюсь. Грешен я, прости, сестра, усомнился в словах твоих...

Отец Михаил зашелся в долгом кашле, на губах выступила кровь.

«Господи, неужели туберкулез? ЗДЕСЬ это – приговор».

– Беяна Веденеевна, – Мишка кивнул на священника. – Он хоть ел сегодня?

– Постился перед подвигом, хотел чистым в бой вступить...

– У тебя с собой есть что-нибудь? Нинеиною он не возьмет.

– Есть, пойдем, я дам.

* * *

Ниня, задумавшись, сидела за столом, все такая же властная и надменная, но сквозь величие уже начали проступать привычные черты деревенской старухи.

– Красава, смотри какая у нас бабушка красивая стала, – обратился Мишка к Красаве, – ты ее, наверно, такой и не видела никогда.

– Видела, видела! Только она скоро опять старой станет. Я, когда вырасту, стану ведуньей и сделаю так, чтобы она всегда красивой оставалась!

– Вот и молодец, только на ведунью учиться долго надо.

– А меня бабуля выучит, я уже много умею!

– Очень хорошо. А теперь иди к малышам, мне с бабушкой переговорить надо.

– А я и оттуда услышу, если бабуля разрешит, а если не захочет, то я и рядом нисего слышать не буду.

Мишка вышел на середину комнаты, снял шапку, низко поклонился.

– Благодарю тебя, Ниня Всеславна, за приют и ласку, за спасение от смерти, а наипаче – за науку и мудрость. Прости, если обидел невзначай, не держи зла, а хочешь – накажи. Я теперь на всю жизнь должник твой.

– Про должок напомним, может быть... Как жизнь сложится, там видно будет, а поблагодарить... – Ниня немного поколебалась, но продолжила: – А поблагодарить и я тебя должна. Вовремя ты сегодня встрял. Наглость, конечно, это. В другой бы раз я б тебя... но сегодня ты вовремя появился. Везунчик ты, любят тебя Светлые боги.

– Прости, Ниня Всеславна, не понимаю, о чем речь.

– Да что тут понимать! Первый раз в жизни попробовала я науку тетки Яги испытать, пяток или десяток лет жизни себе прибавить, а у него и этого не оказалось. Чуть у нищего суму не отняла.

– Так он... баба Ниня!!! Как же так?

– А вот так! Он сюда умирать шел, знал, что не одолеет меня, а шел. Ни дружинников княжьих, ни других попов не привел... Хотел в бою погибнуть, как мужчине и должно.

– Можно ему помочь? Я знаю, ты не станешь, но я Юльку попрошу, тетку Настену. Можно что-нибудь сделать?

– Ты мои разговоры с подружкой твоей слышал? Про то, что лекарь частью своей жизни за выздоровление больного поплатиться может?

– Слышал.

– Так в этом хоть смысл есть – больного спасаешь. А этот... мертвым себя отдавал, все у христиан

навыорот, – Ниня немного помолчала, потом продолжила: – Ты не бойся, он не сейчас умрет. Когда – не знаю, но осталось ему немного, и помочь нечем. Да и не примет он... гордый. А тебя благодарю за то, что не дал мне глупость совершить, о которой всю жизнь жалела бы. Но в другой раз... а может, и в другой раз тоже прощу. Люб ты мне. Глупый, нахальный мальчишка, но... люб – и все тут! Беяна! Не суетись, я им в дорогу поесть собрала, вон котомка лежит. Ступай, Мишаня, а то до темноты не доберешься. Подойди-ка, наклонись – поцелую на прощанье.

Мишка склонил голову, Ниня коснулась его лба сухими горячими губами.

– Ну, ступай. А тебе, подружка, погостить у меня придется!

– Нинюшка, да я и сама...

– Знаю, догадалась: есть у тебя ко мне дело, только что ж ты сюда попа-то приволокла?

– Да я же не сама...

Дальше Мишка уже не слышал, вышел во двор и обнаружил там Красаву.

– Мисяня, а сказку не доскажес?

– Я же не насовсем уезжаю, буду вас навещать.

– А когда?

– Не знаю, но постараюсь поскорее.

Мишка зашагал к телеге, так и стоявшей возле подворья повесившегося Велимира, ощущая непонятно откуда взявшуюся уверенность, что не обманул Красаву. Сейчас он стремился домой, но почему-то твердо знал: очень скоро он начнет скучать по Нинее и ее малышам, найдет повод и приедет навестить. И еще одно он понял, покидая старухино подворье: здесь ему всегда будут рады.

Глава 5

Осень 1124 года. Село Ратное

Уже тронув телегу, Мишка спохватился: а где же Чиф? Вот уж у кого не было проблем! В деревне осталось всего три собаки, все три жили на Нинеином подворье и все три были суками. Чиф и сам по себе был хорош, но тут, благодаря обстоятельствам, он и вообще автоматически заделался «первым парнем на деревне». Если же учесть, что, благодаря своей принадлежности к тварям бессловесным, рамками моногамии он ограничен не был и формальными супружескими обязательствами не обременен... Не жизнь – малина!

Когда Мишка вслед за Нинеей бежал к дому покойного Велимира, он краем сознания отметил, как откуда-то вывернулся Чиф и припустил вслед за хозяином, а потом, когда Ниней схлестнулась с отцом Михаилом, рванул в сторону леса, словно за ним черти гнались. Наверно, почувствовал своим звериным чутьем, что здесь творятся вещи запредельные, и ударился в панику.

Мишка призывно засвистел и закрутил головой, высматривая пса. Чиф выскочил из ближайших кустов, но к телеге не подошел, а затрусил параллельным курсом, настороженно принюхиваясь. Мишка, прекрасно изучивший все его повадки, понял, что пес все еще напуган и в любой момент готов прятаться в сторону. Все понятно: сегодня хозяин открылся Чифу с совершенно новой, доселе неизвестной стороны – непонятной, а потому опасной.

– Чиф, Чиф, хороший мой, не бойся, иди сюда! Ко мне, Чиф, ко мне!

Мишка нашарил в котомке с едой завернутый в тряпицу хлеб, отломил кусочек и протянул псу. Очень осторожно Чиф приблизился, долго обнюхивал угощение и руку, его протягивающую, наконец, видимо, не обнаружив никаких тревожных признаков, аккуратно, передними зубами, захватил хлеб и не разжевывая проглотил. И все! Страхи мгновенно улетучились, настороженность пропала – хозяин свой, такой же, как всегда, мы куда-то едем, жизнь прекрасна!

«Непрошибаемый оптимизм! Просто позавидовать можно. Вот бы и вам так, сэр. Так нет! Вечно обвешаетесь проблемами, как собака блохами. И сейчас голова пухнет; только перечислить – и то тошно делается.

Во-первых, экстрасенсорные способности. Они у меня действительно есть, или проявляются только в присутствии Нинеи, и только тогда, когда она активно ворожит? ТАМ я ничего подобного за собой не замечал, но после всех пертурбаций, которые устроил мне Максим Леонидович, могло, конечно, произойти все, что угодно. Только вот сейчас эту проблему я не решу, да и неизвестно, решу ли когда-нибудь вообще.

Во-вторых, отец Михаил. Сколько ему осталось? Ниней, скорее всего, не ошиблась, да и кашляет он очень уж скверно, тут и врачом быть не нужно, чтобы понять. Жалко-то как, не старый еще – сорока нет. Эту проблему я тоже, наверно, не решу, но попытаться обязан. Подключить к этому тетку Настену, Юльку... Блин!!! Юльку нельзя! Она же обязательно попытается свои новые навыки применить – отдаст попу кусок своей жизни!

Господи! За что Ты ставишь меня перед ТАКИМ выбором? Продлить жизнь отцу Михаилу и укоротить Юлке или оставить все, как есть, и смотреть на медленное угасание своего друга... Сволочь!!! Развлекаешься с рабами своими, мать Твою! Эксперименты ставишь, как на крысах? А вот хрен Тебе! Считаю, что крыса попалась нестандартная! Найду выход, а Ты там хоть удавись, если есть

на чем! Богохульствую? Да, богохульствую! А на кой Ты мне разум дал, способный добогохульства додуматься, и даже до того, что Тебя нет? Вот этим-то разумом... Разумом...

Вот именно, сэр Майкл! Кончайте истерику и беритесь за ум, коли вам его с барского, пардон, Господнего плеча отвалили, да еще устами Экклезиаста, на пару с Нинеей, напомнили, что пользоваться этим органом бывает иногда очень полезно. И не хрен лаяться на того, кто сей инструмент вам презентовал, независимо от того, существует Он или нет! А для начала, возьмите да покормите отца Михаила – хоть и малая, но польза».

– Отче, проснись!

– Я не сплю.

– Поесть надо, приподнимись, я помогу.

– Мы далеко отъехали?

«Ну да, он же меня кем-то вроде сталкера считает, вроде как я его из Зоны вытаскиваю. Ну, кино!»

– Далеко, отче, далеко... Ну-ка, давай, сядем.

– Не надо, я – сам.

Мишка достал из котомки хлеб, копченого леща, несколько вареных репок, луковицу.

«Смотри-ка, знает Ниней монашеский рацион, ничего скоромного не положила».

– Это Беяна дала?

– Конечно, у Ниней я бы и не взял!

– Как же ты, отрок, столько времени в вертепе дьявольском обретался? Язычеством антихристовым не испоганился?

– Да нет, вроде бы... Поешь, отче Михаил.

– А молитву перед трапезой сотворить? Отвык уже?

– Прости, отче, о тебе же беспокоюсь, ослабел ведь совсем...

– Телом, но не духом! Повторяй за мной:

«Это кто ж ему под ноги пал, Ниней, что ли? Похоже, у тетки крыша протекла, впрочем, не удивительно: в его-то состоянии да после таких приключений... Не спешите с диагнозом, сэр! Человек, как известно, выглядит дураком в двух случаях. Тогда, когда он действительно дурак, и тут комментировать нечего. И тогда, когда цели его неизвестны. Он себе что-то такое делает, по своим планам, а окружающим кажется, что дурь творит, пока результат не появится».

Зачем его к Нинее понесло? Блин! Ниней же мне сама сказала: он за мной приехал! Вызволить невинного отрока из рук колдуньи. Так он же своего и добился! Проник в логово нечисти, покропил святой водой место самоубийства (это он так Нинейю на поединок вызывал), а потом одолел ее – вырвал меня из колдовских тенет!

Господи, так меня же и не держал никто, и Ниней отступилась потому, что я влез, а то лежал бы ты сейчас «грузом двести»... Отче святой, ты же с ветряными мельницами воевал, Дон Кихот ты мой чахоточный, жизнью рисковал, думал, что меня спасешь! Ну до чего же ты человек золотой, как же я люблю тебя...»

Мишка вдруг ощутил комок в горле и вроде бы даже влагу в глазах.

– Вижу, умилила тебя молитва Господня, отрок! – по-своему истолковал Мишкины чувства отец Михаил. – Значит, не проникла еще мерзость языческая в душу твою, вовремя меня Господь привел.

– Вовремя, отче, еще как вовремя! Поешь хоть немного, отче, смотреть больно, как ты изнемог. Ну, пожалуйста, рыбка вот, хлебушек...

Отец Михаил поклевал, как цыпленок, и снова лег, закрыл глаза. То ли уснул, то ли задумался.

«А я-то дурак: «сталкер, сталкер» – спасаю его, вывожу из опасного места. А оказывается, это он за меня на смерть бился и спас. И ведь не объяснишь ничего – язык не повернется. Что значит – исходная точка зрения, базовая шкала оценок. Смотрим на одно и то же, но каждый со своей колокольни, и видим разное».

* * *

Отец Михаил...

Поговаривали, что в село Ратное, на место приходского священника, его сослали в качестве наказания за какую-то провинность. Какую именно – никто толком не знал, но дыма без огня не бывает. Не так уж много на Руси священнослужителей, учившихся в самом Константинополе, и по всяким медвежьим углам их, без особых на то причин, не разбрасывают.

Учить детей он вызвался сам, чем сразу же приятно удивил ратнинцев. До сих пор они о таком не слыхали, что, впрочем, и не удивительно – указ о создании церковно-приходских школ будет издан только через четыре века, Иваном Грозным. Не то чтобы население села Ратного было уж совсем темнотой безграмотной, скорее наоборот: неумение читать и писать считалось изъясном, причем настолько существенным, что могло даже расстроить свадьбу.

Ходила по селу байка о девке, которая, не сумев разобрать послание, закинутое ей через забор ухажером, от большого ума поперлась к попу, чтобы прочел. А там оказалось такое... Дальше версии разнились в зависимости от того, кто и в какой компании эту душераздирающую историю излагал.

Что в ней было правдой, что вымыслом – бог весть, однако факт оставался фактом: уровень домашнего образования, получаемого отпрысками ратнинцев, был, мягко говоря, очень и очень разнообразным. Программа же, которую за четыре зимы усваивали ученики отца Михаила, по меркам своего времени, для сельского жителя была просто блестящей: Закон Божий, церковное пение, чтение, письмо, четыре действия арифметики и некий симбиоз истории с географией.

Внук бывшего сотника Корнея, забывший, в результате странной болезни, все, чему его до этого учили, сначала привлек внимание отца Михаила тем, что очень быстро восстанавливал «забытое» да еще так, что учитель порой задавался вопросом: «А учил ли я его этому?» Мишке, еще не осознавшему себя, ничего не стоило ляпнуть: «Волга впадает в Каспийское море» или «Шестью восемь – сорок восемь», начисто игнорируя тот факт, что ни река, ни море с такими названиями никому неизвестны, а таблицу умножения проходят только в «выпускном классе».

Отец Михаил начал исподволь экзаменовать странного ученика и получил результат, буквально не укладывающийся в голове. Закона Божьего Мишка не знал начисто, зато считал, кажется, лучше своего учителя. Во всяком случае, древнеегипетскую задачу о семи семикомнатных домах с семьей кошками в каждой комнате он решил в уме за несколько секунд. Отца Михаила просто в дрожь кинуло, когда он вспомнил, сколько времени потратил на решение этой задачи много лет назад, сам еще будучи учеником.

Читал Мишка с трудом, словно часть букв была ему незнакома, зато географию знал – можно было только диву даваться (правда, только физическую, а не политическую). Мог запросто сослаться в разговоре на высказывание какого-нибудь древнего философа, вроде Аристотеля или Диогена, но ни слова не знал из

житий святых или поучений русских святителей. Без запинки перечислял всех киевских князей из династии Рюриковичей, но даты исторических событий употреблял почему-то на латинский манер – от Рождества Христова, а не от Сотворения Мира. Отец Михаил потом специально пересчитывал – получалось правильно!

Знал Корнеев внук об относительно недавних событиях европейской истории: завоевании Вильгельмом Нормандским Британии, взятии крестоносцами Иерусалима, но не мог назвать имени своего сюзерена – князя Туровского, не имел понятия об именах Митрополита всея Руси и Вселенского Патриарха.

Окончательно же добил Мишка своего учителя тем, что, взявшись, по предложению священника, учиться играть в шахматы, «надрал» того в первой же партии. Даже в Киеве было сложно отыскать партнера для этой игры, даже в Константинополе она не была еще достаточно распространена, а здесь, в глухом селе, какой-то мальчишка... И ведь никаких признаков происков врага рода человеческого – Мишка не боялся ни креста, ни ладана, ни святой воды!

Еще интереснее стало на второй год обучения. Отец Михаил не знал, разумеется, о метаморфозе, произошедшей с Мишкой летом, но понял, что парень научился скрывать «нештатные» знания. Зато беседовать с ним стало гораздо увлекательнее, порой священник ловил себя на том, что разговаривает с учеником, как со взрослым человеком, и не просто со взрослым, а с получившим не худшее, чем у него, образование, только в какой-то совершенно неизвестной области знаний и уж в совершенно невообразимом учебном заведении.

Посиделки за шахматами два раза в неделю стали традицией, приятной для отца Михаила и горячо одобряемой Мишкиной матерью. Каждый раз она давала Мишке с собой объемистый кувшин с горячим сбитнем, а если отец Михаил не держал в этот день строгий пост, то и что-нибудь из выпечки – на закуску. Дед, по своему обыкновению, ворчал: «Попа из парня сделаете», – но мать, втихомолку ностальгировавшая по молодости, проведенной в «столичном» Турове, имела на этот счет собственное мнение.

Мишке тоже нравились визиты к отцу Михаилу: тот был прекрасным собеседником и настоящим кладом информации.

В одной из таких бесед Мишка, неожиданно для себя, однажды узнал, что раскол Руси на удельные княжества уже, собственно, начался. Оказывается, еще четверть века назад в Любече произошел княжеский съезд, где князья договорились о разделе русской земли. На первый раз землю поделили на три части: непосредственно Киев и подчиненные ему земли, Ростово-Суздальская земля с Переяславлем и Чернигов с Муромом.

– Но этим же дело не кончится! – отец Михаил говорил с искренней болью. – Будут делить дальше! Лествичное право – ловушка! Умершему наследует не сын, а следующий брат, и только тогда, когда умрет последний из братьев, наступает черед следующего поколения. А если один из братьев не дождался наследства, его дети лишаются всего! В следующем поколении нужно уже разбираться с правами внуков, всяких там троюродных племянников, родней по женской линии и прочее. Все запутывается совершенно!

Но это же князья, за каждым из них стоит вооруженная сила, значит, есть соблазн «подправить» наследственное право силой меча. А если уж совсем не повезет, можно уйти в степь, договориться с половцами и добыть себе удел с их помощью. Что остается потом после такой помощи? Пепел деревень, зарастающие поля, караваны невольников, уводимые в степи!

Ты посмотри, Миша, мы же только обороняемся. На Западе давят германцы: Старград уже стал Ольденбургом, Лаба – Эльбой, Одра – Одером, Бранный Бор – Бранденбургом. Лютичи, бодричи и лужбичи до того между собой перегрызлись, что чуть вообще земель своих не лишились. Огромными

трудами и кровью вытолкали германцев за Лабу, а о том, чтобы все славянские земли вернуть, и речи нет. Чехи и ляхи приняли католичество. Одних германцы давят, других с севера пруссы терзают, с юга – угры. Дунай – тоже славянские земли – оседлали угры и те же германцы. С юга давит степь. С востока булгары. А мы все делимся, делимся, делимся...

– Но ведь и Европа делится. Распалась Римская империя, распалась империя Карла Великого...

– Но создается империя германской нации! Они наступают! Не только на восток, но и на юг – крестоносцы взяли Иерусалим, хозяйничают в Северной Африке.

– И в чем же между нами разница?

– В наследовании! Королю наследует только старший сын, остальные сыновья в лучшем случае – герцоги. То же самое и у остальных владельцев земель: все остается старшему сыну. Младшему – конь, доспех и родительское благословение. Ищи себе землю, сажай на нее крестьян, тогда будет, что оставить своему наследнику. Поэтому и прут во все стороны, как тесто из квашни. Ты думаешь, кто составил основную силу крестового похода? Те самые младшие сыновья!

– Ну, а если и у нас так же? Куда идти за новыми землями?

– Да куда угодно! На юг – в степь, на восток – через болгар и дальше, там земли и конца не видно. Можно и на запад, латинскую ересь искоренять. Нельзя только на месте толочься, землю на лоскутья растаскивать. Доиграемся до того, что в каждой деревне свой князь будет: слабые, бедные, злые, постоянно грызущиеся между собой. Приходи, кто хочешь, и бери голыми руками по одному.

– И остановить это нельзя?

– Как?

– Изменить правила наследования.

– Хорошо бы... Вон в Венгрии – полновластный король никакого удельного самовластья не допускает, и пожалуйста – огромная мощная Держава. У ляхов Болеслав Кривоустый такое же дело начал – и Держава рождается. А у нас... Олег Святославович из цареградской ссылки сбежал, половцев на Русь навел. Урвал себе Новгород Северский, Муром... Мономаху ненавидит, науськивает на него своего брата Давида Черниговского. И ведь прав – по лествичному праву в Киеве Давид должен сидеть, а не Мономах. Полоцкие Всеславичи ножи точат, не могут забыть, как их отца в Киев в цепях увезли. А увели-то за дело – колдуном был.

Мономах, конечно, правитель сильный, но стар – за семьдесят. Кто после него на киевский великий стол сядет? Хорошо бы, старший сын Мстислав, но допустят ли? Родство у них под стать королям: сам Мономах – внук византийского императора, женат на дочери последнего саксонского короля Гаральда... Не зря же византийцы готовы признать династию Мономашичей. Но даже если великим князем киевским станет Мстислав, то что потом? Он ведь тоже не молод – за пятьдесят. Одно дело, если сможет передать престол сыну, другое – если своей очереди потребуют братья. Образуются две княжеские ветви, претендующие на верховную власть – Святославичи и Мономашичи. Вот тут и жди кровопролития!

– А Церковь? Не венчать на княжение братьев, а только старших сыновей и объявить православный крестовый поход, хотя бы на болгар.

– Ты думаешь, Церковь всеильна? Назови ближайшее селение, в котором есть православный храм и настоятель? Что замолчал? Далеко? Да, далеко, а вокруг или откровенные язычники, или лишь слегка к христианству прислонившиеся. Волхвы только того и ждут, когда князя с Церковью разругаются. Ты думаешь, мало найдется безземельных князей, которые не побрезгуют поддержкой волхвов и от христианства отпадут? Да, почитай, все изгои, которые в степь подаются, тут же и про крест забывают.

– А если ускорить процесс деления?

– Зачем?

– Сейчас князья в своих княжествах в сущности чужие. Приходит время, кто-то умирает, кого-то выгоняют, или еще по какой-то причине освобождается тот или иной стол, и начинается движение по всей цепочке – князья переезжают на новые места. Кому-то распределение не нравится – и он берется за оружие, опять места освобождаются, и снова начинается движение.

Какой смысл заботиться о хозяйстве, благоустраивать землю, если через некоторое время переберешься на новое место? Только и делают, что в полюдьё ездят дань собирать да еще стараются урвать побольше, чтобы и в Киев положенное отослать, и чтобы себе осталось.

Теперь представь себе, отче, что кто-то решил остаться на своем уделе навсегда. Начинает заботиться о земле, устраивать торговые пути, населять пустующие земли, строить крепости. Становится сильнее, а значит, может расширить свои пределы. А самое главное – может передать созданное и накопленное не какому-то троюродному племяннику, которого, может быть, ненавидел всю жизнь, а собственному сыну. Но для этого нужно, чтобы удел стал вотчиной – передавался из поколения в поколение в одной семье.

Тогда и дружинников можно будет на землю посадить, пусть кормятся со своего хозяйства, а то сейчас они с добычи живут – в полюдьё, как в набег на врага ходят, жить-то больше не с чего. А так они не просто князьи владения защищать будут, а дом родной – совсем другое дело.

Вот посмотри: мы в Ратном живем со своего хозяйства и одновременно являемся серьезной военной силой. Попробовал бы кто-нибудь наши земли разорять! Такое бы ему устроили! А если у князя будет десять таких сел или двадцать? Это же две тысячи прекрасно подготовленных и вооруженных ратников, живущих здесь всю жизнь, каждый кустик, каждую тропинку знающих! Кто сможет его со стола Туровского согнать?

– А кто сможет усидеть на Туровском столе, если вы его согнать захотите? Ты что, Миша, не слыхал, как князей выгоняли? Тем более, если, как ты говоришь, будет двадцать таких Ратных. Думаешь, случайно вас только для обороны от внешнего врага или для дальних походов используют, но никогда – в борьбе за княжеский стол? Во-первых, неизвестно, на чью сторону вы встанете, а во-вторых, у вас может в привычку войти князей из стольного града гонять. Вы же действительно сила серьезная.

– Но Ярослав Мудрый не побоялся же нас здесь поселить?

– А если сейчас князь Туровский решит из воли князя Киевского выйти, вы за кого встанете? А ведь ты именно это предлагаешь! Ярослав Мудрый был прав, но это было больше ста лет назад, тогда против Киева никто и тявкнуть не смел, а сейчас вы можете оказаться опаснее любого врага. Киевский князь боится, что вы перейдете на сторону удельного князя, а Туровский – что вы, по приказу из Киева, на него ополчитесь.

Ты думаешь, почему твоего деда в боярское достоинство не возвели? Почему после него постороннего боярина командовать поставили? Боятся вас, вы – сила, вы уже сто лет своим умом живете, свою землю сами отвоевали и сами бережете. Вы не зависите ни от кого! Станет вас больше, так вы и вообще своего князя себе изберете, а волхвы языческие вас в этом только поддержат, выбор князя на вече – это в их обычаях.

* * *

Вот такие бывали у двух Михайлов разговоры, а случалось, поднимались темы и покруче.

– Да не слушай ты, Миша, бабьей трепотни: язычники, дикари, человеческие жертвы богам своим приносят... Глупости это все. Может, когда-то, в незапамятные времена такое и было, но только обычай

этот славянами давно отринут. А снова его на нашу землю варяги с нурманами принесли. Кровью животных идолов ублажали, это – да, но не человеческой. Ты вообще, что о славянском язычестве знаешь?

– Ну, есть много богов: Перун, Велес, Дажьбог, Сварог, Лада... Всех и не упомнишь.

– А кто главный?

– Сварог, он – отец богов.

– А про Триглава слышал?

– Нет.

– Так вот: это – не существо с тремя головами, а единство трех сущностей. Есть один Бог – Вседержитель, Отец Творения, который своей всетворною любовью – Ладой – создал первоначальное бытие. Это Сварог – отец света. Есть его сын – Дажьбог, то есть Солнце. И есть существо «Светло» – Светлый Дух – которое явилось на землю и воплотилось в роде человеческом.

– Но это же Святая Троица – Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой! Все, как у христиан! И Лада тоже – ведь сказано: «Бог есть любовь»! А как же остальные: Перун, Велес, другие?

– А это всего лишь воплощения Высшего Божества.

– Но им же поклоняются как самостоятельным богам!

– Судьба славян была тяжела, Миша. Борьба с римлянами, гуннами, готами, аварское иго, хазары. Много было утрачено, вернее сказать, упрощено.

– Так что же, христиане вернули славянам утерянное?

– Нет, скорее всего, у древних верований славян и у христианства где-то в глубине веков есть общие корни, а в ту ветвь древних верований, которая получила название «христианство», другие народы, жившие совсем в других условиях, привнесли очень много своего, славянам чуждого. Ну, например, некоторые славянские племена представляли себе ад в виде ледяной пустыни. А в землях, где зародилось христианство, льда нет, там, наоборот, есть беспощадное жгучее солнце, вот и представление об адских муках связано с огнем, а не с холодом.

– А на самом деле?

– В Ветхом завете про ад – ни слова, так что очень многое зависит от воображения людей, а воображение связано с тем, что они видят вокруг себя.

– Но в Откровении Иоанна Богослова...

– А это уже Новый Завет, как раз то, что и было привнесено позднее. Да и это, по правде говоря, могло в Новый Завет не попасть.

– Как это так?

– Апостолов было двенадцать, а Евангелий только четыре: от Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна. Почему? Остальные ученики Сына Божьего тоже ведь оставили воспоминания об Учителе. Но эти тексты не признаны каноническими. Они есть, их сохраняют, но в Святое Писание они не вошли. И таких – не признанных – довольно много. Есть и про славян.

– Про славян?

– Это считается ересью, происками дьявола, но существует повествование о том, что у Иисуса Христа был сын. Ты про то, что Андрей Первозванный посетил в свое время Русь, конечно, слышал?

– Да, воздвиг крест и проповедовал на тех горах, где потом построили Киев.

– Да, но, говорят, пришел он сюда не просто так, а спасая от преследования и убийства младенца, родившегося от любви Иисуса и Марии Магдалины. И путешествовал между многими славянскими племенами, а когда мальчик вошел в возраст мужа, славяне приводили к нему юных дев, и он возлегал с ними, и семя сына Христова рассеялось по славянскому народу. Так что утверждение славян «мы – внуки Божьи» не лишено зерна истины. Видишь, как все непросто переплелось?

– Но это же действительно ересь. Тебя за это сюда сослали?

– За такое не ссылают. За такое либо убивают сразу, либо дают умереть медленно в тесном заточении. А тебе я это рассказал не для того, чтобы ты еретиком сделался, а для того, чтобы понял: все очень и очень непросто. Христианство и язычество противостоят по большей части в телесной жизни, а в духовной... Вот Перун, например, стал Ильей Пророком, Велес – Власием, Макошь сменила имя на Параскеву Пятницу, но суть осталась прежней; моральные нормы славян, в принципе, не противоречат десяти заповедям христианства, ну, и прочее.

Дело не в иной вере, а в иной жизни. Христианский князь – единовластен, а князь у язычников был просто воеводой. Без слова веча и без одобрения волхва ничего сделать не мог. Понятно?

– Другой способ управления требует и другой идеологии, другого духовного обоснования, язычество самовластия не приемлет.

– Так, а единобожие, сиречь монотеизм: «Един Бог на небе – един царь на земле».

* * *

«Да, а Ниней-то говорила – все ворованное. Послушала бы она те наши беседы, а еще лучше, поговорили бы они между собой по душам, вот было бы интересно послушать. Она-то тоже мне про внуков Божьих толковала, только по-другому. Так ведь нет, убить друг друга готовы».

– Миша! – монах впервые за весь день обратился к Мишке по имени. – Трудно тебе там было? Ведьма-то, поди, искушала от истинной веры отречься?

– Да нет, напрямую не искушала, так только – намеками.

– А ты?

– А я ей из Экклезиаста читал.

– И?..

– А она Экклезиаста, оказывается, лучше меня знает, и философов древних тоже.

– Удивляешься?

– Странно как-то: старуха, в глухой деревне...

– Старуха... нет, Миша, не простая это старуха... Ходила она когда-то в шелках и ела на золоте.

– Ниней?!

– Гредислава... Боярышня древлянская.

– Боярышня? Так древлянское княжество еще княгиня Ольга... Сто пятьдесят лет прошло!

– Больше. Почти сто восемьдесят. Только род Ниней такой древний, что для него и триста лет – не срок. Ничего не забыли и ничего не простили.

– Но здесь земли дреговичей, а не древлян.

– Где-то же древлянам надо было укрыться.

– А Беляна? Их матери за двоюродными братьями замужем были.

– Не знаю, Миша, не знаю. Братья те, думаю, тоже не из простых. Был мне наказ от Владыки – дознаться обо всем, да поздно теперь.

– Почему поздно?

– Она не расскажет, а люди ее мертвы все. Покарал Господь, не стал людской кары дожидаться.

– Так о ней сам Владыка знает?

– И не только о ней. Ты думаешь, мало их – от прежних времен оставшихся? Думаешь, смирились они с потерей власти? Мы про них все должны знать, готовыми быть ко всему...

Отец Михаил снова зашелся в кашле.

– Полежи, отче, не разговаривай.

– Нет, я тебя расспросить должен. Намекала, говоришь? На что?

– Ну... Попрекнула, что Экклезиаст христианином не был, а мы его книгу священной почитаем.

– А ты?

– Не нашелся я, не сумел ответить.

– Вот они – происки Врага рода человеческого: посеять сомнение, смутить. А потом это сомнение тебя, как ржа, изнутри разъест.

– А как же я ответить должен был?

– Потом, Миша, потом об этом поговорим. Люди к ней какие-нибудь приходили?

– Не видел, но я дней семь в беспамятстве был... Или спал, Ниней усыплять умеет.

– Что, и среди дня усыпляла?

– Бывало. Она говорила – сон лучшее лекарство.

– Бывало, значит... А странностей каких-нибудь не заметил?

– Так там все странное, деревня-то вымерла.

– А кто хоронил? Не Ниней же трупы таскала?

– Вроде бы Велимир. Сложил всех на костер, тризну справил, а потом сам повесился.

– Это она тебе сказала?

– Да.

– А поля он тоже в одиночку все сжал?

– Да я же говорю – все странное. Поля сжаты, огороды убраны, скотина вся куда-то подевалась. А у Ниней запасов на несколько лет и все свежее.

– Помог ей кто-то?

– Она сказала: мир не без добрых людей.

– Настолько добрых, что в жатву свои поля бросили и Нинее помогать пришли?

– Не знаю... Может, нечистую силу призвала, а в уплату всю скотину ей отдала?

– Сам-то веришь в то, что сказал?

– Ну... поля же кто-то сжал...

– Ты кликушу-то темную из себя не строй!

«Вот уж хрен вам, стукачом епископального КГБ я не нанимался!»

– Прости, отче, не придумалось больше ничего.

– Я отдохну, Миша, а ты подумай, может, еще чего вспомнишь?

* * *

До Ратного успели добраться еще засветло. Мишка, въехав в речные ворота, поворотил было к церкви, но отец Михаил, молчавший почти всю оставшуюся дорогу, вдруг подал голос:

– Правь к себе, Миша, и помоги сесть: негоже мне перед паствой слабость являть.

«Вот она, сила церкви: больной – не больной, а пиар обеспечить! Съездил в логово нечисти, с колдуньей сразился, отрока невинного освободил, теперь семейный конфликт улаживать будет. Орел наш отец Михаил не убоился и преуспел! Бабий «интернет» распространит и обсудит, паства оценит и проникнется».

– Войдем в дом, стой возле меня и ничего не говори!

– Да зачем, мы же...

– Не перечь! О семье подумай: если одному можно супротив хозяина дома норов выказывать, значит, и другим тоже! Смиренность и почтение – не блажь старших, а залог крепости семейных уз и покоя в доме. Благолепие трудом и терпением создается, а наипаче – обузданием гордыни. Я тебя когда-нибудь плохому учил?

– Нет, что ты!

– Вот и делай, что говорю. Будь ты хоть трижды прав, почтение к старшим являть обязан, понеже младшие, на тебя глядя, к тебе тоже почтения проявлять не станут. Понял?

– Понял, но...

– Никаких «но»! Только стой и молчи. Я за тебя все сделаю, ибо унижение паче гордости.

«И в этом тоже сила. Иерархическая структура: подчиняйся старшим и получишь право требовать подчинения от младших. Каждый на своем месте работает на достижение общей цели. И попробуй, блин, только вертунись!»

Все семейство было в сборе: то ли случайно так вышло, то ли ждали, предупрежденные отцом Михаилом.

– Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас!

Отец Михаил размашисто перекрестился в Красный угол.

– Аминь!

Семейство дружно закрестилось в ответ.

«Все-таки, ждали: очень уж стройно ответили «Аминь»».

– Исполать тебе, брат мой во Христе Кирилл! В твердой вере ты воспитал внука своего отрока Михаила! Не поддался он искушениям дьявольским и неколебим остался, в вертепе нечистой силы пребывая. Не убоился в поединке с богомерзкой колдуньей встать на сторону истинной веры и помочь мне сатанинским чарам противостоять.

Ведомо мне, брате, что провинился отрок Михаил перед тобой, проявив непочтение к главе семьи и

строптивость. И вина его тяжка, ибо сказано в заповедях Господних: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе».

Тяжка вина отрока Михаила, но молю тебя, брате, – монах опустил на колени и, дернув за рукав, заставил сделать то же самое Мишку, – прости его, ибо искупил он вину страданиями телесными, духовным подвигом и искренним раскаянием!

«Как излагает, заслушаться можно! Интересно, когда это я раскаяться успел?»

Дед, постукивая деревяшкой, подошел к Мишке, выдержал драматическую паузу, потом величественно возгласил:

– Встань, Михайла! По молению пастыря нашего духовного, отца Михаила, прощаю тебя и впредь виной твоей не попрекну. И другим, – дед возвысил голос, – попрекать не велю!

Трижды облобызал поднявшегося на ноги внука и, похоже, сам умилился чуть ли не до слез. Дальше пошли уж совсем деревенские политесы: дед настойчиво приглашал отца Михаила отужинать, тот отговаривался необходимостью творить вечернюю молитву, дед настаивал, аргументируя неизбежность праздника «возвращением блудного э-э-э внука», бабы в это время шустро накрывали на стол.

Дождавшись окончания процесса сервировки, отец Михаил дал-таки себя уговорить и, твердо взяв Мишку за плечо, подвел к столу.

– Мнится мне, что по деяниям своим сей отрок заслужил честь восседать за столом с честными мужами!

– Что ж... Кхе! Не дите уже, садись, Михайла!

«Блин! Они что, репетировали, что ли? Вон как Лавр хитро подмигивает. Нет, ну до чего же велика сила ритуала! Все всё знают, всё понимают, и ни на шаг от заведенного порядка. Благолепие... Есть в этом все-таки глубочайший прагматический смысл: каждый «знает свой маневр» и всегда, в любых обстоятельствах, может рассчитывать на всех остальных, будучи точно осведомленным, чего от кого ожидать.

Вот сложилась нештатная ситуация: дед перегнул палку, а внук в штопор вошел – что делать? Скандалы, разборки, попреки – хрен знает на сколько времени, бывает, что и на всю жизнь. А тут исполнили ритуал – и порядок. Все снова на своих местах, и, что примечательно, наложен запрет на упоминание о произошедшем в будущем. Внук более не штопорит, а в качестве извинения: «Садись, Михайла!» Истинно благолепие!»

* * *

В отличие от Тома Сойера, никакой популярности у сверстников Мишка своим фортелем не приобрел. То ли насвистел великий Марк Твен, то ли менталитет другой... Версию событий общественное мнение выработало следующую: Мишка, обидевшись на наказание, сбежал из дому, заблудился в лесу и попался злой колдунье. Та его чуть не сожрала, но отец Михаил, с риском для жизни, отрока выручил.

Правдой во всем этом было только то, что Ниня отца Михаила и вправду чуть не порешила. Тот же факт, что плененного злой колдуньей отрока запросто навещали родственники, общественность вполне благополучно игнорировала, возможно, в воспитательных целях, а уж на что там обиделся сопляк, так это и вообще никого не трогало ни в малейшей степени.

«Вот так, сэр Майкл! Ни тебе желтой прессы, ни тебе папарацци, а результат тот же самый: не Иванов, а Рабинович, не в лотерею, а в преферанс, и не сто тысяч, а три рубля, и не выиграл, а проиграл».

Со сверстниками отношения не складывались совершенно. Пацан в общем теле в последнее время как-то приутих, а взрослому очень уж тошно было принимать участие в детских играх и трепотне. Мишка старался, как мог, но ребятишки, видимо, чувствовали эту натужность, и к присутствию его в своей компании относились весьма прохладно.

Совсем другое дело – Юлька. На следующий день после возвращения Мишка попросил у деда серебряное зеркальце, найденное летом в вещах погибшей язычницы. Дед, разумеется, в самых язвительных тонах поинтересовался, не рано ли внуку девкам подарки таскать, но выслушав рассказ о том, как Юлька его лечила, молча полез в свои закрома и вытащил зеркальце.

– Только не суй как-нибудь, поднеси с почтением, с вежливыми словами, чтоб не подумала, откупаешься, мол, чтоб должником не быть. Понял?

– А если брать не захочет?

– Чтоб девка да от зеркала отказалась? Кхе! Дите ты еще, Михайла!

– Она – с норовом...

– А лекарке иначе и нельзя! Иди-иди, не бойся, примет она твой подарок.

Обычный для жилья лекарки запах сушеных трав сегодня почти не чувствовался: тетка Настена варила в объемистом горшке что-то чрезвычайно вонючее; у Мишки, вошедшего со свежего воздуха, даже дух перехватило. Креститься тут было не на что, и Мишка по языческому обычаю поклонился очагу.

– Здрава будь, матушка Настена, здравствуй, Юля!

Только поздоровавшись, Мишка понял, что пришел, похоже, не вовремя. Юлька, явно чем-то крепко расстроенная, зло толкла в ступке нечто наверняка лекарственное, глаза и нос у нее покраснели, то ли от смрада, стоявшего в избе, то ли от просившихся наружу слез. Судя по нахохленному виду, скорее всего, имела место вторая причина. Мишка даже хотел было повернуться и уйти, но Настена уже ответила на приветствие и пригласила проходить.

– Ну, Михайла, поправился?

– Да, тетка Настена, спасибо Юле, чуть не с того света вытащила!

– Вот! – тут же подхватила Юлька, видимо, продолжая начавшийся до Мишкиного прихода разговор. – А ты говоришь: «не надо».

– Не «не надо», а рано! Всякому знанию свое время! Ниня совсем, видать, из ума выжила – ребенка такому учить!

– Сама не можешь, вот и злишься!

Хорошо, что у Настены в руке в этот момент оказалось полотенце, а не что-нибудь посерьезнее; впрочем и оплеуха влажным полотенцем тоже удовольствия Юльке не доставила.

– Тетка Настена! – Мишка счел своим долгом вмешаться. – Поздно уже, обратно-то не разучится! Да и я бы помер, наверно. Не надо ее ругать.

– Да не о том речь! Она же теперь надо и не надо это знание в ход пускать будет, загубит себя!

– Да что я, дура, что ли?

– Все равно не удержишься! Ты – лекарка природная, не стерпишь, если у тебя на руках больной умирает!

– Тетка Настена, может, я ее к Нинее свожу? Она наверняка, может зарок на нее наложить до какого-

то возраста?

– Не поеду! Ишь чего придумал! – взорвалась криком Юлька. – Сам вылечился, а о других не думаешь?

– Нет, Миня, не надо, – Настена расстроено вздохнула. – Зарок я и сама наложить могу... Думаешь, мы из-за чего с утра лаемся? Из-за этого самого.

– Не дается?

– Попробовала бы, – Настена невесело усмехнулась. – Мала еще мне противиться! Но нельзя с нами против воли – силу можем потерять, а у нее силы будет, как подрастет, побольше, чем у меня, а может, побольше, чем и у Нинеи. Шестое поколение выращиваем, жалко такую работу испортить.

«Блин! Они что же, еще и евгеникой балуются? Выращивают людей с заранее рассчитанными способностями? Двенадцатый век. Охренеть! Вот почему про Юлькиного отца ничего неизвестно – специально «производителя» подбирали. Где же это, интересно, генеалогические таблицы ведут, в каком исследовательском центре?»

– Юль, а я тебе подарок принес, – Мишка решил сменить тему разговора. – Ты только не подумай, что откупаюсь. Я твой должник до конца жизни, просто хотел тебе приятное сделать.

– Ах! Мама, ты глянь!

«Прав был дед Корней, девка она и есть девка, хоть и «селекционного производства». Все неприятности мгновенно забыты, ступка с лекарством – тоже, все внимание на собственное отражение в полированном кружочке серебра».

– А не слишком ли дорогой подарок, Миня?

– Не дороже жизни, тетка Настена!

– Так, значит, думаешь? И насчет долга до конца жизни не для красного словца ляпнул?

– Не веришь? Возьми с меня клятву или зарок наложи.

– Не нужно, ты сам себе зарок, – Настена поколебалась, о чем-то раздумывая. – Ну, если такое дело, садись, разговор к тебе есть.

Юлька тут же встrepенулась:

– Мама, не надо!

– Молчи! Смотри и слушай внимательно, вникай, как тебя Нинея учила. Не каждый день увидишь, как из мальчишки мужчина проклевывается!

– Мама! Рано ему еще! Не надо!

– А тебе не рано? О чем мы с тобой с утра сегодня талдычим? Тебе не рано, а ему рано?

«Ой, о чем это они? Вроде бы не про секс... А как еще из меня мужчину сделать можно? Какой-нибудь обряд языческий? Чего Юлька испугалась? И почему я – сам себе зарок? Блин! Ну что же это я все время во что-то влипаю?»

– Михаила, – спросила Настена, – ты когда в Ратное вернулся?

– Вчера, с отцом Михаилом.

– Так он что, живой?

Лекарка даже не скрывала удивления, видимо ожидала, что отец Михаил живым из Нинеиной веси

не выберется.

– Да, живой, а что?

– Ну видишь, мама? – тут же воспользовалась паузой Юлька. – Не надо, есть еще время!

Настена отрицательно покачала головой.

– Уже начали, отменять не будем.

Внимательно глядя на дочь, Настена негромко, но очень раздельно произнесла:

– Сосредоточься. Ты Михайлу чувствовать уже научилась, сейчас будешь мне говорить: когда он точно вспоминает, когда – нет. Слушай внимательно, ищи объяснения – наши, лекарские, которых Михаила не знает.

Настена еще немного поглядела на Юльку, словно убеждаясь в том, что та настроилась должным образом, потом повернулась к Мишке.

– Поп с Нинеей встречался?

– Да, она его чуть не убила.

– Как он спасся? Знаешь?

– Мне показалось, что это я помешал... Нет, не показалось – Ниней потом сама сказала, что я вовремя встрял.

– Рассказывай подробно. Юля, внемли, у него пока еще воспоминания свежие, потом потускнеют, ничего не поймешь!

Мишка прикрыл глаза, стараясь восстановить не только зрительные образы, но и воспоминания об ощущениях и чувствах, хотелось помочь Юльке да и самому было интересно. Начал медленно говорить:

– Они встали друг против друга, Ниней рукой вот так сделала... А он за крест взялся...

– Что ты почувствовал? Ведь почувствовал же?

– Это словами не объяснить.

– Говори, как получится, Юлька поймет.

– В общем, вместо двух человек как бы один сделался, и это была Ниней... почти. От отца Михаила мало оставалось, но оставалось, я точно знаю. А Ниней что-то приказывала, но не словами, а как-то так, ну, как своим телом управляешь.

– Юля?

– Да, мам. Так и было – она повелевала, добивалась полного подчинения, но он чем-то мешал.

– Миня, что он делал?

– Молитвы читал, сначала вслух, потом уже не мог губами шевелить и читал про себя.

– Юля?

– Да, тело ему уже не подчинялось.

– Какие молитвы он читал, помнишь?

– Не слышно было, но, по-моему, «Символ Веры».

– Какие там слова?

– «Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым.

И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденного прежде всех век; Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Им же вся быша».

– Хватит! – прервала Юлька. – Мама, не чувствует он ничего, для него это только слова, а поп этим спасался. Наверно, дело не в словах, а в вере.

– А я тебе, что говорю все время? Дураки заклинания заучивают, и ничего не выходит, потому что дело не в словах! Надо всего себя в нужное состояние привести, хотя бы, как этот поп. Для него каждое слово – не только звук, но и образ, чувство, ощущение. Он весь меняется, когда свои заклинания произносит, другим становится: сильнее, умнее, прозорливее. Ему такое открывается, о чем в другое время он и помыслить не мог – и в себе открывается, и в окружающем мире.

А так, вон, Минька пробубнил по-заученному – и ни уму, ни сердцу. Надумал бы спастись такой молитвой, и не вышло б ничего. Потому тебе и говорю все время: наговор лечебный сам по себе ничего не лечит. Надо, чтобы больной в него поверил всем своим существом, а для этого в наговор лекарь верить должен. И не важно, какие слова ты говоришь, лишь бы они на тебя и на больного нужное действие оказали.

Тут все важно: и ритм, и чередование звуков, и смысл слов тоже не последнее дело. Только слов ведь много, можно и другие подобрать, лишь бы все остальное не разрушилось. Христиане – дураки, перевели все с чужого языка, ритм утратили, музыку стиха, игру смыслов и намеков. Только такие иступленные, как наш поп, этими молитвами и могут спастись, а остальные – как Минька: бу-бу-бу, бу-бу-бу, и ничего.

«А она ведь права! Сколько переводов выдержал исходный текст? С иудейского на греческий, с греческого на русский. Или не с иудейского? Ну что за наказание: ни хрена толком не знаю! Вроде бы там еще и арамейский язык присутствовал с какого-то боку. И вообще, в качестве одного из исходников Библии, кажется, назывался кодекс царя Хаммурапи. А он-то на каком языке был?»

Помню, еще пацаном, в шестидесятые годы, читал статью в журнале «Советский экран». Писалось там про эксперимент по переводу текстов кинофильмов на иностранные языки. Взяли одну фразу из Гоголя, кажется: «По утрам она ела вареные бураки и сплетничала». Перевели последовательно на десять языков, а потом обратно на русский, и получилось: «Она выкидывала из шалаша ненужные вещи, а он радостно бил в там-там».

Вот так и мы «бьем в там-там». Вчера отец Михаил читал семнадцатый псалом – песнь победителя. Какая там песнь – на каждой строчке спотыкаешься, а в исходнике, наверно, действительно петь можно было...»

– О чем задумался, Миня? – переключила свое внимание на Мишку Настена.

– А что это вы делаете?

– Потерпи, Миня, все поймешь. Юля! Отдохнула? Давай дальше. Подчинила Ниня попа, а потом?

– А дальше я как-то у них третьим оказался и все Нинее испортил.

– Сам-то понял, как это у тебя вышло?

– Кажется, понял. Они друг друга ненавидели и презирали, а я их обоих любил, ну, так на так и вышло – все рассыпалось.

– Юля?

– Все так.

– Нет, не так! Чувства правильные, а слова нет!

– Какие слова?

– «Ненавидели и презирали». Ненавидят только того, кого боятся! А того, кого боятся, не презирают. Понятно?

– Это Ниней-то боялась? Да если б не Минька, она его бы... Ой, мама, страшно-то как!

– Ну, поняла наконец?

– Это же не для лечения, это для убийства... Вот гадина, чему же она меня научила?

– Вижу, что не поняла. Это не для лечения и не для убийства. Это для полного подчинения. А с тем, кого ты под себя подмяла полностью, ты можешь делать все, что захочешь: вылечить, убить, сделать рабом, заставить других убивать – все, что захочешь!

– Мама, прости, я думала лечить... Я не знала...

– Прекрати реветь! Должна была знать! Наше ведовство от Макоши, а Нинейно – от Велеса! Чего ты тут не знала?

– Зачем она меня так? Мама, за что?

– Зачем? А сама не понимаешь? Миня, а ты?

– Может, ей помощница нужна? Внучки-то еще маленькие, а все остальные перемерли.

– Кто перемер? Одна деревня? Да Ниней в округе на семь дней пути в любой деревне любую девчонку себе забрать может! Она волхва! Она умереть не имеет права, пока смену себе не вырастит. А тут такой подарок – знахарка, в шестом поколении выпестованная, с первого показа науку усваивает. Знаешь, сколько нужно учиться тому, что ты с Минькой сделала? Полжизни! А к кому прибежала? К парню, который с попом дружит, а не христианин, в Светлых богов не верит, а они его любят. Да где такое еще найдешь?

– Тетка Настена, так она теперь за Юлькой охотиться станет, надо же как-то ее защитить!

– Юлька! Хватит ныть! Слышала, что Михаила Фролыч сейчас сказал?

– Да как он меня защитит?

– Ты СЛЫШАЛА, что он сказал?

– Ой, он же и вправду... Минька, ты что? Мама, а что же мне теперь?..

– А ничего. К Нинее – ни ногой, науку Нинейну забудь, а в остальном живи, как жила. Ты сейчас редкий случай увидела: в мальчишке мужчина проклюнулся – он понял, что ему есть кого защищать. Никто его не заставлял, никто ему ничего не обещал, он сам решил, а ты это решение почувствовала.

«Вот это номер! Ниней мне совсем недавно о том же самом толковала. А ТАМ считается, что мужчиной становишься, когда первый раз трахнешься. Теперь понятно, почему у рыцаря обязательно должна была быть дама сердца. Это как бы свидетельство зрелости и независимости – готовность сложить, если нужно, голову, защищая не свою семью или собственность (это естественно), а того, кого ты сам выбрал. Кхе, как говорит дед Корней. А что тут еще скажешь?»

– А теперь, Михаила, поговорим о том, что я сразу сказать тебе хотела. Я, правда, думала, что поп наш от Ниней живым не вернется, но все равно он долго не протянет.

– А помочь ему можно? Я видел, что он кровью кашляет, ты можешь с этим что-нибудь сделать?

– Чтобы больному помочь, он сам должен этого хотеть. При его болезни надо хорошо питаться и скоромной пищей не пренебрегать, жить в тепле, чистоте и покое. А ты же знаешь, как он живет: постами себя изнуряет, на холодном полу часами на коленях стоит, в доме у него холодно, не прибрано, неуютно.

Плоть он, видите ли, умерщвляет! Если уж создал вас Бог по образу и подобию своему, так зачем же такую хорошую работу портить? Не могу я ему помочь, и никто не может, потому, что он сам этого не хочет.

Настена произнесла последнюю фразу с ожесточением, но было видно, что злится она не на попа, а на то, что приходится произносить ненавистные для любого лекаря слова: «Ничем не могу помочь».

– А теперь слушай, Михайла, что я тебе скажу! После отца Михаила сюда обязательно другого попа пришлют, и никто не знает, как он ко мне и Юльке отнесется. Ты, может, и не знаешь, но во многих местах знахарей и лекарей попы изгоняли, а бывало, и убивали. Не своими руками, конечно, людей натравливали, но все равно убивали они. Если со мной что-нибудь случится...

– Тетка Настена! Да у нас...

– Не перебивай! Я сказала: ЕСЛИ со мной что-нибудь случится, позаботишься о Юльке ты. Она тебе сейчас покажет, как из нашего дома можно незаметно уйти. Уведешь ее сначала в лес – ты уже доказал, что в лесу выжить сможешь. Потом... Потом она тебе скажет, куда дальше, но на самый крайний случай или, если понадобится на короткое время укрыться, отведешь к Нинее.

– Мама, ты же сама сказала...

– Знаю, но случиться может всякое, это – на самый крайний случай. Нинее не бойся: это ты раньше ничего не знала, а теперь ей с тобой управиться трудно будет, а отказать в помощи она не посмеет. Ну а через год или два, когда ты первую кровь уронишь, она с тобой уже и не совладает, не по силам ты ей станешь.

– Значит, отец Михаил еще года два прожить может?

– Не знаю, Михайла, не знаю. За ним смерть два раза в год будет приходить – весной и осенью, когда сыро. Переживет осень – переживет и зиму, если не застудится сильно. Переживет весну – переживет и лето. Все! Юля, одевайся, покажешь Михайле путь к броду.

– Подожди, тетка Настена, я еще спросить хотел.

– Ну, спрашивай.

– Почему у нас от этой болезни только старики умерли, а у Нинее все? Она ведь травы тоже знает, а ничего сделать не могла.

– Как тебе сказать... – Настена в задумчивости потерела в руках полотенце. – Тут какой-то одной причины нет, много всякого... Перво-наперво, жили мы и они по-разному. У нас в селе жилья с земляным полом, наверно, и нет уже почти ни у кого, а в Нинеиной деревне?

– Почти везде – земляной, и топят по-черному, в некоторых домах даже не печи, а очаги.

– Вот: старые обычаи блюли, а на земляном полу болеют чаще, это тебе не только любой лекарь, но и просто понимающий человек скажет. И пищу по-другому готовили, да и сама пища отличалась. А Нинее... Да, травы она, конечно, знает, но я вот, лекарька, больше ничем другим не занимаюсь – только лечу, а Нинее – волхва. Волхвы не только лечением, а сразу всем занимаются, бывает, что это – не всегда хорошо.

– Когда все сразу, то ничего как следует?

– Ну не так, чтоб уж совсем, но если бы она была просто лекарькой, может, и нашла бы способ... Трудно сказать.

– А ты бы их смогла вылечить?

Настена помолчала, Мишка уже решил, что ляпнул бестактность, снова заставляя Настену признаться в своей беспомощности, но оказалось, что лекарька просто раздумывает: как объяснить мальчишке

сложные для его понимания вещи.

– Ты вот, если огурчиков малосольных с простоквашей поешь, что будет?

– Ну, это... Живот прихватит.

– Но сами по себе ни огурцы, ни простокваша для живота не вредны?

– Значит, дело в сочетании? То есть твои травы им могли и не подойти?

– Умница, Михайла, все верно понял. Я и для наших-то не сразу средство подобрала, а для них... Может, и успела бы, а могла и не успеть. Юля, собралась? Тогда ступайте.

* * *

Дом Настены стоял в низине среди деревьев на опушке прибрежного леса. Юлька провела Мишку через огород к плетню, сразу за которым начиналась настоящая чащоба. Но чащоба не простая: когда-то здесь прошел ветровал, и стволы поваленных деревьев громоздились один на другом, образуя непроходимый, на первый взгляд, завал, проросший вдобавок молодой порослью.

Однако оказалось, что пройти здесь можно. Юлька показала начало едва заметной тропинки, петлявшей среди бурелома столь причудливо, что невольно вспоминалась легенда о критском лабиринте. Пробираясь вслед за Юлькой, где в полный рост, а где и согнувшись, Мишка обратил внимание на то, что в некоторых местах деревья явно были повалены специально, чтобы еще больше усложнить и запутать дорогу. Да, к бегству тут подготовились очень тщательно.

Изрядно попетляв, ребята вышли к берегу реки.

– Вот, смотри, – Юлька указала на лежащий у самой воды здоровенный булыжник, – видишь вот этот камень?

– Ну, вижу.

– А на том берегу точно такой же?

– Тоже вижу.

– Если идти точно от этого камня к тому, то можно перейти реку так, что вода будет только чуть выше колен, но сворачивать никуда нельзя – и справа, и слева глубина.

– А знаешь, это же самый короткий путь к дедовой пасеке получается! – сообразил Мишка. – Перейти на тот берег, и вверх по течению. Меньше часа пути. Там маленькая избушка есть, а летом еще и большой дом поставили. Если что, там и отсидеться можно, правда, в большом доме печь не успели доделать, а в маленькой избушке даже зимой жить можно.

– Холодно уже, а то бы сходить, посмотреть.

– Хочешь я тебя перенесу?

– Нет, камни скользкие, еще свалимся, потом мокрыми домой бежать, – Юлька поежилась. – В другой раз. Давай здесь передохнем немного да обратно. Ты дорогу-то запомнил?

– А что там запоминать, с тропинки все равно никуда не свернуть.

– Это тебе так кажется потому, что ты за мной шел. Обратно первым пойдешь, тогда увидишь, что не все так просто. Если придется убегать, главное – оторваться от погони, чтобы из виду потеряли, тогда уже не догонят – заплутают.

– Пешком плохо уходить, все на себе тащить придется, – Мишка представил себе, как продирается через бурелом с поклажей. – Вот, если бы коня можно было провести...

– Можно и коня, только идти надо по-другому.

– Здорово вы к побегу подготовились.

– Хочешь жить – подготовишься, – Юлька пнула ногой веточку, сбросив ее в воду и некоторое время молча смотрела, как ее уносит течением в сторону Ратного. – Знаешь, почему мою мать в Ратное бабка привела?

– Почему?

– Всю родню, кроме них, в доме сожгли.

– Попы?

– Если бы, а то свои же. Кого-то там вылечить не смогли или еще чего-то не поделили, вот взяли и объявили материну мать колдуньей. Призвали попа – как же без него, а тот говорит: нельзя нечистой кровью землю поганить, надо место огнем очистить. Мать еще маленькая была, сумела в окошко протиснуться. Прибежала к бабке, та отдельно жила, а бабка беды дожидаться не стала, собралась и ушла.

Про воинское поселение она давно знала, а в таком месте лекарю всегда больше работы, чем в обычном селе. Вот и пришли в Ратное. Мать с тех пор всегда к побегу готова.

– Но к вам же здесь хорошо относятся, даже прежнего попа уgomонили, когда он твою мать с бабкой выгнать хотел.

– Чего в детстве напугался, того всю жизнь бояться будешь. Наше лечение попам всегда поперек, они говорят, что болезнь – наказание Божье, а мы, выходит, воле Божьей противимся.

Мишка смотрел на Юльку, слушал ее голос и поражался ее преображению. Вроде бы та же самая девчонка, которой только что исполнилось двенадцать лет, маленькая, худенькая, небогато одетая... Нет, не девчонка – маленькая женщина, видевшая на своем недолгом веку больше смертей, болезней и увечий, чем иной воин, и так же, как и воин, рисковавшая жизнью, исполняя свой долг. Маленькая женщина, постоянно готовая к несправедливости, к предательству тех, кого она и ее мать не однажды спасали и выхаживали. Спокойно рассуждающая о том, что однажды ее могут объявить вне закона и придется бежать, бросив все.

Ни обиды, ни злости – просто диагноз, только поставленный не одному человеку, не всему населению Ратного разом, а самой жизни, столкновению в умах двух традиций – христианской и языческой. Раздвоение личности – сегодня с благодарностью принимают помощь, всем селом, вскладчину, содержат лекарку с дочкой, а завтра пойдут с топорами громить «обиталище колдуний – прислужниц врага рода человеческого». Шизофрения, поразившая всю страну.

«Нет, не пойдут. Один раз дурного попа ратнинцы уже вразумили. Отец Михаил на лекарок народ поднимать не станет ни за что, наоборот, защитит, если понадобится. И все же, все же, все же...»

Почему-то захотелось еще и еще стоять возле речки, по которой плывут опавшие с прибрежных деревьев листья, и слушать Юлькин голос.

– Юль, расскажи о Макоши, что можно, конечно. Я в тайные знания не лезу, просто понять хочу: почему ты так Велесова ведовства испугалась? Что, разве Велес и Макошь враги?

– Нет, не враги, они просто разные, совсем разные. Он мужчина, она женщина, он в царстве мертвых хозяин, а Макошь – вся для жизни, он – скотий бог, а она – для людей. У них все разное, далекое друг от друга. Вот смотри: когда хлеб жнут, последние стебли на поле не срезают, а заплетают Велесову бороду, так? А для Макоши срезают, и ее сноп – не последний, а, наоборот, первый на поле. Все противоположное.

– А сама она?

– Макошь? Что такое кош, знаешь?

– Удачный жребий, выигрыш, прибыль. Отсюда и кошель, кошелка...

– Ну вот, а она – Ма-кошь – мать удачного жребия, счастливой судьбы. Поэтому и сватаются, и сговариваются о свадьбе в Макошину неделю.

– Понятно, богини судьбы у всех народов есть: парки, норны, Фортуна. Некоторые из них пряжи, прядут нить человеческой жизни.

– Так и Макошь тоже пряжа и вообще хозяйка всех женских работ, только для этого у нее второе имя есть – Пятница. Двенадцать пятниц в году, по одной в месяц – ее дни. А осенью – целая неделя, от последней пятницы октября, до первой пятницы ноября.

– Вот, значит, почему ее христиане в Параскеву Пятницу перекрестили.

– Про Параскеву не знаю, а с Велесом нам делить нечего, но и в дела друг друга встречать негоже. Ниня в чужой огород полезла, а я, дура, не поняла, обрадовалась, что новый способ лечения узнала, а это, оказывается, и не лечение вовсе.

– Ну, это ты зря! Главное ведь не инструмент, а то, как им пользуешься. Вот ножом, например, можно и хлеб резать, и человека убить. Нож сам по себе не плохой и не хороший, все от хозяина зависит.

– Нет, не так! – Юлька даже притопнула ногой, досадуя на Мишкино непонимание. – От чужого ведовства добра не будет. Нож, говоришь? А разве так не бывает, что нож в руке вывернется и хозяина поранит? Так и с чужим ведовством – лучше не связываться.

* * *

Информации для размышлений оказалось более чем достаточно.

«Три божества: Христос, Велес, Макошь. Три их адепта: отец Михаил, Ниня, Настена. Каким-то образом я оказался связанным со всеми тремя, все от меня чего-то ждут, нечто-то рассчитывают. На что? Прямо об этом сказала только Настена, но она боится, боится всю жизнь, и от психологической травмы, полученной в детстве, ей, пожалуй, не избавиться до самой смерти. Вот тебе и лекарка – сапожник без сапог.

Плюс, на ней лежит ответственность за результат более чем векового эксперимента каких-то генетиков. Юлька – шестое поколение подопытных. Ей надо вырастить дочку, дожидаться появления потомства седьмого поколения... Блин! Это что же? Юльку отдадут какому-то хмырю-производителю, чтобы «осеменил»? Да я их всех... Яйца вырву, мать вашу, генетики гребаные!

Спокойствие, сэр, только спокойствие! Сюжет-то банальнейший, аналогов – пруд пруди. Начиная со средневековых легенд о чистых девах, похищаемых злыми колдунами, исполненными самых гнусных намерений, и кончая тайными биологическими лабораториями XX века, где ученые мужи выращивают таких монстров, каких даже Иероним Босх в кошмарных снах увидеть не мог.

Рецепт противодействия тоже обкатан и отшлифован в литературе, кино и на театральных подмостках: тихонечко собираем информацию, обнаруживаем логово злодеев и шварцнеггерим означенных злодеев до полной потери дееспособности. После чего автоматически наступает хэппи энд:

*В молчаньи, с карлой за седлом,
Поехал он своим путем;
В его руках лежит Людмила,
Свежа, как вешняя заря,
И на плечо богатыря*

Лицо спокойное склонила.

Единственная мелочь, которая может помешать реализации ваших, сэр Майкл, благородных намерений, это получение в результате вышеописанного процесса повреждений организма, несовместимых с жизнью.

М-да, насчет «несовместимых с жизнью» сомневаться, пожалуй, не приходится. Такой эксперимент может проводить только ОРГАНИЗАЦИЯ, а существовать и действовать в течение столетия может лишь ОРГАНИЗАЦИЯ СЕРЬЕЗНАЯ. И все же Настена боится... В одном ли детском испуге тут дело? Ладно, будем разбираться, а предварительных выводов два. Первый – время у меня еще есть, поскольку Юлька в детородный возраст, даже по местным меркам, войдет еще не скоро. Второй – задачи физического развития, повышения благосостояния и формирования команды остаются актуальными, без их эффективного решения мне тут ловить нечего.

Это – Настена, а остальные?

Ниня тоже боится. Во-первых, так же, как и у Настены, у нее имеются тяжелые воспоминания – убийство бабы Яги. Кстати, однажды она проговорила и назвала ее теткой. Тематика страхов примерно та же, что и у Настены – христианское преследование. Но Ниня еще и в цейтноте. Она, как сказала Настена, не имеет права умереть, не воспитав преемницу. С Юлькой, похоже, облом – Юлькина мать Нинеины происки раскусила с первого захода.

Я-то ей зачем понадобился? Намекала на мою совместимость с Юлькой... Зачем ей это? Меня-то такой вариант как раз устраивать должен: если старуха хочет нас свести, то «генетики» автоматически становятся и Нинеиными противниками. Юльку, конечно, к ней подпускать нельзя, но получить от нее помощь можно попробовать. Во-первых, информационную поддержку, во-вторых, чем черт не шутит, помощь в решении трех стратегических задач. Значит, будем общаться, тем более, что сама приглашала.

Отец Михаил. Этот-то ничего не боится, проверено на практике. Но боятся его начальники: боятся языческого восстания, боятся отпадения от христианства князей, боятся константинопольского начальства. А сам отец Михаил просто хороший человек и симпатизирует мне искренне. Вербануть не пытался, но использовать при случае не постесняется, несмотря на дружеские отношения. Просто не посчитает это чем-то предосудительным, для него борьба с язычеством – естественное состояние.

Кто еще в отношении меня планы строит? Дед! Ну, с ним все понятно – хочет сделать из меня воина, да не простого, а с перспективой выдвижения на командирскую должность. Этот уже напрямую помогает мне в решении двух задач из трех. Дед тоже вроде бы ничего не боится, хотя это как посмотреть. Ратнинская сотня после последнего похода превратилась чуть ли не в полусотню. Еще два-три таких похода, и мы из серьезной военной силы превратимся в обычное крестьянское поселение, к нам начнут приезжать в полюдь княжеские тиуны – собирать дань. Старики в эпидемию почти все вымерли, но мужи-то должны понимать опасность? Что-то по этому поводу предпринимается? Нет информации, но понятно, что дедовы старания могут пропасть впустую – мне просто нечем будет командовать.

Итак, имеются четыре субъекта управления, пытающиеся как-то на меня повлиять. Что их объединяет? Страх? Нет, пожалуй, если страх и есть, то у каждого свой, и между собой они не пересекаются, а зачастую даже противостоят друг другу. Например, страх Настены и страх начальства отца Михаила: она боится христиан, оно боится язычников.

На негативе анализ не выстраивается, попробуем на позитиве.

Дед хочет сделать из меня воина с задатками лидера. Допустим, это у него получается. Настениным намерениям это противоречит? Нет, влиятельный человек, имеющий за спиной реальную силу, для Юльки – прекрасная защита. Значит, намерения деда и Настены в общих чертах совпадают.

Теперь отец Михаил. Он пытается сделать из меня непоколебимого христианина, но не тупого фанатика, а человека мыслящего, в перспективе способного на проведение собственной линии. Какой? Вспоминайте, сэр, вспоминайте. Разговоров у нас было много, не могли его намерения в этих разговорах не промелькнуть.

Богословие и исторические экскурсы оставим пока в стороне, что-то он такое говорил о ратнинской сотне... Да! Нас князья боятся, опасаются, что мы полезем в политику! Стоп, сэр, а случайно ли тогда командовать нашими людьми поставили придурка, который и сам угробился, и сотню чуть не угробил? Как говорил товарищ Сталин? Нет человека, нет проблемы? В нашем случае: нет сотни – нет проблемы.

Но это – князья, а отец Михаил по другому ведомству служит. Ага! Церковь не всесильна, на князей давить не может. Допустим, ратнинская сотня переподчиняется Туровской епархии... Эдакий «Владычный полк». Нет, этого мало, владычный полк все равно – часть княжеской рати, только содержит его Церковь на свои средства. А совсем независимым от светской власти может быть только... Мать честная! Рыцарский орден!

То-то мне Михаил все про европейский опыт толковал! Интересненько – православный рыцарский орден. В Европе более грозной военной силы, чем рыцарские ордена, нет и еще долго не появится. Профессиональные военные, связанные железной дисциплиной и встроены в четкую иерархию, подчиняющиеся только духовной власти. Куда там до них дворянской вольнице! Да это же мечта митрополита! Попробуй какой-нибудь князек рыпнись – тут же полетят клочки по закоулочкам.

Только где взять кадры? Все военные профессионалы разобраны по княжеским и боярским дружинам. Значит, ядром, зародышем такого ордена могут стать ратнинцы! А потом, чем черт не шутит, крестовый поход на болгар, и вот вам, пожалуйста, Орденские земли, с уже готовой инфраструктурой и многочисленным населением. Тогда разговор с князьями другой пойдёт! И с Константинополем, между прочим, тоже. А через сто с небольшим лет придут татары, и если на Калке их встретит не сборище княжеских дружин без единокомандования, а орденская конница... Однако, сэр, вариант интересный!

Ладно, это более или менее понятно. Но отец Михаил не доживет, и он сам это прекрасно понимает. Значит, есть в епископском аппарате люди, которые продолжат дело. Отец Михаил, по всей видимости, приставлен сюда следить не только за происками язычников, но и для наблюдения за ратнинским подразделением. Вероятно, есть план окончательного отрыва нашей сотни от князя и перехода ее под патронаж Церкви. Тогда провокация с придурком боярином, которого, конечно же, использовали втемную, несомненно, дело рук Церкви. «Князь вас, ребяташки, в распыл пустить задумал, а святые отцы под свою защиту берут».

Тогда на смену отцу Михаилу пришлют человека из той же структуры – продолжать его работу, и ему меня передадут для дальнейшего воспитания в нужном духе. Святые отцы ждать умеют, потому что они тоже СЕРЬЕЗНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ.

Что ж, получается, пока Церковь, в лице отца Михаила, так же заинтересована в выращивании из меня воина с задатками лидера.

Три из четырех рассматриваемых субъектов управления вынужденно действуют в унисон, до

определенного момента, естественно. Когда дело дойдет до результата, вот тогда они... А ничего, скорее всего, и не будет. Дед возражать вряд ли станет, если доживет, дай ему Бог здоровья, а «генетикам» я буду уже не нужен. Зато я смогу ими заняться с весьма реальными шансами на успех: имея за спиной одну серьезную организацию, можно крепенько прижать другую.

Остается четвертый субъект – Ниня. Что ей нужно – непонятно, но уж никак не православный рыцарский орден. Именно попы в компании с воинами ее любимую Ягу и «зачистили».

Итак, три субъекта управления намерены всерьез заняться воспитанием объекта по имени Мишка, и мне, как нистранно, и возразить вроде бы нечего, потому что их цели, по большому счету, совпадают с моими. Но, как говорят американцы, которых еще нет, «нельзя складывать все яйца в одну корзину». А потому с Нинеей отношения будем поддерживать.

А так ли все благостно, сэр, как вы это все сейчас себе вообразили? Вас ведь в политику втягивают, а эта сфера деятельности ЗДЕСЬ ничуть не чище, чем ТАМ. Одна провокация с истреблением четырех десятков ратников чего стоит! Вы что, сэр, в XX веке дерьма из этой кормушки не наелись, опять на приключения потянуло? Когда это серьезная организация позволяла кому-то использовать себя в своих личных целях? А попробуете взбрыкнуть... Это дед Корней вас за строптивость только выпорол, а святые отцы мочканут и не почешутся, чужими руками, разумеется, да еще и крокодилу слезу над могилой прольют, если дело того потребует.

Ну, мы тоже не в дровах найдены, кой чему обучены, кое-что умеем, и вообще: предупрежден, значит – вооружен. Praemonitus praemunitus, ежели по-научному».

** * **

Пока что на повестке дня стояла задача освоения самострела. Насчет прицельных приспособлений Мишка так ничего придумать и не смог; все, что приходило в голову, совершенно не годилось для ручной кузнечной работы. Выручили, в который раз, воспоминания из прошлой жизни. Когда-то в молодости у Михаила Ратникова был знакомый, имевший первый спортивный разряд по стрельбе из пистолета. Однажды, зайдя к нему домой, Михаил застал того тренирующимся. Упражнение копировало цирковой номер: парень балансировал на доске, положенной на свободно катающуюся по полу трубу, примерно десятидюймового диаметра, и наводил пистолет на висящую на стене мишень.

Этот-то опыт Мишка и решил перенять. За доской дело не стало, а роль трубы прекрасно исполнило гладко оструганное полено, положенное на еще две гладкие дощечки. Набив изрядное количество синяков и шишек, балансировать Мишка научился, но как было определить: правильно ли он наводит самострел на мишень? В конце концов, нашелся выход и из этого затруднения. К направляющим для болта Мишка прикрепил высохший стебель камыша длиной более двух метров, а на стену сарая подвесил на ниточках несколько бронзовых бубенчиков из ожерелья найденной в лесу покойницы.

Теперь можно было нарабатывать мышечные рефлексы. Балансируя на доске, Мишка тыкал кончиком камышинки в бубенчики так, чтобы они издавали звон. Постепенно тело научилось само направлять самострел в сторону цели, без участия разума. Мишка нарезал стрелок из камыша, налепил из воска наконечников и стал стрелять по бубенчикам со все большего и большего расстояния. Разумеется, баллистика у легких камышовых стрелок была иной, чем у настоящих болтов с металлическими наконечниками, но Мишка решил, что потом сможет приспособиться.

Наконец, занятия пришлось перенести на улицу, так как размеров «спортзала» перестало хватать. Остаток октября, весь ноябрь и часть декабря Мишка отдал освоению самострела и изготовлению болтов. Экзамен состоялся гораздо раньше, чем он думал, и сразу – по самому высшему счету: сани, в которых Мишка вместе с матерью ехали за сеном, напоролись на волчью свадьбу.

Глава 6

Декабрь 1124 года. Село Ратное – Нинеина весь

– Вот, деда, так я и учился. На доске неподвижно не устоишь, надо все время туда-сюда качаться, нижняя часть тела, получается, все время в движении. А верхнюю надо на месте держать, чтобы прицелиться. Постепенно тело само привыкает направлять самострел туда, куда глаз смотрит, а камышинка и бубенчик показывают, что самострел направлен правильно.

Мишка рассказывал, балансируя на доске и время от времени прикасаясь камышинкой то к одному, то к другому бубенчику. Дед слушал внимательно, даже не перебивая вопросами.

– Сначала учишься на доске уверенно держаться, пока без самострела. Для этого в пол втыкаешь палку, за нее одной рукой держишься. Потом палку бросаешь, и качаешься просто так. Потом берешь самострел и начинается самое трудное. Во-первых, все время хочется руки в стороны развести – для устойчивости. Во-вторых, когда задумываешься о самостреле, забываешь про ноги и падаешь. Я, чтобы все время не расшибаться, веревку к потолку привязывал, а петлю под мышки продевал. Она мне до пола долетать и не давала.

– Кхе! То-то Прошка прибежал: «Минька повесился!» – кричит. Машка с перепугу горшок со сметаной об пол грохнула, вот Чифу праздник был! Все вылизал!

– Как он подсматривать умудряется? – Мишка недоуменно пожал плечами. – Вроде и дырок нигде нет...

– Ты, Михайла, лучше подумай, как он с Чифом договорился? Тот же чужих на подворье не пускает и угощения ни у кого не берет. Дар у мальчика! Будут от Чифа щенки хорошие, надо Прошке одного отдать да посмотреть, как воспитывать станет, может, чего полезное узнаем.

«Так, сэр, вот мы один из секретов лорда Корнея и узнали. Он, оказывается, весь «передовой опыт» коллекционирует. Отсюда и авторитет. Во-первых, знает у кого к чему особые способности есть, во-вторых, может компетентно высказаться по поводу любой новинки. А ТАМ-то: «Информационное общество, информационное общество!» Информация – везде капитал, надо только уметь собирать и использовать. Интересно, он сам это придумал или научил кто-нибудь?»

– Так, Михайла, пока самострелы для братанов не готовы, пусть учатся на доске, как ты сказал?

– Балансировать.

– Кхе! Придумают же... Пусть учатся на доске баласи... Тьфу! Качаться. Да! Слушай, а ты ножи с доски кидать не пробовал?

– Нет.

– А ну, давай-ка, посмотрим, что получится.

Мишка для начала взял все-таки деревянные кинжалы и попробовал жонглировать ими, балансируя на доске. Вроде бы получалось, хотя чувствовал он себя не очень уверенно. Потом повторил тот же номер уже с настоящими – острыми. Тоже вроде бы ничего. Но как только он попробовал метнуть один из кинжалов в стену сарая, тут же слетел на пол.

– Э-э-э, Михайла, так дело не пойдет! Попробуй боком развернуться и кидать, когда правая нога вверх, тогда упор получится.

Мишка попробовал. Упасть не упал, но бросок получился паршивый.

– Надо позаниматься, деда, постепенно приспособлюсь. А зачем это?

– В жизни все рано или поздно пригодится, если можешь чему-то научиться – научись. Выпадет случай, а умение-то – тут как тут.

«Точно! Коллекционирует навыки и людей, ими владеющих. Потому при нем сотня и благополучна была – он на каждое дело знал, кого лучше всего поставить, а еще знал тех, кто редкими умениями владеет, и заранее прикидывал: что и в какой ситуации может пригодиться. С такой информационной базой да еще умеючи с ней обращаясь... Когда еще у нас такой сотник будет? И будет ли вообще?»

– Вот, к примеру, – продолжал развивать свою мысль дед. – Поедем мы праздновать проводы зимы в столичный град Туров...

– Что? Правда поедем?

– Ты не перебивай, слушай. Приедем мы, значит, в Туров к Никифору – материному младшему брату, твоему дядьке – а у него двое сыновей твоего возраста. Они ребята столичные, купеческого сословия, ну и начнут перед тобой задаваться. А ты им раз – да и покажешь, что-нибудь эдакое. Вы, мол, купеческого сословия, а мы – люди ратные, с нами не шути!

– Так мы правда поедем?

– А ты сам-то как думаешь? Купцы к нам осенью из-за морового поветрия не приехали? Не приехали. Мед, воск, другой товар нам сбыть надо? Чего молчишь? Надо или не надо?

– Э-э, надо! Если целый год ждать, то товару к следующей осени у нас вдвое больше будет, значит, цена упадет. А если в марте в Туров привезти, то там же запасы уже к концу подойдут – в этом году их не обновляли. Значит, цена выше обычной. Очень выгодно получится. Да и торговать самим не придется, дядька Никифор выгодных покупателей найдет, особенно если за долю от продажи.

– О! Слыхал, Андрюха? Не, не зря он к попу таскается, есть толк от учения.

– А можно и еще выгоды прибавить, деда!

– Ишь, разошелся! Ну, говори, послушаем, что ты еще измыслил... купец.

– Что дороже: свеча или воск, из которого она сделана? – задал Мишка вопрос, и сам тут же на него ответил: – Свеча! У нас почти вся зима впереди, воск есть, лен для фитилей есть, формы, чтоб свечи отливать дядька Лавр сделает. Продадим свечи, а не воск – еще больше прибытку получим.

– Кхе! Андрюха, а пойдем-ка к Лавру в кузню, поговорим. Может, малец и вправду дело придумал?

– Деда, и я с вами!

– Куда уж от тебя денешься, пошли.

* * *

Дело завертелось. Мишка на токарном станке выточил деревянную модель свечи, сначала обыкновенной, потом, крепенько помучавшись – витой. Дядька Лавр по моделям изготовил формы для отливки. Мать, как выяснилось, знала средство вываривания воска для того, чтобы он из желтого становился совершенно белым. Свечи получались просто загляденье.

Приноровившись к станку, Мишка выточил деревянный подсвечник; получилось красиво, даже дед похвалил, но возникла проблема с лаком. И тут же сработала дедова «база данных».

– У нас же Лука Говорун луки мастерит, должен у него лак быть, как же без лака?

К списку товаров, предназначенных для реализации в Турове, прибавилась партия точеных подсвечников. Попробовал Мишка вытачивать и посуду – вспомнил однажды, как красиво выглядят разные миски и прочие емкости с хохломской росписью. Самое же главное, он знал секрет хохломской росписи по дереву – сначала сосуд окрашивался серебрянкой, потом наносился черно-красный рисунок, а уже потом все покрывалось лаком. Из-под слоя лака серебрянка просвечивала, как золото, что и придавало росписи особую нарядность.

Но, увы, алюминиевой пудры ЗДЕСЬ, по понятным причинам, не сыскать днем с огнем, а чем ее можно заменить, Мишка не знал. Краски нескольких других цветов получались довольно яркими из смеси лака и порошков, предназначенных для окраски тканей. А серебрянка... Мишка решил отложить этот вопрос до поездки в Туров, тем более, что выдержанной древесины для изготовления расписной посуды в массовом масштабе все равно не было. Проект «Хохлома» пришлось отложить на длительный срок.

И вот тут-то Мишка вспомнил о матрешках! Их-то можно и без серебрянки расписывать, как захочешь! И диаметр исходной заготовки нужен гораздо меньший, чем для посуды, и к породе дерева можно относиться не так строго. Работа, правда оказалась непростой, размеры надо было выдерживать очень точно, Мишка даже хотел плюнуть на свою задумку, но потом дело пошло. Достаточно было изготовить один комплект матрешек, как появилась возможность точить их по шаблону. Дядьку Лавра этот технический прием привел просто в восторг, он даже и не подозревал о возможности изготовления деталей одного и того же размера без долгой и тщательной подгонки.

Вспомнив о шестерых внучатах Нинеи, Мишка вырезал шесть вкладывающихся друг в друга деревянных куколок, а у самой маленькой донышко сделал сферическим и залил внутрь свинец – получился Ванька-Встанька. Когда краска и лак на матрешках высохли, Мишка вложил их одна в другую и вечером торжественно выставил на стол перед дедом.

– Михайла, ты чего это идолов языческих делать надумал? Да и не бывает таких!

– Это игрушка, деда, но не простая, а с секретом.

Мишка раскрыл первую матрешку, вытащил из нее вторую, потом раскрыл и ее... и так пять раз. По мере «размножения» куколок брови у деда задирались все выше и выше, когда же на свет появилась самая маленькая, нахально поднимавшаяся, сколько ее не опрокидывай, к задраным в изумлении бровям добавилась еще и отвисшая челюсть.

– Колдовство?

– Да какое колдовство, деда? Просто низ у нее тяжелый от свинца, а верх легкий, вот и все.

– Ну, Михайла, удивил! Вы только гляньте, что измыслил!

Вся семья и так пялилась, разинув рты, а Елька уже приготовилась зареветь в предчувствии того, что ей эта красота не достанется.

– Еленька, не плачь, я это как раз для тебя и сделал! – успокоил сестренку Мишка.

«Господи, да чего только не сделаешь за такое счастье в глазах ребенка! Обязательно Нинеиным внучатам отвезу, а отцу Михаилу шахматы выточу, а то у него глиняные».

– Михайла, да ты что? Такую красоту да дитю на игрушки!

– Деда, их можно сделать много и быстро, хватило бы дерева выдержанного, ну и красок с лаком. Если материала хватит, то можно и второй станок наладить, я такую приспособу придумал, что их любой вырезать сможет.

– Кхе! Ну молодец, удивил! Это сколько же за такую вещь можно будет в Турове запросить?

– Не знаю, деда, попробовать нужно. А меня чем за выдумку наградишь?

– Кхе! А чего ты хочешь?

– Хочу пару десятков свечей, два подсвечника и одну такую матрешку, когда еще сделаем. И еще лошадь с санями на два дня – съезжу Нинею навестить.

Мать тут же встревожилась:

– Мишаня, не надо бы, колдунья она... И отец Михаил сердиться станет.

– Мама, я обещал. Она же мне жизнь спасла. А внучатам ее какая радость будет, они же там живой души не видят, кроме бабки.

– Все равно, не хорошо...

Деду начавшаяся дискуссия явно пришлась не по душе, он хлопнул по столу ладонью и решительно встал на сторону внука:

– Хватит! Раз обещал, должен выполнять! Муж он или не муж?

– Да какой он муж, батюшка, дите еще!

– Дите? А от волков вас кто спас? Кончай причитать, Анька, не доводи опять до греха. Забыла, как он у Нинеи оказался?

– Сам же поминать не велел!

– Вот и помолчи! Ничего с ним не случится, а старуха его действительно спасла, грех гостинец не отвезти! Так, Михайла, покажешь Кузьке, как этих Матрен делать, первую же распишешь, и, как высохнет, собирайся к Нинее. А ты, Анна, испекла бы ее детишкам чего-нибудь вкусного – с медом, с орехами, не ехать же ему с одними деревяшками!

* * *

На подъезде к Нинеиной деревне Мишку одолели сомнения:

«Подкачу без предупреждения, а у нее там гости – кто-нибудь из тех, кто поля убирал, или еще что-то, чего она мне показывать не хотела бы. Отец Михаил опять спрашивать начнет: не видал ли чего-нибудь странного, а врать неохота. Что бы такое придумать?»

Подсказку совершенно неожиданно выдал Чиф. Ветер дул со стороны деревни, и пес вдруг начал принюхиваться к каким-то, только ему понятным, запахам. Мишка достаточно хорошо изучил все его повадки и по поведению Чифа понял, что запах его не беспокоит, а наоборот, нравится.

– Мистер Чиф, да у вас же там подруги! Неужели уже отсюда учуяли? А ну, Чиф, вперед! Вперед! Ищи, Чиф, ищи! Ну что смотришь? Беги, тебя там ждут, вперед!

Пес наконец понял и рванул по дороге галопом, а Мишка придержал Рыжуху, позволив ей идти шагом.

«Вот так: будем джентльменами, дадим дамам минут пятнадцать на подготовку. Увидят Чифа, поймут, что и я на подходе».

Расчет вполне оправдался – только выехав из леса, Мишка услышал звонкий голос Красавы:

– Мисяня! Мисяня!

Красава, путаясь в длинном подоле, бежала навстречу, улыбаясь во весь рот. Подбежала, запрыгнула в сани и, словно расстались только пять минут назад, повторила свой давешний вопрос:

- А сказку доскажес?
- Доскажу-доскажу. Здравствуй, красавица, как вы тут поживаете?
- Хоросо позиваем, а гостинсы привез?
- И гостинцы привез, сейчас подъедем, все покажу.

Мишка оглядел деревню. Поселение не было огорожено тыном, поэтому жилища не теснились одно к другому, а вольготно раскинулись на высоком берегу реки – деревня просматривалась вся насквозь. Ко всем домам в снегу были протоптаны тропинки и вообще, несмотря на отсутствие населения, у деревни не было заброшенного вида. Исключение составлял только один дом, тот, который отец Михаил покропил святой водой. Около него снег оказался нетронутым, перед дверью намело сугроб, а во дворе не было поленицы дров. Получалось, что за всеми, кроме одного, домами кто-то присматривает.

«Странно: одной Нинее с двумя десятками жилищ не управиться, а внуки еще совсем маленькие, помочь не могут. Допустим, дрова осенью холопы старостихи Беяны заготовили, а остальное-то кто делает?»

- Красава, а кто это у вас за домами присматривает?
- А... – Красава на несколько секунд замолкла. – А сказку доскажес?
- Что? А, сказку? Да, конечно, доскажу...
- А гостинсы привез?
- Привез, привез...

«Блин, как будто компьютер завис и перезагрузился без сохранения последних изменений. Ей что, блок поставлен, чтобы не проболталась, о чем не нужно? Ну, дает Ниней! Интересные тут дела творятся, не даром отцу Михаилу приглядывать приказано. Нет, какие-то люди здесь должны жить или периодически появляться, не нечистая же сила, в самом деле, к хозяйственным работам приставлена.

А откуда люди? Настена говорила, что старуха может себе любую девку из окрестных деревень взять. Может, она таким способом с местных плату за ворожбу берет? Или, будучи волхвой, просто приказать может? Скажем, присылать ей по три-пять человек с каждой деревни на какой-то срок. Вроде как в армии – наряд на кухню от каждой роты поочередно.

Тогда получается, что Ниней в округе – что-то вроде княгини или боярыни. Но и отец Михаил говорил, что она из очень древнего боярского рода, правда, древлянского, а здесь живут дреговичи. А может, она для древлян деревню и сохраняет? Дала команду, и весной – к началу полевых работ – здесь новоселы появятся? Но это значит, что сохранились хотя бы остаткипрежней системы управления, и Ниней в этой системе – отнюдь не последний винтик. Значит, опасения христианских иерархов имеют под собой реальную почву?

А чему, собственно, тут удивляться? Князя-то только один раз в год в полюдьё за данью ездят, да и не везде сами, а все остальное время население практически предоставлено само себе. К тому же князя то и дело перебираются на новое место, и потому вникать в местные тонкости даже не пытаются. Выходит, что в городах – одна власть, а на остальном пространстве – другая? И как долго это все может продолжаться? Если ты толком не знаешь о том, что творится на «подведомственной» территории, рано или поздно тебя с нее попрут – к гадалке не ходи.

Картина, в общем-то, достаточно наглядная: древляне упрятали свою боярыню на землях дреговичей, приставили к ней некоторое количество народу для obsługi и защиты, а сами затихли.

Платят подати, вроде бы не сопротивляются, вот князья и спокойны. А Ниня постепенно и дреговичей под себя загигает, и тоже по-тихому. Возможно, то же самое происходит и у соседей: у кривичей – вокруг Смоленска, у вятичей – вокруг Москвы... Тьфу ты, Москвы-то еще нет. Ну, вокруг Суздаля. Пока Рюриковичи делятся, язычники объединяются. Блин, рано или поздно, все это «по-тихому» может закончиться очень громко».

– Здравствуй, Мишаня, а я уж и заждаюсь, думала – забыл старуху.

– Здравствуй, Ниня Всеславна! И вовсе я тебя не забыл, просто не выбраться никак было.

«Как же я раньше внимания не обратил: дом-то у Нини стоит на подклети, старуха фактически проживает в бельэтаже. По сравнению с другими домами, это настоящий боярский терем, и, кажется, единственный, где топят по-белому. Есть, правда, еще одно большое подворье, там дом даже двухэтажный. Может, если Ниня – боярыня, то в том доме и вообще какой-то потомок древлянских князей жил?»

* * *

Матрешка, как Мишка и ожидал, вызвала настоящий фурор. Мишка вынимал куколок одну из другой и раздавал ребятам:

– Это тебе, Красава, ты – самая старшая, тебе – самую большую. Это тебе, Глеб, это тебе, Неждан, это тебе, Снежана, это тебе, Мал. А это, Микула, тебе, не смотри, что самая маленькая – она вставать умеет.

Впервые на Мишкиной памяти, дети устроили в доме шум: восторженный галдеж, визг, попытки снова вложить матрешек одна в другую... А Ниня снова удивила:

– Сам придумал?

– Нет, в книге вычитал.

– А смысл понял?

– Понял! Вот: одна матрешка, по сравнению с другой, кажется большой, но и сама в еще большую помещается, а для той можно еще большую матрешку сделать, в которую и она поместится. В обе стороны: всегда можно найти что-то больше большего и меньше меньшего, и так – до бесконечности.

– Это ты не сам понял, это – книжная премудрость, философией называется.

– Ну да, а что еще-то?

– Вот смотри, – Ниня поставила на стол сложенных вместе матрешек. – Встретил ты на дороге незнакомого человека, что о нем можно с первого взгляда сказать? Мужчина или женщина, молодой или старый, конный или пеший. Потом ты начинаешь к нему присматриваться... – Ниня разъяла первую матрешку, вытащила из нее вторую. – Глядишь на одежду, на повадки, на то, что у него с собой есть. Узнаешь, бедный он или богатый, давно ли в пути, чем занимается. Потом, – Ниня извлекла третью матрешку, – он заговорил. Ты узнаешь, какого он племени, как его зовут, что-то о характере по речи узнать можно. Потом вы поехали вместе, остановились на ночлег, – на свет появилась четвертая матрешка. – Ты узнаешь, аккуратен ли он, осторожен ли, хороший ли попутчик, опытный ли путешественник, какие у него привычки и еще всякое. Потом вы подружились или поселились по соседству... – пятая матрешка. – Ты узнаешь, какая у него семья, какие друзья и недруги, как хозяйство ведет, что любит, что не любит и прочее. Но только прожив рядом много лет, – шестая матрешка, – ты узнаешь его подлинную сущность, и только она по-настоящему неизменна! – Ниня повалила Ваньку-Встаньку, тот упрямо поднялся. – Одежду можно сменить, можно разбогатеть или обеднеть, лишиться семьи и завести новую, но сущность твоя, характер, то, что управляет всеми твоими поступками, остается неизменной.

Ты можешь сказать, что человек от обстоятельств меняется: разбогатев, делается надменным, в бедствиях озлобляется, в благополучии становится беспечным... Все так, но это разные стороны одного характера. А самая суть – неизменна: умный не поглупеет, трус не станет храбрецом, честный не обманет, преданный не предаст, какие бы превратности в жизни ни случились. Ты вот пожил у меня немного, сегодня второй раз приехал, и уже что-то про меня понял. Не спеши, это – пока только первая матрешка.

– А говорят, первое впечатление самое сильное и самое верное.

– Самое сильное – да. Но часто бывает и самое обманчивое. Потому и первая матрешка – самая большая, а что у нее внутри, не узнаешь, пока не откроешь.

– А я, баба Ниня, и тебе подарок привез.

Мишка поставил на стол сверкающие свежим лаком резные подсвечники, вставил в них витые свечи, поджег лучинкой. Детишки притихли, уставившись на невиданное зрелище. На простом столе, посреди опрятной, но ничем не украшенной горницы, резные лакированные вещицы и словно светящиеся изнутри витые свечи смотрелись предметами, пришедшими из другого мира. Ниня вдруг то ли вздохнула, то ли всхлипнула, Мишке показалось, что глаза у нее увлажнились.

– О чем пригорюнилась, боярыня Гредислава?

Ниня, казалось, даже не удивилась, только усмехнулась невесело:

– Что, Мишаня, думаешь – вторую матрешку достал? Может, и достал... Только много их еще, очень много, Мишаня. Доставать тебе, не передоставать... Рассказывай!

Мишка все-таки попался: как ни старался он весь вечер не оказаться с Нинеей «глаза в глаза», старуха его все же подловила, и как раз в тот момент, когда он думал, что сам подловил ее! Как и в прошлый раз, слова полились потоком. Мишка рассказал и о разговорах с отцом Михаилом, и о своем визите к Настене, и о собственных размышлениях о том, кто к чему и зачем его готовит. Каким-то чудом удалось проскочить мимо темы православного рыцарского ордена, скорее всего, Нинее просто не пришло в голову этим поинтересоваться, а о «сбое и перезагрузке» Красавы Мишка не смог бы рассказать, если бы даже и захотел – не было в языке двенадцатого века нужных слов и понятий.

– Опять твой поп все напутал! Святая троица, Святая троица – все под свою веру подстроить норовит! Не так все на самом деле!

– А как?

– Хочешь знать? А как же скорбь от приумножения знаний?

– Дураком быть – тоже невесело.

– Земного не познавши, небесное постичь хочешь? Слыхал такую пословицу?

– Земное небесным управляется, если не знаешь причин – не поймешь и смысла.

– Интересно с тобой, отрок, давно у меня такого собеседника не случалось. Ну, слушай, если желание есть. Сварог действительно Вседержитель, Отец Творения, создавший первоначальное бытие. Это – верно, а вот насчет Дажьбога поп твой соврал... Ну, может, не соврал – ошибся. Он, хоть и умен, и наукам обучен, а пошел по стопам людей простых, умствованиями себя не обременяющих: раз солнечный бог, то, значит, он сам и есть солнце. А на самом деле... ты такие имена слыхал: Хорс, Ярило?

– Слыхал.

– И что они значат?

– Солнце.

– Что, три разных имени?

– У разных народов солнечный бог по-разному назывался: у египтян – Ра, у древних греков Гелиос...

– То – у разных, а мы-то – один народ. Так вот: Дажьбог, Хорс и Ярило – не три названия одного, а три сына Свароговых, которые солнце по небу водят, но каждый в свое время. Хорс – от зимнего солнцеворота до весеннего равноденствия, Ярила – от весеннего равноденствия до летнего солнцеворота, а Дажьбог – от летнего солнцеворота до осеннего равноденствия. Вот так-то!

– А осенью?

– А осенью природа умирает, день на убыль идет. Солнце в осень водят опять три брата: Перун, Троян и Яровит. Ну, и где здесь Святая троица?

– Но, все равно похоже!

– Похоже. Как первых людей звали?

– Адам и Ева.

– А по-нашему: Одинец и Дева. Почти одно и то же. В одном твой поп прав – есть где-то в глубине времен общие корни, есть, но слишком много времени прошло, слишком далеко мы разошлись. И, – Ниней тяжело вздохнула, – продолжаем расходиться. Сам видел, как Настена от Велесовой мудрости шарахается, страшней она ей кажется, чем христианство, хотя от нас она зла не видела, а христиане ее семью убили.

Вот поп тебе говорил, что германцы нас давят, а почему? Да потому, что лютичи и бодричи между собой резались яростнее, чем с германцами. Если изредка мирились, так от германцев только брызги летели, а потом – опять за свое... Рюрик-то ведь бодричем был, ушел от междоусобиц. Сюда пришел, чтобы единый народ в единую державу собрать, а потомки его – Рюриковичи – опять землю делят да между собой режутся.

– Да что же, на нас проклятие какое-то лежит, что ли?

– Глупости! Нет никакого проклятия! Воля нужна и сила в одном кулаке! Карать тех, кто разлад вносит, без жалости!

«Ни хрена себе! А бабка-то – государственница! Дай ей силу, она такого шороху наведет, такую великую державу построит от моря до моря... Императрица! Екатерина Великая, не меньше! Только вот бодливой корове, как говорится, бог рог не дает. А может, есть рога или выращиваются?»

Ниней, похоже, сама смутилась собственной откровенности.

– Не ожидал?

– Да нет, баба Ниней, что-то такое и должно быть. Рюриковичи и вправду слабеют, единство теряют, между собой грызутся. Если от прежних времен что-то осталось, есть соблазн воспользоваться...

– Вот именно: «если осталось»... Ну, а если бы случилось, ты на чью сторону встал бы?

– Даже и думать о таком не хочу – крови-то сколько прольется! Да и не дадут нам между собой разобраться. Степь, болгары, ляхи, нурманы, угры, Царьград... Всех и не перечислишь. Обязательно попользуются, не устоим.

– А без крови как? Знаешь способ?

– Не знаю! Что ты от меня хочешь услышать? Чего вы все от меня хотите: ты, дед, Настена, отец Михаил?

«Клюнет или нет? Я же искренен, меня действительно это волнует, должна она это

почувствовать!»

– Смотри-ка, захотел свое место в мире узнать! А не рано? Тебе же всего тринадцать.

– Меня к чему-то готовят, и я хочу знать: к чему? С дедом все понятно, с Настенкой вроде бы тоже, а отец Михаил, а ты?

– Мишаня, Мишаня... дите ты еще, хотя и умное. Ничего-то тебе непонятно, даже с дедом, а уж про остальных...

– Это как?

– А так. Чего, ты думаешь, дед боится?

– Что сотню добьют. Туровский князь не знает, на чью сторону мы встанем, если он от Киева отложится вздумает. Ему легче нас угробить, чем постоянно оглядываться.

– И какой выход?

– Я думал, может, под руку епископа отдаться? Церкви, чтоб на князей влиять, сила нужна.

– Это ты так думаешь, а дед?

– Не знаю.

– Он от ран оправился?

– Вроде бы получше стал, но нога-то новая не вырастет.

– Но в седле прочно держится?

– Да.

– А равноценная замена ему есть?

– Нет, даже и близко никого... Так ты думаешь, что он хочет на службу вернуться?

– Да! И вернуть его может только князь! Корней хочет тебя с братьями князю показать, чтоб тому понравилось, чтоб внимание обратил. Тогда можно намекнуть, что Киев далеко, а князь Вячеслав Владимирович Туровский близко, и верный человек во главе сотни ему будет полезен. Если бы Ярослав Святополчич был жив, то было бы проще – он твоего деда знал и ценил. Или если бы сын его Туровский стол унаследовал бы. Он твоего деда тоже помнит. А нынешнего Туровского князя – сына Владимира Мономаха – надо чем-то привлечь, удивить. Вот тебя с братьями и заставят разные диковинки показывать: смотри, мол, чему сотник Корней даже детей выучить способен! Понял теперь?

– Это что ж, я вроде ручного медведя у скоморохов получаюсь?

– А тебе жалко родному деду помочь?

– Да, нет, но обидно как-то... Хоть бы объяснил.

– А он и сам еще не знает.

– Как это не знает? Ты же сама только что сказала...

– А как он к князю попадет? Думаешь, так просто его допустят?

– Может быть, у него при княжьем дворе какие-то старые знакомые остались?

– И он до сих пор не воспользовался?

– Ну... Случай не представился или еще что-то.

– За четыре-то года?

– Не за четыре – он всего год-полтора, как по-настоящему оправился.

– Не к кому твоему деду обращаться. Около князя – все чужие.

– Ну, хорошо, с дедом ты мне объяснила, а с остальными?

– Настена, думается, тебе правду сказала. Если что – ты Людмиле помочь должен. Ко мне ее приводить не бойся, я не хуже Настены знаю, что с лекарками против их воли ничего делать нельзя. При случае так и передай: Ниня только добра желает, ущерба Людмиле от меня никакого не будет, Светлые боги мне в том свидетели.

– Передам, да будет ли толк?

– Скорее всего, не будет, но все равно передай. А насчет этих... Как ты их назвал?

– Есть такая наука – евгеника. Ее адепты думают, что человеческую породу улучшить можно... Как бы это сказать? Ну, как со скотиной: слабым и дурным потомство производить не дают, а от сильных и... Не знаю я, как объяснить.

– Не тужься, поняла я. Глупость это.

– Но Юлька же...

– И все! Дальше нельзя! Ты слово «гармония» знаешь?

– Да, знаю, а причем здесь...

– А слепых видел когда-нибудь?

– Видел.

– Чем они от зрячих отличаются, кроме зрения?

– Пальцы у них чувствительные, слух острее, обоняние...

– Вот! Слепота – плата за улучшение других качеств. Даром ничего не бывает! Можно улучшать что-то одно, но от этого будет ухудшаться что-нибудь другое. Если понемногу, то не страшно, а если сильно... Не бывает таких людей – не выживают они. Если ты так уж древних философов любишь, то вот тебе: не дано человекам божественную гармонию нарушить, наказание за это – смерть или безумие. Ты за Людмилой ничего такого странного не замечал?

– Нет, вроде бы, хотя... Знаешь, злая она, даже с матерью все время собачится, но больных это не касается, если она хочет, то может быть и ласковой и доброй. А в обычной жизни, чуть что, или язвит, или злится.

– Вот видишь, кроме своего дела, ей вся остальная жизнь не мила. Это по-твоему как – хорошо?

– Трудоголик.

– Что?

– Просто слово такое, означает, что человеку ничего, кроме его дела, не интересно.

– Теперь понимаешь, что дальше продолжать нельзя? Следующий шаг – безумие, а если ее ребенок светлый разум сохранит, то телесно уродом может оказаться. А какой из уroda лекарь?

– Баба Ниня, шестое поколение, это значит, что Юлькину родословную ведут уже больше ста лет. Ты знаешь, кто этим занимается?

– Конечно, чего ж тут не знать-то?

– Как их остановить?

– Никак.

– Что, такие сильные или далеко запрятались? На силу всегда другая сила найдется, а куда один человек добраться смог, туда и другой сможет! Баба Ниня, ну чего ты молчишь-то? Где они, кто? Время еще есть, Юльке еще не скоро пора рожать придет, я придумаю что-нибудь.

– Дите ты еще, Михайла. Сказок наслушался, злодея тебе подавай, которого найти и убить можно. А нет злодея! Про то, как персидский царь море велел плетью выпороть, слышал? Вот и ты так же.

– Не понимаю я, объясни. Баба Ниня, ну чего ты смеешься? Тот царь вовсе не дураком был, ему надо было подданным показать, что кара постигнет любого, кто ему противится, пусть даже это будет слепая стихия. Он потом еще и казнил тех, кто над ним смеялся, потому что дураками как раз они-то и были, а не царь. Я зарок дал Юльку защищать! Ты же древнего рода, не тупая крестьянка, для тебя это не пустые слова, боярыня Гредислава!

– Не смеюсь я, Мишаня, не смеюсь, просто подумала: был бы у меня в свое время такой защитник, как ты у Людмилы, может, и обернулось бы все иначе. Не смеюсь я – завидую. А объяснить не трудно. Почему близким родственникам жениться нельзя, знаешь?

– Уроды рождаются будут.

– Да не дуйся ты, не смеюсь я над тобой! Ишь, какой, слова ему поперек не скажи. А еще про Людмилу говоришь – злая, на родного деда-то кто с ножом кидался? Два сапога – пара.

– Я и не дуюсь. Родственникам и правда жениться нельзя из-за детей.

– А кто следит за этим?

– В церкви записи есть!

– А раньше, когда церковей не было?

– Да не тяни, баба Ниня, я уже забыл, с чего мы начали.

– Вот-вот, так и родство забывают, за много лет.

– Ну, и кто же помнит?

– Женщины, Мишаня, женщины, каждая – свой круг родства, а все вместе – все обо всех.

– И причем же здесь Юлька?

– А притом! Нет никаких злодеев, которых найти и убить можно, лекарки сами счет родства ведут, сами связи выбирают. Каждая сама знает, кого от кого родила, а все вместе – все про всех. Настена знает, какая пара Людмиле нужна, чтобы ее способности еще усилить, спросит у знакомых лекарок, где такой мужчина есть. Если они не знают, то спросят у других. Рано или поздно найдут. Ну что, пойдешь воевать против всех лекарок сразу?

– Что ж делать-то?

– С Настеной – ничего, только убить. Но и это не поможет, потому, что Людмила сама хочет, чтобы в ее потомстве лекарские способности усилились. Сам же говоришь, что ее ничего кроме дела не радует.

– Они что, не понимают, чем это все кончиться может? Они же лекарки!

– Понимают. Но они – лекарки. Надеются справиться. Это же их дело – лечить.

– И никакого средства нет?

– Есть, только рано еще им пользоваться, подождать надо, хотя бы годика два или три.

– Баба Ниня!

– И не проси, не скажу. Но когда пора будет, все узнаешь. Обещаю. Не проси, мое слово твердое! Или сомневаешься?

– Нет, не сомневаюсь.

– Вот и ладно. Про деда ты узнал, про Настену тоже, про кого еще хотел?

– Про отца Михаила.

– Ну, с попом твоим ничего сложного нет. Он тебя просто любит.

– И все?

– Думаешь – мало? Он вообще детей любит, а своих нет, нельзя монаху. Ты же ему особенно по душе пришелся. Вот и все. И ничего он от тебя не хочет, просто повезло тебе: хороший человек на жизненном пути встретился.

– Хороший человек? Ты же его чуть не убила! И вообще христиан... как бы это сказать?..

– Никак не говори. Хорошие люди тоже зло творят, если считают, что поступают правильно.

Часть 2

Глава 1

Март 1125 года. Город Туров

Материн младший брат Никифор принял гостей радушно. По обычаю приказал прямо во дворе поднести приехавшим горячего сбитня, трижды облобызался с дедом, с сестрой, поручкался с Немым, подивился тому, как подросли со времени последней встречи Мишка и близнецы, посетовал, что не приехали племянницы, громогласно приказал топить для гостей баню и, вежливо пропустив перед собой деда, повел всех в дом.

Со времени «осознания себя» Мишка видел Никифора впервые и с немалым удивлением оценил его внешность уже глазами взрослого человека. Заодно впервые глянул мужским взглядом и на мать. До сих пор это как-то и не приходило ему в голову. Мать есть мать – самая добрая, самая красивая, самая родная женщина в мире. А теперь...

Совершенно очевидно, что в молодости мать была диво как хороша. Да и сейчас, немного старше тридцати, на вкус пятидесятилетнего Михаила Андреевича Ратникова, несмотря на многократные роды и темный вдовый наряд, Анна Павловна выглядела весьма и весьма привлекательно. Высокая, статная, русоволосая. Тонкий прямой нос, чуть удлинённые глаза – видать, где-то среди пращуров затесалась толика степной крови.

Соответственно очень похожий на свою старшую сестру, Никифор выглядел не купцом, а скорее «благородным разбойником голливудского разлива», только что серьга в ухе не болталась, да борода была не черной, а русой.

А вот манерой поведения брат и сестра разнились кардинально. Скупая, спокойная мимика, плавные жесты, негромкая речь вполне соответствовали внешности матери. Никифор же был говорлив, громогласен, размашист и вроде бы простоват, особенно по сравнению с сестрой.

Однако эти простецкие купеческие манеры показались Мишке несколько наигранными. Очень уж четко, как бы между делом, он раздавал приказы набежавшим со всех сторон не то холопам, не то работникам; слишком уж быстро и толково, прямо «с искрами из подошв», выполнялись его указания – дисциплина прямо-таки воинская.

И глаза... Правильно говорится – «зеркало души». Такие же, как у сестры по-кошачьи зеленые, у Никифора они были очень внимательными и цепкими. Пока тело размахивало руками, выкрикивало приветствия и приказы, перемещалось от одного гостя к другому, глаза, на секунду замирая то на людях, то на санях с поклажей, словно делали мгновенные снимки. У Мишки возникло стойкое ощущение, что всех их по очереди, не прекращая ритуала встречи, отсканировали, и полученная информация отправлена на обработку.

Кроме всего прочего, Мишка, живший в воинском поселении, сразу же определил, что тело Никифора привычно к тяжести воинского доспеха, а руки с одинаковой легкостью могут играть как с плотницким топором, так и с боевой секирой. Все это не то чтобы настораживало или вызывало недоверие, но заставляло подобраться и не позволяло расслабиться.

А ритуал встречи, между тем, шел по освященному веками порядку: знакомство с семьей – женой и

двумя сыновьями, «предварительная» выпивка-закуска, баня, а после нее уже капитальное застолье. Единственный чуть заметный сбой в освященной веками процедуре встречи родственников после дальней дороги произошел, когда дед усадил Мишку за мужской стол. Никифор лишь слегка приподнял левую бровь и более никак сей казус не прокомментировал, но после бани за столом обнаружили оба его сына, Петр и Павел. Старший был на год старше Мишки, младший – ровесник. Дед на «ответные меры» хозяина дома отреагировал юмористически:

– Кхе! Михайла, гляди: Петр и Павел, считай, с апостолами сидим!

Все сдержанно посмеялись, и хозяин принялся потчевать гостей. Стал он еще приветливее, и Мишка понял, что правильно истолковал случайно подсмотренную во дворе пантомиму. Никифоров приказчик что-то шептал хозяину, многозначительно кивая на пятеро нагруженных с верхом саней, пригнанных в Туров ратнинскими родичами. Видимо, пока они парились в бане, ушлый мужичок успел поинтересоваться содержимым коробов, и увиденное произвело на него самое благоприятное впечатление. Улучив момент, Мишка шепнул деду:

– В саях копались. Довольны.

Дед в ответ лишь коротко кивнул.

Женщин за столом, естественно, не было. Мать принимала на женской половине дома жена Никифора Ксения, которая произвела на Мишку какое-то жалостное впечатление. Была она импозантному Никифору, как говорится, не пара. Бледная, молчаливая, чуть ли не шепотом поздоровавшаяся и, при первой же возможности, поспешившая скрыться с глаз. Возможно, дело было в том, что Ксения доживала последний срок беременности, а может, от природы была «серой мышкой»... Впрочем, и Никифор отнесся к жене как-то небрежно: представляя гостям, назвал «Ксюхой», а цепляющаяся за материн подол девочка годиков четырех-пяти и вообще осталась бы безымянной, если бы Мишкина мать сама не спросила, как ту зовут. Похоже, семейной идиллией тут и не пахло.

Застольный разговор бестолково крутился вокруг разных событий: летней эпидемии, дорожных тягот, Мишкиных подвигов во время нападения волков («апостолы» разинули рты, Никифор глянул на племянника с некоторым уважением), последних столичных новостей. Главной новостью, конечно же, было постановление князем Туровским Вячеслава Владимировича – третьего сына Владимира Мономаха. Мишка с изумлением узнал, что никакого Турово-Пинского княжества, собственно, и нет. Оказывается, более тридцати лет назад, перебираясь на великое киевское княжение, Святополк II Изяславович^[4] не оставил на Туровском столе преемника, а сохранил Туров за собой – в области великого княжения. Правда, князь в Турове имелся – Брячислав Святополчич, но был он молод и не княжил, а сидел на кормлении, так же, как и еще один сын Святополка – Изяслав – сидел на кормлении в Пинске. После смерти великого князя все так и осталось. Правда, сын Святополка II Ярослав Святополчич, став князем Волынским, претендовал на Туров и Пинск как на наследство отца, но ничего не добился. Теперь же Брячислава отправили к брату в Пинск, а в Турове полноправным князем сел Вячеслав Владимирович Мономашич.

«Вот это номер, сэр Майкл! Выходит, вы имеете удовольствие пребывать в княжестве, которого формально не существует! То есть теперь-то, когда Мономах посадил сюда своего сына Вячеслава, оно вроде бы появилось, но раньше-то? То было, то не было. Вот, наверно, почему в учебниках о нем почти ничего нет!»

Потом, уже изрядно «приняв на грудь», дед с Никифором озаботились пошатнувшимся здоровьем Владимира Мономаха и перспективами борьбы за великокняжеский стол разных ветвей рода Рюриковичей. Мишка прислушивался к разговору с интересом, впитывая информацию о княжеских разборках, а «апостолам» взрослые разговоры довольно быстро надоели, и они решили поразвлечься,

указав «родственнику из провинции» его истинное, в их понимании, место.

– Минька, а Минька! Разгадай загадку: «В семи сундуках по семь ларцов, в каждом ларце по семь гривен. Сколько всего денег?»

– Триста сорок три гривны.

– А-а! Ты раньше знал! – разочарованно протянул Петька.

– Чего тут знать-то? Эту загадку три тысячи лет назад в Египте придумали, только звучала она так: «В семи домах по семь комнат, в каждой комнате по семь кошек». Вы ее на купеческий манер переиначили, вот и все.

– Ну ладно, а вот еще загадка...

– Э-э, нет! – перебил двоюродного брата Мишка. – Теперь моя очередь!

– Про коровьи лепешки, небось? – съязвил старший из «апостолов».

– Петька! – дядька Никифор, оказывается, следил за разговором. – Гостей уважать не научился? Рано я тебя за стол пустил!

– Ничего, дядька Никифор, – заступился Мишка, – моя загадка как раз купеческая. Слушайте. Три купца поехали в Киев с товаром, там расторговались, купили другого товара и привезли его сюда в Туров. Продали и поделили между собой прибыль. Первому досталась четверть от всех денег, второму – в полтора раза больше, а третьему девять гривен. Вопрос: сколько гривен получил каждый из купцов и какой была вся выручка целиком?

Над столом повисла тягостная тишина. Первым подал голос Никифор:

– Ну-ка, Михайла, повтори еще раз.

Мишка повторил, и в глазах Петра и Павла поселилась вселенская тоска.

– Ну! – в голосе Никифора зазвучали грозные нотки. – Чего молчите?

– Не решается это, папаня, смеется над нами Минька.

– А в чулан, на хлеб и воду, пока не решите?

По всей видимости, вышеописанный педагогический прием был «апостолам» прекрасно знаком – у обоих на лицах появилось плаксивое выражение, и Мишка решил, что братьев пора выручать.

– Тут все просто, смотрите: один купец получил четверть, а другой в полтора раза больше, значит, четверть и еще полчетверти. Сколько будет половинка от четверти?

– Осьмушка, – еще не понимая, к чему ведет Мишка, неуверенно ответил Петр.

– Верно. Значит, у первого купца две осьмушки, а у второго – три. Так?

– Так.

– Сколько тогда вместе?

– Пять осьмушек!

– А сколько всего осьмушек может быть в чем-то целом?

– Восемь!

– Тогда сколько же осьмушек осталось на долю третьего купца?

– Три!

– Но это – девять гривен. Значит, одна осьмушка... Сколько?

– Три гривны!

– У первого – две осьмушки, у второго – три, у третьего – тоже три. Дальше-то сами посчитаете?

– Ага! У первого шесть гривен, а у второго и третьего по девять, а всего... погоди, сейчас... Двадцать четыре!

– Правильно. Но сами вы ответ не нашли, поэтому снова моя очередь загадывать, – Мишка поймал себя на том, что сбивается на менторский тон, но резко менять тональность было уже нельзя. – Задумайте число, небольшое – меньше десятка, но мне не говорите, держите в голове. Задумали? Теперь прибавьте к нему пять. Прибавили? Прибавьте еще семь. Отнимите три. Готово? Теперь отнимите задуманное число. Прибавьте семь. Отнимите четыре. Разделите на три. Разделили? У вас получилось четыре. У обоих!

Эффект превзошел все ожидания! Глаза у «апостолов» чуть не вылезли из орбит, дядька Никифор уронил ложку, даже дедово «Кхе!» прозвучало в иной, чем обычно, тональности. Невозмутимым остался лишь Немой, но, опустив глаза, Мишка заметил, что из пирога, который тот держал в руке, во все стороны полезла начинка.

– Кхе! Ребята, да кто из вас купец-то?

Дед был доволен, как кот, безнаказанно обожравшийся сметаны.

– Как это?.. – наконец вымолвил Никифор. – Михайла, как это ты? Стой! Не рассказывай, пусть сами догадуются. Три дня вам на раздумья! Слышали? А мне потом объяснишь.

– Дядька Никифор, да это шутка, ради праздника. Дозволь объяснить, сами они не догадуются.

– Папаня! Не догадаемся, дозволь! Тебе же и самому любопытно! – дружно поддержали Мишку «апостолы».

– Шутка, говоришь? – Никифор прицелился в Мишку зеленым кошачьим глазом. – Ну ладно, объясняй.

– Все очень просто. Они задумали число, я его не знаю, но мне и не нужно. Я же их заставил отнять задуманное, значит, остались только те числа, которые я сам и назвал. А с ними можно уже делать, что захочешь: делить, умножать, хоть кренделем закручивать. И кто бы какое число ни загадал, у всех, все равно, результат одинаковый получится.

Некоторое время в горнице стояла тишина, а потом...

– Ха-ха-ха, го-го-го! Хитер! Гы-гы-гы, хоть в крендель... Ой, уморил!

Громче всех почему-то смеялся дед, впрочем, дядька с сыновьями не отставали. Участия в общем веселье не принимал только Немой, сосредоточенно вылавливавший из рукава натекащую туда начинку пирога.

– Парни! Никому ни слова, поняли? – Никифор грозно простер длань в сторону сыновей. – Я своих друзей завтра удивлю! Я им такой крендель заверну! Ха! Я с ними еще и на деньги поспорю! Михайла, половину выигрыша – тебе!

Пользоваться пьяной щедростью и благодушием Никифора следовало, что называется, «не отходя от кассы».

– А друзей-то у тебя много, дядька Никифор?

– Не бойся, Михайла, десяток ногат заработаешь, а то и побольше!

– Это же – полгривны! – удивился Мишка.

– А может и гривну, а может и две. Ха! Купцы – народ азартный!

– Я тебя, дядька Никифор, о другом попросить хотел, если у тебя друзей много...

– Много? – не дал договорить племяннику Никифор. – Да половина торжища мои друзья, а как узнают, что вы привезли, так и все друзьями станут.

«Внимание, сэр, клиент дошел до нужной кондиции – себя не контролирует. Или притворяется? Все равно, будем брать тепленького!»

– На торжище у вас скоморохи выступают?

– А как же? Праздник же – Проводы зимы, потихоньку уже праздновать начинаем!

– Кошуну языческие поют, похабщину всякую?

– Ну, – Никифор зыркнул глазами в сторону сыновей. – Не без того, на то и скоморохи.

– А согласятся твои друзья, в уплату за проигрыш, пойти на епископский двор всем скопом да попросить изгнать языческое непотребство с торгового?

– Чего это ты, племяш, так скоморохов невзлюбил?

«Точно! Не так он пьян, как показывает! Впрочем, бизнесмен должен сохранять ясность сознания всегда, особенно тогда, когда его пытаются подписать непонятно на что».

– А ты, дядюшка, любишь тех, кто таким же товаром, как и ты, торгует, да еще задешево?

– Ха! – Никифор пропустил фамильярное «дядюшка» мимо ушей. – Да я бы их... А скоморохи-то чем торгуют?

– Зрелищем, развлечением для людей.

– Да разве ж это – товар?

– Все, за что платят – товар.

– Хм, верно... И у тебя такой товар есть?

«Не держит образ анкл Ник – опять взгляд как через прицел. Впрочем, и вы, сэр, хороши – он же опытный купец, наверняка чувствует несоответствие формы и содержания. Тщательней надо, сэр Майкл, тщательней».

– Есть у меня такой товар, дядька Никифор, и получше, чем у скоморохов, но для начала, как и в любой торговле, мне помощь нужна. Так как, сводишь друзей к епископу? Только надо, чтобы не два-три человека, а толпа в несколько десятков.

– Хм, ну, если с работниками... И должников призвать... Да всякая шваль ради любопытства притащится... А что за товар-то, глянуть бы?

– Всего не покажу – места много надо, да и снасть в санях лежит, но кое-что...

Мишка вышел на середину горницы, вытащил все три кинжала и принялся жонглировать.

– Так не только я, но и Кузька с Демкой умеют. И стоя на ногах, и верхом. А еще можем на полном скаку кинжалы в землю воткнуть, а потом прямо с седла подобрать. И еще разное, только это на улице надо... Хотя, Андрей, передвинь-ка на угол стола подсвечник!

Дождавшись, когда Немой поставит свечу и отодвинется, Мишка отошел в дальний угол и метнул оттуда кинжал. Отточенное до бритвенной остроты лезвие срезало фитиль и свеча погасла, клинок

воткнулся в бревенчатую стену горницы.

– Ну, Корней Агеич! – Никифор развел руками, смахнув на пол погашенную Мишкой свечу. – Нет слов! Внуки у тебя...

– Учим молодежь помаленьку, – дед был сама скромность. – Мы же ратное сословие, Михайла вот уже в восьмом колене. Пращуры наши еще с князем Олегом на Царьград ходили.

– А как бы все целиком посмотреть? – невооруженным глазом было видно, что Никифор загорелся идеей. – С конями, там... и со всем прочим.

– А место огороженное шагов двадцать шириной найдется? – спросил Мишка.

– Огороженное?

– Ну, чтобы лишних глаз раньше времени не было.

– Огороженное... огороженное... – Никифор задумчиво потерев кончик бороды, потом, что-то вспомнив, встрепенулся. – Ха! У меня же один амбар ладейный пустой стоит – ладья до ледостава вернуться не успела. Подойдет?

– Глянуть бы.

Ладейных амбаров Мишка ни разу в жизни не видел, и что это такое, мог только догадываться.

– Пошли!

Никифор с пьяной решительностью поднялся из-за стола, его тут же повело в сторону, но Немой одним мощным движением руки вернул хозяина на место во главе стола.

«Все-таки пьян, но умеет сохранять разум. Серьезный мужик».

– Завтра! – Никифор хлопнул ладонью по столу так, что подпрыгнула посуда. – Михайла, слышишь, прямо завтра достанешь свою снасть и пойдем в ладейный амбар, а там... посмотрим. Но я своему слову хозяин! Если сказал, помогу, значит помогу!

* * *

Эллинг для купеческой ладьи, именуемый ладейным амбаром, оказался сооружением неказистым, но просторным, во всяком случае коней по кругу в нем запустить вскачь было можно. Мишка хоть и слышал, что арены цирков во всем мире имеют одинаковый диаметр, точных размеров не знал, но имеющиеся двадцать шагов его вполне устроили.

Работники Никифора быстро расчистили середину помещения, а Мишка с близнецами воткнул по кругу колышки и натянул между ними веревку с привязанными к ней тряпочными лоскутками.

– Это зачем? – Никифор, хоть слегка и маялся с похмелья, проявлял к приготовлениям живой интерес. – Зачем тряпки-то?

– Чтобы лошадям видно было, как скакать. Андрей, Кузьма, Демьян! Готовы?

Публики набралось человек тридцать, Мишка даже не ожидал такого скопления народа. Никифор со всем семейством, кроме младшей дочки, Никифоровы то ли работники, то ли холопы, во главе с приказчиком, попавшиеся по дороге два приятеля Никифора и ночевавшая здесь же часть членов экипажа отсутствующей ладьи, во главе с вдребезги пьяным кормщиком. Экипаж тоже был крепенько поддавши: не то со вчерашнего, не то уже сегодня успели.

Близнецы перед первым публичным выступлением мандражировали отчаянно. У Кузьки, кажется, постукивали зубы. Даже Немой дважды уронил что-то из реквизита.

«До чего же удачно получилось с внеплановой репетицией, на торге было бы еще хуже. Блин, как же их успокоить хоть немного? Хрен успокоишь – дебют есть дебют. Как я раньше-то об этом не подумал, разгильдяй!»

– Так, соколы ясные, слушайте меня внимательно, – Мишка поочередно посмотрел всем троим в глаза. – За веревкой никого нет, на вас никто не смотрит. Есть только круг и вся жизнь происходит только в нем. На все остальное – наплевать! Мы здесь одни! Повторите!

– Мы здесь одни!

– Еще!

– Мы здесь одни!

– Еще!

– Мы здесь одни!

– Еще!

– Мы здесь одни!

– Смотреть только на меня! Начали!

Выехав верхом на Рыжухе на середину «арены», Мишка заорал голосом балаганного зазывалы:

– Почтеннейшие жители стольного града Турова! Мы не скоморохи и не лицедеи! Мы – ученики славных воинов, защищающих ваши дома и семьи от врагов и карающих любого, кто осмелится посягнуть на вашу мирную жизнь. Посмотрите, как учат они отроков, убедитесь, что не оскудевает Туровская земля защитниками и не зря платите вы подати князю. Не пропадают ваши приношения, а идут на святое дело защиты земель православных. Поглядите, почтеннейшие, чему учат нас доблестные воины князя Вячеслава Владимировича Туровского. Ап!

Мишка, перевернувшись через голову, соскочил на землю и принялся жонглировать кинжалами. Боковым зрением отметил, что Демка, почти не задержавшись, подхватил под уздцы Рыжуху и увел с «арены». Мишка маленькими шажками подбежал к веревке и пошел вдоль нее, не сводя глаз с мелькающих в воздухе клинков. Где-то сбоку пьяный кормщик пробурчал, чтобы не баловались с оружием, на него тут же шикнули.

«Благоприятный признак – не хотят отвлекаться».

Мишка, пройдя всю часть круга, возле которой стояли зрители, попятился к середине «арены». Там уже должен был стоять Кузьма, но его не было.

«Блин, сколько его ждать-то? Ну, наконец-то!».

Вместо Кузьки появился Демьян, зашел сбоку, перехватил по очереди Мишкины кинжалы, Мишка обошел его со спины, повторил трюк с перехватом, Демка опять зашел сбоку. Освободившись от кинжалов, Мишка поспешно оглянулся. Кузьма деревянной походкой приближался к братьям, уставившись неподвижным взглядом куда-то в пространство.

– Работать, Кузька, работать! – прошипел Мишка, так, чтобы не слышно было публике.

Кузьма перехватил кинжалы у Демки, каким-то чудом не уронил их, но передавать зашедшему сбоку Мишке и не подумал – стоял столбом, работая руками как автомат.

– Демка, расходимся!

Парни отбежали от Кузьки, образовав равносторонний треугольник. Демка достал свой комплект

кинжалов, запустил их в воздух и расширенными глазами уставился на Мишку – тому работать было не с чем. Кузька выперся на «арену» без реквизита! Слава богу, Немой спохватился, «въехал» в ситуацию и перекидал Мишке Кузькины кинжалы.

«Ничего, пока выгребает, публика решит, что так у нас и было задумано».

– Демка, готов?

– Готов!

– Але... Ап!

Оружие полетело навстречу друг другу. Теперь Мишку и Демку связывал мост, составленный из мелькающих клинков, в толпе зрителей раздался одобрителный ропот.

– Кузька, готов?

Молчание.

– Кузька, ядрена вошь, готов?

– Гы... Га... а... тоффф...

– Готов или нет? Приди в себя, козел!

– Г-готов.

– Але... Ап!

Ничего – ни взгляда, ни движения. Кузька продолжал стоять столбом, хорошо хоть кинжалы не ронял.

«Блин, что ж делать-то, может закончить номер на середине и переходить к следующему?».

Положение спас пьяный шкипер – из толпы вдруг раздался грозный рык:

– Я сказал, не балуй с железом! Р-р-роська! За борт их!

Пока кто-то вразумлял кормщика, Демка успел прошептать:

– Минька, разворачиваемся, я ему сейчас...

Спрашивать, что он задумал было некогда, Демка уже начал смещаться в сторону Кузьмы. Не прекращая работать руками, он размахнулся ногой и влепил братишке смачного пендаля. Кузька выронил кинжалы и брякнулся на четвереньки. В толпе зрителей раздался радостный гогот. Демка, улыбаясь во весь рот, повторил воспитательное воздействие. Публика пришла в восторг! Кузька затравленно оглянулся, кажется, только сейчас сообразил, где он и что с ним, подхватил кинжалы и вопросительно уставился на Мишку.

– Работаем, охламон, отходи на место! Расстояние, расстояние держи!

«Ну вот, а говорят, что побои – это непедагогично». Теперь кинжалы летали уже между тремя отроками.

– Внимание! Начинаем движение! Готовы?

– Готов!

– Готов!

Не прекращая полета оружия, парни пошли по кругу. Наконец-то раздались первые аплодисменты.

«Интересно, кто это догадался в ладони похлопать? ЗДЕСЬ вроде бы это еще не принято. Может, моряки, где-то в других странах видели?»

– Але... Ап!

Кинжалы остались в руках, Мишка поднял правую руку с оружием и заорал:

– Слава православному воинству!

– Слава! – нестройно откликнулись зрители.

Позади Немой уже устанавливал лавку, клал на нее гладко ошкуренное поленце и доску. Мишка вскочил на лавку, встал на доску, привычно поймал баланс. Публика затихла. Мишка снова запустил в полет кинжалы, теперь заплодировали уже дружнее. Справа и слева на доски встали близнецы, засверкали в воздухе клинки, публика заплодировала еще громче.

– А ну, слазь, расшибешься, дурак! Слазь, я кому гово...

Командный монолог кормщика прервала звучная оплеуха. У кого-то из зрителей лопнуло терпение.

– Внимание! Але...

«Ап!» Мишка сказать не успел. Доска вывернулась из-под Кузькиных ног, и он загремел вниз головой. Публика разразилась восторженным гоготанием, сквозь которое прорезался исполненный душевной муки вопль кормщика:

– Я же предупреждал!!!

«Все, пора завершать – все смотрят только на Кузьку».

– Але... Ап!

Мишка и Демка задним сальто соскочили на землю, Мишка снова поднял руку с кинжалом и проорал:

– Слава православному воинству!

– Слава!!! Ха-ха-ха! Ой, мамочка, лопну сейчас! Ой, не могу! Хо-хо-хо!

«Чего смеются-то? Ох, блин! Нарочно не придумаешь!»

Кузька снова влез на лавку и теперь растеряно оглядывался в поисках доски и поленца. Публика развлекалась по полной программе, вплоть до слез и падения на землю. Гогот заглушал безутешные рыдания кормщика где-то в задних рядах.

«Ну до чего удачно этот пьяница попался, натуральная «подсадка». Где бы такого на остальные выступления найти? Этого, что ли, каждый раз поить?»

Наконец Немой, выскочив в круг, сгреб Кузьку вместе со скамьей и уволок в угол амбара. Мишка снова положил на лавку поленце, поперек него другое, сверху водрузил доску. Этот номер, кроме него, не научился делать никто, поэтому он сейчас выступал соло.

– Ставлю куну, что свалится! – раздался голос в толпе зрителей.

– Три, что устоит! – тут же донеслось в ответ.

– Пять, что свалится!

– Принимаю!

«Ого! Уже тотализатор!»

Мишка поймал баланс, закачался в двух плоскостях. В амбаре наступила мертвая тишина. Мишка поиграл на нервах у зрителей, взмахнув пару раз руками так, словно терял равновесие, и оба раз получил в награду дружное «Ах!» публики. В звящей тишине откуда-то из заднего ряда отчетливо донесся трагический шепот кормщика:

– Ну все... покойник.

Мишка медленно вытащил из-за пояса кинжалы, сделал вид, что собирается жонглировать и снова теряет равновесие. На этот раз получилось плохо – чуть не упал на самом деле. Публика замерла, чей-то напряженный шепот прозвучал словно гром небесный:

– Полгривны, что свалится!

– А вот хрен тебе! Гривна, что устоит!

– Принимаю!

– И я принимаю!

«Правильно! Хрен вам, сейчас две гривны продуете! Бешеные деньги, блин. Почти полкило серебра. Мне половина положена, только вот с кого получить?»

Клинки замелькали в воздухе.

«Две тысячи, три тысячи, четыре тысячи... Две тысячи, три тысячи, четыре тысячи... Две тысячи, три тысячи, четыре тысячи. Десять секунд, все, хватит!»

– Ап! Слава православному воинству!

– Слава!!! Слава!!! Молодец, парень! Давай еще! О-го-го!

«Да, господа, не испорчены вы еще шоу-бизнесом. Номер на уровне клубной самодеятельности – и такие овации. Шоуменом заделаться, что ли? Открыть цирк, ездить с гастроями... И сдохнуть под забором от сочетания чахотки с белой горячкой. Романтика, блин».

Мишка отбежал в угол, где Немой готовился к своему выходу.

– Андрей, работаешь с Демкой, а я пока попробую этого обалдуя в чувство привести.

Подхватив под мышки совершенно впавшего в апатию Кузьму, Мишка втащил его на улицу и принялся тереть ему лицо снегом. Кузька не реагировал, тогда пришлось закатить ему пару затрещин.

– Ой, Минька...

Снова растирание снегом.

– Минька! Не надо, больно!

– Слышишь меня? – Мишка потряс Кузьму за плечи.

– Ты чего, озверел?

– Слышишь меня?

– Да слышу, слышу, всю морду...

– Встать!

– Да ладно тебе...

Подзатыльник.

– Ой, ты че...

– Встать! – Мишка уже не говорил, а рычал.

– Ну, встал...

– Кувырок вперед! Быстро!!! Еще один! Еще! Кувырок назад!

– Ты чего, Минь... Да делаю уже!

– Еще! Встать на руки! Стоять! Стоять, я сказал!!! Теперь встал на мост! Поднялся! Пошел колесом! Еще! Еще! Очухался?

– Да все уже, Минь, все!

– Только попробуй мне еще раз дураком выставиться!

– Все, Миня, все, я больше не...

– А больше и не надо, хватит уже. Пошли работать.

В амбаре Немой как раз заканчивал демонстрировать искусство работы с кнутом. Демьян стоял, раскинув руки крестом. Два небольших огарка свечи стояли у него на ладонях, третий – на голове. Немой трижды взмахнул кнутом: щелк, щелк, щелк – все три свечи погасли, Демка не вздрогнул, не моргнул.

Мишка подхватил приготовленное бревно толщиной с икру взрослого мужчины, рыкнул на Кузьку, чтобы тащил козлы, и побежал на середину круга. Уложил бревно на козлы, отбежал в сторону. Немой немного постоял, глядя на реквизит, потом начал со свистом раскручивать кнут в воздухе.

«Эх, сейчас бы барабанную дробь, как в настоящем цирке».

Щелк, хрясь! Бревно переломилось ровно посередине. Публика разразилась восторженными воплями, Немой победно поднял правую руку.

– Слава православному воинству! – заорал Мишка.

– Слава!!! А-а-а! О-го-го! – публика орала как на футболе.

«Интересно, а шкипер его выступление комментировал? Немой же мог его и в заднем ряду кнутом достать».

Мишка схватил Рыжуху под уздцы и побежал по кругу, потом лихо – на ходу – взлетел в седло.

«Ну, этим тут никого не удивишь – всяких наездников видали, Рыжухе надо дать пару кругов, чтобы освоилась».

Немой вышел на середину арены, громко щелкнул кнутом, Рыжуха наконец опознала знакомые тряпочки на веревке и пошла по кругу ровным неторопливым галопом.

Мишка сорвал с головы шапку и швырнул ее вперед и вверх, шапка опустилась на уровень вытянутой руки как раз в тот момент, когда Мишка оказался прямо под ней. Бросил еще раз, потом еще. На полный круг хватало трех бросков. Мишка сделал еще круг, потом к нему присоединились близнецы, шапки так и замелькали в воздухе. Потом все трое вытащили кинжалы и принялись жонглировать на скаку, но публика на жонглирование уже насмотрелась и осталась спокойна.

– Р-роська! Откуда лошади на ладье? Навоз языком вылизывать будешь! Р-роська! Я кому гово...

«Ну до чего же вовремя он каждый раз встречается! Кто его там затыкает-то? Блин, и посмотреть-то некогда».

Мишка снова оглушительно свистнул, возвращая внимание публики, и, раскинув руки, сделал вид, что падает с лошади, близнецы повторили его трюк, и некоторое время все трое свешивались с седел так, что доставали одной рукой до земли. В публике кто-то ойкнул, потом сам же над собой и засмеялся, смех поддержали.

– Але... Ап!

Парни вернулись в седла, тут же соскочили и, оттолкнувшись от земли, снова оказались верхом. Снова

соскочили, оттолкнулись, но в седлах уселись уже задом наперед, потом еще раз, так – прыжками – прошли целый круг.

– Але... Ап!

Девять кинжалов поочередно воткнулись в землю, Немой несколько раз щелкнул кнутом, разгоняя темп, публика затихла в ожидании.

– Але... Ап!

Всадники трижды свесились с седел на полном скаку и на земле не осталось ни одного клинка.

– Слава православному воинству!

– Слава, слава!

Зрители уже привычно подхватили Мишкин лозунг. Немой вытащил на середину «арены» сколоченный из досок щит, установил его вертикально, встал, прислонившись к доскам спиной, и раскинул руки крестом. Мишка разогнал Рыжуху в галоп, сделал круг и, выхватив кинжал, метнул его в щит. Публика хором ахнула, кинжал вонзился в доски в нескольких сантиметрах от головы Немого.

– За мной!

Теперь по кругу пошли уже три всадника, и каждый раз, когда кавалькада оказывалась напротив Немого, кто-нибудь один метал кинжал. В конце концов вся верхняя часть его тела была оконтурена стальными клинками. Три штуки воткнулись вокруг головы, две – над раскинутыми руками, по две – под правой и под левой рукой. Немой во время исполнения трюка и бровью не повел. Зрители поначалу притихли, но потом стали сопровождать каждый удачный бросок дружными одобрительными криками.

Мишка в последний раз прокричал здравицу православному воинству, ребята спешили и под восторженный шум публики раскланялись. Успех выступления не подлежал сомнению, однако судьба, видимо, решила, что испытаний на Кузькину голову выпало еще недостаточно. Именно в момент триумфа его (а чья же еще?) лошадь решила справить большую нужду. Комментарий шкипера затерявшейся где-то во льдах ладьи воспоследовать не замедлил:

– Ну вот, насрали!

Красный как рак Кузька, под хохот зрителей, уволок свою животину на улицу, Демка кинулся помогать Немому прибирать реквизит, а Мишка пошел к деду и дядьке Никифору на «разбор полетов».

– Молодец, Михайла, хорошо получилось! – дед не скрывал удовольствия.

– Ну, племяши! Ну порадовали! – подхватил Никифор. – А Кузька-то, Кузька! Это ж сколько учиться надо было, чтоб так упасть и не расшибиться! Ну, мастер!

Вопросы и комментарии посыпались со всех сторон.

– А Андрей-то! Даже глазом не моргнул, в него ножи мечут, а он стоит себе!

– Корней Агеич! Это что же, вы там у себя всех отроков так учите?

– Минька, а чего вы лошади дали, чтобы она в нужное время... Мама, ну чего ты? Я же просто спросить!

– Не, ребята, скоморохам до вас, как до неба! Никешка, на, держи выигрыш, – незнакомый купец кинул Никифору многозначительно звякнувший мешочек. – Вот ведь как, даже и отдавать не обидно, повеселили, повеселили. Спасибо, ребятки! Никешка, ты бы выигрышем с ними поделился, заслужили.

– Поделюсь, как не поделиться...

– Никеш, а завтра представлять будете? – подключился к разговору второй приятель Никифора. – Я бы семейство привел посмотреть. Только ты тут лавки, что ли, поставил бы, а то сзади видно плохо.

– А что? И поставлю! – Никифор перешел на деловой тон. – Приглашайте знакомых, только немного – места, сами видите, мало. Михайла, завтра повторить сможете?

– Сможем, дядька Никифор, только тут прибраться надо, лавки поставить, еще кое-что сделать.

– Ха! Сделаем, до завтра времени много...

– И по резане [5] за вход, с детей – по две веверицы, – напористо добавил Мишка.

Среди зрителей сразу же обнаружился недовольный:

– А не дорого берешь?

– А мы кого приглашаем, голытьбу или уважаемых людей? – Мишка нахально подбоченился. – За веверицу пусть скоморохов смотрят, а мы – ратное сословие, плату не на пьянку-гулянку собираем, а на воинское обучение. Да и зазорно купечеству почтенному развлекаться задешево, как смердам.

Никифор тут же поддержал племянника:

– Верно толкуешь, Михайла! Мы только для уважаемых людей зрелище устраиваем.

«Все! Главные слова сказаны! «Закрытый показ» только для избранных, теперь будут давиться и платить любую цену, и не только для того, чтобы посмотреть на интересное зрелище, но и для того, чтобы быть причисленными к некоему «кругу избранных» под названием «уважаемые люди». Никифор на лету идею поймал: то, что не для всех – то сразу становится привлекательным. А самое главное – слухи пойдут. Наврут, конечно, с три короба, но до князя информация доберется. Впрочем, до епископа, наверно, еще скорее, а мне того и надо, пусть попы «худсовет» устроят и репертуар утвердят, тогда к нам на кривой козе и на версту не подъедешь».

– Деда, я пойду ребятам скажу, чтобы на завтра готовились.

«За кулисами» царило уныние: ни малейшего намека на праздник по поводу премьеры, наоборот, настроение сродни похоронному. Кузька безутешно рыдал на груди у Немого, Демка, нахохлившись, сидел в углу и ковырял кончиком кинжала какую-то деревяшку, сам Немой выглядел так, будто целый день таскал на горбу тяжеленные мешки. Хорошо, что угол был темный да к тому же еще и загорожен щитом, у которого «расстреливали» Немого. Вот бы публика удивилась, узрев уныние, воцарившееся в рядах актеров!

Ситуацию надо было исправлять, и Мишка, нарочито не замечая настроения труппы, возвестил бодрим, насколько получилось, голосом:

– Ну, соколы ясные, поздравляю! Всем понравилось, даже попросили завтра показать еще раз. Но представлять теперь будем уже за деньги – по резане с носа! Представляете, двадцать пять человек придет, и уже – полгривны!

Демка уставился на Мишку так, словно тот говорил на каком-то иностранном языке, Немой заерзал на лавке и стал спихивать с колен Кузьку, но тот вцепился в его плечи и взвыл дурным голосом:

– Не пойду больше позориться, надо мной все смея-а-а...

– Вот-вот, ты-то больше всех и понравился! Народ любит, когда его веселят! Меня даже спрашивали, как это ты так падать научился, что и смешно выходит, и не разбиваешься?

Кузьма хлюпнул носом и недоверчиво переспросил:

– Правда?

– Вот те крест!

– Так мы что, не опозорились? – Демка вылез из своего угла. – И этот дурень больше всех понравился?

– Деньги просто так никто платить не будет! А ну-ка!

Мишка обнял братьев, прижал к себе.

– Все хорошо, ребятки, первый раз всегда трудно бывает, вы молодцы – справились. Я знал, что справитесь! Спасибо тебе, Демка, спасибо, Кузьма, а тебе, Андрей, особенно...

Договорить он не смог: растроганно засопев, Немой облапил всех троих и сжал так, что выдавил из груди весь воздух.

* * *

Большинство зрителей уже разошлось, и в амбаре остались только дед, Никифор и несколько человек из экипажа ладьи.

– А-а! Кузьма! – Никифор аж светился от удовольствия. – Здорово ты народ повеселил, это ж надо так – с лавки вверх ногами и не разбиться! А ты, Андрей... ну, нет слов! Меня даже тут жуть брала, когда в тебя ножи метали, а ты – хоть бы что! Так был уверен, что у ребят рука не дрогнет?

– А меня-то что ж не похвалишь, хозяин?

Мишка обернулся на голос и увидел ладейного кормщика. Трезвого!!! Весело улыбающегося! Нахально подмигивающего! Молодой, кудрявый, темноволосый кормщик панибратски пихнул Мишку локтем в бок и еще шире растянул рот в улыбке, с несколькими дырками на месте зубов. Вид у морехода был настолько лихой, что у Мишки появилась твердая уверенность – зубы выбиты в драке. Он, не удержавшись, улыбнулся в ответ и спросил:

– Так ты все понял?

– Чего понял? – Никифор подозрительно заглядывался то на Мишку, то своего морехода. – Ты о чем Михайла?

Вместо Мишки давать объяснения взялся хитро улыбающийся кормщик.

– Ты, Никифор Палыч, не сердись, но все взаправду было: и Кузьма не нарочно упал, и лошадь не ко времени обгадилась. Я тебе не рассказывал, но меня совсем еще мальцом уграм продали, и я с ихними скоморохами больше пяти лет по городам и весям бродил. Циркус у них это называется. Я-то знаю, какой страх людьми перед первым представлением овладевает, ребята еще хорошо справились, могло и вообще все сорваться! Вот и решил помочь: как у них что не заладится, так я на себя внимание отвлекаю, никто ничего и не заметил. У актеров такое бывает: что-нибудь наперекосяк пойдет, а народ думает, что так и задумано.

– Ой, Ходок, ты меня когда-нибудь своими штучками в гроб вгонишь. Ха! – Никифор хлопнул себя ладонями по коленям. – Так это мы главными дурнями, получается, были? А ты с ребятами нас за нос водил?

– Нет, хозяин, ребята старались, как могли, молодцы. А зрители... Так они затем и приходят, чтобы их надули. Человеку что нужно? Чтоб интересно, чтобы весело, развлечься, о каждодневных заботах позабыть. За это и платят. И никакого обмана здесь нет, потому что он сам хочет, чтобы его обманули.

«А мужик-то знает, о чем говорит! Стоп! Он сказал «цирк»?» Это что же, его труппа даже в Риме побывала?»

– Ха! Михайла, слышал? – Никифор орал, словно Мишка находился на другом конце амбара. – Ты же мне вчера толковал, что зрелище – тот же товар. И этот тебе подпевает: не обманешь – не продашь. Я-то, дурак, всяким барахлом торгую, а тут люди сами деньги нести готовы. Ну, вот что, Ходок, ежели ты и в этих делах человек бывалый, давай – командуй тут, и людей своих к делу приставь. Раз ладью на полдороге заморозили, так хоть какой-то работой займитесь. Открываем торговлю новым товаром! Этим, как его... Циркусом!

– Сделаем, хозяин! Не впервой! – кормщик обернулся к Мишке. – Михайла, ты тут главный?

– Нет, то есть... Да не знаю я! Не чинимся мы, все вместе работаем. Андрей вот нас с ножами обращаться учил, Корней Агеич – конному делу, а я... Ну, я придумывал, как это все обставить, чтобы интересно было.

– Понятно, – Ходок пристально взглянул Мишке в глаза. – Только не говори мне, что сам все придумал, где-то ты это все видел. Так?

«Ага, так я тебе и рассказал, где видел! Про Ленинградский цирк, про телевизор...»

– Видеть не видел, но в книге одной читал, а кое-что и сам сообразил. Там про жонглеров было, которые в латинских странах по городам ходят. А что, плохо придумал?

– Нет, придумал ты хорошо, но мало.

«Это я и сам знаю. Самое короткое представление в цирке должно идти один час и пять минут, плюс антракт, а у нас еле-еле минут на двадцать натягивается. Да где же я еще номера-то найду?»

– Так нечего же больше показывать, мы больше ничего не умеем!

– Это ты только так думаешь, – уверенно заявил Ходок, – а на самом деле я прямо сейчас тебе могу сказать, как представление удлинить, а если еще посидеть да покумекать как следует, так такое придумать можно! О-го-го! Хозяин, ты не уходи, обговорить кое-что надо!

– Да здесь я, здесь.

Никифор и не думал уходить: как и почти любой человек, он был зачарован раскрывающимися перед ним «тайной кулис», и не ушел бы, даже если бы выгоняли.

– Вот смотри, Михайла, – продолжил кормщик, – вы в самом начале кинжалами поиграли, сначала поодиночке, потом втроем, и ушли. А можно еще раз все то же самое сделать, а зрители и не заметят, что вы им одно и то же по второму разу показываете.

– Это как?

– Очень просто. Можно сделать факелы, по размеру и весу точно такие же, как ваши кинжалы. Не побоитесь с горящими факелами играть?

– Если точно размеры и балансировку соблюсти, то нет, за огонь рукой не схватимся.

– Представь себе: мои ребята закрывают ставни и двери, в амбаре становится темно, и тут вы начинаете играть с факелами. Делаете все то же самое, что и с кинжалами, но выглядит это в темноте совсем иначе. Времени займете вдвое больше. Дай-ка один кинжал вон тому парню, он факелы сделает, как надо. Митюха, слышал, что я сказал?

– Давай, сделаю, – отозвался один из членов экипажа, – только масла где взять?

– Вот, хозяин, первая забота тебе: масло для факелов.

– Будет масло, – встрепенулся Никифор. – Сенька, запоминай, чего надо или записывай для верности. Сегодня же чтоб было!

– Слушаю, Никифор Палыч! – тут же отозвался старший Никифоров приказчик, тоже слушавший разговор, разинув рот.

– Еще одно: ножи вы метали здорово, но в неподвижную мишень, а в летящий кругляш попадете?

– Попадем... наверно... Попробовать надо.

– Прямо сейчас и попробуем. Митяй, отпили-ка вон от того бревна кругляш пальца в два! Иди за конем, Михайла, давай, давай, не тяни – дел много!

Мишка оторвал Рыжуху от увлекательного процесса поглощения овса, снова взнуздал, оседлал и привел в амбар. Пока он возился, Митяй отпилил не один, а целых три кругляша, а Ходок уже всю объяснял Никифору, как сделать ступенчатый помост для лавок, чтобы задние ряды были выше передних.

– Давай-ка, Михайла, я вот здесь встану и буду их вверх подкидывать, а ты попробуй попасть. Сначала с места, потом на скаку попробуешь. Так – не далеко будет, докинешь?

Мишка попробовал, оказалось – ничего особо сложного. На скаку – тоже. Ходок заставил попробовать Кузьму с Демьяном – получилось не хуже. Недаром Немой заставлял ребят метать кинжалы в нарисованный на стене сарая кружок размером с ладонь – уроки пошли на пользу.

– Слушай, Ходок! У нас же еще самострелы есть! – вспомнил Мишка. – Давай попробуем в кругляши из них стрелять. Только тогда каждый раз новые делать придется, болты их раскалывать будут.

– А так еще и лучше, – обрадовался кормщик, – зрители любят, когда что-то ломается, раскалывается. А свечи гасить из самострелов сможете?

– На скаку не сможем – не прицелиться.

– А с земли?

– Сможем, вернее, я смогу, а Кузька с Демкой – не знаю. Они недавно учиться начали.

– Значит, будешь один. Как с факелами отыграете, так мы ставни отворим, а вы за самострелы возьметесь. Сначала вдвоем по кругляшам постреляете, потом тебе свечи вынесут. Штуки три или пять? Нет, пять долго: пока заряжать будешь, зрители за пять раз заскучают.

– погоди, Ходок... Слушай, а как тебя на самом деле зовут?

– Зови Ходоком. Так чего ты хотел сказать?

– А нельзя ли какой-нибудь столик сделать, чтобы он крутился? Поставим на него свечи и, если не очень быстро крутить, то я попаду, а крутящийся огонь завораживает, скучно не будет. Понимаешь, первые два выстрела – еще не скучно, а потом на столике остается три горящих свечи, две, потом одна и все на нее смотрят и ждут, а она крутится. Можно еще время потянуть, крикнуть, чтобы столик подкрутили.

– О! Молодец, в самую точку! А нельзя, чтобы ты из разных самострелов стрелял, пока из двух выстрелишь, тебе третий зарядят.

– Не знаю, мы каждый к своему самострелу приспособились, опять же, попробовать надо.

– Пробуй, столик все равно до завтра не сделать.

Никифор, словно обрадовавшись, что тоже может поучаствовать в приготовлениях к представлению, опять окликнул приказчика:

– Сенька, насчет столика понял? Сегодня же чтоб был!

– Слушаю, Никифор Палыч! Только не успеть сегодня.

– Тогда пускай ночью работают, но чтобы к утру...

Мишка не стал слушать, чем закончится разговор Никифора с приказчиком, потому, что его посетила еще одна идея.

– Ходок, а я еще и на звук стрелять могу.

– Да ты что? И молчит! Да мы такую показуху устроим! Вот это уже настоящий циркус будет. А ты точно можешь или только думаешь, что можешь?

– Может, может! – Кузька наконец-то нашел повод встрять в разговор. – Может, мы все видели, только бубенчик маленький надо – мы свои в Ратном оставили.

– Бубенчик найдется, но пока сам не увижу – не поверю. Где у вас самострелы?

– Дома оставили.

– В Ратном?

– Да нет, у дядьки Никифора!

Ходок обернулся к Никифору.

– Хозяин, послать бы кого...

– Ха! За дурня меня держишь? Послано уже! Сейчас принесут.

– Да ладно тебе, хозяин, я вот тоже кое-кого кое-зачем послал.

– Это за чем же?

– А за музыкой! – Ходок хитро подмигнул. – Когда все это под музыку будет, еще лучше получится, а в самых жутких местах музыка замолкнет и от этого еще страшнее выйдет. Вот увидишь!

– Так музыкантам платить надо, – недовольно пробурчал Никифор. – Сколько еще запросят...

– Не скупись, хозяин – окупится. Я прикинул: если лавки расставить так, как мы обговорили, то человек шестьдесят поместится. Это же больше гривны выходит. Да еще об заклад биться будем, как сегодня. Договоримся с ребятами: когда надо падать, когда – нет, всегда в выигрыше останемся!

«Ну и жук! Да он на всех этих пари возьмет в десять раз больше входной платы! Наверняка не сам об заклад биться будет, а подставных людей найдет, чтобы рожу не запомнили. Мошенничество чистой воды, но... в рамках его философии: «Зритель сам приходит, чтобы его обманули». Шоу-бизнес, туды его. Вообще-то, помнится, в цирке мороженым торговали и прочими вкусами...»

– Дядька Никифор, а можно еще перед началом и в перерывах торговлю устраивать. Орешками, квасом, сбитнем, может, еще чем-то.

– Ха! Найдём чем! Сенька!

– Найдём, хозяин!

Ходок снова скорчил хитрую рожу и гаркнул:

– Р-роська! – и обернувшись к Никифору с Мишкой, пообещал: – А теперь я вам кое-что покажу.

Из-за груды канатов, парусов и другого судового имущества выскочил худенький паренек лет двенадцати.

– Тут я!

– Тащи шест!

Да, это был настоящий цирк – малец работал на шесте не хуже тех артистов, которых Мишка видел еще в ТОЙ жизни. Видимо, Ходок сам в прошлом выступал именно с этим номером и обучил ему Роську.

Зачем? Кто знает? Может быть, со скуки, может быть, думал, что когда-то снова придется вернуться к циркачеству.

– Дядька Никифор, – тихонько спросил Мишка, – а как Ходока на самом деле зовут?

– Абрам.

– Иудей, что ли? Не похож...

– Да кто его разберет! Когда надуть кого-то надо или поторговаться – иудей, как меды пить и песни орать – наш, как драться – берсерк нурманский, а как девок улещивать... Гм, это самое... В общем, непонятно кто, но кормщик изрядный – таких поискать. Теперь вот оказывается, что и скоморохом когда-то был.

– А Роська?

– Ростислав. На ляшской ладье был, когда они пять лет назад нас на Висле захватить хотели. Ха! Не на того напали! Была ляшская ладья, стала моей, а Роська в придачу достался, не убивать же его.

– Ну как, хозяин? – запыхавшийся малец подскочил к Никифору и Мишке. – Понравилось?

– Ловко, молодец, Роська! Ну, Михайла, вот тебе и еще подмога.

– Отличная подмога, дядька Никифор, только шест, наверно, и Андрей подержать может, он сильный, а Ходок пусть между зрителями так и работает, как сегодня. Ходок, ты как, согласен?

– Почему нет? Андрей вместо меня справится, а вот Роська вместо Андрея? Не забоишься под ножи встать?

– Не-а, не боюсь!

Никифор сразу же построжел.

– Да ты что, Ходок, ребенка...

– То-то что ребенка, хозяин, еще страшнее получится, а ребята не промахнутся, я видел, как они работают. Главное, чтобы Роська не струсил.

– Кто? Я? – тут же возмутился пацан. – А давай прямо сейчас встану. Михайла, кидай в меня! Вот увидите: не моргну!

– Ну, вставай, – Мишка извлек кинжал из ножен, привычно подкинул его и поймал. – Только не дергайся, а то сам под лезвие подвернешься.

– Михайла, Ходок, да вы что, ополоумели все? – Никифор разволновался не на шутку. – А ну-ка, прекратите!

– Не бойся, дядька Никифор, – успокоил купца Мишка, – мы все по очереди так стояли, как видишь, дырок на нас нет. Роська, готов? Первый – слева от головы. Бросаю!

На первых двух бросках Роська моргал, потом собрался и стоял совершенно спокойно, только на лбу выступили капли пота.

«Есть характер у парня, впрочем, жизнь его пообтесала без скидок на возраст. Никифор на Вислу ходил пять лет назад, значит, в том бою Роське лет семь было. Как он на той ладье оказался? Впрочем, тут кого ни возьми, на основе биографии авантурный роман писать можно. Один Ходок чего стоит!»

– А вот и музыка пожаловала! – торжественно возвестил Ходок. – Здорово, Своята! Подзаработать хочешь?

«Художественный руководитель ансамбля» – тощий, кривобокий и сильно прихрамывающий дядька

– производил впечатление отнюдь не музыканта, а скорее злодея с садистскими наклонностями. И голос у него оказался под стать внешности – злой, каркающий.

– Это смотря сколько положишь, Ходяра, пока что на сегодня ты нас без заработка оставил. Только народ на торгу нас послушать собираться начал, а тут к тебе иди!

– Ага! Так бы ты и ушел, если бы слушателей набралось. Впустую дудели, как и вчера. Но если ты такой гордый – вот тебе веверица за беспокойство и топай назад, других найдем!

– Засунь свою веверицу знаешь куда... Говори, зачем звал?

– А зачем тебя звать можно? Не на рожу же твою любоваться! Играть будешь. Здесь – под крышей, с удобством, не то что на торгу.

– Свадьба, что ли?

– Нет, похороны. Покойникам, вишь, сплясать напоследок захотелось.

– Тьфу! Балаболка ты, а не Ходок! Дело говори!

– Не, Своята, передумал я, ты своей рожей мне всех зрителей распугаешь, бери веверицу и проваливай!

«Худрука» аж затрясло от злости, казалось, еще немного – и он бросится на Ходока с кулаками.

– Кончай изгаляться! Говори, зачем звал!

– А ну-ка, утихни! – командный голос у Ходока был поставлен что надо, Своята даже голову в плечи втянул. – Ты не в кабак пришел! Вот хозяин Никифор Палыч стоит, ты даже поздороваться не подумал! Еще про работу ничего не знаешь, а уже про плату толкуешь! На хрен ты такой здесь нужен?

Своята сразу же заметно притих, сдернул шапку, поклонился Никифору.

– Здрав будь, Никифор Палыч, не серчай, не заметил тебя сразу. Чего пожелаешь? Мы всякую музыку играть можем: хочешь – веселую, хочешь – жалостную, ежели в застолье...

– Играть будешь то, что вот они тебе скажут, – Никифор указал на Ходока и Мишку. – Играть будешь здесь каждый день с завтрашнего дня. Ученики княжих ратников будут представлять воинское учение, зрителей пускать будем за плату. Твоя доля с той платы – двадцатая.

– Пятая!

– Пшел вон!

– Седьмая!

– Сенька! Зови холопов, гоните их в шею!

– Десятая, хозяин, помилосердствуй, мне же музыкантов кормить надо!

– На торгу ты за неделю не заработаешь того, что здесь за день...

Пока шла торговля, Мишка рассматривал «ансамбль», благо музыканты держали инструменты в руках, и было сразу понятно, кто на чем играет. У двоих пареньков, по виду его ровесников, были костяные рожки, у третьего – деревянная флейта, или что-то на нее сильно похожее. Дядька средних лет приволок здоровенную деревянную трубу, видимо, предназначенную исполнять басовую партию, а у молодого парня – Мишка чуть не сел от удивления, оказался ксилофон – закрепленные на раме деревянные плашки разного размера. Сам «худрук» держал под мышкой бубен, и еще что-то круглое было у него в мешке.

Вид у музыкантов был весьма потрепанный и откровенно голодный. То ли дела шли неважно, то ли «худрук» был скупердяем, а скорее всего – и то, и другое.

Мишка подошел к оркестру, поздоровался, в ответ получил торопливые униженные поклоны.

«Да, ребята, чувствуется, затюканные. Начальник у них – еще та сволочь. Может, из-за его дурного характера и бедствуют? Актер все-таки должен быть легок в общении, весел, насколько можно, симпатичен, а на этого смотреть тошно. Надо их подальше от зрителей посадить, чтобы... как в настоящем цирке! Как же им про музыку-то объяснять? Может, сами сообразят?»

– Я не знаю, что вы умеете играть, – обратился Мишка к музыкантам. – Поэтому давайте так: я буду показывать, что мы делаем, а вы подбирайте к этому музыку. Понятно?

– Понятно, хозяин, подберем.

– Я не хозяин, ну, ладно, неважно... Вот смотрите для начала.

Мишка вытащил кинжалы и принялся жонглировать. Музыканты обернулись на Свояту, видимо темп обычно задавал своим бубном он, но худрук был целиком поглощен процессом торговли. Мужик с трубой взял руководство на себя.

«Бу-бу-бу-бу» – загудела труба, точно поймав ритм полета кинжалов, тут же вступили рожки, затянув что-то протяжное, но это оказалось лишь звуковым фоном. Флейтист некоторое время помолчал, потом, переглянувшись с хозяином «ксилофона», заиграл что-то веселое, снайперски попав в настроение полета клинков, тут же вступил «ксилофонист». Получилось просто здорово!

– А ну, кончай! Мы еще о цене не договорились! – Своята орал препротивнейшим голосом, музыку как ножом обрезало. – Эй, сопляк! Ты, который с ножами, а ну, отойди!

– Я тебе не сопляк, а Михайла Фролыч! Понял, пень корявый?

– Ой, неужто боярин? – Своята являл собой воплощение сарказма. – А может, князь? Я-то и не разобрал сослепу!

– Я – княжий ратник в восьмом колене! Андрей, объясни ему!

Немой ухватил Свояту за шиворот и, приподняв в воздух, крепенько встряхнул. Мишка подскочил к нему, глянул в наливающееся кровью лицо.

– Еще раз вякнешь, пес, уши до жопы натяну! Понял?

– Эк-кх-кх, – «худрук» задышался, пытаясь дотянуться ногами до земли, но Немой, без всякого видимого усилия, продолжал держать его на весу.

– Понял или не понял?

– Д-д...

– Отпусти его, Андрей.

Своята коснулся ногами пола и судорожно втянул в себя воздух. Мишка дождался, пока «худрук» отдышится, и снова повторил вопрос:

– Понял или не понял?

– Понял...

– Как меня звать?

– Михайла Фролыч.

– Иди, торгуйся дальше, а мне не мешай.

– Кхе!

Мишка совсем забыл про деда, спокойно сидевшего все это время в уголке, даже, кажется, подремывавшего. «Кхе!» было явно одобрительным. Тут же последовало и подтверждение от дядьки Никифора:

– А внук-то у тебя, Корней Агеич, себя понимает...

– Дык, воспитываем, Никеша. Кхе! Воспитываем, как же без этого?

«Блин, опять из образа вышел! И чего это я? Ну, мужик противный, ну, обозвал сопляком... Ничего особенного, с чего я завелся-то? Сорри, сэр, а музыку вы когда последний раз слышали? Еще ТАМ? То-то это пиликанье вас сразу за душу взяло! И тут это уродище кривобокое вам весь кайф обломало. Вот и причина! А ведь и правда – соскучился. Еще бы что-нибудь знакомое услышать, да откуда здесь... А оттуда! Ну-ка, попробуем!»

– Слушайте, а если я напою мелодию, сможете сыграть?

– Напой, хозяин! – один из рожечников сразу оживился. – Напой, мы новое быстро схватываем!

Парень забрал у флейтиста его инструмент и уставился на Мишку.

– Давай, хозяин.

– Ля, ля-ля-ля...

Мишка напел, в общем-то, несложную мелодию «Катюши».

Слух у музыканта, похоже, был абсолютным – уже второй куплет он воспроизвел безошибочно, на третьем вступил дядька с трубой и второй рожечник. «Ксилофонист» сначала выстукал мелодию отдельными ударами, а потом рассыпался дробью, Мишку чуть слеза не прошибла.

– Здорово, молодцы ребята!

Музыканты заулыбались, а Мишка вдруг всей кожей ощутил повисшую в амбаре тишину. Все палились на него, словно увидели впервые в жизни.

«Блин! Прокол за проколом! Позвольте вам заметить, сэр Майкл, вы совсем охренели. Это же, по нынешним временам, черт-те что и с боку бантик! Покруче, чем рок-н-ролл в пятидесятые годы. Помните, как деды тогда отреагировали? Причем не только у нас, но и в Штатах. Официальные запреты, судебные процессы, а в Советском Союзе так вообще пятнадцать суток наматывали, как за мелкое хулиганство. А ну как и ЗДЕСЬ то же самое будет? Да еще святые отцы... Все дело завалим!»

– Михайла, ты где это слышал такое? – озвучил общее недоумение Никифор.

«М-да, и на библиотеку отца Михаила не сошлешься».

– Да так, дядька Никифор... Само как-то придумалось. А что, плохо?

– Эй, парень... э-э Михайла Фролыч! А еще чего-нибудь такое знаешь?

– Ну, я не знаю... Можно попробовать... А зачем?

– Так ить! Да никто ж этого не знает! Да мы с этакой музыкой... – Своята прикусил язык, но было поздно.

Никифор тонкости момента не уловил, но Мишка просек ситуацию мгновенно.

– Дядька Никифор! Новая музыка денег стоит. Вы на чем сторговались? Если он мою музыку перенимать собирается, так еще долю срежай!

– Ха! А как же! – Никифор хищно осерился. – Не, Своята, я тебе с самого начала правильную долю назвал – двадцатую. Деньги получишь да еще и новую музыку узнаешь. И не торгуйся, даже и слышать

ничего не хочу!

Никифор и слыхом не слыхивал о таком звере, как авторское право, но наживу чуял нутром и своего не упускал. Торг пошел по новому кругу.

– Хозяин, – флейтист говорил шепотом, видимо для того, чтобы не услышал Своята. – Напой еще что-нибудь, твоему дядьке торговаться легче будет.

– А тебе-то какой интерес?

– Да ну его, сквалыгу, нам все равно ничего не достанется, только кормежка, а музыку не отнимешь, она всегда с нами. Ну, напой Михайла Фролыч!

– Погоди, подумать надо...

«Почему «Катюша» так сразу прижилась? Вернее, не так. Почему я с «Катюши» начал? Даже не задумался, само как-то выскочило. Значит, подсознательно был готов. К чему? К тому, что поймут и примут? Я ведь уже вжился в ЗДЕШНЮЮ жизнь, должен такие вещи чувствовать. Может, и чувствую, но не понимаю, а надо понять, иначе промахнусь. Чем «Катюша» отличается от остальных песен, вообще от всей музыки? Блин, консерватории не кончал, на гитаре только «блатные» аккорды знаю...

Тогда заходим с другой стороны: музыка – один из видов воздействия на человека, значит, разновидность управления, причем напрямую – без посредничества словесного или визуального ряда. Чем воздействие «Катюши» отличается... Ага! Есть две русские песни, которые знают во всем мире: «Катюша» и «Подмосковные вечера». Видимо, они универсальны, в том смысле, что «ложатся» на любой менталитет.

Так что же, «Подмосковные вечера» с ними разучивать? Нет, тут должно быть что-то еще. Когда была написана «Катюша»? Еще до Отечественной войны – в тридцатые годы. И сначала это была вовсе не солдатская строевая песня – ее исполняли с эстрады. Что тогда была за публика? Индустриализация, бурный рост городского населения... Вчерашние крестьяне, мягко говоря, не обремененные знанием мировой музыкальной культуры. То же, что и ЗДЕСЬ. Уже тепло!

Есть методика! Делаем обобщенный портрет слушателя и ищем аналогии между XX и XII веками! Патриархальное воспитание, крестьянский образ жизни, плюс военная тематика представления... Песни гражданской войны! А ну-ка!»

– Так, попробуем! Сначала, ты, – Мишка ткнул пальцем в сторону мужика с трубой. – Раз, два, три, четыре! – вместе с отсчетом Мишка взмахами руки задал «басу» темп.

«Бу-бу-бу» – загудела труба.

– Теперь ты, – Мишка обернулся к «ксилофонисту». – Делаеть так, как будто копыта стучат на галопе: тра, тра, тра.

– Теперь – ты! Ля, ля-ля-ля...

Белая армия, Черный барон
Снова готовят нам царский трон.
Но от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильнее!

– А теперь так: тра-ля, ля-ля, ля-ля...

Так пусть же Красная
Сжимает властно
Свой штык мозолистой рукой,

И все должны мы
Неудержимо
Идти в последний смертный бой!

– А вот ты, – Мишка обратился к одному из парней, играющих на рожках. – Попробуй сделать так: папа, па-па, па-пам! – Мишка попытался изобразить звук горна. – И представьте себе, когда играете: скачут по дороге ратники – копыта стучат, оружие звенит, шлемы на солнце блестят. Ну, сначала: раз, два, три...

Музыкантам мелодия явно нравилась, играли, что называется, с душой. Мишка чуть не запел вслух. В том углу, где яростно торговались Своята с Никифором, опять наступила тишина. Когда затихли последние аккорды, первым опомнился Никифор:

– Ха! Да за такую музыку ты вообще бесплатно играть должен и благодарить еще!

– Убивец! С голоду же передохнем! Десятая!

– Пятнадцатая и музыка!

– Хозяин! – подал голос приказчик Семен. – Плотники пришли, помост сколачивать.

– Ну вот, Своята, сам виноват! Видишь: уже и плотники пришли.

Причем здесь были плотники, Мишка не понял, но у торговли своя логика.

– Ладно, Никифор Палыч, двенадцатая часть и музыка. По рукам?

– Грабитель, людоед! Да что с тобой поделаешь? По рукам!

– Михайла... – Своята зыркнул глазами на Немого. – Михайла Фролыч...

– Просто Михайла, не чинись, – изобразил демократичность Мишка.

– Михайла, пойдем на улицу, тут сейчас стучать начнут, еще чего-нибудь новенькое напоешь?

– Вы это-то разучите.

– Разучим, я им покоя не дам, пока...

– Ты бы их покормил сначала, задаток-то получил? Смотри, аж синие все. Приходите после обеда, может, еще чего придумаем.

На выходе из ладейного амбара Мишка сквозь шум, производимый плотниками, невольно подслушал, как Никифор рассыпается в комплиментах:

– Ну и внуки у тебя, Корней Агеич! И скачут и стреляют, и науки постигли, и музыку сочиняют, а еще же и четырнадцати годов нет! Не то что мои обалдуи! И как ты их всему этому обучил-то?

– Дык, гм, это... Воспитываем помаленьку. Кхе!

«Кто бы мог подумать: в селе Ратном не только военный гарнизон имеется, но еще и цирковое училище с университетом и консерваторией. Чудны дела твои, Господи! Блин, прости меня грешного!»

Глава 2

Четыре дня представления шли с аншлагом. Ходок оказался великолепным режиссером-постановщиком и сумел растянуть действие на два отделения минут по двадцать – двадцать пять каждое. Перед началом и в антракте оркестр играл «Барыню», «Катюшу», «Синий платочек» и «Случайный вальс». Среди зрителей сновали торговцы лакомствами, «подставные» Ходока по ходу представления заключали самые дикие пари, Кузька вошел во вкус: кривлялся, показывал язык, падал, когда надо, и не падал, когда это не требовалось.

Своята «въехал» в драматургию представления, и музыка в нужные моменты умолкала совсем, или ее сменял тревожный рокот бубна. При каждом удачном попадании кинжала или болта Своята лупил в здоровенный медный таз, а по ходу всего представления оркестр лихо наяривал «Белая армия, Черный барон», «Три танкиста» и прочие шлягеры сталинских времен.

Концовку представления Мишка слизал с виденного еще в детстве выступления цирковой труппы кубанских казаков. Сделанный из ладейного паруса занавес распахивался, и на арену вылетала галопом Рыжуха, запряженная в тележный передок. На передке был укреплен шест, и, держась за него, в трехъярусной пирамиде стояла вся труппа. На втором круге на верхушке шеста разворачивалось алое полотнище Спаса Нерукотворного, и все это происходило под музыку «Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин».

Мишка сам балдел от происходящего и орал «Слава православному воинству!», как пьяный. Сказать, что публика была в восторге, значило не сказать ничего – зрителей обносили не только квасом, но и кой-чем крепче, и в конце представления ор стоял такой, что тряслись стены. Комментарии же, доносившиеся из зрительного зала, заставляли Никифора подумывать о запрете посещения представлений женщинами и детьми.

Духотища, образующаяся в амбаре под конец действия, казалось, позволяла вешать в воздухе не то что топор, а целую вязанку топоров. С ребят, которые выступали в кольчугах, переделанных для них Лавром из всякого старья, и войлочных поддоспешниках, пот лил ручьями. Но воинское учение есть воинское учение, дед в этом вопросе был беспощаден. Зрители тоже прели в шубах и тулупах, так что по степени «ароматизации» Никифоров ладейный амбар запросто мог соперничать с настоящим цирком.

* * *

Утром пятого дня дед объявил Мишке, что Никифор выполнил обещание, и сегодня купцы идут к епископу просить, чтобы скоморохов гнали с торга, а вместо них разрешили представлять воинское учение.

– Только вот сомнительно мне что-то, Михайла: не дай бог, придут попы представление смотреть, а там такое же, как вчера учинится. Под конец, я думал, амбар развалит!

– Дядька Никифор обещал, что специально народ поспокойнее пригласит, с детьми, с женами и разносить ничего крепче кваса не станут. И об заклад биться тоже. А я Кузьку накрутил, чтобы не кривлялся. И вот еще что, деда, в конце представления я тебя в круг приглашу: посмотрите, мол, вот сотник Кирилл, который смену христоробивому воинству готовит – наш учитель и благодетель. Ты приоденься, меч на пояс повесь, ну и прочее... Да что я тебе рассказываю, ты же при княжеском дворе бывал, все лучше меня знаешь.

– Знаю, конечно. Посмотрим, кто кого сегодня сильнее удивит?

– Это ты о чем, деда?

– А вот увидишь. Кхе!

Дед как в воду смотрел: на очередное представление появилась «идеологическая комиссия» с епископского подворья во главе с самим секретарем епископа иеромонахом Илларионом – горбоносый греком с военной выправкой и надменным выражением лица. Черноглазый, с черными, как смоль, волосами и остроконечной бородой, он, в соответствии с киношными стандартами, больше годился, как типаж, в слуги дьявола, а не Бога, но выбирать, разумеется, не приходилось.

Прибыл Илларион со свитой из четырех монахов, немного постоял перед входом, скептически оглядывая ладейный амбар и обмахивая сложенными перстами подходящих под благословение купцов с семьями.

Никифор стелился перед высокими гостями мелким бесом, платы за вход, разумеется, не взял, усадил на лучшие места, собственноручно притащил поднос с кувшином кваса и угощениями. Зрители чинно рассаживались по лавкам, усаживали жен, шикали на детей. Оркестр задушевно выводил:

Ночь коротка,
Спят облака
И лежит у меня на ладони
Незнакомая ваша рука...

Мишка выехал на арену, прокричал обычное «Мы не скоморохи, а ученики славных воинов...», но закончил нетрадиционно:

– Отче Илларион, благослови начинать!

Иеромонах благосклонно кивнул, оркестр грянул «А ну-ка, девушки, а ну, красавицы!» и представление покатило по накатанной колее. Зрители, многие из которых были здесь уже не впервые, в нужных местах ахали, в нужных местах аплодировали, дружно подхватывали «Слава православному воинству!», но было скучно. Женщины, а в особенности детишки, смотрели представление с удовольствием, но обычной лихости и веселья ни у актеров, ни у зрителей так и не появилось. «Идеологическая комиссия» одним своим присутствием словно бы вынула душу из залихватского, балансирующего на грани приличия и разумности зрелища.

В антракте за кулисы заглянул дед. Выглядел он, как говорится, на все сто. Поверх кольчуги, украшенной по вороту медными кольцами, надет синий суконный налатник, отороченный волчьим мехом, на голове такая же шапка, меч, подвешенный к наборному поясу из серебряных блях, на ногах красные сапоги.

Мишка глянул и почувствовал, что у него отваливается от изумления челюсть – сапог было ДВА!

– Ну что, Михайла, удивляешься?

– Деда, да как же это?

– А вот так! Кхе! Нашелся умелец, за деньги все можно сделать, разве только ногу новую не вырастить. Ну как?

– Хоть под венец! Ну, деда, удивил! Это ты для Иллариона, да?

– Для князя! Не хочу, чтобы он меня калекой посчитал. Хромой – одно дело, а безногий – совсем другое. А на иеромонахе попробуем – догадается или нет?

– Деда, а давай ты вместо Андрея кнутом пощелкаешь, когда мы скакать будем? Илларион сразу увидит, кто у нас главный. А в конце опять выедешь верхом, и мы твоего коня под уздцы прямо к нему подведем, вроде как почтительные ученики. Тебе далеко идти не надо будет.

– А ты думаешь, зачем я вырядился? И не бойся, когда ты с завязанными глазами на звук стрелял, поп даже рот раскрыл. Потом у Никифора спросил, не просвечивает ли тряпка? Удивил ты его, это к добру.

Мишка по ходу представления все время посматривал на Иллариона, но тот сидел с каменным выражением лица, никак не выражая своего отношения к происходящему. Отрытого рта иеромонаха Мишка, естественно, не видел из-за завязанных глаз, но во втором отделении эмоции епископского секретаря еще раз прорвались наружу.

Когда ребята на полном скаку, начали метать кинжалы в стоящего у щита Роську, несколько женщин, как водится, ахнули. Это было обычно, и Мишка не обратил внимания, но когда он глянул в сторону «идеологической комиссии», то чуть не вывалился из седла от удивления. Илларион подался вперед, даже, кажется, слегка приподнялся с лавки, ощерился, и лицо его приняло какое-то хищное выражение. Мишка готов был поклясться: монах ждал, когда прольется кровь! По окончании номера Илларион откинулся назад и, впервые за все представление, несколько раз несильно хлопнул в ладоши.

«Ни хрена себе! Он что, ждал, что мы Роську зарежем? Даже вроде разочаровался. Ну да, он же византиец! В Константинополе всякого навидался и попробовался, святоша. Острых ощущений ему у нас не хватает, паскуде! Учить нас жить явился, а сам...»

Представление закончилось, Кузьма с Демьяном подвели дедова коня к самому барьеру, дед лихо соскочил наземь, подошел под благословение, ребята скромно отошли в сторонку.

Илларион, сохраняя непроницаемое выражение лица, что-то спрашивал, дед с Никифором, почтительно склоняясь, отвечали. Разговор почему-то затягивался. Неожиданно Никифор обернулся и замахал рукой, подзывая Мишку.

– Это ты музыку придумал? – Илларион говорил по-славянски почти без акцента, вопрос задавал, не глядя на Мишку, вроде бы безразличным голосом. – Почему такую?

– Так других музыкантов нет, отче.

– Я не о том. Зачем нужна музыка, которой до сих пор не было?

– Потому, что у нас все – против скоморошества, отче. Они кривляются, мы – воинское учение показываем. Они Кошуну языческие поют, мы – славу православному воинству возглашаем, у них девки-плясуньи, у нас – ни одной бабы нет. Так же и с музыкой: она не должна на скоморошеское пиликанье ни в чем походить.

– А совсем без музыки что – нельзя?

– Можно, отче, но мы считаем себя обязанными в каждом элементе скоморохам противостоять.

Илларион наконец-то глянул на Мишку, кажется, даже с интересом.

– Слово «элемент» знаешь? И смысл его? Откуда?

– Священник наш – отец Михаил – обучает. Он всех детей учит, но со мной особо занимается.

– Чем?

– Святое Писание растолковывает, о древних философах рассказывает... много всякого. Вот и про скоморохов он посоветовал.

– Что посоветовал?

– Что только изгнать скоморохов – мало. Миряне на развлечения падки, что-нибудь другое появится, может, еще более мерзкое. Значит, надо не просто изгнать, а заменить, да так, чтобы и щелочки не осталось, через которую они вернуться могли бы. То есть в каждом элементе.

– И ты думаешь, что у тебя это получилось?

– Нет, отче, не во всем. К этой музыке еще слова нужны – скоморохи-то поют. Но к стихосложению способностей не имею и знакомых таких пока нет. Однако и Рим не сразу построился, скоморохи сотни лет существуют, а мы только начинаем. Со временем все у нас будет, с Божьей помощью и пастырским наставлением.

– Со временем... – Илларион слегка повернул голову к сопровождающим его монахам. – Михаил?

– Славянин, боярского рода, учился в Киеве, потом в Царьграде, совершил паломничество в Иерусалим. Проявил способности к наукам, отыскал и перевел несколько древних текстов, за что был удостоен...

– Почему тогда он – и в отдаленном селе? Ладно, потом.

«Это кто ж такой? Зам по кадрам или «особист»? Прямо как досье цитирует».

– Ты, отрок...

– Михаил, отче.

– Гм, тоже Михаил? Так вот, Михаил, не думал ли ты о том, чтобы стать, как тезка твой и учитель, слугой Божиим?

– Думал, отче, но, прости за дерзость, иначе, чем отец Михаил.

– Как иначе?

«Похоже, козел константинопольский заинтересовался... Ну, ловись, рыбка, большая и маленькая!»

– Я, отче, восьмое колено воинского рода, потому и мыслю, как воин... В войске крестоносцев, которое Гроб Господень освободило, многие рыцари пожелали служить Господу, но с оружием расставаться не захотели. Так появились рыцарские ордены, которые никому, кроме папы римского, не подчиняются. Страшная сила в руке Католической церкви.

Вот бы и Православной церкви такой иметь. Можно было бы и княжеские усобицы пресечь, и драчливых соседей образумить, и новые земли под руку истинной веры привести.

– Все прочь.

Сказано было негромко, но так, что через несколько секунд Мишка с Илларионом остались с глазу на глаз. Дед с Никифором и сопровождающие Иллариона монахи удалились на почтительное расстояние.

«Есть контакт! Ключнул грек!»

– Откуда мысли такие, отрок Михаил?

– Прости, отче, неприятные вещи придется говорить.

– Считаю, что ты на исповеди. Тебе сколько лет?

– Тринадцать, отче. Я понимаю, странно от мальчишки такие речи слышать, но я – старшина Младшей стражи и...

– Что за Младшая стража?

– Когда наша сотня на рать уходит, кому-то надо село охранять. Кругом язычники, и граница с Волынью рядом. Вот Младшая стража из мальчишек и набирается. Для того и самострелы, и воинское учение. Этому обычаю уже больше ста...

– Понятно, так что ты говорил...

– Я – старшина Младшей стражи, а когда людьми командуешь и от тебя зависит безопасность почти пяти сотен людей, мыслить по-детски нельзя.

– Да нет же! – Илларион досадливо поморщился, и это было первым проявлением эмоций за весь разговор. – Что ты про неприятные вещи говорил?

– Рюриковичи землю делят, растаскивают Русь по кускам. Наша сотня еще Ярославом Мудрым здесь поселена, и никто не знает, на чью сторону мы встанем, если Туров от Киева отложиться надумает. Когда сотник Кирилл от ран еще не оправился, великий князь Владимир Всеволодович над сотней своего боярина поставил, а тот сотню чуть не под полное истребление подвел, чудом спаслись. Есть у ратников подозрение, что сделано это было намеренно. Сейчас сотник Кирилл здоров, ты, отче, сам видел, но в покое нас не оставят. Вот если бы мы, как орден, мирским властям не подчинялись, а только Церкви...

– Тринадцать лет... В каком возрасте у вас ратниками становятся?

– В шестнадцать или в семнадцать, отче, как выйдет.

– Значит, через три или четыре... – Илларион помолчал, потом неожиданно спросил: – сотником, наверно, стать хочешь?

– Ну, не сразу... И должность эта не наследственная, а выборная.

– А если под рукой Церкви окажетесь, будет назначаемая. Понимаешь меня?

– Да, отче, понимаю. Только с благословения Святой Церкви...

– О нашем разговоре – никому. Деду твоему должность сотника вернем. Феофан!

– Слушаю, брат Илларион, – «особист» вырос за плечом иеромонаха, словно и не отходил вместе со всеми в сторону.

– Передашь тысяцкому: скоморохов с торгоу гнать нещадно! – распорядился Илларион. – Отрокам на торгоу представлять невозбранно и... с музыкой.

«Однако! «Нещадно» это значит, что можно даже убивать. Византиец, он и на Руси – византиец».

– Но владыка... – попробовал что-то возразить Феофан.

– С его преосвященством переговорю сам! – перебил недослушав Илларион. – Сотник Кирилл!

– Здесь, отче! – дед бодро прихромал из ближнего угла амбара.

– За внука хвалю! Правильно воспитываешь. С князем увидишься, обещаю. Храни вас Бог!

Никифор пошел провожать Иллариона со свитой, а дед сразу же прицепился к Мишке с расспросами.

– Деда, потом, не при мальчиках. Ребята! Иеромонах одобрил! Разрешил на торгоу представлять! Поздравляю, наша взяла!

* * *

Вечером дед с Никифором взяли Мишку в оборот.

– Чего он от тебя хотел? Про доходы выпрашивал, на десятину намекал? – беспокоился Никифор.

– Да причем тут десятина, Никеша? – дед небрежно махнул ладонью. – Ты слышал, о чем разговор зашел, когда он нас отослал? Михайла, что ты там про ордена какие-то толковал?

– Он не велел никому рассказывать, деда.

– Михайла, да ты что? – возмутился Никифор. – Мы же не чужие!

– Дядька Никифор, Илларион – грек, любит секреты разводить. Не дай бог, проговоришься где, а до него дойдет. Сам же и пострадаешь.

– Ха! Михайла, не знаешь ты, как купцы тайны хранить умеют. Да если б я болтуном был, давно бы по миру пошел! Давай, давай, рассказывай, про доходы с представления он не выпрашивал?

– Да не интересуют его деньги! Вы сами подумайте: он же, по его разумению, в глушь страшную попал, скучотища тут – ни блеска цареградского, ни политики, ни заговоров, ни возможности возвыситься. А попал-то надолго, зря, что ли, язык наш вызубрил? А тут рыцарский орден православный. Появилась надежда власть заполучить, возвеличиться, силу в своих руках иметь, князьями повелевать! Он же в этом увидел возможность любимым делом заняться! Ну и что, по сравнению с этим, твои несколько гривен?

Деда, конечно же, больше интересовали не финансовые соображения, а военные.

– И где же он народу для своего ордена наберет?

– А он, деда, для начала, на нашу сотню глаз положил.

– Да какие же мы рыцари? Видел я этих риттеров! Дурак дураком: из лука стрелять не учится – зорно благородному, ни читать, ни писать не умеет, в бане не моется, живет в башне, а рядом деревенька с десятком холопов. А гонору-то, гонору! Воинского строя не признают, каждый сам по себе.

– Нет, деда, это не орденские рыцари. Те и грамотные, и дисциплина у них железная, без всякого гонора, и богатства они в орденских замках держат несметные. А сильнее их войска ни у одного короля нет, потому что их всю жизнь заставляют в воинском деле упражняться и быть постоянно в готовности.

А мы, по понятиям латинских стран, самые рыцари и есть. Податей не платим, живем ратной службой, роды свои до десятого и более колена считаем, холопов имеем право держать, земли и угодья свои мечом добыли. По латинским понятиям – благородные люди. Только у нас обычай другой. Там пяток деревень, городишко захудалый – и уже граф или герцог, а если городишек штук пять или шесть – король. А у нас земель не меряно, города, села, деревни, леса, реки, поля, а всего лишь князь, даже меньше герцога. Вот и мы, по латинским понятиям – сотня рыцарей, этого на целое герцогство хватит, а то и на королевство, а живем в одном селе.

– И как же он нас хочет в орден переделать?

– Не знаю, да он и сам, наверно, еще не знает, но придумает наверняка. Орден – дело добровольное, значит, чем-то нас соблазнять придется. Пусть попробует, да он уже и начал: представление одобрил, тебе встречу с князем устроить обещал. Будет и дальше обхаживать. Больше ему рыцарей взять неоткуда, у князя дружину не отберешь.

– Кхе! Так под это дело мы у него чего хочешь выторговать сможем! Только вот подчиняться долгогривым... Под князем все же почетнее, хотя нынешние князья... – дед как-то непонятно не договорил, потом вздохнул и подвел итог. – Обмозговать это все надо, как следует, может, еще и не выйдет из этого ничего? Князьям такое дело – поперек горла. Короли-то, поди, тоже ордена не жалуют?

– Вот потому-то Илларион и велел молчать. Если его задумка заранее откроется – не сносить ему головы, ни сан не спасет, ни епископ не заступится.

«Да, сэр, наживку вы насадили смачную. Стать во главе ордена и напрямую подчиняться только первому лицу! А что до опасности, то это же его стихия: интриги, заговоры, хождение по лезвию бритвы, но с такой заманчивой перспективой! Наверно, уже представляет себе, как «дикие славянские князьки» на пузе перед ним ползают и как на равных разговаривает с самим патриархом константинопольским. Но сволочь же первостатейная, мочить придется, рано или поздно. И русского на его место ставить. Вот для Константинополя геморрой образуется! Аж представить приятно».

Трудовые будни начались уже на следующий день. Мишка даже и подумать не мог, насколько это тяжело – два представления в день. Пусть на торгу и выступали по сокращенной программе – яркое весеннее солнце и ветер заставили отказаться от всех номеров с огнем – но к вечеру вся труппа буквально валилась с ног от усталости. Праздники казались бесконечными.

Никифор же ни в какую не желал отказываться от вечерних представлений в амбаре и даже намекал, что неплохо бы выступить на торгу дважды в день. Слава Богу, дед понял, что внуки такой нагрузки не выдержат, и в конце концов просто наорал на свояка, утратившего чувство реальности. Никифор, наверно, все-таки вернулся бы к этой теме – характер у него был упрямый, но через несколько дней практика подтвердила дедову правоту. Кузька доигрался-таки и навернулся с лошади так, что потерял сознание. Дед объявил следующий день выходным.

Продрыхнув до полудня, Мишка в компании Демки и Роськи отправился на торг. Дед не поскупился и отсыпал парням аж пять резан. Десятая часть гривны, для отроков – целое состояние!

– Гуляйте, ребята! Подарки для родни и, – дед хитро глянул на Мишку, – кхе, знакомых, будем выбирать в последние дни торга, тогда все подешевле будет.

Роська, ориентировавшийся на торгу, как у себя дома, сразу же потащил приятелей туда, где торговали сладостями. Мишка с изумлением увидел на прилавках не только всякие пряники, орехи в меду и прочие изделия из даров местной природы, но и курагу, изюм и даже финики.

«Вот вам, сэр, и экономическая география! Это ТАМ Туров всего лишь поселок городского типа, а ЗДЕСЬ, похоже, торговый центр не из последних. А ведь и верно: «из варяг в греки» можно же и по Висле, Бугу, Припяти и Днепру ходить. Или еще как-то в этом роде, через Неман, например. Вовсе и необязательно через Новгород. А Туров и Пинск на Припяти и стоят, только на разных берегах. Никифор пять лет назад как раз на Вислу лады гонял. Да, богатое место. И епископ свой. Епископии далеко не в каждом княжестве учреждены. В некоторых даже архимандритов нет. Что же с ним потом-то случилось? Татары выжгли или поляки проход в Вислу перекрыли? Вообще-то эти места через полтора-два века, кажется, должны Литве отойти. В учебнике истории про Турово-Пинское княжество всего пара строчек. Эх, больно уж быстро пришлось из XX века линять, а то посидел бы в библиотеке, поерзал бы по Интернету, накопил бы информации. Обидно, блин!»

– Роська, а где здесь красками торгуют? – Мишка вспомнил, что собирался добыть в Турове серебрянку.

– А какие нужны?

– По дереву, под лак. Видел у нас матрешек размалеванных?

– Ага! Ходок говорил, что один лях у Никифора сразу полсотни купил!

«Однако, сэр Майкл! Похоже, вы с бизнес-планом не промахнулись! Продукция уже и на экспорт пошла».

– Слыхал, Демка? – Мишка пихнул Демьяна в бок. – Поедут наши матрешки в Польшу.

– Не-а, – тут же обломал кайф Роська, – тот купец в Киев собирался.

– Ну и ладно, в Киев, так в Киев. Так где тут красками торгуют?

– Это к богомазам надо, вон туда. А у них спросим, где краски берут.

Иконописцев оказалось всего двое, и Мишкин вопрос им почему-то не понравился – ответили они без охоты и как-то невнятно, мол, краски разные бывают и брать их можно тоже в разных местах.

– А серебрянку где взять можно?

– А это, парень, тебе и совсем не по карману – дорогое удовольствие.

– Я же вас не о цене спрашиваю, а где купить, трудно ответить, что ли?

– Ну и ступай себе с богом, если с нами разговаривать не нравится!

– Чего вызверились на парня? – раздался за спинами ребят мужской голос. – Не для соперников ваших он краски ищет – игрушки раскрашивать!

Миша обернулся на неожиданного заступника и увидел «особиста» Феофана, всего такого гладкого, благообразного, прямо-таки лучащегося дружелюбием и благорасположением.

– Здравствуй, отрок Михаил! Удивляешься, откуда я про твои нужды знаю?

– Здравствуй, отче, – Мишка почтительно склонился и принял благословение. – Не удивляюсь, мне кажется, ты вообще все всегда знаешь!

– Что ж поделаешь, – Феофан развел в стороны руки, развернув их ладонями в сторону Мишки и слегка склонил голову, – служба у меня такая, отрок.

«Точно – особист. Поза смирения, как по учебнику. И про матрешек уже вызнал, следит он за мной, что ли?»

– А куклки у тебя хороши, – продолжил добросердечным голосом «особист». – Я одну купил, племяннице в Чернигов отошлю. Хорошо, что я тебя встретил, поговорить с тобой хотелось бы, или ты занят? А то давай я тебе покажу, где краски купить можно, а по дороге и побеседуем. Согласен?

«А что, я могу не согласиться?»

– Спасибо, отче. Я только ребятам поручение дам. Роська, вот тебе резана, купи нашим музыкантам еды хорошей, а то Своята, скупердяй, их дрянью всякой кормит да и то – не досыта.

– Так много резаны-то, – расчетливо возразил Роська. – Обожрутся!

– А ты получше что-нибудь выбери да посытнее, пусть у ребят праздник будет да не на один день. Великий пост скоро, а они тощие, чуть ли не ветром качает.

– Ладно, купим, а встретимся где?

Мишка задумался – города он не знал, но Феофан тут же пришел на выручку:

– А мы с Михаилом вас у камнерезов ждать будем. Знаешь, где это?

– Знаю, отче, мы быстро! – Роська ухватил за руку Демьяна и целенаправленно ввинтился в рыночную толчею.

Феофан проводил ребят глазами, повернулся и повел Мишку совсем в другую сторону.

– Ты, Михаил, как вернешься в Ратное, поклон от меня вашему священнику передай, мы с ним друзья старинные – еще в Царьграде вместе учились. Как он, благополучен ли?

– Плох он, отче, болеет, кровью кашляет, а лечиться не желает. Я хотел отца Иллариона просить, чтобы он пастырское увещание отцу Михаилу послал, да не решился.

– Чего же не решился-то?

– Наша лекарка говорила, что отцу Михаилу для выздоровления питаться хорошо нужно, в тепле и покое жить. А кто же монаха от постов и бдений молитвенных разрешит? Вот и не решился.

– И что, сильно он болен? Да нет, я понимаю! – Феофан, в ответ на удивленный Мишкин взгляд,

умиротворяюще выставил перед собой ладонь. – Здоровые люди кровью не кашляют, но по-всякому же бывает.

– Сильно, отче. Лекарка сказала, что если весну переживет, то беда осенью случиться может – когда сыро. А у него в доме не топлено, не прибрано, питается, как цыпленок. Не был бы он чернецом, за ним бы жена присмотрела, а так ему даже и прислугу-то иметь не положено.

– Даже так? Если весну переживет... – Феофан выглядел не на шутку обеспокоенным. – Так и сказала? А лекарка-то у вас хороша?

– Очень хороша, в воинском поселении другую бы и не держали.

– Да, вы же ратники все... – Феофан о чем-то задумался, машинально теребя пальцами крест на груди.

– Отче, а это правда, что отец Михаил боярского рода?

– Что? – монах не сразу сумел оторваться от своих мыслей. – Да, правда, и очень древнего, еще от Скревы свой род считают – от прародительницы кривичей. Знаешь, откуда названия славянских племен взялись: поляне, древляне, северяне и прочие?

– Нет, не слыхал.

– Ну, спроси у Нинеи, ты ведь с ней встречаешься?

«Что, товарищ майор, пошли гебистские штучки? Ну, ну...»

– Она мне жизнь спасла – раненого, без памяти в лесу подобрала!

– И что, сильная она ворожея? Как думаешь?

«Что я думаю – мое дело, а вы, товарищ майор, и «дезой» обойдетесь!»

– Думаю, что слабая.

– Да? А почему?

– У нее вся деревня во время морового поветрия вымерла, а она ничего сделать не смогла, и меня лечить лекарку из Ратного позвала. А еще с отцом Михаилом не справилась...

– Что?!! – Феофан схватил Мишку за плечо и вперился ему в глаза испуганным, как показалось Мишке, взглядом. – Он с ней встречался?!!

– Да, а что...

– А вот и краски твои, – «особист» мгновенно справился со своим не то испугом, не то удивлением. – Тебе какая нужна?

– Серебрянка, алая, черная, но больше всего – серебрянка.

«Блин, да что ж такое-то? Какие у отца Михаила могут быть заморочки с местным ГБ? Да еще Нинея... Вообще-то они оба представители очень древних боярских родов... Что, христианские «безопасники» опасаются сговора? Бред! Отец Михаил фанатик, а Нинея язычница, к тому же она древлянка, он кривич, а кривичи всегда от остальных славян немного особняком держались. Впрочем, Иисус говорил: «Царство мое не от мира сего, нет в нем ни эллина, ни иудея», а для Константинополя мы все одинаковые – дикие русы. Опасаются, что у отца Михаила славянские корни возобладают над христианским воспитанием? Идиоты!»

– Здорово, Антип! – бодро возгласил Феофан, обращаясь к человеку, который сидел на лавочке возле обширного то ли сарая, то ли амбара, стоящего на самом краю торговой площади. – Вот отроку серебряная краска нужна, дорого ли возьмешь?

Антип оказался тощим, мосластым дядькой с длинной, но неровной, словно оборванной по нижнему краю бородой. Мишке его внешность почему-то показалась очень знакомой, он напряг память и чуть не ахнул: Антип был почти точной копией одного из персонажей фильма «Неуловимые мстители» – бандита, охранявшего запертого в баньке «засланного казачка» Даньку.

При виде Феофана Антип даже и не подумал встать или каким-либо иным образом выказать уважение подошедшему священнику.

– Здорово, Фенька! Цена известная: за серебро – серебром!

– Ну ты не жадись, парень-то хороший!

Феофан как будто и не заметил фамильярного обращения «Фенька».

– Видел я этого парня на торгу. Здорово ножи мечет! Да только цена для всех одинаковая, и для хороших, и для плохих, и... для твоих.

«Здорово напоминает встречу оперативника с агентом, как это в кино показывают. Только вот кто тут над кем начальник? Старик явно хамит, а Феофан – ни гу-гу. Такой ценный сотрудник, или еще что-то? Да пошли они все... Мне только этих проблем не хватало!»

– Да что ты, ей-богу, Антип! Парень – ученик дружка моего старинного, Михаила. Я его случайно встретил, он краски искал.

– Конечно, случайно, а как же... Постой! Это какого же дружка Михаила? Это который...

– Почем краски, я спрашиваю! – ласковость и улыбчивость с Феофана как ветром сдуло, и Антип отреагировал адекватно – заткнулся на полуслове, выдержал чуть заметную паузу и спросил уже совсем другим тоном:

– Гм... А много ль надо?

– Тебе сколько, Михаил?

– Да я и не знаю, посмотреть бы.

Сарай, возле которого сидел Антип, оказался складом. Чего там только не было! Даже при самом тщательном размышлении невозможно было определить, на торговле каким именно товаром специализируется хозяин всего этого богатства. Самой подходящей, на Мишкин взгляд, версией была скупка краденого. Тот же факт, что у «особиста» Феофана имеются какие-то особые отношения с барыгой, пожалуй, не опровергал, а подтверждал это предположение.

Впрочем, как следует оглядеться в Антиповых закромах Мишке не удалось – нужная краска нашлась недалеко от входа. На вид она выглядела, как та же алюминиевая пудра. Мишка выпросил, на чем ее разводить, какую поверхность можно выкрасить количеством краски, помещающейся в горшочек размером примерно со стакан, долго ли будет сохнуть. Получалось вполне приемлемо, хотя цену Антип заломил, несмотря на многозначительное покашливание Феофана, немилосердную. Мишка поблагодарил и обещал зайти позже с деньгами.

– Ну, а теперь пошли к камнерезам, – даже и не подумав попрощаться с Антипом, сказал Феофан. – Если мой заказ выполнили, я тебе такую красоту покажу – ахнешь!

Мишка действительно ахнул. Красотой оказались шахматы, вырезанные из зеленого и розового камня, кажется, из яшмы – в геологии Мишка был не силен, но работа и в самом деле – загляденье.

– Вот, Михаил, смотри, – Феофан взял в руку пешку. – Ты пока невелика фигура, но скоро станешь ратником, – в руке у Феофана появился конь. – Или в купцы подашься? – на ладони монаха конь сменился

ладьей.

«Да что они все – как Чапаев? Тот Петьке тактику конницы на картошке объяснял, Ниней процесс познания человеческого характера – на матрешках, этот карьерные перспективы – на шахматах. Сговорились, что ли?»

– Парень ты способный, поэтому в рядовых, что на воинской, что на купеческой стезе, не задержишься, – продолжал «особист». – Станешь сотником или в первую купеческую сотню выбьешься, – Феофан поднял с доски слона. – Но на воинской стезе можешь и до боярина дорасти, – указательный палец «особиста» лег на макушку фигурки ферзя. – Только не ошибись, когда будешь выбирать, на какой стороне доски оказаться!

«Понял вас, товарищ майор. Интересно, это ваша собственная инициатива, или Илларион меня вербануть приказал? Что же ты, отче Михаил, про меня дружку своему отписал такого, что местное ГБ на меня глаз положило? Версий может быть куча: нужен зачем-то выход на Ниню, требуется иметь глаза и уши в ратнинской сотне, «прижилась» идея с Православным рыцарским орденом и т. д., и т. п. Вообще-то, игрушки кончились, он со мной на полном серьезе работает. Отмазаться, скорее всего, не выйдет, да и не в моих интересах, но пешкой в ваших руках, товарищ майор, я быть не собираюсь. Не в СССР живем, в конце концов. Антип, кстати сказать, очень наглядно это показал».

– Понимаю тебя, отче: если придет человек и покажет мне шахматную фигурку, значит, он от тебя, а если мне понадобится что-то тебе передать, то надо не на епископское подворье идти, а сюда. Или к Антипу? Только не рано ли ты меня обхаживать начал – мне ведь всего тринадцать?

– Вот и мы с Михаилом думаем: всего тринадцать, а такой разум. И поведение тоже. Не странно ли?

«Ну, сейчас посмотрим, «какой ты Сухов»».

– Тебе-то ладно, отче, а отец Михаил мог бы и понять – все-таки он древнего рода боярин, хоть и монах. Я – восьмое колено воинского рода! За моим дедом сотня латников, по европейским понятиям он – граф, а земель в его графстве не меньше, чем в герцогстве Нормандском. Про Вильгельма Нормандского слышал, конечно?

Мишка выпрямился, задрал подбородок и, слегка оттопырив нижнюю губу и сощурив глаза, сначала смерил Феофана надменным взглядом с ног до головы, а потом уставился тому в глаза.

«Вот так, «товарищ майор», нужным образом выстраивать невербальный ряд и мы умеем. Если ты из худородных...»

И Феофан дал-таки слабину! На секунду, на краткий миг вильнул глазами в сторону и превратился в простого мужика, наряженного монахом.

«Так и есть: из смердов или из городской голытьбы, а может, и в холопах побывал, даже константинопольским воспитанием этого до конца не вытравишь. Вот Илларион – да, чувствуется в нем порода, а этот зубами и ногтями из самых низов выдирался. «Орел наш дон Рэба». Эту сцену он мне до конца жизни не забудет, но буром переть теперь поостережется. Есть у древних родов нечто, для простолюдинов непостижимое, я про это тоже мало что знаю, но про пассионарность читал. Вы же, товарищ майор, в этих вопросах – дуб дубом, а потому генералом вам не быть! И никакой вам отец Михаил не друг, правильнее сказать – буксир. Тащил он вас за собой по доброте душевной или... Стоп! Древнего боярского рода, значит мог быть у Михаила мальчишка в услужении! Выучился вместе с хозяином, принял сан... Риск? Да, риск, но, как говорится, кто не рискует, тот... а шампанского-то еще нет!»

– Ты думаешь, умрет благодетель твой в глухом селе, и все забудется? По-твоему, Мы не знаем, кто

есть кто?

Феофан удар выдержал – школа жизни у него была такая, что не приведи Господь, однако точность попадания Мишка заметил.

– О чем ты, отрок?

– О делах наших скорбных, отче. Я от долга христианского не отказываюсь и святой православной церкви послужить готов всегда, но и пешкой ни в чьей игре быть не собираюсь!

– Вот и правильно, вот и молодец! – не очень натурально похвалил Мишку Феофан. – Но жизнь по-всякому повернуться может, вдруг тебе помощь понадобится? Теперь знаешь к кому обратиться, что же здесь плохого?

«Поплыл «товарищ майор» – то «молодец», то «что же здесь плохого?» А я о плохом ничего и не говорил, это он не мне, а мыслям своим отвечает. Достал я его! Ну, и чему радуется, сэр? Он всего лишь своим жизненным опытом пользуется, хотя и богатым, а вы из одного только телевизора столько дерьма зачерпнули, что по нынешним временам на три жизни хватит и еще останется».

Феофан, впрочем, оправился очень быстро – снова сделался благообразным и улыбчивым.

– А наставнику твоему, Миша, поможем: будет ему грамотка от епископа с увещанием и разрешением... ну, хотя бы, от части обетов, на время болезни. А старосте вашему... как его зовут?

– Аристарх.

– А Аристарху я сам отпишу, чтобы женщину подобрал – в церкви прибираться, а заодно и за домом настоятеля приглядывать, хозяйство его вести. Греха в том нет. Отвезешь грамотки-то?

– Отвезу, конечно!

– Вот и ладно.

Феофан был – сама ласковость и благорасположение. Ну, так ведь и у кошки лапки мягкие, пока когти не выпустит. Знал Мишка цену такой ласковости еще по ТОЙ жизни. И нисколько не обольщался разницей в девять веков – ЗДЕСЬ цена была такой же.

– А вот и друзья твои идут, – умилился «особист». – Еды-то накупили, музыкантам твоим на неделю хватит! Правильно поступаешь, Михаил, добро сторицей тебе вернется!

– Минька! – еще издали заорал Демьян. – Мешки тяжелые, пошли, Роська короткий путь знает, чтобы через весь торг не переться!

– Правильно, ребятки, и я с вами пойду. Надо Свояту пострадать, а то отнимет у бедолаг ваше угощение, грех алчности все никак обуздать не сподобится. Но я ему помогу!

«Ну, Своята, ты попал! У Феньки сейчас самое подходящее настроение – грешников вразумлять. Получишь по полной программе! А не будь жадиной!»

Роська повел всю компанию какими-то кривыми переулками, но, судя по общему направлению, так действительно можно было быстрее добраться до ладейного амбара дядьки Никифора.

«А может, не такой уж Своята и жадюга? Скоро Великий пост – никакой музыки и веселья, чем зарабатывать? Потом, правда, Пасха, но дальше полевые работы начнутся, ни свадеб, ни праздников. Долгонько на нынешние заработки жить придется! Наверно, не зря болтают, что скоморохи в тяжелые для них времена и воровством, и грабежами на дорогах не брезгают?».

– А ну, христовы выблядки, стой!

«Блин, накаркал!»

Дорогу попу и мальчишкам загородили четверо угрюмых типов. Один из них держал в руке топор, остальные вроде бы были не вооружены. Стоило Мишке только подумать об этом, как из рукава ближайшего к Феофану разбойника выскользнула гирька на ремешке.

– Давно я тебя, Фенька, пасу, а ты еще и этих щенков мне привел, как по заказу!

– Я тебя тоже давно...

Феофан не договорил, взмахнув непонятно откуда взявшимся у него кистенем – таким же, как и у его противника. Удары оба нанесли одновременно, но Феофан как-то умудрился дернуться в сторону и гирька обрушилась ему на плечо, противник же Феофана рухнул с проломленным черепом, не издав ни звука. Над ухом у Мишки свистнул кинжал, и стоявший напротив него мужик забулькал рассеченным горлом. Мишка, опомнившись, схватился за оружие и метнул его в разбойника с топором. Тот ловко прикрылся лезвием, но второй кинжал, брошенный Демкой, ударил его прямо в глаз. Мишка выхватил второй клинок. Последний из нападавших уже заносил руку над сидящим на земле Феофаном. Мишень оказалась неудобной: тулуп можно было и не пробить, шея у мужика была короткая и из-под одежды почти не видна. Пришлось бить в голову. Тать охнул, схватившись за рассеченное ухо, и тут воздух прорезал истошный бабий вопль:

– Убивают!!! Люди добрые, убивают!!!

Последний из оставшихся в живых разбойник, обливаясь кровью, лившейся из разрезанного уха, бросился бежать.

– Ребята... – было видно, что Феофану совсем скверно, вот-вот потеряет сознание. – Свистите, ребята... как можно громче. Три раза, потом два. И опять, пока стража...

Голова его свесилась на грудь, и Мишка еле успел удержать монаха в сидячем положении.

– Что стоите? – прикрикнул Мишка, не сводя глаз с убегающего. – Свистите! Слыхали: три раза, потом два! – Мишка оглянулся и увидел бледное до синевы лицо Демьяна. – Демка, ты чего? Ранен?

Демка вдруг кинулся в сторону и, согнувшись у забора, изверг из желудка все лакомства, которых успел наесться на торгу.

«Ну да, впервые в человека железо воткнул, а Роська-то что же?»

Мишка поискал мальчика глазами и увидел, что тот направляется к зашевелившемуся бандиту с выколотым глазом. Демкин клинок, видимо, не достал до мозга, и мужик начал приходить в себя. В руке у Роськи тоже покачивался кистень, только поменьше, чем у Феофана и татей. Взмах руки, и гирька с хрустом проломила висок раненого.

– Ой, убивают!!! – надрывались уже несколько бабьих голосов.

– Роська, свисти!

Воздух прорезал свист, да такой, что испуганно примолкли даже вопившие бабы. Один сигнал, второй, третий... В конце переулка со стороны торгога раздался топот. Первой, однако, появилась не торговая стража и не толпа зевак. Тяжело отдуваясь, к месту происшествия подбежал недавний знакомец Антип.

– Мишка, что с Феофаном? Живой?

– Живой, ему кистенем вот сюда попало, может, ключица сломана, может, еще чего...

– Кто?

– Не знаю, мужи какие-то, может, Роська узнал?

– Скоморохи это! Которых стража с торгога погнала. Я двоих узнал!

Тут наконец навалилась толпа зевак, а среди них замелькали и торговые стражники.

– Что тут такое! Кто свистел? Антип, чего тут?

– Силантий, знаешь, где скоморохи стоят? – Антип говорил так, словно имел право приказывать десятнику стражи. – Гони своих туда и вяжи всех! Один из них ранен, видишь как кровью наследил? Тащи их на владычный двор, это не простая татьба, священника убить пытались. Пусть владыка сам и решает! Да сани какие-нибудь достань, святого отца отвезти нужно. Давай, давай, шевелись!

– Дядька Антип, – встрял Роська, – у раненого ухо рассечено, примета верная!

– Слыхал, Силантий? Скажи своим, чтобы покопались там, может, что из ворованого найдут. Все, ступай, двух человек оставь здесь и бегом, бегом, смоются же!

«Похоже, сэр Майкл, зря вы на Антипа грешили насчет скупки краденого. Торговая стража барыге так подчиняться не стала бы, это вам не менты конца XX века, пусть даже стражники и не княжьи люди, а нанятые купцами. Авторитет Антипа на чем-то другом держится, может, Никифора расспросить? Интересно все-таки, да и для понимания ситуации полезно».

* * *

Суд епископа Симеона оказался на удивление быстрым. Впрочем, все было настолько очевидно, что отроков даже особо не стали расспрашивать, тем более, что представлявший интересы несовершеннолетних племянников Никифор всячески упирал на душевное потрясение, пережитое детьми, вынужденными защищать свою жизнь и жизнь раненого священника.

Единственный вопрос, который заинтересовал епископа – зачем у мальчишек при себе оказалось аж по три кинжала. Никифор быстренько разъяснил, что это не оружие, а реквизит для представления, одобренного иеромонахом Илларионом. Илларион, естественно, подтвердил, присовокупив, что только искусное владение метательным оружием и позволило отрокам спастись самим и с похвальной отвагой защитить брата Феофана. Самого Феофана, в связи с тяжелым ранением не допрашивали, а факт наличия у святого отца кистеня в рукаве на суде и вообще не всплыл.

Скоморохов изловили всех. Стража представила суду раненого Мишкой и еще двоих, захваченных на месте временного проживания – молодую девку и старика. Причем старик, по докладу десятника стражи, оказал яростное сопротивление и ранил двоих стражников, прежде чем был оглушен и связан. Привели стражники и скомороший фургон, поставленный на санные полозья.

В фургоне во время обыска обнаружили несколько явно краденых вещей и, самое страшное – доказательства вредоносной ворожбы: две проткнутые бронзовыми иглами тряпичные куклы, с зашитыми внутрь прядями чьих-то волос. Эти-то куколки и перевели дело под юрисдикцию епископа окончательно и бесповоротно. Обычная кража, по сравнению с доказанным колдовством и покушением на жизнь священника, выглядела сущей мелочью.

Допросить обвиняемых толком не удалось. Скоморох с рассеченным ухом валялся на брюхе, орал, что ничего не знал, что его заставили, и клялся искупить вину. Дед угрюмо молчал, не назвав даже своего имени, а девка, похоже, сумасшедшая, только плевалась и угрожала всем присутствующим карой славянских богов.

Приговорили всех троих к... следствию. Епископ повелел выяснить, против кого направлено колдовство с куклами, за что собирались убить Феофана и отроков, имеются ли еще сообщники и т. д., и т. п. – целый список вопросов.

Мальчишек же, несмотря на три трупа нападавших, признали потерпевшей стороной, и даже назначили компенсацию – перерытый стражниками сверху донизу фургон скоморохов. Правда, без лошади. Коняга непостижимыми извивами юриспруденции была перенесена из списка вещдоков в разряд оплаты судебных издержек. Никифору, который собрался было бросить скоморошью рухлядь там, где она и находилась, было указано на недопустимость такого образа действий, и купцу пришлось посылать домой за лошадью.

Дед Корней по возвращении домой прокомментировал произошедшее со свойственной древним философам любовью к парадоксам:

– Кхе! Вроде и трезвые, а три покойника, чужой воз и наблевали под чьим-то забором. Погуляли, ядрена Матрена!

– Дядька Никифор, а кто такой Антип? – по дороге с епископского подворья Мишка решил добывать информацию по горячим следам. – Здоровый такой дядечка, вместе со стражниками был...

– Да знаю я Антипа, его тут все купцы знают и побаиваются, если честно. Он соглядателями командует для мытника и вирника княжеских. Поймает на каком-нибудь грешке купчишку мелкого, торговца или еще кого, кто на торгу или у пристаней постоянно обретается, но не наказывает, а велит все, что замечают, ему рассказывать: кто какой товар привез, почем продает, не укрыл ли чего от податей, не торгует ли запрещенным – много всякого.

А потом мытник или вирник со стражниками налетят да либо виру возьмут разорительную, либо вообще весь товар в княжью казну заберут. А Антип с помощниками потом отнятый товар распродают на торгу. У него в амбаре много чего лежит, если какого товара на торгу не нашел, ступай к Антипу – у него запросто может оказаться. Только дорого все: ему же и князю доход принести нужно, и себя не обидеть.

«Понятненько. Тайная налоговая полиция и торговля конфискатом – золотое дно. Плюс разветвленная агентурная сеть. Ясно теперь, почему он таким тоном и с Феофаном, и со стражниками разговаривал. Все нити городской экономики – тайные и явные – в руках держит. Любого прижать может. Я-то гадал, откуда Феофан знал, что мне серебрянка понадобится? А он и не знал – у Антипа на складе все есть! Но соперничество спецслужб – в полный рост: как Феофан Антипа оборвал, когда тот что-то про Михаила спросить хотел!

Впрочем, их разборки – не самое интересное. Гораздо важнее то, что структуры спецслужб, похоже, сформировались и существуют независимо от княжеского двора. Князья приходят и уходят, а Антипы и Феофаны остаются, и ничего с ними не поделаешь, потому что нужны! Можно сменить мытника, но много ли ты без Антипа платы с купцов соберешь? Гроши. Можно сменить вирника, да только с кого и какие штрафы брать? Тоже без Антипа не обойдешься – на создание агентуры годы уйдут, а князю гривны прямо сейчас подавай. А Феофан... Он только ПОКА язычниками да колдунами занимается, придет время – круче Антипа станет. ГБ свое возьмет.

Итак, три новых влиятельных персонажа: Антип – тайная полиция с экономическим уклоном; Феофан – государственная безопасность, пока только на идеологическом направлении; Илларион – симбиоз монаха и военачальника с крутыми амбициями. Каким может быть их отношение к главной проблеме современности – развалу державы на удельные княжества?

Антип. Его ситуация с постоянной сменой князей должна устраивать. Сядет на Туровский стол постоянный владелец, Антип начнет свое влияние постепенно утрачивать. Все его благополучие основано на том, что новые князья не владеют информацией и не имеют структуры, которая эту информацию может поставлять. Антип – монополист, и сохранение прежних порядков ему выгодно.

Феофан. На первый взгляд, государственная безопасность без государства – нонсенс. Другое дело –

государство может быть разным. В самостоятельном Турово-Пинском княжестве у него перспектив больше. Появится внешняя политика, а с ней – разведка и контрразведка, внутренние интриги и заговоры... Запросто можно из майоров в генералы выскочить. Для бывшего холопа... Да только за одно то, что Антип перестанет Фенькой звать и кланяться начнет... Пожалуй, при определенных обстоятельствах, Феофан в пользу сепаратизма может сработать! Сколько в бывших республиках СССР после 1991 года новых генералов появилось? ЗДЕШНИЕ ребята не дурнее!

Илларион. Ну, с этим все ясно. Чем мельче и слабее будут княжества, тем круче будет орден. Этот на развал Руси будет работать старательно и с удовольствием.

Вот такой расклад. И что же выгоднее всего для нашей сотни? Против исторического процесса дробления на удельные княжества не попрешь. Значит, надо быть адекватными этому процессу. С орденом то ли выйдет, то ли нет, а туровский князь независимым станет. Следовательно, князь и... Феофан.

Допустим, расклад я уловил правильно, но что же потом с Турово-Пинским княжеством стало? Почему в учебниках – почти ничего? Не знаю, и узнать пока негде и не от кого. Блин, как слепой!»

** * **

Через день после владычного суда случились сразу два события. Первое – приглашение провести представление в детинце, перед крыльцом княжеского терема. Семейство Вячеслава Владимировича Туровского пожелало поглядеть на зрелище, о котором судачил весь город.

Вторым событием стала отправка в поход двух сотен княжьего войска. Всезнающий Никифор пояснил, что один из скоморохов назвал на допросе сообщников и пообещал провести в нужное место. Князь, естественно, послал дружинников громить языческое капище.

Поглазеть на проход войска собрался чуть ли не весь город. Зрелище действительно было великолепным. Холеные кони шли по три в ряд, сверкали на мартовском солнце доспехи, позвякивало оружие... Только оркестра не хватало! Впереди колонны, под стягом, ехал воевода и – Мишка глазам своим не поверил – иеромонах Илларион!

Епископского секретаря было просто не узнать: сверкающие золоченые доспехи, греческий шлем с пышным плюмажем, тонконогий арабский жеребец под бархатным чепраком. Единственной деталью, напоминающей о духовном сане Иллариона, был висящий на груди массивный железный крест, совершенно дико смотревшийся поверх чеканного позолоченного панциря.

– Ребята, – предложил Мишка – а ну-ка, поприветствуем воевод!

Отроки проскользнули в первый ряд, и когда до головы колонны осталось всего несколько шагов, дружно выкинули вверх руки с кинжалами и хором проорали:

– Слава православному воинству!

Илларион повернул голову на крик, благосклонно улыбнулся и сделал ручкой. Толпа подхватила:

– Слава, слава!

Илларион так и расцвел! Гордо вскинул голову и заставил жеребца идти в припляс.

«Э, братец, да ты на фронтальное лидерство западаешь! Ликующие толпы тебе подавай! Все с тобой ясно. Служил ты, скорее всего, гвардейским офицером в немалых чинах, потом погорел на какой-нибудь придворной интриге, насильно был пострижен в монахи и отправлен нести свет истинной веры диким русам. Еще бы тебе на идею рыцарского ордена не клюнуть! Как тебе, Лариосик, в великие магистры хочется! Давай, давай, старайся, а мы посмотрим».

* * *

К выступлению на княжеском дворе готовились особенно тщательно. Больше всех суетился и переживал дядька Никифор, хотя платы за выступление, разумеется, и не предполагалось. На какие уж там побочные выгоды от мероприятия он рассчитывал, оставалось только догадываться. Дед был собран и напряжен, как перед боем, Немой, как обычно, невозмутим, а Демка мрачен, словно собирался на похороны близкого родственника. Кузька же то и дело прикладывался ухом к животу своей кобылы, опасаясь, видимо, услышать злое бурчание.

– Мишаня!

Мать стояла на крыльце, зачем-то держа в руке матрешку. За дни пребывания в городе своего детства она словно помолодела. По дороге в Туров мать как-то обмолвилась, что прежние подружки, наверно, и знать не захотят приехавшую из глуши старую знакомую. Однако популярность циркового представления коснулась и ее. Почти каждый день с утра она отправлялась к кому-то в гости, а в середине дня появлялась в ладейном амбаре в компании нескольких женщин, среди которых, как утверждал Никифор, бывали и жены уважаемых людей, и купчихи из первой сотни, и даже боярыни. Дело даже дошло до того, что мать пообещала, в случае провала других вариантов, попробовать устроить деду встречу с князем через какую-то свою подругу детства.

– Мишаня, – мать протянула сыну матрешку. – Княжне Анне недавно шесть годков сравнялось, ее наверняка приведут на ваше представление посмотреть. Поднеси ей куколку, только сначала у княгини разрешения спроси.

– Сделаю, спасибо, мама. А как мне княгиню величать?

– А так и говори – «матушка-княгиня», она хоть и молода, а обращение такое ей нравится. Ну, а если вы княгине по душе придется, то и князь к вам ласков будет. И еще: когда будешь матрешку подносить, найди случай княжну красавицей назвать. Не бойся, врать не придется, – мать улыбнулась, – она и вправду на ангела похожа. И княжичу Михаилу – тезке твоему – предложи из самострела стрельнуть.

– А если он захочет самострел себе забрать?

– Не заберет. Мал еще и здоровьем слаб – только-только от тяжелой болезни оправился, ему и не поднять-то его, тебе помочь придется. А будет просить, предложи ему к нам в Ратное приехать, там, мол, по руке самострел и сделают. Ну-ка, давай попробуем, как ты поддерживать самострел будешь, когда он стрелять станет? – Мать взяла в руки Мишкин самострел, изображая из себя княжича. – Нет, так ему будет неудобно, снизу одной рукой держи и направляй, чтобы он в кого не попал ненароком. Вот так хорошо. И самое главное: не поворачивайся спиной к князю и княгине, а если с тобой заговорят, смотри прямо в глаза, не юли. Князь честный взор уважает!

«Да, сэр, как любил говорить один ваш знакомый в XX веке: «Женщина в умелых руках – страшная сила». Ну кто бы еще вам столько полезной информации выкатил?»

* * *

Двор княжеского терема был забит до отказа: пришли все, кто имел хоть какое-то право здесь находиться. Князь с княгиней сидели в креслах на верхней площадке крыльца, на ступеньках стояли наиболее приближенные, а остальные расположились, кто где смог. Работникам Никифора, расставлявшим барьер, даже пришлось немного потеснить толпу.

Привычка взяла свое, и с первыми звуками музыки нервное напряжение спало, представление покатило по наезженной колее. На свое удивление, Мишка увидел в толпе зрителей довольно много знакомых лиц, даже и среди тех, кто стоял достаточно близко к княжеской чете. Это, впрочем, было на

пользу. Те, кто видел представление не в первый раз, уже знали, в каких местах нужно аплодировать, и дружно отзывались на Мишкин крик «Слава православному воинству!».

Заминка случилась, когда Мишка начал показывать стрельбу вслепую. Он уже поразил две мишени, когда от княжеского крыльца раздался голос:

– Эй, парень, а повязка-то у тебя не просвечивает?

Мишка сорвал с головы повязку и протянул ее в сторону зрителей.

– Кто хочет проверить? Берите!

Пока повязка ходила по рукам, Мишка, подчеркнуто не интересуясь результатами проверки, разглядывал князя и княгиню. Князь Вячеслав был уже не молод – за сорок. Выглядел он неважно: почти совершенно седой, под глазами мешки, лоб в морщинах, плечи опущены. Не зная, можно было подумать, что князю Вячеславу под шестьдесят.

«Сын Владимира Мономаха и Гиты – дочери последнего короля саксов Гаральда II, погибшего при завоевании Британии Вильгельмом Нормандским, в битве при Гастингсе. Русский князь, а какой только крови в нем не намешано: варяжская, византийская, саксонская... Всего и не перечислишь. Смешно, конечно, но по материнской линии имеет права на английскую корону. Впрочем, почему же смешно? Из-за точно таких же прав на французскую корону началась Столетняя война.

А жена гораздо моложе, второй брак, что ли? Но брак, видимо, счастливый – вон как на жену поглядывает. И дочка действительно на ангела похожа, а вот княжич подкачал – худой, бледный, квелый какой-то. Даже и не понять, сколько ему лет – десять, одиннадцать?»

Наконец из толпы раздался голос:

– Не просвечивает! Все без обмана, княже!

Мишка поймал брошенную ему повязку, но прежде чем продолжить исполнение номера, громко спросил:

– Дозволишь продолжать, княже?

Получив в ответ кивок головой, натянул повязку на глаза и уже взял самострел наизготовку, как вдруг сзади, из толпы зрителей, раздался звон маленького колокольчика.

«Шутить изволите, господа? Ну ладно, и мы пошутим!»

Мишка резко развернулся и направил самострел в сторону зрителей. Послышались испуганные крики и шум, производимый людьми, шарахающимися с линии выстрела. Наконец наступила тишина и снова раздался звон колокольчика. Мишка нажал на спуск. Дружный выдох толпы, звяк наконечника болта по металлу и звук удара в стену терема. Мишка снова сорвал с головы повязку. На пустом пространстве стоял богато одетый человек откуда-то с Востока (то ли перс, то ли араб) и держал в вытянутой руке веревочку, на которой болтался покоренный попаданием колокольчик.

– Маладэс! Карош воин!

Мусульманин стянул с пальца массивный золотой перстень с камнем и швырнул Мишке. Мишка даже не шевельнулся, чтобы поймать награду, перстень упал ему под ноги.

– Дозволишь принять, княже?

Араб (или перс?) что-то зло выкрикнул по-своему. Князь Вячеслав пристукнул ладонью по подлокотнику кресла, а стоящий рядом с ним боярин выкрикнул:

– Почто гостя княжьего обижаешь? Головы лишиться захотел?

– Я твой подданный, а не сарацинский! – ответил Мишка, глядя на князя в упор. – Волкодав из чужих рук корм не берет!

– А ты волкодав? – теперь вопрос уже прозвучал из уст самого Вячеслава.

– Пока – нет! – Мишка нахмурился, сжал губы и, вскинув голову, подчеркнуто выпрямился. – Пока – нет, но буду!

Невербальный ряд, соответствующий эмоции «непреклонная решительность», в исполнении мальчишки должен был выглядеть смешно, и Мишка не ошибся – сработало!

Князь хмыкнул, покосился на мусульманина и произнес, вроде бы про себя, но так, что слышно было всем:

– А щенок-то – породистый.

Перстень остался лежать на земле, представление покатилося дальше. В конце, уже выведя под уздцы коня с гордо восседающим на нем дедом, Мишка махнул музыкантам, чтобы умокли, и громко спросил:

– Матушка-княгиня, дозвожь красавице твоей Анне Вячеславовне подарок поднести? – и, не дожидаясь ответа, бросился сквозь толпу расступающихся зрителей к крыльцу. – Погляди, княжна, куколка-то с секретом!

Сидящая у княгини Ольги на коленях маленькая княжна расширенными от удивления глазами следила, как матрешки одна за другой появляются на свет, а когда опрокинутый Ванька-Встанька сам собой принял вертикальное положение, даже пискнула от восторга.

– Вот, Анна Вячеславна, ты здесь самая красивая, у тебя и игрушки должны быть самыми красивыми!

– Что ж ты... волкодав, – подал голос князь, с интересом, как заметил Мишка, наблюдавший за «размножением» матрешек, – сам даришь, а принять подарок гордишься?

– Так среди своих же, княже. Мне с тобой в поле не ратиться, я в бой под твоим стягом пойду.

– Так уверен?

Что имел в виду князь, Мишка не понял, но делая вид, что поправляет одну из матрешек, ответил так, чтобы слышно было одному князю:

– Киев далеко, а мы все – здесь.

Вячеслав Туровский, кажется, заинтересовался – даже слегка склонился в кресле в Мишкину сторону.

– Сам придумал или слыхал от кого?

– Вся сотня в том заедино. Вон сотник Корней твоего слова ждет.

– А ты ему внук, говорят?

– Так, княже, Михаилом крещен.

– Гляди-ка, сынок, тезка твой! – Вячеслав обернулся к княжичу, но тот остался равнодушен. Мишка понял, что предлагать ему стрельнуть из самострела не стоит.

– Збройко! – князь сделал знак одному из рынд. – Сотников внук Михаил перстень обронил. Принеси-ка!

Парень вмиг слетел с крыльца, подобрал перстень и, взбежав по ступенькам, протянул его Мишке. Мишка, не дотрагиваясь до перстня, указал глазами на князя. Рында поколебался, но подчинился.

– Значит, все-таки из одних только рук? – Князь покрутил в пальцах перстень. – Так, что ли?

– Только так, княже, иначе – беда!

– Держи, заслужил, – Вячеслав подал перстень Мишке. – Но и гостя моего поблагодари.

Мишка нашел глазами сарацина, приложил перстень ко лбу, потом к губам. Прижав руку к сердцу, поклонился. Княжий гость дернул щекой, но все же слегка кивнул в ответ.

– Восточные обычаи знаешь? – заинтересовался князь. – Откуда?

– Мы же не смерды, княже! Род свой в восьмом колене считаем – от десятника Лисовина, который еще с вещим князем Олегом на Царьград ходил! Потому не только ратному делу, но и наукам...

Мишка запнулся, наткнувшись на очень уж пристальный взгляд княгини.

– Может быть, – княгиня секунду помолчала, – тебе и рыцарские обычаи известны?

Она разжала пальцы, и к Мишкиным ногам упал маленький платочек. Мишка подхватил его и, опустившись на одно колено, протянул княгине.

– И галантное обхождение тоже... ваше высочество.

«Блин, что за спектакль? Дед там внизу уже, наверно, в землю врос, а они тут со мной беседуют – да еще как беседуют! В чем дело?»

– Вижу, правду о тебе рассказывают – необычный ты... мальчик, – проворковала княгиня. – Аннушка, что ж ты Михаила за подарок не поблагодаришь?

– Благодарствую, Михаил, – старательно выговорила княжна, чувствовалось, что букву «р» она научилась выговаривать совсем недавно.

– Рад служить, государыня Анна Вячеславовна! Только позови!

– А если и вправду позовем? – негромко спросила княгиня.

«Да что тут происходит-то? Князь вроде бы и не слушает – о чем-то с боярином говорит. Во что же я опять влипаю?»

– У меня пока только три самострела, матушка, но будет больше. Всегда, по первому твоему зову...

– Тебе сколько лет?

– Четырнадцать... Скоро.

– А когда настоящим ратником станешь?

– В шестнадцать.

«Те же вопросы, что и у Иллариона! Он, что ли, ей про меня наболтал?»

– Видишь эту ленточку? – княгиня показала на красную шелковую ленту, вплетенную в косу дочери. – Если тебе ее передадут, это будет значить, что ты нужен... княжне Анне. И все, кого ты сможешь с собой привести. Не беспокойся, это будет не завтра. Может быть, и никогда... Но помни!

– Запомню... Нужен – княжне.

– Правильно запомнил, молодец. Наклонись-ка.

Мишка склонился к самым губам княгини и услышал едва различимый шепот:

– Нинее поклон передай. От Беаты.

– Едрит тв...

– Что?

– Все исполню, матушка-княгиня, в точности!

Княгиня обернулась к мужу.

– Вячеслав Владимирович, отроки еще малы, а вот наставников их – сотника Корнея и...

– Ратник Андрей, – торопливо подсказал Мишка.

– ...И ратника Андрея. Не пригласить ли на пир?

– Отчего же не пригласить, душа моя? – князь благосклонно кивнул. – Михаил, от меня вам за представление – гривна. Ступай, позови деда.

– Благодарствую, княже.

«А не приходилось ли вам, сэр, в психушке сживать? Есть три варианта на выбор. Старейшее в Санкт-Петербурге заведение на набережной реки Пряжки, больница имени Кащенко и больница имени Скворцова-Степанова, в просторечии «Скворечник». Ни одно из них, по правде сказать, пока не функционирует, но что такое жалкие несколько веков для неизлечимого психа? Пустяки. Какие замечательные галлюцинации! Зрительные! Слуховые! Какая драматургия, сюжет, интрига! Невестка Владимира Мономаха передает поклон ученице бабы Яги от какой-то полячки, а пацан в ответ матерится, как докер-механизатор с карантинного причала. Сказка! Нет, права была мисс Скарлетт О’Хара: я подумаю об этом завтра, иначе, в самом деле, рехнусь!»

Глава 3

С княжеского пира дед вернулся на удивление рано и почти трезвым. Но доволен результатом был так, что еще в воротах начал орать:

– Никифор! Анюта! Михайла! Все сюда, праздник у нас!

На такой зов, естественно, во двор высыпали не только названные, но и все, кто его услышал. Дед победоносно окинул взглядом образовавшуюся небольшую толпу и, задрав бороду, гаркнул:

– Смотрите!

Собравшиеся дружно ахнули – на шее у него висела золотая гривна сотника.

– А теперь сюда глядите!

Дед указал пальцем на Немого, и все увидели, что у того тоже висит на шее гривна, только серебряная – десятничья!

– Ха! Корней Агеич! Это дело надо обмыть! – предсказуемо отреагировал Никифор. – Бабы! А ну, на стол быстренько соберите!

Пьянка намечалась капитальная, и, хотя за стол его, конечно же, пустили бы, Мишка решил сачкануть – для понимания произошедшего нужна была информация, а мужики в данный момент для этого совершенно не годились. Мишка дождался, пока все разошлись, и постучался к матери в горницу.

– Мама, а ты про княгиню много знаешь?

– Кое-что знаю, – мать подняла глаза от шкатулки с какими-то женскими мелочами и испытующе взглянула на сына. – А тебе что понадобилось?

– Она из какого рода? Мне показалось, что не русская.

– Верно, княгиня Ольга родственница Пястов – ляхских королей.

– Католичка? А как ее до принятия православия звали, не Беатой?

– Не знаю, а зачем тебе?

– Да так... Понимаешь, она боится чего-то, но не сейчас, а в будущем. И уже начинает себе верных людей подбирать. Вот и мне намекнула, что, как подрасту, понадобится. И не один, а со всеми, кого собрать смогу. Как думаешь? К чему бы это?

– Это как раз понятно, Мишаня. Какая же мать о детях не беспокоится? Свекр ее, великий князь киевский, болен, к тому же стар – семьдесят два года. Кто на его место заступит? Не захочет ли ее мужа с туровского стола согнать? Такое очень часто и в других местах бывало, а туровская земля по приговору княжеского съезда вовсе не Мономахову роду принадлежит, а Святополчицам.

У Киева и с Полоцком мира нет, раз за разом схватываются. И с Волынью тоже непросто. Волынские князья то и дело ратятся с Киевом: Ярополк Изяславич, Давид Игоревич, Ярослав Святополчич. Киевские князья постоянно опасались, что Волынь присоединит к себе Туров и Пинск. Давида Игоревича с Волынского стола согнали, посадили в Дорогобуж, там он и умер. Ярославу Святополчичу вообще из Руси бежать пришлось. А когда захотел вернуться, убили.

Мономах всему семейству Святополчичей не верит, опасается, потому что они соперники его детей в борьбе за великое княжение. Их еще много осталось, и все они сильно на Мономаха обижены: Брячислава Святополчича из Турова выгнали, чтобы Вячеслава Владимировича Мономашича посадить, и отправили к

брату Изяславу в Пинск. Теперь в Пинске два князя, и оба не полноправные князья, а на кормлении сидят. А старший сын Ярослава Святополчича, Вячеслав, после гибели отца посажен в Клёцк, и тоже не один. Там его мачеха – третья жена Ярослава Святополчича с сыном Юрием.

– Ой, мама, что-то я совсем во всех этих Вячеславах да Ярославах запутался...

– Не мудрено! – мать понимающе улыбнулась. – Дети и внуки Ярослава Мудрого обильное потомство дали, много их стало, и все хотят жить, как князья, а княжеств на всех не хватает. Ты, сынок, вот что запомни: наша семья со Святополчичами очень тесно связана. Деда в сотники произвел сам Святополк Изяславич, а его сын Ярослав Святополчич был другом деда в юности. И еще одно... – мать поколебалась, но все-таки решилась сказать. – Дед твой, Мишаня, на сводной сестре Ярослава Святополчича женился. Бабка твоя Аграфена была внебрачной дочерью Святополка Изяславича. Он ее еще в Новгороде прижил, потом с собой в Туров привез.

– Постой, постой, мама! – Мишка, сам этого не заметив, даже ухватил мать за рукав. – Бабку же Аграфеной Ярославной звали, причем же здесь князь Святополк?

– Ярославной ее звали по имени боярина, чьей дочерью она считалась. Но только считалась! На самом деле... Все всё знали и понимали. Ярослав Святополчич и свою побочную сестру любил, и с дедом Корнеем дружил крепко. Вот он и помог деду на Аграфене жениться, и отцовский гнев от них отвел. Сначала-то князь Святополк осерчал...

– Выходит, во мне есть кровь Рюриковичей? – Мишка сам опешил от подобного открытия. – Я правнук Великого князя Святополка Изяславича?

– Молчи! – мать прижала ладонь к Мишкиным губам и испуганно оглянулась. – Никому и никогда! Рюриковичам лишняя родня не нужна! Я тебе это рассказала не для того, чтобы ты гордился, а чтобы понял: мы, Лисовины – друзья и родичи врагов Мономаха, значит, и Мономашичей.

– А как же тогда?.. – Мишка запнулся, не сумев сразу сформулировать вопрос. – Князь Вячеслав ведь деду сотничью гривну пожаловал! Он же Мономашич, неужели ничего не знает?

– Бог весть... Может, и не знает, но я думаю, что дело в другом, сынок. Князь Вячеслав в Турове чужой, надеяться может только на тех людей, которых с собой привез, а для того, чтобы на Туровском столе удержаться, нужно доброхотов из местных искать. Таких, чтобы силу имели, а у деда такая сила есть. Когда Владимир Мономах умрет, каждый из князей за себя стоять станет, и Вячеславу тоже надо суметь за себя постоять.

– Д-а-а, теперь понятно, чего княгиня боится...

Мать вздохнула и, грустно улыбаясь, оглядела Мишку так, словно перед ней стоял совсем несмышленыш.

– Много ты знаешь о женских страхах... Заметил, какая разница в возрасте у князя и княгини? Вячеслав уже не молод, не старик, конечно, но в годах солидных. И здоровья некрепкого. Сед не по годам, мне боярыня одна сказывала, что выглядит Вячеслав чуть ли не старше брата Мстислава, хотя моложе его почти на десять лет. И дети у него не выживают – только двое последних, а остальные умерли. Не дай бог... Это же страшно, Мишаня, вдовой с малыми детьми остаться. Уж тогда-то ей и вовсе Туровского стола не видать, и вообще неизвестно, что будет.

– Почему же Вячеслава обязательно должны с Туровского стола погнать?

– Потому что отец его, Мономах, на киевский стол сел незаконно. Двенадцать лет назад, когда умер великий князь киевский Святополк Изяславич, на великокняжеский стол должен был сесть по старшинству Давыд Святославич Черниговский. Но в Киеве случилось восстание. Чернь сначала громила дворы евреев-

ростовщиков, а потом принялась за бояр и за купцов. Никифор тогда только тем и спасся, что успел ладьи от берега отогнать, а все, что на складах лежало, разграбили.

Тогда-то киевское боярство Владимира Мономаха и призвало. Так что черниговские Святославичи только и ждут, чтобы снова за киевский стол распрю начать. И полоцкие князья на нашего князя Вячеслава зуб имеют. Когда он еще был смоленским князем, то вместе с отцом ходил воевать Минск и Друцк. От Минска тогда одно пепелище осталось.

– И Волынь еще...

– Нет, с Волынью раньше сложно было, а потом Мономах туда своего сына Романа посадил, а когда тот умер, другого сына – Андрея. С тех пор на Волынском рубеже спокойно. Мономах везде своих сыновей рассадил, где мог. Юрий^[6] сидит в Суздале, Мстислав княжил в Новгороде, а сейчас в Белгороде, Ярополк в Переяславле.

– Так если Мономах умрет, братья между собой схватиться могут?

– Вряд ли... Слишком опасно вокруг. Черниговские Святославичи могут половцев привести, так уже много раз бывало. Да половцы и сами обрадуются смерти Мономаха – очень уж крепко он их бил, аж за Дон загонял.

– Это с юга и с востока. А с севера полоцкие князья...

– Да, так. Ты, сынок, забудь все, что Ольга тебе говорила, на что намекала. В княжеские котомки влезть – головы не сносить. Рюриковичи друг друга из-за уделов, как курей режут, а про слуг да ратников и разговору нет. Забудь! Дед своего добился – сотничью гривну получил, и ладно. За тем сюда и ездили. Запомни, сынок: стольный град манит соблазнами, кажется, вот-вот – и жар-птицу поймашь, а на самом деле возле княжьего стола – возле смерти. Ты думаешь, Никифор не мог бы в первую купеческую сотню выйти? Давно бы мог, но знает, как опасно на виду быть, над толпой возвышаться, вот и держится скромно. Князьям не только войско нужно, но и деньги. Деньги даже важнее. А с кого их взять? Понимаешь?

– Понимаю, мама.

– Нет, не все ты понимаешь! Никифор только живет в Турове. А все достояние – деньги, товары, люди – у него по разным местам распределены: в Киеве, в Чернигове, в Новгороде, даже в Кракове. Где главная часть, никто, кроме него, не знает, но что бы ни случилось, всего достояния разом он не потеряет никогда! А наше главное богатство – в Ратном, там мы сильны и защищены. На крайний случай, даже и Никифор к нам прибежать может, или семью на время укрыть. Понял?

– Понял, мама. Знаешь, есть такая пословица: «Не складывай все яйца в одну корзину».

– Умница ты моя... Вот бы отец покойный порадовался...

– погоди, мама! Никифор-то по этой пословице и поступает, а мы? Ты сама только что сказала: у нас все – в Ратном.

– Ну, об этом тебе с дедом говорить надо, если он захочет, конечно. Ты не помнишь – совсем мальцом был, но у нас своя деревенька была на семь дворов. Если бы не беда... ладно, чего уж теперь. Но дед, как я понимаю, не просто так за сотню свою бился, наверняка восстановить деревеньку надеется. А это не гривна сотника, это – наследство, которое прирастать может. Есть бояре, которые только при князе и бояре, а есть такие, которых земля кормит. Этим князя потерять не страшно, земля и люди всегда при них останутся. Они еще и сами, бывает, князей выгоняют. Только об этом, и правда, лучше с дедом говорить.

«Вот, значит, как! Не зря мать по подружкам давним походила, теперь хоть какая-то ясность намечается. Владимир Мономах при смерти, кто там следующий-то на очереди? Не помню. Говорила

мама: учи историю! Ясно одно: бардак на Руси образуется первостатейный. Князья опять поедут с места на место, кое-кто за оружие возьмется, потом новый великий князь киевский начнет драчунов вразумлять да пересаживать нужных людей в нужные места. Разборок – на несколько лет! Вот почему все зашевелились: Илларион, Феофан, Ольга.

А чего они все от ратнинской сотни ждут? Сотня, да еще не полного состава – что она может сделать против тысячных княжеских ратей? Поголовно полечь в первом же бою? Дед не идиот. Пакостить партизанскими налетами, громить обозы, перехватывать гонцов... Что еще? Надо у деда потом выпросить.

Кстати о дед. Мать ведь не зря про деревеньку вспомнила. Пока князья между собой грызться будут, сотня профессионалов в отдаленной местности много чего натворить может! И дед, пожалуй, не преминет воспользоваться ситуацией. Как там у Вильяма нашего Шекспира?

*Придумал ловко, нечего сказать:
Сто рыцарей! Сто рыцарей, готовых
Фантазии любые старика
В любое время поддержать оружием!*

В самую точку, товарищ классик! Но и дед-то как в жилу попал! Илларион поперся язычников громить, и Корней Агеич, «поддерживая генеральную линию партии», запросто может пару деревенок на щит взять да еще и красиво отчитаться перед центром. Поди разбирайся потом, язычники или не язычники там жили? Опять же, и ратники почувствуют, что с возвращением сотника Корнея и добыча пошла, и победы одерживаются. Выигрыш по всем параметрам: и моральный, и материальный, и идеологический, и... Блин! Можно же не встречать в князьи разборки, поскольку занят важным государственным делом! А когда все устаканится, дед опять весь белый и пушистый: не в свои дела не лез, под руководством Святой Матери нашей Православной церкви язычество искоренял!

Но вот княгиня Ольга... Чего ей от Нинеи надо? Откуда они вообще друг друга знают? Может быть, Ольга рассчитывает в крайних обстоятельствах на помощь язычников? М-да, сэр, тут вам с ходу не разобраться, но мать права: около князей – около смерти».

** * **

Утром ни о каком продолжении цирковых выступлений, разумеется, не могло быть и речи – руководство в полном составе дрыхло «после вчерашнего». Деда и хозяина Никифоровские работники растащили по постелям далеко за полночь и совершенно никакими, а Немого пришлось оставить там, где он и уснул, в обнимку с опрокинутой лавкой. Что уж там ему представлялось в пьяных сновидениях, неизвестно, но отнять у него лавку не удалось, а тащить в постель вместе с мебелью, после недолгих размышлений, не стали.

Рассчитывать на ясность сознания и здравость суждений вчерашних сотрапезников, по вполне понятным причинам, в ближайшее время не приходилось, и заявившийся с утра Своята, уяснив обстановку, лишь печально вздохнул и поплелся куда-то по своим делам. Кузька, оклемавшийся после падения с лошади, настаивал на повторной экскурсии в торговые ряды, поскольку первую пропустил, и Мишка уже было согласился, но тут его тормознули во дворе сыновья Никифора.

– Слушай, Минька! Ну, с оружием ты здорово управляешься, а на кулачках со мной не побоишься?

Петька был почти на год старше, на голову выше ростом, и чувствовалось, что в уличных драках с городскими пацанами он поднаторел изрядно. Позорище, которое Мишка устроил двоюродным братьям в первый день, видимо, не давало ему покоя, да и прочие Мишкины «подвиги», служившие поводом как для

постоянных обсуждений в семье, так и, само собой разумеется, для родительских попреков, просто требовали каким-то образом удовлетворить уязвленное самолюбие подростка.

– А может, как-нибудь обойдемся? – попытался решить дело миром Мишка.

– Испугался?

– Я у тебя в гостях, неприлично с хозяевами драться.

– А мы – шутейно, вон там, за сарайчиком, никто и не увидит.

– Если шутейно, то зачем же прятаться?

– Боишься? Так и говори!

Петька воинственно выпятил грудь и начал медленно надвигаться на Мишку.

«Не отвяжется, придурок, самоутвердиться ему надо, понимаешь. Ну, ладно, сам напросился».

– Хорошо, бей!

– Чего? – удивленно переспросил Петька.

Начало драки, как водится, требовало определенного ритуала: каких-нибудь вызывающих слов, толчков, сложного набора из жестов и мимики. Некий обязательный комплекс, предшествующий поединку, который человечество, с некоторыми изменениями, передавало из поколения в поколение еще с тех времен, когда «венец творения» был стадным животным и членораздельно разговаривать не умел. Был, разумеется, такой ритуал и у городских мальчишек, просто так перейти в «боевое» состояние Петька не мог. Мишка намеренно сбивал его с привычной поведенческой колеи, обрекая на поражение еще до нанесения первого удара.

– Бей, говорю, чего, как баба, языком треплешь?

– Это я – баба? Да сам ты деревенщина лапотная!

Петька, сам того, конечно, не подозревая, держался за ритуал мертвой хваткой.

– Бей, или я ударю! – упорствовал Мишка.

– Кто? Ты? Мозгляк, да я тебя...

Бум. На ногах Петька устоял, но ориентировку в пространстве на некоторое время утратил.

– Все, или еще хочешь? – вежливо поинтересовался Мишка.

– Нечестно! – вдруг заорал Пашка. – Нечестно, ты исподтишка...

– Тебе тоже дать? – Мишка даже не стал разворачиваться в сторону второго двоюродного брата, лишь скосил на него глаза.

Пашка, на всякий случай, отскочил немного назад, но не уgomонился:

– Все равно – нечестно!

«Нет, без крепкой трепки не отстанут, дети, блин, что тут поделаешь? Петька вроде бы прочухался, ну-с: «Аве Цезарь! Моритури те салютант!»»

Мишка повернулся к братьям спиной и сделал вид, что направляется к воротам. «Апостолы» с криком (а как же без крика?) кинулись на него оба одновременно. Мишка сделал короткий шаг в сторону, и Петька сам напоролся солнечным сплетением на выставленный Мишкин локоть. Мишка развернулся к младшему «апостолу»... Пашки не было. Вернее, он был, но лежал на земле, а верхом на нем сидел непонятно откуда взявшийся Роська и уже нацеливался настучать Пашке по физиономии.

– Роська, назад!

«Да что ж я ему, как Чифу, команду даю?»

– Роська, перестань, мы – шутейно. Я ребятам приемы показывал. Слезай.

– Холоп!!! – завизжал Пашка. – На хозяина руку поднял!!! Головой ответишь!!! Семен, Панкрат, кто-нибудь! Вяжите его!!!

«Ох, блин! Роську же в бою взяли, он пожизненный холоп Никифора. За нападение на хозяина или кого-то из его семьи холопу – смерть! Что ж ты натворил, парень?»

– А ну, заткнись! – Мишка пнул орущего двоюродного брата ногой в бок. – Заткнись, я сказал!

Пашка прекратил блажить, но было уже поздно – во двор выскочило двое холопов, и один из них был старшим Никифоровским приказчиком Семеном.

– Стоять! – Мишка постарался придать своему голосу как можно больше властности. – Стоять, никого не трогать!

Не тут-то было! Для Семена он был всего лишь мальчишкой. Мало ли, что родственник хозяина: приехал и уехал, а с Пашкой Семену дальше жить.

– Панкрат! – скомандовал старший приказчик второму мужику. – Вяжи Роську! В погреб его, пока хозяин не решит.

«Ну нет, я вам Роську так просто не отдам!».

Мишка свистнул, вызывая из дома Кузьму с Демьяном, и, выхватив из ножен кинжал, встал между Роськой и Панкратом.

– Только сунься, козел, кишки выпущу!

Панкрат нерешительно затоптался на месте, вопросительно оглянулся на Семена.

– Михайла, ты того... – Семен явно находился в затруднении. – Ты не у себя дома! Там распоряжайся, а здесь...

– Оглянись! – Мишка подбородком указал Семену за спину.

На крыльце стояли Демка и Кузька: еще не разобравшись в происходящем, оба уже тянули, на всякий случай, из ножен кинжалы.

– Семен, слышал, как мы намерили троих упокоили? Тебе это надо? Роська за меня вступился, беру его грех на себя, так и доложишь Никифору Палычу, когда проспится. Понял меня?

– Так это... – Семен еще раз оглянулся на стоящих на крыльце близнецов. – А не сбежит?

– Беру все на себя!

– Пашка, паскуда! – подал неожиданно голос скорчившийся на земле Петр. – Удавлю, как кутенка! Сам все подстроил, зараза, а теперь воешь! Сенька, пошел вон! Отцу ничего не говорить! Роська ни в чем не виноват.

– Петр Никифорович, нельзя не сказать, хозяин все равно все узнает.

– Тогда вали все на меня! Я сам все отцу объясню.

«Браво, Петр Никифорович! Человеком растешь! А братец-то у тебя и правда... купцом будет хорошим. В ситуации сориентировался мгновенно, правовую базу подвел, приказы раздавать начал. И все это – лежа на земле в преддверии мордобития, ни в одном слове не ошибся, подонок. Будет купцом,

папе на радость!»

– Ну, как знаешь, Петр Никифорич, – Семен явно обрадовался, спихнув с себя ответственность. – Только ты уж, с Михайлой...

– С Михайлой Фролычем! – жестко поправил Петька.

– С Михайлой Фролычем... вы уж хозяину все, как есть...

– Я сказал – ты слышал! Иди отсюда!

– Спасибо, братан! – Мишка протянул Петру руку, помогая встать, потом подал ему свой кинжал. – Вот, держи на память!

– Ой, а у меня монетки никакой нет! Нельзя нож дарить – жизнь порезанная будет!

«Надо же, примета-то какая древняя, даже и не подозревал».

– Это не нож, а боевое оружие, вражьей кровью омытое! Признаю тебя достойным быть ратником Младшей стражи! Никакой монетки не нужно!

– Чего тут у вас случилось-то? – Кузька аж трепетал от любопытства. – Я уж подумал, что тебя убивают!

– Да ерунда! – Мишка с досады сплюнул под ноги. – Потолкались с ребятами, шутейно, а Роська не разобрался, полез меня защищать.

– Ну и что? – не понял Кузька.

– А то! Он – холоп, в бою взятый. Холопов, которые на хозяина руку подняли, казнят!

– Ой, что ж теперь будет-то?

– А ничего! – вмешался в разговор Петр. – Мой голос и Мишкин против его голоса. – Петька кивнул в сторону младшего брата. – Отец его натуру паскудную знает, нам поверит!

Тут, впервые за все время, проявил себя Демьян. Подошел к стоящему с убитым видом Роське, снял с пояса один из кинжалов и слово в слово повторил только что выдуманную Мишкой формулу:

– Признаю тебя достойным быть ратником Младшей стражи! – помолчав, добавил: – И ничего не бойся, если что, мы тебя выкупим!

«Выкупить – хорошая идея! Парень-то стоящий и защищать меня кинулся. Будет четвертый стрелок. Как бы только деда уломать? И надо Роську как-то успокоить или отвлечь – закаменел весь, бедолага. Неудивительно – такое свалилось!»

– Рось, а ты чего пришел-то? С делом каким или так? Ро-ось! Роська! – Мишка потряс парня за плечо. – Слышишь меня?

– А?

– Я спрашиваю, ты по делу пришел или просто так?

– По делу, да чего уж теперь... – Роська безнадежно махнул рукой. – Спасибо вам, ребята, что заступились!

– Перестань! – преувеличенно бодро ответил Мишка. – Мы своих в обиду не даем! Так что за дело?

– Да вон, – Роська кивнул на фургон скоморохов. – Он вам не нужен? А то я покупателя найду, все – деньги какие-то.

– А давай-ка посмотрим, может, там чего подходящее есть?

– После стражников-то?

– Ну, мало ли...

После стражников действительно осталось только то, чему прямой путь на помойку. Единственными ценными вещами оказались четыре тележных колеса, на которых фургон, видимо, катался в бесснежное время года. Хлама же – какого-то грязного тряпья, вытертых шкур, поломанных корзин, продавленных берестяных коробов и тому подобного мусора – оказалось как-то уж слишком много. У Мишки сложилось ощущение, что все это натаскано сюда специально.

– Давайте-ка все это выкинем, не продавать же вместе с хламом!

Очищенный от мусора фургон неожиданно предстал в совершенно ином виде. Мишка как-то сразу и не обратил внимания на то, что неряшливый рогожный тент был вовсе не натянут на дуги, а надет на деревянный корпус в качестве чехла, маскирующего очень добротный, прочный и аккуратный вагончик. Не хватало только задней стенки. Что-то еще зацепило сознание, но Мишка никак не мог поймать мелькнувшую было мысль.

– Ну-ка, ребята, погодите, возок-то, кажется, не прост!

Мишка вылез наружу и внимательно осмотрел фургон. Вроде бы все как обычно, только стоит не на колесах, а на полозьях. Заглянул внутрь и...

– Ага! Роська, Демьян! А добыча-то у нас, похоже, с начинкой! Смотрите, какое дно толстенное, такое разве бывает?

Отроки тут же взялись исследовать буквально каждый сантиметр фургона. Первому повезло Кузьке.

– Есть! Тут вот планка съемная, только колеса вытащить надо – мешают.

Тележные колеса выкатили, планку сняли, и оказалось, что половина дна фургона по всей длине откидывается, наподобие крышки люка.

«Мда-с, не зря на скоморохов грешат, что они грабежом балуются. Эти, пожалуй, и не баловались – всерьез работали».

В двойном дне фургона обнаружился целый склад: два тюка с одеждой, десяток пар сапог, несколько рулонов тканей, тючок с яркими платками из дорогих материалов (были даже шелковые!), два великолепных составных лука, несколько кошель с различными монетами и ларец с ювелирными изделиями. Оказались в тайнике и четыре воинских доспеха – кольчуги, шлемы с бармицами, пояса с оружием. О судьбе их хозяев более чем наглядно свидетельствовали дыры в кольчугах, пробитые стрелами со спины, напротив сердца.

– Купцов грабили, – со знанием дела пояснил Петька. – У простых путников такого не наберешь.

– А доспехи?

– Охрана, наверно: доспех простой, без украшений. Видите, били в спину.

– Сколько же это все стоит? – поинтересовался хозяйственный Кузька.

– Да уж десятка три гривен, если без монет и того, что в ларце, – довольно уверенно определил Петька. – Про украшения не знаю, отца надо спрашивать.

– Ну вот, Роська! – Мишка ободряюще хлопнул мальчика по плечу. – Третью этого всего по закону твоя! Спокойно выкупиться можешь! Повезло, как по заказу! Петь, сколько ему на выкуп потребуется?

– Не знаю. Если бы на нем долг был, тогда – долг с лихвой. Вернул и свободен. Если его на торгу покупать, то за один только доспех можно десяток таких парней выкупить. А он на войне взят, значит, долга на нем нет. И его не продают, если холоп сам выкупиться хочет, то хозяин любую цену может

назначить, и никто ему в этом не указ.

– Но этого-то всего хватит?

– Да говорю же, как хозяину захочется! Скажет «сто гривен», значит, сто! Скажет «веверица» – гуляй за треть резаны. Не угадаешь тут.

Мишка вспомнил о кормщике – мужик бывалый, знающий и к Роське хорошо относится, обязательно что-то путное посоветует.

– Роська, как ты думаешь, Ходок в ценах на все это разбирается?

– Он во всем разбирается!

– Тогда так, – принял решение Мишка, – прямо сейчас запрягаем и едем к ладейному амбару. Ходок сейчас там?

– Когда я уходил, был там.

– Ну вот, пусть поможет нам все это оценить и поделить на троих. А потом я деда попрошу с Никифором договориться о выкупе.

– Эх, раньше бы, хоть на день! – Роська сокрушенно вздохнул. – А сейчас Пашка нажалуется, будет мне вместо выкупа...

– Прорвемся, Роська, не грусти! – Мишка старательно пытался не дать Роське совсем отчаяться.

– Ну не людоед же дядька Никифор! – подхватил Кузьма. – Давайте, быстренько запрягаем, пока дед с Никифором не проснулись!

* * *

– Значит так, ребята, – Ходок хитро подмигнул всем сразу. – Разбогатели вы в одночасье, как князья! Мы на ладье, дружиной, не всегда такую добычу привозим, а вы в переулке ножичками помахали и вот – пожалуйста! Такое везение один раз в жизни случается, и то не у всякого. У меня было, да счастья не принесло. Ну, да ладно, не о том разговор.

Сначала – монеты. С этим проще всего. На каждого выходит почти гривна с четвертью. Четверть неполная, но это мелочь. Про остальное сказать сложнее, все зависит от того, какие цены на торгу. В Киеве, например, в подходящее время можно это сбыть раза в полтора дороже, чем здесь и сейчас. Но все равно на каждого приходится не меньше десяти гривен, может, даже и двенадцати. Товар, кроме одежды и сапог, дорогой, и не всегда на него покупателя найдешь, особенно если все сразу продавать.

Дальше. Много ли народу о вашей находке знают?

– Только мы, больше вроде бы никто не видел.

– Тогда – молчок, – Ходок внимательно оглядел парней и счел нужным пояснить: – Вам со своей долей до Ратного больше ста верст добираться. Если слушок о находке пойдет, обязательно найдутся охотники перехватить вас на дороге. Вы, конечно, ребята боевые, спору нет, но и те, что на большой дороге промышляют, тоже не дети малые. Видели дырки в кольчугах? То-то. Праздники заканчиваются, народ с торгового начинается – с деньгами, с товарами. Разбойнички это знают и к работе своей уже готовы. Поэтому незачем их еще и слухами раззадоривать. Понятно объясняю?

– Понятно, чего уж тут не понять.

– Теперь с тобой, Роська. Вляпался ты по самые... э-э уши, – Ходок сокрушенно покачал головой. – Привык ты на ладье жить, настоящей холопией остротки не знаешь. Спасибо, парни за тебя вступились, может, еще все и обойдется. Но! – Ходок выдержал многозначительную паузу. – Пока это дело не

разрешится, о выкупе – ни слова! Хозяин может в наказание всю твою долю отобрать, и не поспоришь – он в своем праве. Не отобьют тебя парни совсем – наказание вытерпи. Только потом уже о выкупе речь заводить можно. Два раза за одно и то же не наказывают.

– Отобьем! – Мишка вовсе не был так уверен, как старался это показать, но надо было поддержать Роську. – Если надо будет, я свою долю за виру отдам!

– И я тоже! – добавил Демьян.

– Это если хозяин захочет виру взять. А если не захочет? – Ходок снова многозначительно помолчал. – Надеемся на лучшее, готовься к худшему. Слыхали такую мудрость?

– Есть еще и другая мудрость, – ответил Мишка. – Делай, что должен, и будет то, что будет!

– Спорить не стану, – согласился Ходок. – Ты с князьями запросто беседуешь, купцов иноземных дуракамиставляешь, может, и с хозяином управишься. Однако о выкупе до разрешения дела – молчок.

– Слушай, а Никифор – он с похмелья как, сильно злой? – Мишкин вопрос был, разумеется, чисто риторическим, соответствовал ему и ответ Ходока:

– А кто с похмелья добрый бывает?

– Тогда лучше будет все до завтра отложить, – предложил Мишка. – Спрятать Роську есть где?

– Решат, что сбежал, – тут же возразил Ходок. – Спрятать-то не трудно...

– Я слово дам, что с утра его приведу.

– Михаила, тебе сколько лет?

– Да что вы все одно и то же? Сколько лет, сколько лет? Тринадцать, скоро четырнадцать будет!

– И много твое слово стоит? Почему на епископском суде Никифор вместо вас говорил? Ты, конечно, парень лихой, но до полноправного мужа тебе еще лет... Ну, сам понимаешь. Никифор плюнет на твое слово и объявит Роську беглым.

– Не плюнет, – уверенно заявил Мишка. – Ему с нами жить, и доход он с нашей помощью имел и иметь будет. Ты вот меня беседой с князем попрекнул да купцом сарацинским, а чего и сколько Никифор с того дела поймет, представляешь?

– Даже и не берусь, но намек понял. До крайности Никифор дело доводить не станет, – Ходок с интересом глянул на племянника хозяина: такой аргументации от тринадцатилетнего пацана он, похоже, не ожидал. – Хорошо, будем надеяться, справитесь. Тогда, значит, так и решаем: Роську до завтрашнего утра прячем, о находке вашей – молчок, разговоры о выкупе – после всего. Осталось последнее... – Ходок неожиданно притянул к себе Роську и заглянул ему в глаза. – Ну, допустим, выкупился ты, что дальше? Куда пойдешь, как жить будешь?

– К ним попрошусь, в воинское учение. Демка сегодня мне сказал, что я достоин.

– Вот оно как... – Роськин ответ тоже оказался для кормщика неожиданностью. – Что, Михаила, и впрямь возьмешь?

– Решать, конечно, деду, но думаю, что мне не откажет.

Ходок нахмурился, потерев пальцами бороду, потом, хлопнув себя ладонями по коленям, поднялся с лавки.

– Ну, если вы уже все решили... – недоговорив, кормщик отвернулся и принялся ссыпать в кошелю пересчитанные и рассортированные монеты. В амбаре повисла неловкая пауза. Такое проявление чувств

видавшего всякие виды морехода оказалось для ребят полной неожиданностью. Всем вдруг стало понятно, что Ходок за многие годы привязался к Роське, и то, как легко парень соглашается с ним расстаться, не на шутку расстроило кормщика.

– Ходок... – Роська потянулся подергать своего воспитателя за рукав, но тот уже затянул завязки на кошельках, резко обернулся и швырнул их Мишке.

– Всё! Забирайте свою добычу и уматывайте! – Ходок выговорил это зло, не глядя на ребят. Помолчал, играя желваками на скулах, одернул рубаху и добавил: – Идите, Роська здесь пока побудет.

* * *

Успел Пашка наябедничать отцу или нет, осталось невыясненным – дед с Никифором наопохмелялись так, что снова уснули прямо за столом. Немой же в продолжении банкета участвовать не стал, а выпив чуть ли не кадушку рассола и весьма характерными жестами выяснив у Семена, где можно попользоваться услугами гулящих девок, отбыл в указанном приказчиком направлении.

«Всё, дела в Турове, надо понимать, завершены. Дед с Никифором оттягиваются по полной, Немой пошел восполнять недостаток женского внимания к своей персоне. А что? Парня вполне можно понять: далеко не красавец, натура замкнутая, мрачноватая, а тут еще голоса лишился да рука покалеченная. А лет-то ему тридцать – природа своего требует. В Ратном с этим делом особо не разгуляешься, есть, конечно, бабы, про которых всякое треплют, но так вот – за деньги... Не подцепил бы чего...»

Вернулся Немой только вечером, голодный, как крокодил, и засел на кухне, без разбора поглощая все, что предложила ему кухарка. Продолжалось это долго, потому что из-за ранения в горло откусывал он пищу очень маленькими кусочками, а потом еще долго и тщательно жевал. Челядь, то ли забыв о нем, то ли посчитав еще и глухим, сплетничала не стесняясь. Результатом сидения на кухне стало то, что Немой вытащил уже засыпавшего Мишку из постели и заставил рассказывать о произошедших утром событиях.

Рассказывать ему что-либо оказалось сущим мучением. Полное отсутствие мимики и вообще какой-либо реакции на сказанное создавало ощущение, что Немой либо не понимает собеседника, либо вообще не слышит. Выслушав Мишкино повествование, он некоторое время посидел в задумчивости, а потом, даже не взглянув на Мишку, завалился спать.

«Вот и поговорили, блин. С тем же успехом можно было бы вещать в дырку отхожего места. И чего ему понадобилось? Вроде бы никогда без дедова указания ни в какие дела не вмешивается... Гривна десятничья к активности побуждает, что ли? Вот тоже интересно: а как он десятком командовать собирается, немой-то? И где дед ему десяток ратников наберет? У нас и так в трех десятках некомплект, а четвертый – Данилы – и вообще долго жить приказал. Ну, это дедовы заботы».

* * *

Судилище Никифор решил обставить со всевозможной показательностью. Роську, которого утром привел Ходок, все-таки связали и запихнули в погреб. Там он и просидел полдня, пока дед с Никифором отпаивались рассолом, отпаривались в бане и проводили прочие антипохмельные процедуры. Широкое крыльцо Никифорова дома застелили ковром, поставили на нем стол и лавку, во двор собрали всю челядь, работников, прочих людей, тем или иным образом зависимых или находящихся в родственных связях с хозяином. Сидячие места на стоящей сбоку лавке предоставили жене Никифора, его сестре, сыновьям и Немому, остальным предназначалось присутствовать при разбирательстве стоя. Председательское место занял дед, как старший мужчина в семье, Никифор же взял на себя роль обвинителя.

Привели Роську – связанного и в сопровождении одного из работников, вооруженного копьем. Особо

опасный злодей, да и только! Никифор сформулировал обвинение. Оказывается виновным был не только Роська – холоп, поднявший руку на хозяйского сына, но и Мишка с близнецами, угрожавшие оружием Никифоровым людям. То, что угроза была нешуточной, подтверждалось тем, что несколько дней назад этими же самыми ножами отроки отправили на тот свет троих татей. Такая подробность, как проломленные кистенями головы двоих из нападавших, Никифором упомянута даже не была.

Закончил Никифор обвинительную речь весьма зловеще:

– По обычаям пращуров наших, если раб убил хозяина, должны быть убиты все рабы в доме; если раб ударил хозяина, должен быть убит сам раб, если гость обнажил оружие на хозяина, то должен быть убит, или изгнан с позором и лишением всего имеющегося при нем достояния! К тебе, Корней Агеич, сотник княжеский, обращаюсь за справедливым решением как к старшему мужчине в семье и как к князьему человеку, облеченному властью.

– Кхе! – дед суровым взглядом обвел собравшихся во дворе людей. – Слово сказано! Обвинение произнесено. Кто может сказать что-нибудь в защиту обвиняемых?

– Я могу! – Кузька выскочил из толпы, как чертик из шкатулки. – Не так все было!..

– Молчать! – дед громко хлопнул по столу ладонью. – На суде говорят только честные мужи! Остальные отвечают только когда их спросят! Кто из мужей имеет что сказать?

– Я! – Вперед вышел Ходок.

– Кто таков?

– Авраамий по прозванию Ходок, кормщик на ладье купца Никифора, сына Павлова из града Турова.

– Вольный?

– Да!

– Имение в Туровской земле есть?

– Половинная доля в ладье и прибытках с нее.

– Можешь говорить!

«Блин, надо быть не только совершеннолетним, но еще и иметь имущество или недвижимость! Иначе – молчи в тряпочку. Попали...»

– Ростислав, повелением Никифора Палыча, под моей рукой ходит. Я недоглядел за мальцом, часть вины – на мне. Понеже оный Ростислав юн и, по молодости лет, за себя отвечать не может, беру на себя всю вину и готов уплатить виру, какую княжий сотник укажет.

– Никифор? – дед оборотил взгляд на обвинителя. – Твое слово!

– Под его рукой Роська только на ладье. Власть кормщика на берегу кончается. Присматривать за ним на земле я Ходоку не велел. Слово его – неверно!

– Так, кто еще? – дед хмуро оглядел собравшихся перед крыльцом людей.

С лавки поднялся Немой. Никифор удивленно воззрился на нового участника процесса.

– А как же ты... это... И чего ты видеть мог? Мы же втроем... того...

Немой указал на выходящее во двор небольшое окошко, потом на свои глаза.

– Ага, в окошко все видел?

Немой кивнул.

– А говорить как будешь?

Немой подошел к Мишке, положил руку ему на плечо и, задрав голову так, что стал виден кошмарный шрам на его горле, покачал пальцем висящую на шее серебряную гривну.

– Чего-то я не понял... – нерешительно протянул Никифор.

– Кхе! А чего тут понимать? – хмурое до того лицо сотника немного посветлело. – Десятник Андрей пожалован князем Вячеславом Владимировичем в наставники Младшей стражи. Он приказывает старшине Младшей стражи говорить за него! Десятник Андрей – княжий человек и говорить на суде может всегда!

Дед вперился взглядом в Мишку и медленно, подчеркивая интонацией каждое слово, произнес:

– Слушаем. Тебя. Десятник. Андрей.

«Гениально, сэр! Говорите, что угодно, а отвечать станет Эндрю, эсквайр! Лорд Корней, разумеется, мудр, аки змий, но качество подлянки, которую он сейчас устроил своему свояку, даже не представляет. Понеже, как выразился любезный Абраша, никто из присутствующих ни разу в жизни не сподобился слышать выступления депутата по процедурному вопросу. Сейчас услышите, почтеннейшая публика! Внукам рассказывать будете!»

– Ваша честь! – Мишка поклонился деду. – Уважаемые жители стольного града! – Мишка отвесил поклон родственникам, сидящим на скамье. – Почтенный негоциант Никифор Павлович из Турова! – поклон в сторону хозяина дома. – Суд, неправильно начатый, и далее идти неверным путем будет. К неверному же решению и придет! Посему сделаем то, что с самого начала сделать обязаны были!

Мишка снял шапку и, перекрестившись на виднеющиеся над крышами домов церковные кресты, нараспев начал:

– Услышь, Господи, правду, внемли воплю моему, прими мольбу из уст нелживых. От Твоего лица суд мне да изыдет; да воззрят очи Твои на правоту.

Говоря по чести, Мишка не знал, какая молитва должна предшествовать судебному разбирательству. Начала суда на епископском подворье он не видел, поскольку был вызван для допроса позже. Но поскольку в шестнадцатом псалме были слова: «От Твоего лица суд мне да изыдет», Мишка счел этот текст подходящим, тем более, что никто из присутствующих в школе отца Михаила не учился и вряд ли мог уличить его в невежестве.

Мужчины посдергивали с голов шапки, сидящие поднялись на ноги, все присутствующие принялись креститься, но слов никто, как Мишка и ожидал, не знал. Нет, один все-таки нашелся! Абрам Ходок подхватил слова шестнадцатого псалма Давида звучным голосом, умудрившись при этом хитро подмигнуть Мишке.

– Утверди шаги мои на путях Твоих, да не колеблются стопы мои. К Тебе взываю я, ибо Ты услышишь меня, Боже; приклони ухо Твое ко мне, услышь слова мои. Яви дивную милость Твою, Спаситель уповающих на Тебя... От лица нечестивых, нападающих на меня, – от врагов души моей, окружающих меня.

Мишка в упор уставился на беззвучно шлепающего губами Никифора, изображавшего произнесение слов молитвы.

– Они подобны льву, жаждущему добычи, подобны скимну, сидящему в местах скрытных.

Никифор вильнул глазами в сторону и вдруг совершенно по-мальчишески, прижатыми к бокам локтями подтянул штаны, тут же жутко смутившись от неуместности произведенного действия.

– От людей – рукою Твоею, Господи, от людей мира...

Мишка повернулся к Пашке и вперился взглядом в его растерянную рожу.

– ...сыновья их сыты и оставят достаток детям своим.

Пашка, казалось, был готов удариться в бега, во всяком случае, сдвинулся так, чтобы заслониться от Мишки телом матери.

– А я в правде буду взирать на лице Твое; пробудившись, буду насыщаться образом Твоим.

– Аминь!

Похоже, необходимый эффект был достигнут. Сценарий Никифора сломан, сторона обвинения приведена в некоторое замешательство. Можно было попытаться взять инициативу в свои руки.

– Ваша честь! – Мишка снова поклонился деду. – Негоциант Никифор из Турова сослался на обычаи пращуров наших. Конечно же, все мы память и обычаи предков чтим! Но суд наш правит княжеский сотник, а потому может ли он судить иначе, нежели по Русской Правде князя Ярослава Владимировича Мудрого? Если я ошибаюсь – прости великодушно, если я прав – прошу указать негоцианту Никифору на его ошибку.

– Кхе! Никифор, ты ж ведь не супротив Русской Правды?

– Как можно! Винюсь, Корней Агеич, оговорился!

«Браво, сэр, обвинение поставлено в положение оправдывающегося! Dura lex, sed lex! Продолжаем!»

– А в Русской Правде сказано: «В смерти волен только князь». Если ты, Никифор Палыч, говоришь о казни, значит, этому судии не доверяешь и хочешь, чтобы дело разбирал князь?

– Да о какой казни? Ребенок же! Михайла, ты чего несешь?

– Десятник Андрей! – настырно поправил Мишка.

– Э? Да, десятник Андрей. Никакой казни, и к князю незачем... Подумаешь, мальчишки подрались. Чего там князю разбирать? Если к князю со всякими пустяками ходить...

– Значит, пустяки, мальчишки подрались?

– Ну, да... это самое... Нет! Один-то мальчишка – холоп, а второй – мой сын! Дело, конечно, не для княжьего суда, но... Я хозяин, мой холоп провинился, я и сужу. То есть Корней Агеич. Ты меня не сбивай, Мих... Андрей!

– Хорошо, дело для княжьего суда мелкое. Но все же достаточно серьезное, чтобы обращаться к княжьей власти в лице сотника. Так?

– Да нет же! Корней Агеич, как старший мужчина в семье...

– Значит, суд – чисто семейный?

– Ну, да! Мой холоп провинился в доме, чужие люди не замешаны. Да! Суд – семейный!

– Тогда какой разговор о том, чтобы гостей лишать достоинства и гнать? Или мы не родственники? Или родственникам, без ущерба для хозяина, нельзя твоим людям на их неверное поведение указать? Приказчику дозволено грубить родне, а родственникам молчать? Если приказчик важнее нас, то что ж ты его за этот стол не усадил? – Мишка указал рукой на стол, за которым восседал дед.

– Ты что несешь, Михайла? Ты как... – Никифор в замешательстве сдвинул шапку на затылок и растерянно уставился на деда выпученными глазами.

– Десятник Андрей! – снова поправил Мишка.

– Да перестань ты! Что ты из меня дурака делаешь. Молчит твой Андрей, это все ты...

Немой сердито топнул ногой и, уставившись на деда, ткнул указательным пальцем в Никифора. Дед, все это время сидевший молча, величественно олицетворяя правосудие, выслушивающее прения сторон, а на самом деле (и Мишке было это заметно) чем-то сильно обеспокоенный, отреагировал с подобающей его положению решительностью. Снова хлопнул по столу ладонью и заорал:

– А ну тиха-а-а! Молчать всем! Михандрей! Тьфу! Михайла, объясни толком: чего Андрей хочет? Чего он крутит-то?

– Десятник Андрей желает точно знать две вещи. Первая – какой у нас суд: княжий или семейный? Это мы уже выяснили – семейный. Вторая – кто мы здесь: члены семьи или нежеланные гости? Если члены семьи, то о каком изгнании и лишении достоинства идет речь? Если же гости, то почему гостя посадили судить самого себя?

Никифор что-то хотел сказать, но дед раздраженно махнул на него рукой и дал разъяснения сам:

– Суд – семейный! Чужих людей здесь нет! Холопы у тебя, Никифор, распустились: на племянников твоих так нападают, что ножами отмахиваться приходится! Неудивительно, что и малец у них дурному научился! Всем все понятно?

«Однако! Лорд Корней тоже не лыком шит, еще немного – и начнём судить приказчика за нападение на племянников хозяина. Но почему Никифор-то так легко на мои подставы ведется? Не должен бы, он же купец, битый и крученный мужик. Или от неожиданности? И дед чего-то нервничает, вон, даже шрам на лице покраснел. А может, оба еще с бодуна не отошли?»

– Так, – продолжил дед – теперь к делу. Отрок Павел! Кто твои слова подтверждать станет? Мать? А из мужей некому? Ладно, становись рядом с матерью и помни: если соврешь – спрос с нее будет! Что тут было?

– Минька...

– Михаил! – поправил дед.

– Ага, Михаил Петьку... ой, Петра ударил.

– За что?

– Просто так.

– Просто так: подошел и ни с того ни с сего ударил?

– Нет, мы ему предложили на кулачках подраться. Шутейно. А он сначала не хотел. А потом говорит: «Бей».

– Ну, дальше!

– А Петька... Петр не стал. А Михайла опять говорит: «Бей, а то я ударю». И ударил.

– Дальше!

– Дальше – повернулся и пошел.

– И все?

– Ну, мы... это... Мы на него сзади...

– Вдвоем?

– Да...

– И что?

– Он как-то так сделал, Петька сразу скрючился и упал, а на меня этот накиннулся!

– Кто этот?

– Роська. Я упал, а он... это, как его... Да не смел он меня трогать, холоп!

– Бил?

– Хотел, но Михайла не велел.

– Бил или нет?

– Хотел, но Михайла...

– Я спрашиваю: бил или нет?

– Нет.

– Дальше.

– Я Семена позвал, Панкрата. Велел холопа Роську вязать и в погреб, а Михайла с ножом... И Кузька с Демкой тоже.

– Что – ножом?

– Ну... это... пугал.

– Дальше.

– Дальше Петька сказал, чтоб уходили. Ну, они и ушли.

– Всё?

– Он – холоп! Он на меня руку поднял!

– Я спрашиваю: всё? Больше ничего не было?

– Не было.

– Отрок Петр, теперь ты. Встань рядом с матерью. Рассказывай, как было.

– Пашка... Павел мне говорит: «Чего этот Минька задается? За столом нас опозорил, на торгу представляет, князь ему перстень золотой подарил. Родители все время попрекают: Минька такой, Минька сякой, не то, что вы, охламоны. Давай его поучим. Вон он, как раз, один на дворе. Вдвоем справимся». Я говорю: «Я и один справлюсь». Ну, и пошли. А он сначала не захотел. Я думал – испугался, стал подначивать, а он говорит: «Ладно, бей». Ну а мне непривычно, так вот – сразу. А он говорит: «Бей, а то я ударю». И как даст мне в лоб! Я еле на ногах устоял. А он повернулся и пошел. Ну, мне обидно стало, я – за ним, и Павел со мной. Я смотрю: от ворот Роська бежит, вроде как Михайлу защищать. Я только хотел крикнуть, чтоб не лез, а Михайла мне в дых как даст! Я и обмер.

– Что потом?

– Ну, пока отдышался да опомнился... Смотрю: Пашка на карачках стоит, Панкрат с поясом на Роську идет, а между ними Михайла с ножом. Я тогда Семену крикнул, что все на себя беру, и чтобы он уходил. Они с Панкратом и ушли.

– Всё?

– Роська не виноват, он Михайлу защищать кинулся! Вся вина на мне, это я на Пашкину подначку поддался, забыл, что Михайла воинское учение прошел. Он нас еще пожалел, мог бы так отметелить... Корней Агеич, прости Роську, он честно поступил. Мы вдвоем на одного и сзаци.

– Всё?

– Всё.

– Десятник Андрей!

Немой снова положил Мишке руку на плечо и слегка сжал.

– Десятник Андрей увидел в окошко, что ко мне подошли сыновья Никифора Палыча и предложили подраться на кулачках, – снова взялся Мишка выступать вместо Немого. – Десятник Андрей, зная, что я обучен кулачному бою и легко могу с ними справиться, за меня не обеспокоился, но побоялся, что я могу ребят крепко побить, и погрозил мне пальцем в окно.

– Андрей, так было?

Немой кивнул.

– Я сначала отказался, и это было глупостью, потому что братья решили, будто я испугался. Миром было уже не разойтись. Тогда я предложил Петру бить первым. Он не стал. Я предложил еще раз, он опять не стал. Ему было непривычно вот так – сразу, надо было сначала потолкаться, всякими словами друг друга обзывать, разозлиться, как это обычно бывает у мальчишек. Но тогда их пришлось бы бить крепко. Поэтому я ударил сам, но так, чтобы только ошеломить, без вреда для здоровья. Павел после этого отбежал, и было похоже на то, что все закончилось.

Я пошел к воротам, но Петр и Павел кинулись на меня сзади. Ростислав как раз в это время входил в ворота, увидел, что на меня нападают сзади вдвоем. Он никого не бил, а просто прикрыл меня своим телом, чтобы на меня не напали с двух сторон. Он тоже не знал, что для меня это нестрашно. От столкновения оба упали. Павел стал звать на помощь, и когда на его крик явились Семен и Панкрат, приказал вязать Ростислава и угрожал ему казнью.

Я вступился за него, так же, как перед тем он вступился за меня. Чтобы не доводить дело до крови – а иначе мне с двумя холопами было бы не справиться, я вызвал свистом Кузьму и Демьяна. Когда они вышли, я напомнил Семену и Панкрату, что мы втроем завалили троих татей в переулке. Это подействовало – они смутились. После этого Петр сказал, что берет всю вину на себя, и велел Семену и Панкрату уходить.

Десятнику Андрею из окна было хорошо видно, что со стороны Ростислава никакого рукоприкладства не было. Павел и Ростислав столкнулись на бегу телами и оба упали.

– Всё?

Немой кивнул.

– Старшина Младшей стражи Михаил. Встань рядом с десятником Андреем. Если совершь, грех будет на нем. Рассказывай, как было дело.

– Подтверждаю все, сказанное десятником Андреем через меня. Добавить к сказанному могу только одно: Петр и Ростислав повели себя достойно. Ростислав кинулся меня защищать, думая, что мне угрожает опасность, а Петр, несмотря на то, что был бит, поступил справедливо и пресек возможное опасное продолжение дела.

– Кто еще может что-нибудь добавить? Никто? Никифор, можешь кого-то во лжи уличить?

– Нет.

– Для кого и какого наказания просишь? Какое удовлетворение хочешь для себя?

– Пашку, паскудника, накажу сам – по-родительски. Петра... надо бы наказать, да правильно себя повел под конец. Прощаю. У тебя, Корней Агеич, прошу прощения за то, что сгрубил невольно, а Михайлу

благодарю, что не стал моих балбесов в полную силу бить, хотя и заслуживали. Холопу Роське прошу определить наказание за вмешательство в дела междоусобицы и нападение на хозяйского сына.

– Так! – дед встал с лавки. – Слушай приговор! Тебе, Никифор, порицание за плохое воспитание младшего сына. Коварным, лживым и подлым растет, тебе же на старости лет от этого худо может быть. Задумайся, Никифор. Тебе же похвала за старшего сына – крепким и честным мужем станет. Тебе же порицание за распущенность твоих холопов: на твоих же племянников наперли так, что железом отпугивать пришлось. Они у тебя кто, закупы?

– Взятые в холопы за долги.

– Вира за грубость к родственникам хозяина – увеличение долга на три куны каждому. Холопа Роську, за вмешательство в дела междоусобицы и нападение на хозяйского сына, хотя и без побоев и вреда для здоровья, наказывать телесно – плетьюми. Наказывать умеренно, без вреда для здоровья. Телесное наказание может быть заменено виной ценой в одну гривну, но при условии, что уплативший виру должен выкупить и холопа Роську, понеже виноватого и ненаказанного холопа в доме оставлять нельзя, дабы другим рабам дурного примера не было.

«Дурацкий какой-то приговор. Совершенно же ясно, что Роську спровоцировали обстоятельства и злого умысла у него не было. И условие выкупа какое-то странное... Да будет вам, сэр Майкл, вспомните, как вас самого Смольненский Федеральный суд славного города Санкт-Петербурга судил. Даже прокурор толком суть обвинения объяснить не мог. Приказали им и судили, потому что так решил кто-то в Москве. Попали под кампанию, как под трамвай. Это уже в Крестах у вас превышение меры необходимой самообороны случилось... Все так, но кто и что мог деду приказать? Ни хрена не понимаю!»

– Никифор, – продолжал между тем дед, – приговор понятен?

– Да, батюшка Корней Агеич! Принимаю и обязуюсь исполнить.

– Десятник Андрей, приговор понятен?

Немой кивнул.

– Кто-нибудь виру и выкуп за холопа Роську внести желает?

– Андрей! – Мишка толкнул Немого в бок. – Роську выручать надо. Мне нельзя, выкупать взрослый должен.

Немой снова взял Мишку за плечо и выдвинул вперед.

– Десятник Андрей желает!

– Никифор, твое слово!

– Ха! У меня холопы дорогие! Сколько даешь?

«Блин, торговаться-то я и не умею! Профессионалу продую наверняка!»

– А сколько запрашиваешь? – раздался над ухом еле слышный голос Ходока.

– А сколько запрашиваешь, Никифор Палыч? – повторил подсказку Мишка.

– Сначала виру выложи.

Снова шепот сзади:

– Дай сарацинский перстень.

– Вот! – Мишка выложил на стол перед дедом подарок, полученный от мусульманина.

Дед повертел перстень в руках.

– Тяжел, камень крупный – за гривну пойдет!

– Так сколько запрашиваешь, Никифор Палыч? – снова обратился к дядьке Мишка.

– У Роськи цены еще не было – он в бою взят. Ты предлагай, а я подумаю.

– Удвой – снова прошептал Ходок.

– Даю еще гривну!

– Покажи деньги!

Мишка высыпал на стол свою долю монет, найденных в скоморошьем фургоне.

– Мало!

– Сколько ж ты хочешь?

– Не знаю, но пока – мало.

«Падла, не называет цену, так все из меня вытянет! Профессионал, блин».

Снова шепот:

– Украшения, за три.

– Даю еще три гривны! Кузька, подай!

Кузька высыпал на стол кучку ювелирных украшений.

– Здесь трех гривен нет!

Опять подсказка Ходока:

– Сам цену не называет, значит – твоя.

– Ты, Никифор Палыч цену называть не желаешь, значит, пользуемся моей ценой. Здесь – три гривны!

– Мало!

– Побойся Бога, на торгу за это можно...

– Вот на торг и иди!

«Глупость сморозил, обычным заходом его не возьмешь. Он играет на своем поле и своими картами. Что ж придумать-то?»

Снова сзади звучит подсказка:

– Доспех, за десять.

– Удваиваю! Кузька, доспех.

Кузька с Демкой приволокли доспех.

– Не стоит доспех десяти гривен!

– Называй цену или бери за десять!

– Ладно, беру за десять. Все равно – мало.

– Роськину долю, за пятнадцать. И про родство напомним, – опять подсказал Ходок.

– Удваиваю! Кузька, доспех и кошель!

– Мало!

– Дядька Никифор, с родней торгуешься. Тридцать гривен со своей семьи за отрока! Мы же не чужие!

– Денежки родства не знают!

– Римляне говорили: «Деньги не пахнут».

– Вот и я не нюхаю, откуда у тебя тридцать гривен.

– А чего тут нюхать? Из того самого переулочка. Епископским судом мне отдано. Нюхай не нюхай, все чисто!

«Нужен нестандартный ход! Блин, что для этого выжиги может стать неожиданностью? И дед чего-то совсем сник, как будто в тотализаторе на меня ставку сделал. Но что же придумать?»

– Кстати, Михайла, тут не тридцать, а двадцать девять! – придрался Никифор. – Одна-то за виру идет!

– На! – Демка вытащил из-за пазухи кошель со своей долей монет. – Теперь тридцать!

– Все равно мало!

– Да куда тебе столько?

– А это уж – мое дело!

«Ну да, коммерческая тайна... Стоп! Коммерческая тайна? И кто же, кроме тебя, твои делишки в подробностях знает? А делишек много, мать мне очень интересные вещи тогда про тебя поведала. А знает о них, если не все, то много, Семен. Как-никак главный приказчик. А он у тебя в холопах за долги».

– Ну что, Михайла, иссяк? – Никифор давил, не давая ни секунды на то, чтобы что-нибудь придумать, сбивал с мысли. Роба его постепенно расплывалась в торжествующей улыбке, а дед сидел мрачный, как на похоронах.

«Что-то не то. Обратите внимание, сэр, опытный купец переиграл пацана, а радуется, как будто крупную сделку провернул. Не странно ли? И лорд Корней как-то уж слишком опечален. Что-то тут не чисто...»

С мысли опять сбил голос Пашки:

– Нет, батяня, не иссяк он! У них еще есть, я подсмотрел!

«Ну, паскуда, купецкий сын!»

– Слышь, Михайла, что Пашка говорит? Давай, набавляй цену!

– Мало ли, что чужие люди болтают, – отмахнулся Мишка.

«Уводить, уводить разговор в сторону, нужна пауза для размышлений!»

– Чужие? – возмущился Никифор. – Это ж брат твой двоюродный!

– Нет, Никифор Палыч, – Мишка отрицательно покачал головой. – У меня в Турове только один брат – Петр Никифорович! А этого, – небрежный кивок в сторону Пашки, – я не знаю, и звать его – никак.

Никифор озадаченно уставился сначала на Мишку, потом на своего младшего отпрыска, давая племяннику драгоценные мгновения, для того, чтобы что-нибудь придумать.

«Испугаешься ли ты, если Семен в чужих руках окажется? Должен! Коммерческая тайна – это такая штука... Ну, держись, дядька Никифор!»

– Семен! – громко спросил Мишка, оборачиваясь к старшему приказчику. – Ты сколько хозяину должен?

– А чего?

– Спрашиваю – отвечай, еще виру за грубость хочешь?

– Четыре гривны. И гривна с семнадцатью кунами лихвы. И сегодня еще три куны.

– Для ровного счета, будем считать – шесть, – подвел итог Мишка. – Бери со стола шесть гривен и отдавай при свидетелях Никифору Палычу. А ты, дядька Никифор, неси кабальную запись. Отказать не имеешь права – должник при свидетелях вернул долг и лихву тоже. Теперь он не твой, а мой!

– Стой, племянш, ты чего творишь?

«Есть, в яблочко!»

– Денежки родства не знают!

– Да погоди ты! На кой тебе Семен сдался?

– А это уж мое дело!

– Тебе же Роська нужен был!

– Дорого запрашиваешь, да и прибытку с него... – Мишка пренебрежительно сморщил нос. А с Семена мне польза будет... Сам понимаешь! Неси кабальную запись! Или, может быть, хочешь Семена на Роську обменять? Так Роська дешевле Семена раз в десять! Или не так?

– А, провались ты! – Никифор в сердцах швырнул шапку оземь. – Проиграл! Едрит твою бабушку, такой заклад! Нет, Корней Агеич, с тобой об заклад биться – лучше сразу самому повеситься! Вырастил внука, мне бы такого парня! Эх...

Никифор неожиданно улыбнулся, подскочил к Мишке и хлопнул его по плечу.

– Не сердчай на дядьку, племянш! Мы с твоим дедом об заклад побились: переторгуешь ты меня или нет? Я Роську тебе и так отдал бы, но больно уж интересно было. Ну, не сердисься?

«Так вот в чем дело! Всё было спектаклем: и суд, и приговор – всё для того, чтобы я с Никифором торговаться начал! Ну, лорд Корней, подсуропил... Так, стоп! А Ходок что, так же как на представлении, подсадкой работал?»

– А Ходок мне по твоему наущению нашептывал, дядька Никифор?

– Догадался? А ведь ты сначала купился. Ну признайся: купился?

– Купился, как не купиться было, – признался Мишка, – он же другом моим притворялся.

– Да он и есть твой друг! Просто я ему десятину от выигрыша пообещал.

– Друзей так дешево не продают. Их вообще не продают, иначе это не друзья.

– Да будет тебе, Михайла, – Никифор сам почувствовал неловкость ситуации и попытался отвлечь племянника. – Ты же все выиграл: Роська – твой, меня ты переторговал. Это меня-то! Деда обогатил, чего тебе еще-то?

– Ничего, только Ходоку я уже никогда доверять не смогу. И тебе не советую. Он как-то обмолвился, что однажды жар-птицу поймал, да счастья ему с того не вышло.

– Ну и что?

– Где он? – Мишка покрутил головой. – Смылся? Помяни мое слово: он сегодня напьется вусмерть, будет плакать и последними словами себя обзывать. Это хуже всего, сломанный он человек.

– Ничего-то ты про Ходока не знаешь, – насупился Никифор. – У него в жизни такое было, что тебе и не снилось.

– Никеша! – раздался с крыльца голос деда. – А не обмыть ли нам это дело? У тебя там в бочке с угорским еще и половины не убыло!

– Ха! Мудр ты, Корней Агеич, аки змий! И бочки винные взглядом пронзаешь, как копьем! Сейчас пойдем, только дело довершить надо. Павел! Ну-ка, подойди.

Пашка несмело, бочком приблизился, глядя на Мишку исподлобья.

– Кто перед тобой стоит?

– Ну, Минька.

– Кто он тебе?

– Брат двоюродный...

– Нет! Не знает он тебя и имя твое забыл! – Никифор схватил Пашку за ухо и, вывернув его так, что пацан заверещал от боли, заставил сына опуститься на колени. – Проси прощения у старшего брата, паскудник!

– А-а-а! Больно! Батяня, ты же сам учил...

– Чему учил? Родне гадить? Так, чтобы потом тебя знать не желали? Винись перед старшим братом!

– Винюсь! Прости, Михайла-а-а! Ой, больно, батяня!

– В землю кланяйся, в землю! Запомни: родичи – надежда и опора, без родни ты никто!

– Михайла, прости, ради Христа, больше не буду!

«Все правильно: Никифор чувствует себя виноватым, но просить прощения у пацана взрослому мужику неуместно. Вот Пашка за двоих и отдувается. Прощать же я должен не этого мелкого паскудника, а его отца. И не простить нельзя – патриархальный менталитет, туды его... Вон, мать Пашкина руки ломает, а встрять в мужской разговор не решается».

– Дядька Никифор, отпусти его. Я тоже палку перегнул, сгоряча от брата отказался. Я тоже виноват.

– Прощаешь паскудника?

– Прощаю, дядька Никифор, не сердись так, не понимает он еще силы родства, мал пока.

– Благодарю!

– Спаси тебя Христос, Михайла! – плаксиво проныл Пашка.

– Пошел в чулан! – Никифор от души пнул свое чадо под зад. – Сидеть, пока сам не выпущу! Я тебя научу родню любить!

– Дядька Никифор...

– Молчи, Михайла, свои дети появятся – поймешь.

– Я не про то... – Мишка указал подбородком на обмотанного веревкой Роську, рядом с которым все еще маялся холоп с копьем.

– Роська! Ты почему еще связанный? – непонятно чему удивился Никифор. – Развязать немедленно! Смотри сюда, парень. Отдаю тебя Михайле только вот за этот перстень. Видел, как он его заработал? Помнишь, что он князю сказал? Волкодав из чужих рук корма не берет! Так вот: если вдруг когда-нибудь появится у тебя мысль Михайле изменить... Ну-ну, не ерепенься, в жизни всякое бывает! Вспомни про этот перстень и про то, как он Михайле достался. И все дурные мысли из головы сразу уйдут. Ну... и не поминай лихом, я тебя не обижал. Ну вот, чего плакать-то, радоваться надо! Да развяжите же его! Семен! Волю

почуял? Я тебе дам волю! Развяжи парня! Бараны безрукие, Михайла, режь веревки!

Мишка перерезал путы, и Роська смог наконец утереть лицо, Кузька с Демкой в это время хозяйственно прибирали со стола не востребуемые сокровища.

* * *

Дед, Никифор, Немой и Мишка расположились в горнице за заново накрытым столом. Посреди стола красовался кувшин с угорским вином объемом литра четыре: попойка, надо понимать, заходила уже на третий круг. Мишка и в этот раз попытался увильнуть от участия, но Никифор буквально приволок его за стол, мотивируя свою настойчивость необходимостью поговорить о важных вещах.

– Батюшка Корней, позволишь Михайле налить?

– Плесни немного, пусть попробует, что такое угорское.

– Ну, Корней Агеич, с выигрышем тебя!

Мишка осторожно отхлебнул из чарки: ничего особенного – красное полусладкое, градусов пятнадцать.

«Это ж сколько было нужно трем здоровым мужикам выхлебать этого компота, чтобы поотрубаться? И бочка при этом за два дня опустела только наполовину. М-да! Если они ее допить собираются, домой мы поедем еще не скоро».

– А теперь, – Никифор утер рушником намоченные в вине усы, – Корней Агеич, признавайся, как на духу: сколько Михайле лет на самом деле? Не верю, что тринадцать!

– А я и сам, иногда, кхе!.. Если бы титешником на руках не держал...

«Э-э, дядечки, с этой темы надо срочно съезжать, неизвестно, до чего вы еще договоритесь!»

– А про что об заклад-то бились, дядька Никифор?

– Ой, не рви мне душу, Михайла, так продуться! Так продуться!

– Деда, ну хоть ты объясни!

– Кхе! Значит, так дело было. Рассказал нам Ходок про вашу находку и про то, что вы Роську выкупить собираетесь...

– Козел...

– Да будет тебе, Михайла, все равно, все на следующий день открылось, – Никифору явно не понравилось отношение Мишки к Ходоку. – Чего ты на него взъелся?

– Кхе, ну, мы с дядькой твоим об заклад и побились, – продолжил дед. – Сумеет Никифор из тебя все вытянуть или нет? Мне только надо было приговор такой вынести, чтобы ты обязательно взялся торговаться.

– А велик ли заклад был?

– Велик, – дед заметно смутился и принялся с преувеличенным вниманием разглядывать дно опустевшей чарки. – Наша доля прибытка с представлений.

«Блин! Весь наш заработок! Точно, по пьянке его Никешка развел!»

– И ты согласился?

– Кхе! Ну, так уж вышло...

– Но я же не мог купца переторговать!

– А переторговал!

– Да случайно же!

– Не, Михайла! – слегка поплывший Никифор поводил перед лицом указательным пальцем. – Не знаю, как у тебя это выходит, но я за тобой с самого приезда смотрю. Давай, Корней Агеич, еще по одной?

– Давай, Никеша!

Выпили, закусили, и Никифор продолжил с того места, на котором прервался:

– Я за тобой с самого приезда смотрю. Все у тебя вроде бы случайно, а только... Не, не бывает таких отроков!

– Мне это уже говорили, – мрачно прокомментировал Мишка. Злость на деда разбирала его не на шутку.

– Правильно говорили! – Никифор косел прямо на глазах, угорское на старые дрожжи шибало по мозгам, как дубиной. – Умный человек говорил! Э-э, а кто говорил?

– Волхва Велесова.

– О как! Корней Агеич! Ну что у тебя за внук! С князьями не робеет, попов охмуряет, с волхвами водится, купцов вокруг пальца обводит! Ты кого вырастил?

«Пора линять! Никифор сам не знает, насколько прав – не бывает таких пацанов. Слава богу, сейчас нажрется, может, забудет?»

– Пойду я, дядька Никифор.

– Нет, стой! У меня к тебе дело есть! Сейчас мы еще по чарочке, и поговорим!

– А может, сначала поговорим?

– Можно и сначала, но сперва выпьем!

«Да, джентльмены, такими темпами вы быстро до кондиции дойдете. А вам, сэр, лучше воздержаться, для вашего возраста да без привычки, и пятнадцать градусов – выше крыши».

– Корней Агеич! Батюшка! Челом тебе бью и в ноги кланяюсь!

Никифор полез из-за стола, намереваясь подтвердить слова делом.

– Сиди уж! – милостиво разрешил дед. – Чего просить-то хочешь?

– Яви божескую милость, снизойди к нижайшей просьбе...

– Да чего тебе надо-то?

– Заставь век Бога за тебя молить, по гроб жизни...

– Никеша, ты чего, ополоумел?

– Снизойди к нам, сырым и убогим, и обрати взгляд благосклонный...

– Никифор!!!

– А?

– Чего просить-то хотел?

– А я не сказал?

– Кхе! Не то, что бы совсем ничего не сказал, но... как-то невнятно.

– Да? Тогда – еще по одной!

– Давай! – Дед с Никифором приняли еще по одной.

– А теперь о деле поговорим, – напомнил Корней.

– Так уже поговорили же! – искренне изумился Никифор.

– Да? А я чего-то не понял. Может, еще раз начнешь?

– С начала?

– Ага!

– Так продуться! Ой, мама моя! Так продуться!

– Это уже было! Дальше давай.

– Челом бью, батюшка Корней...

– Это тоже было, дальше!

– Э-э... Все!

– Ага!.. Кхе... Понятно... Михайла, чего он хочет?

– Выпить.

– Ха! Ну, внук у тебя, Корней...

– Это тоже было!

– Ну, я не знаю! На тебя не угодишь... Я тебе битый час толкую... Михайла, ты-то хоть согласен?

– С чем?

– Да вы что? Сговорились, что ли?

– Это вы с дедом третий день «сговариваетесь». Ты уже всю выручку от представлений «сговорил».

– Ой, мама моя, так продуться!

– Кхе! По третьему кругу пошел. Вот, Михайла, гляди, что с человеком вино делает! Еще и бочку не допили, а уже... это... Ну, сам видишь. Знаешь, Андрюха, – дед повернулся к Немому, – он мне утром толковал, что ты вчера с нами не пил, а уходил куда-то. Совсем ничего не помнит! Эх, молодежь...

– Деда, пойду я.

– Ступай, внучок, незачем тебе на это непотребство глядеть. Иди, погуляй, может, еще кого в переулочке зарежешь...

– Вспомнил!!! – возопил вдруг Никифор.

– Кхе! Эк, тебя разбирает! Чего вспомнил-то?

– Возьми моего Петьку в воинское учение!

– Чего?

– Челом бью и в ноги...

– Молчать!

– Сирых и убогих, батюшка...

– Молчать, я сказал! Михайла, понял, чего он хочет?

– Петьку к нам в воинское учение отдать.

– А зачем?

– Не сказал.

– А сам как думаешь?

– Так третий же день квасит, он сейчас еще и не такое расскажет!

– Верно! Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. На третий день даже он правду сказать может.

– Ох, и мудр ты, Корней Агеич, – встрял заплетающимся языком Никифор, – а внук у тебя... Ты кого ему зарезать велел? Если вам все равно, кого, то я подсказать могу, есть тут один, ну такая сволочь! Или тебе обязательно по трое надо? Тогда еще и соседа его, который справа... или слева? А-а, давай обоих, как раз трое и получится!

– Может, тебе весь Туров вырезать? – кровожадно осведомился дед.

– Не, – Никифор протестующе замахал обеими руками, – весь не надо. Особенно... это... Тут недалеко такая вдовушка живет... Вот ее – ни в коем разе... Ха! Корней Агеич! – Никифор, что-то вспомнив, шлепнул себя ладонью по лбу. – А чего это мы все дома сидим? Пойдем, я тебя в такое место сведу, век не забудешь! Вот только выпьем, Петьку в Ратное отправим, и пойдем!

– Так! Андрюха, если дело до вдовушек дошло... Андрюха! Слышишь меня? Андрюха! Спит, ядрена Матрена... Ну что за времена настали, за чаркой посидеть не с кем. Куда все катится?

Дед горестно вздохнул и, подперев щеку кулаком, устремил полный скорби взгляд куда-то в пространство. – Деда, пойду я.

– Иди, внучок, чего тебе здесь сидеть? Расспроси там, чего Никифор про Петьку толковал? Может, Петруха сам знает? И это... Чего ж я хотел-то? А! Смотри и правда не нарежь кого-нибудь, третий день ведь пьем.

У дверей горницы маялся Петр.

– Ну, что? Согласились?

– Ты о чем?

– А что, отец так ничего и не сказал?

– Да сказал-то он много чего, только они же уже третий день гуляют. Сам понимаешь...

Петька помрачнел и повернулся уходить.

– Петруха, погоди. Там в разговоре мелькнуло: вроде бы отец хочет тебя в Ратное отправить. Ты про это спрашивал?

– Так чего ж ты дураком прикидываешься?

– Да не прикидываюсь я! Что ты сразу... Я ж говорю: только мелькнуло, а потом разговор в сторону ушел. Ты давай-ка мне все обскажи, а я к деду подкачусь. Он сейчас добрый.

– А чего обсказывать-то? Отец хочет, чтобы я у деда Корнея воинское обучение прошел. Вот и все.

– А сам?

– Чего – сам?

– Сам-то хочешь?

– Еще как!

– Смотри, это дело долгое и не простое, – Мишке даже самому стало противно от собственного

ханжески-наставнического тона, но Петька не обратил на это ни малейшего внимания.

– Ты же сказал, что я достоин!

– Верно, и от слов своих не отказываюсь. Только ты пойми: любое серьезное дело надо начинать с того, чтобы ясно понимать: зачем ты его делаешь, какой результат хочешь получить? Если ты только скакать да стрелять, как мы...

– Да нет же! Отец и правда все всерьез... Ну и я – тоже. Понимаешь, по дорогам опасно стало ездить. То есть и раньше опасно было, а сейчас и совсем. Приходится охрану нанимать, а она дорого стоит, и ненадежно это все. Тут слух недавно прошел, что одного купца своя же охрана ограбила и убила. На ладьях у нас Ходок командует, он с отцом в доле, ему предавать нас невыгодно, но и по суше ходить ведь тоже надо. Вот отец и хочет, чтобы Пашка торговыми делами занимался, а я воинскими. Свой-то человек всегда надежнее нанятого.

– Теперь понятно. Значит, отец твой это не по пьянке решил, а давно обдумывает?

– Не знаю. Но обещал, если дед Корней согласится меня в Младшую стражу взять, мне всю воинскую справу, как у вас, сделать.

«Пятый стрелок... Это, конечно, неплохо, только он ведь придет и уедет... Но мы же под это дело настоящий учебный центр организовать сможем! С таким-то спонсором... Надо только деду эту идею продать как-то поаккуратнее».

– Я прямо сейчас с дедом переговорю, – Мишка развернулся к дверям трапезной. – Жди здесь!

В «банкетном зале» веселье было в разгаре: Немой дрых, привалившись к стене, дед сидел, задумчиво подперев щеку кулаком, а Никифор, в залитой вином рубахе, что-то эмоционально, но совершенно неразборчиво рассказывал, правда, обращаясь не к деду, а к стоящему посреди стола кувшину.

– А-а, Михайла! – приветствовал внука дед. – Что, угорское понравилось?

– Я, деда, Петруху расспросил, как ты велел.

– Ну, и как она?

– Кто – она?

– Вдовушка.

– Да я не про вдовушку, а про Петьку! Дядька Никифор хочет его тебе в обучение отдать, чтобы он потом мог охраной командовать.

– Кто? – не понял дед.

– Петька!

– А вдовушка?

– А вдовушка нам будет платочком махать, когда домой поедем. Согласен?

– А как же? Только нам еще на торг надо – купить кое-что...

– А если на торг, то с ясной головой идти нужно, значит, спать ложись – ночь на дворе!

– Уже? – дед удивленно оглянулся на окошко. – А почему светло?

– Деда, ты глянь: Андрей уже спит.

– Никеша! – дед потряс того за плечо. – Давай еще по одной и спать.

– Да погоди ты, – отмахнулся Никифор, – на самом интересном месте...

– Спать, я сказал! – повысил голос Корней. – Завтра дел много.

– Ладно, я тебе завтра дорасскажу.

– Михайла! – дед уже орал, словно командовал сотней в бою. – Всем спать! А завтра, чтоб все как один, с платочками... И махать!

* * *

На следующий день, опохмелившись, дед принялся собираться на торг, как в дальний поход. Несмотря на то, что большая часть необходимого уже была закуплена через Никифора, а то и у него самого, дед велел запрячь сани, рассчитывая, видимо, затовариться так, что в руках все не унести. Но сразу заняться покупками не пришлось – народ толпами валил к берегу Струменя, торг быстро пустел, по всей видимости, намечалось какое-то неординарное мероприятие.

Никифор окликнул кого-то из знакомых, коротко переговорил с ним и вернулся с известием:

– Казнь будет!

– Кого казнят-то? – заинтересовался дед.

– Скоморохов давешних. Двоих – девку и старика, того-то, которому Михайла пол-уха отсек, Илларион с собой взял – дорогу указывать. А этих князь головой выдал епископу, за колдовство.

– Ну, пошли, посмотрим, что ли. Все равно торговли сейчас никакой не будет.

На льду Струменя стояли два столба, обложенные дровами, осужденные были уже здесь – привязанные к столбам. Старик стоял прямо, прижавшись затылком к бревну и глядя куда-то поверх голов собравшейся толпы, а девка обвисла на цепях: то ли была без сознания, то ли ослабела от допросов, наверняка сопровождавшихся пытками. Приговор уже зачитали, теперь осужденным что-то говорил священник. Вернее, пытался говорить – девка никак на окружающее не реагировала, а старик плюнул в монаха и отвернулся.

«Что ж это такое? На Руси инквизиции же никогда не было! Или просто такие казни были редкостью? Где-то ж я читал, что все костры России вместились бы в одно большое мадридское аутодафе. Между прочим, сэр, вы так же читали и о том, что Русь крестили огнем и мечом. Илларион с двумя сотнями княжеской дружины поехал мечом православие насаждать, а вторую составляющую приобщения славянских варваров к цивилизации вы наблюдаете собственными глазами. Или вы думали, что Русь крестили исключительно такие люди, как отец Михаил? Идеология нескольких миллионов человек так просто не меняется.

В одном он был прав – славяне порой друг друга мордуют покруче, чем иностранные завоеватели. И, что самое тошное, зачастую в угоду чужакам. Сейчас – Константинополю, через несколько веков – Риму, еще позже – Лондону, Парижу, Вашингтону. Свой своего бьет, но чужой почему-то, вопреки пословице, не боится, а радуется.

Вообще, был ли хоть один век, в котором мы не хлестались бы либо между собой, либо со славянами-соседями? И все время на этом какой-нибудь «цивилизованный дядька» руки греет. Взять хотя бы ту же Гражданскую войну. Почему, собственно, ее назвали гражданской? Численность Белой армии ни разу не превысила общую численность войск иностранных интервентов. Если бы не помощь этих самых «дядей», никакой бы многолетней резни наверняка не было бы. Не сейчас ли это все закладывается?»

Девка, до ног которой добрался разгорающийся огонь, страшно закричала.

– Деда, пойдем отсюда.

– Нет, ребятки, слушайте, как живой человек в огне кричит, вам воинами быть, еще не раз такое услышите. И не дай бог вам услышать, как свои так кричат... Хотя, если вороги, так тоже не легче... Ох, мать честная!

Старик, до которого тоже дошел огонь, не закричал, а запел:

И вот начните,
Во-первых – главу пред Триглавом склоните!
– так мы начинали,
великую славу Ему воспевали,
Сварога – Деда богов восхваляли,
Что ожидает нас.
Сварог – старший бог Рода божьего
и Роду всему – вечно бьющий родник,
что летом протек от кроны, зимою не замерзал,
живил той водою пьющих!
Живились и мы, срок пока не истек,
Пока не отправились сами к Нему
ко райским блаженным лугам.

Толпа притихла. Голос у старика оказался мощным, слова разносились над берегом реки, перекрывая истошные вопли девки.

И Громовержцу – богу Перуну, богу битв и борьбы говорили:
«Ты оживляющий явленное,
не прекращай колеса вращать!
Ты, кто вел нас стезею правой
К битве и тризне великой!»
О те, кто пали в бою,
Те, которые шли, вечно живите вы в войске Перуновом!

В толпе начали раздаваться женские причитания, а чей-то мужской голос вдруг подхватил языческую песнь:

И Свентовиту мы славу рекли,
Он ведь восстал богом Прави и Яви!
Песни поем мы Ему.

Монах замахал руками, указывая княжеским дружинникам на толпу, запрудившую берег реки. Пламя накрыло старика с головой, голос его умолк, но где-то среди людского скопища несколько мужских голосов продолжали:

Ведь Свентовит – это Свет.
Видели мы чрез Него Белый Свет.
Вы посмотрите – Явь существует!

Мишка вдруг с изумлением услышал, что и дед Корней едва слышно выводит речитативом:

Нас Он от Нави уберегает —
Мы восхваляем Его![\[7\]](#)

– Деда, дружинники идут, услышат!

– Плевать! Наши прадеды с этой песнью Царьград на щит брали, а теперь цареградские псы за нее на костер ставят! Эй, ты! Сюда смотри, задрыга, с тобой княжий сотник говорит! Чего распахался? Ты бы с половцами так воевал, а то нашел, на кого переть – на баб!

Ретивый дружинник, разглядев золотую гривну, в спор вступать на всякий случай не стал, а двинулся в сторону, все так же покрикивая и пихая народ древком копья.

– Пошли, ребятки, нечего здесь больше смотреть, пошли... Никифор! Пошли, сейчас народ на торг возвращаться начнет, самое время.

– Корней Агеич, а может, завтра? – Никифор залез в сани и уныло разобрал вожжи. – Настроения что-то нет никакого, да и угорское еще осталось.

– Нет, Никеша, ехать нам пора – загостились, да и снега вот-вот падут, успеть бы добраться. Пошли, пошли.

«Вот так! С этой песней на Царьград шли, а теперь за нее, по указке из Царьграда, на костер! Выходит, мы в первый раз «холодную» войну еще в XII веке проиграли? Или еще в X – при Владимире Святом? А в XX веке торжественно отметили тысячелетие этого проигрыша? Очуметь можно! А с чего, впрочем, чуметь? Празднуем же день независимости России от Советского Союза.

А я-то, придурок, православный орден, православный орден! Это что же Илларион во главе православного ордена может натворить? Он же всю Русь кострами заставит! Испанской инквизиции и не снилось. Нет, ребята, пулемета я вам не дам! Никаких орденов!

А что вы можете, сэр, в шкуре пацана сопливого? Блин! Какой же я косяк сотворил, как теперь эту цареградскую сволочь останавливать? Нет, ну надо же такого дурака свалить, управленец гребаный, о чем ты думал? Опять понесло? Самый умный, всех развел, как лохов, все под мою дудку пляшут, а я выхожу – весь в белом. Весь в дерьме вы выходите, сэр! Господи, да что ж теперь делать-то?»

– Михайла! Ты чего спишь, что ли?

– Деда, а если Илларион и вправду сможет православный орден собрать? Он же таких костров по всей Руси понаставит!

– Ага, дошло теперь, чего ты ему наболтал?

– Деда, он же на нашу сотню глаз положил, собирается с нее орден начинать!

– Как положил, так и отложит, мы – князьи люди! – решительно заявил дед. – А ты впредь думай, прежде чем за отцом Михаилом каждое слово повторять!

– А может, князю про Илларионовы замыслы донести?

– Незачем! Князь и так нашей сотни опасался, а станет еще сильнее. Илларион сам себе шею свернет.

– Как?

– Он здесь чужак. Ни земли, ни людей, ее населяющих, не знает и не понимает, а думает, что умней всех, что вокруг дикари, и с ними можно, что захочешь, делать. Земля его и сожрет – может, быстро, а может и медленно, но ему не жить! Сидел бы тихо, справлял бы монашескую службу, тогда бы жил, а если полез мир переделывать – не жилец! Вернется из нынешнего похода живой, считай – повезло, а если еще ума хватит понять, что голову в капкан сует – совсем счастливчик.

«Это же про вас, сэр: «Самый умный, взялся мир переделывать» – портрет точнейший! Вы уже в который раз мордой об стол прикладываетесь? Не считали? И, заметьте, означенный конфуз неизменно приключается с вами именно тогда, когда вы себя шибко умным воображаете!

Но как девка в огне кричала, до сих пор в ушах стоит. И старик этот... Петь на костре... Это ж какую силу духа надо иметь, какую веру!»

– Чего примолк, Михайла?

– Тошно, деда. Епископ, он же не грек какой-нибудь, даже не болгарин. И своих – на костер!

– Царство мое не от мира сего, нет в нем ни эллина, ни иудея, – гнусавым голосом, видимо, передразнивая кого-то, процитировал дед. – Верно я вспомнил?

– Верно. Ты что, хочешь сказать, что для него «свои» только православные христиане, а все остальные...

– Так и есть! Вернее, должно быть, а как там на самом деле? – дед махнул ладонью. – Чужая душа – потемки.

– Иллариону тоже наших не жалко...

– Хватит! – сердито оборвал дед. – Без нас все решится, а у нас своих дел полно: мне – сотню в порядок приводить, тебе – Младшую стражу.

– Делай, что должен, и будет то, что будет...

– Вот-вот. А прямо сейчас ты что должен?

– Что? – Мишка не сразу смог отвлечься от своих переживаний. – А! Краску купить надо, я присмотрел уже...

– Дурак! У тебя родни полон дом, каждому подарок привезти надо! Да Юльку свою не забудь!

– Для Юльки у меня уже есть. В том ларце, который в скоморошьем возу нашли, жемчужное ожерелье было.

– Опять дурак! Ты что, жениться собрался? Проще подарок нужен, такой, чтобы показать – ты про нее и в стольном граде не забывал. И все! Не князь – жемчугами одаривать, меру знать надо!

– Тогда... Знаю! Там еще платки цветные были, даже шелковые.

– Во! В самый раз!

– Может, и сестрам – по платку?

– Третий раз дурак! – дед зло пристукнул кулаком по колену, видимо, тоже не мог отойти от увиденного на берегу Струменя. – Анне с Марией скоро замуж идти, а Евлампия еще в куклы играет, и всем – одинаковые подарки?

– Тогда, может быть, Анне ожерелье отдать?

– Во, начинаешь мыслить! – поощрил дед.

– Машке – отрез ткани, мать ей что-нибудь сошьет.

– Тоже хорошо.

– А Ельке можно и платочек. И вкусного чего-нибудь. Я тут изюм видел!

– Так, а матери?

– Так она же с нами – здесь, – удивился Мишка. – Ей-то зачем?

– Четвертый раз дурак! Ты первый раз в бою добычу взял, впервые мужское дело совершил, а она тебя родила, вырастила, должен ты ей поклониться?

«Блин, и этот – про первое мужское дело, и опять не про секс. Да, ЗДЕСЬ пол – не просто графа в анкете. Прямо по Гумилеву: «Будь тем, кем ты должен быть»».

– Значит, что-то из добычи, или, наоборот, купить?

– Все! – сказал, как отрубил, дед.

– Что, все? – не понял Мишка.

– Всю добычу, кроме оружия и других воинских вещей. Подарки отложи, воинский снаряд – тоже, ну, и монеты себе оставить можешь. Все остальное ей – хозяйке! Кузька, Демка, вас это тоже касается! Слышите?

– Ага! – отозвался Кузьма. – А отцу?

– Отцу? – дед поскреб в бороде. – Никеша, есть тут кто, чтобы тонким кузнечным инструментом торговал? Грубый-то у Лаврухи есть, или сам сделать может. Железа хорошего мы ему взяли. А вот для тонкой работы... Пилочки там всякие, сверлышки...

– Есть, Корней Агеич, только больно дорого все.

– Если что, откупишь у ребят часть побрякушек из ларца. Помнится, там по три гривны на брата было.

– Да не стоит это три гривны!

– Э, нет, ты сам цену признал, когда с Михайлой торговался, от слова купецкого ты отказаться не можешь!

– Корней Агеич! – взмолился Никифор. – Я на той торговле и так погорел, не добивай! Я ж и не разглядел даже как следует, что там есть – кучей лежало!

– Ну, внуки, пожалеем дядьку Никифора?

– Пожалеем! – хором отозвались близнецы, Мишка промолчал. Купец с кормщиком откровенно пытались надуть деда; ладно, Никифор после двухдневных возлияний себя не контролировал, но Ходок-то знал, что делал! Всё понимал и взялся помогать не просто из уважения к боссу, а за долю в несправедной добыче!

«А может, и не Никифор эту аферу придумал, а Ходок?»

Купец, видимо, правильно истолковав молчание племянника, зыркнул на Мишку, но смолчал. Дед тоже сделал вид, что не заметил Мишкиной реакции.

– Кхе! Истинные воины! – прокомментировал Корней дружное согласие Кузьмы и Демьяна. – Взяли добычу, продали по-быстрому и забыли. Вот так купцы на нашей крови и наживаются!

– Корней Агеич, да что ж ты такое...

– Ладно, Никеша, шуткую я, – дед покосился на Мишку: понял ли, мол, намек? Мишка согласно прикрыл глаза: «понял».

– Значит, так, Никеша, сведешь ребят к нужному человеку, сам приценишься, потом дома из побрякушек возьмешь, сколько понадобится. Но учти – родню не обманывать!

– Да как можно, батюшка, Корней Агеич!

«Вот вам, сэр, еще один урок. Простейших вещей не знаете, а уже норовите в политику влезть. Результат налицо – кругом дурак! Классический случай неадекватности, вследствие дефицита информации. Вживаться вам, сэр, еще и вживаться, как агенту под прикрытием. И сидеть тихо, как мышке под веником, иначе – судьба Иллариона: земля сожрет. По сравнению с ним у меня только одно

преимущество: Илларион – один, а у меня семья, род. Вот он главный ресурс, а я-то, дурак... Впрочем, про дурака уже было».

– Деда, я еще Нинее хотел что-нибудь и внучатам.

– Никеша, ну-ка подскажи, что тут для старухи и малых деток присмотреть можно?

– Ну, для деток, Корней Агеич – совсем просто. Тут игрушками всякими торгуют, мы матрешками им торговлю подпортили, да и торг заканчивается, так что дешево купить можно.

– Деда, и Семену тоже игрушку привезти бы. – Вспомнил Мишка. – А то я Ельке матрешку подарил, а ему – ничего.

– Верно. Никифор, а старухе?

– А старухе... денег не жалко?

Дед сказал, неожиданно решительным тоном, словно гвоздь забил:

– Этой – не жалко!

– Платки тут продают теплые и легкие – из козьего пуха. Не поверишь, Корней Агеич, почти три локтя, что в длину, что в ширину, а в обручальное кольцо продеть можно! Но дерут за них!

– Оренбургские? – не подумав, ляпнул Мишка.

– Чего?

«Блин, кто тебя, дурака, за язык тянет? До основания Оренбурга еще шестьсот лет!»

– Да слышал я про них на торгу, только название, наверно, не разобрал.

– Чего там разбирать-то – козьи и все.

«Срочно меняем тему разговора».

– Деда, а ты помнишь, что Петр с нами едет?

– Куда?

– В Ратное, воинскому делу обучаться. Ты вчера согласие дал. Дядька Никифор хочет, чтобы охраной у него свой человек командовал, вот и попросил тебя Петьку в обучение взять. Ты согласился.

– Кхе!

– Батюшка, Корней Агеич... – снова было начал причитать Никифор.

– Помню я, Никеша, помню. Только на командира сразу учить не буду – мал еще.

– Так и не надо. Пусть сначала выучится тому, что твои внуки умеют, потом походит с моими караванами, присмотрится, потом – опять к тебе, на десятника учиться.

– Деда, ты вчера говорил, что собираешься воинскую школу открыть, чтобы второй раз Петруха со своим десятком приехал, и ты его выучишь на десятника купеческой охраны.

– Кхе!

– А Андрей сомневался, и ты еще сказал: «Куда все катится!» – добавил Мишка для убедительности.

– Да! Сказал, так и есть! Это... Никифор, я воинскую школу открываю, Петруху твоего беру в обучение... Э-э... Воинскую справу ему собери и... Э-э... школа, сам понимаешь, недешево обойдется...

– Да все, что скажешь, батюшка! Как лед сойдет, сразу ладью снаряжу.

– Деда, ты еще говорил, что дядьке Никифору одному дорого встанет, и что если другие купцы тоже

захотят...

– Да помню я, помню! Никеша... Это самое... Купцы же наше воинское учение видели. Так вот... Если, значит... У кого сыновья или там племянники... Ну, сам понимаешь.

– Да, конечно, Корней Агеич!

– Доспех, там... Корм, снаряд учебный...

– Общее жилье для Младшей стражи, – поспешно вставил Мишка. – Мы ведь их в Младшей страже обучать будем, деда?

– А то как же?

– А сколько за обучение брать будешь?

«Во, дает Никифор! Прямо на глазах какой-то бизнес-план рождает! Как бы это использовать?»

– Одно дело – за обучение простого охранника, другое – за командира охраны, – дед явно ориентировался медленнее Никифора. – Да что мы на улице-то! Вечером обговорим.

«Мать говорила, что Ратное для Никифора что-то вроде резервной базы – на крайний случай. Так, может...»

– Дядька Никифор, ты еще чего-то про постоянную лавку в Ратном толковал. Только тебя перебили, ты еще обиделся, что на самом интересном месте.

– Ха! Конечно! Всегда так: не дослушают до конца, а потом... А на каком месте?

– Ты объяснял, что в Ратном, хоть и живет больше полутысячи народа, для постоянной торговли это маловато. Но если и из окрестных селений приезжать начнут, то тогда дело выгодное. А дальше ты у деда спросил, про то, какой товар в лавку завозить надо, но тут Андрей заснул, и дед огорчился, что не с кем за чаркой посидеть. Ну, и другой разговор пошел.

– Ага! Так вот, Корней Агеич, надо же знать: какой товар ратникам нужен, что они за него предложить могут, – Никифор врубился в тему так, как будто его и в самом деле прервали на самом интересном месте. – То же самое и про окрестных жителей. И еще, наверняка, придется сначала по деревням вразнос поторговать, чтобы узнали, что в Ратном лавка появилась, тогда сами приезжать станут. А разносчиков надо бы охранять, чтобы не обидели. А охрана дорого стоит, но если охранять станут твои ученики, батюшка, то сплошная выгода – им наука, нам – бесплатная охрана! Как ты, Корней Агеич? Я к тому, что ты выигрыш свой вчерашний мог бы в выгодное дело вложить, я бы столько же добавил, а прибыль – пополам. Ну, как?

– Я же сказал: вечером переговорим, – дед помолчал, а потом обратился к внуку: – Михайла! А монастырь в Ратном мы вчера открывать не собирались?

– Нет, дядька Никифор про какую-то вдовушку рассказывать начал, я и ушел.

– Правильно сделал, а то бы... Ладно... Никифор, показывай: где тут чем торгуют! Воинская школа, лавка... Кхе! Вроде и выпили немного...

Примечания

1

Вообще-то в «Повести временных лет» сказано несколько иначе, но именно этот вариант широко

распространился, благодаря усилиям интеллигентов-западников.

2

Тут Ратников ошибается: во-первых, А. В. Суворов не был титулованным дворянином, титулы графа и князя получил за свои военные победы (граф Рымникский, князь Италийский). Во-вторых, в гвардию он был записан не с младенчества, а с 14 лет, а уже с 17 начал действительную службу, и не офицером, а всего лишь капралом (унтер-офицером), и капральскую лямку честно тянул 8 лет.

3

Макивара – специальный тренажёр для отработки ударов, применяется в контактных единоборствах.

4

Не путать со Святополком I «Окаянным» – убийцей первых русских святых Бориса и Глеба.

5

В этой книге используется соотношение: гривна = 20 ногатам = 25 кунам = 50 резанам. Самая мелкая единица – веверица – равнялась 1/3 резаны, то есть в гривне содержалось 150 вевериц.

6

Тот самый, что получит прозвище «Долгорукий» и будет считаться основателем Москвы.

7

Цитируется по книге «Мифы древних славян». Саратов, Надежда, 1993.